

ЭДУАРД ОГАНЕСЯН

**ВЕК
БОРЬБЫ**

феникс

Эдуард ОГАНЕСЯН

ВЕК БОРЬБЫ

Очерк 100-летней истории дашнакской партии
и национально-освободительной борьбы
армянского народа

Том первый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЕНИКС»

МЮНХЕН — МОСКВА

1991

Редактор
канд. философских наук
М. Арзуманов

ISBN 5-86238-003-5

© Издательство «Феникс»,
Институт армянских проблем,
Мюнхен, 1991.

О ГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ОТ АВТОРА	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ВРЕМЯ	29
РОЖДЕНИЕ	76
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	119
НЕЗАВИСИМОСТЬ	202

ЕЩЕ НЕ БЫЛО ДАШНАКСКОЙ ПАРТИИ,
А ДАШНАКИ УЖЕ БЫЛИ. НЕ БЫЛО ПРО-
ГРАММЫ И УСТАВА, А ПАРТИЯ УЖЕ БЫЛА
И ДЕЙСТВОВАЛА.

НЕ БЫЛО У ПАРТИИ НАЗВАНИЯ, НО БЫЛ
ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН ПАРТИИ, И ВСЕ ПРИЗНА-
ВАЛИ ПАРТИЮ.

ДАШНАКСКАЯ ПАРТИЯ РОДИЛАСЬ ИЗ
ДЕЛА, ОФОРМИЛАСЬ В ДЕЛЕ, БЫЛА И ОСТА-
ЛАСЬ ПАРТИЕЙ ДЕЛА. ЕЕ САМОБЫТНОСТЬ И
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ПРОЯВИЛИСЬ
ИМЕННО В ЭТОМ.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ РОССИИ, ЧЬЕ МОЩ-
НОЕ ВЛИЯНИЕ ИСПЫТАЛА ПАРТИЯ, ОСТА-
ЛИСЬ ФАНАТИЧНЫМИ ПРИВЕРЖЕНЦАМИ
СЛОВА, ТОГДА КАК ДАШНАКИ СТАЛИ ФАНА-
ТИКАМИ ДЕЛА.

Ваган Навасардян.

ПАМЯТИ ВОИНОВ
ДАШНАКСКОЙ ПАРТИИ,
ПАВШИХ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ
АРМЕНИИ,
ПОСВЯЩАЕТСЯ

ОТ АВТОРА

Эта книга написана прежде всего для русскоязычных армян, которым недоступны многие источники по истории Армении и поэтому почти ничего не знающих о событиях, связанных с деятельностью, с жертвенным служением народу дашнакской партии. Но новейшая история Армении, однако, не может быть рассматриваема вне связи с историей «Дашнакцутюн», которой уже исполнилось 100 лет. Возможно, что тема книги будет интересной также и другим читателям — русским и читающим на русском языке, поскольку сегодняшние события в Закавказье и все, связанное с ними, сделали актуальным многое, что происходило в прошлом. История сегодня как бы дает человеческой памяти жестокий и наглядный урок, что в ней нет ничего, что не оставляло бы следа на будущее.

Автор пытался представить историю дашнакской партии в том виде, в каком она уже написана, однако новейший ее период — примерно последние 50 лет — еще мало исследован. Поэтому пришлось обратиться к большому количеству источников, ознакомиться со множеством документов, в чем приняли участие также коллеги автора по Институту армянских проблем (Мюнхен).

Вначале книга планировалась как сборник документов, подобранных в хронологическом порядке. Именно этим автор и занимался на первом этапе работы. Но затем, с анализом накопленных материалов, рассказывающих о страданиях нашего народа и его борьбе за свою свободу и достоинство, о его героях, не знавших в борьбе ни страха, ни устали, о его руководителях, искавших правды и истины на труднейших дорогах века — дорогах со множеством развилок, стало само собой разумеющимся, что авторского текста не избежать. Автор заново передумал и прочувствовал всю столетнюю историю партии, к которой он имеет честь принадлежать, — и поэтому читатель в некоторых местах чувствует его личное отношение при оценке тех или иных фактов. Так, из «составителя сборника документов» он превратился в «автора». Читатель убедится сам: эти документы не оставляют места для спокойно-холодного к ним отношения, они дают много материала для объективного анализа, сравнений, раздумий.

После того, как было решено, что книга примет именно данную форму, начались поиски ее названия. В нем важно было определить и идею книги, и границы охватываемого ею времени. Точные и емкие слова предложил автору Зорий Балаян. «Век борьбы» — это название показалось нам очень соответствующим, и мы выражаем Зорию Балаяну за него искреннюю признательность.

Сегодняшняя политическая ситуация в мире, и, в частности, в Закавказье, оставляет желать лучшего, и поэтому при работе автору все время хотелось хоть как-то смягчить в анализе остроконфликтные ситуации прошлого, те, что существовали в отношениях армян и курдов, армян и грузин. Но по размышлению выходило, что смягчить ничего не удается, ибо нельзя подчинять свершившуюся историю сегодняшней политике. Зато из них обеих можно и нужно делать выводы.

В главе «Время» мы ставим задачей заострить внимание читателя на тех политических играх великих держав, которые решали и продолжают решать судьбы малых народов. Анализ этих взаимоотношений представляется нам весьма полезным, поскольку и в наши дни политика продолжает подчас оставаться вне морали и ведется чаще всего на уровне великих держав. Эта глава передает в основном точку зрения (с которой автор во многом согласен), изложенную в книге «Армения, международная дипломатия и СССР» армянского историка Баграта Борьяна, который был репрессирован и расстрелян в годы сталинских чисток. Борьян был марксистом, и его анализ пестрит марксистскими штампами, употреблявшимися в прежние советские времена часто совсем некстати: «интересы буржуазии», «эксплуататорские классы», «английский и американский империализм» и т. д. Однако, если при чтении мысленно подставлять соответствующие исторической ситуации выражения (например, вместо «интересы английской буржуазии» — «интересы Англии», вместо «буржуазные дипломаты» — просто «дипломаты»), то логическая канва его анализа остается довольно объективной, а главное — он дает большой историко-справочный материал, что мы нашли весьма ценным для интересующегося темой читателя. Поэтому мы предлагаем нашему изощренному в чтении общественно-исторической литературе читателю не воспринимать шелухи марксистско-ленинской фразеологии, которую легко отделить от сути самих фактов, а следовать с Б. Борьяном по хронологии событий. Обращаясь к текстам Борьяна в других местах мы не делаем на него ссылок, ибо сам Борьян пользуется другими источниками, на которые мы и ссылаемся.

В нацей книге читатель узнает имена славных армянских фиданнов и революционеров. Так их называли сотни тысяч их современников,— это их псевдонимы и клички, ставшие именами, закрепившимися в истории. Подлинные их фамилии читатель найдет в приложении.

Приношу свою глубокую благодарность Марату Эльчибекяну, который осуществил издание этой книги.

Книга опубликована на средства Фонда Самвела Саруханяна.

Э. Оганесян

ПРЕДИСЛОВИЕ

8 августа 1990 года, спустя 100 лет после своего рождения и 70 лет после добровольной, во избежание народного кровопролития, сдачи власти в Армении большевикам, Армянская революционная партия «Дашнакцутюн» выступила со следующим заявлением:

«Учитывая современное состояние Армянской Республики, в частности, опасность, нависшую над Арцахом, и требования, вытекающие из современного этапа продолжающегося национально-освободительного движения, Армянский Революционный Союз («Дашнакцутюн») легализует свое организационное присутствие на всей территории Армении и заявляет армянскому народу, что

- а) А. Р. Союз вскоре будет иметь свое центральное правление, официальный орган и пресс-центр в Армении;
- б) В течение ближайших месяцев Армянский Революционный Союз представит народу Армении официальную платформу своей деятельности в области политики, экономики и общественного устройства;
- в) Обладая столетним опытом национально-освободительной вооруженной борьбы и руководствуясь необходимостью единства в современной национальной борьбе, «Дашнакцутюн» посвящает все свои силы и умение восстановлению национальных и человеческих прав армянского народа, подъему политического, экономического, научно-технического и культурного потенциала Армении.

С момента осуществления суверенитета до создания Единой, Свободной и Независимой Армении нас ожидает долгая и трудная борьба. Необходимо выстоять, бороться и поэтапными достижениями осуществить нашу национальную мечту.

На ответственном и священном пути борьбы Армянская Революционная партия «Дашнакцутюн» сознательно берет на себя эту историческую миссию.

Бюро дашнакской партии.»

Что это за партия, которая не только просуществовала 100 лет, но и вернулась на родину не в виде музейных ценностей, а как действующая революционная организация?

Что знают о ней армяне?

Что пишут о ней советские историки?

В феврале 1974 года А. И. Солженицын в статье «Жить не по лжи» писал: «Когда насилие врывается в мирную людскую жизнь — его лицо пылает от самоуверенности, оно так и на флаге несет и кричит: «Я — Насилие! Разойдись, расступись — раздавлю!» Но насилие быстро стареет, немного лет — оно уже не уверено в себе и, чтобы держаться, чтобы выглядеть прилично, — неизменно вызывает себе в союзники ложь». Эти замечательные слова Солженицына относятся ко всем историкам, находящимся под властью правителей. Как говорил лорд Дизраэли, «народы управляются либо силой, либо историческими традициями. Но чтобы управлять силой, нужно уничтожить традиции».

Этим и занялась армянская советская историография, вычеркивая из новейшей истории армянского народа дашнакскую партию, без которой этой истории просто нет. Особено не повезло русскоязычному читателю, ибо на русском языке о дашнакской партии ничего не писалось не только на родине, но и за рубежом. На армянском же языке о дашнакской партии написано большое количество исследований. За рубежом издано много литературы, которая так или иначе проникла в Армению, но русскоязычный армянин — а их два миллиона — ничего не знает о лучших, героических страницах истории своего народа.

Уже 100 лет дашнакская партия находится на баррикадах, защищая интересы и права армянского народа всюду, где они нарушаются. О славных сынах этой революционной партии в Армении до последнего времени ничего не было написано, но и после того, как о них заговорили в период гласности, реабилитация их в национальном сознании является еще далеко не полной, обидно робкой. Посмотрим же, что писалось о дашнаках на протяжении десятилетий Советской власти.

В первом издании Большой Советской Энциклопедии (1930 г.) о дашнакской партии дается следующая статья:

ДАШНАКЦУТЮН, армянская националистическая партия, сложившаяся в Закавказье в начале 90-х гг. 19 в. Официальное название: «Армянская революционная партия Дашнакцутюн (АРПД)». Д., претендовавший на представительство армянской нации в целом, объективно отражал экономические стремления Армянской торговой буржуазии, боровшейся за завоевание для себя самостоятельных позиций. То, что Д. выступал в качестве борца за национальное освобождение Армении, дало ему возможность стать идеологом значительных слоев армянской мелкой буржуазии. До 1903 партия действовала почти исключительно в Турции. Основная задача: освобождение армянской нации из-под турецкого владычества и создание из вост. округов Турции, где армяне составляли около половины населения, армянской — вначале лишь автономной — гос. единицы. Предполагалось, что впоследствии к турецкой Армении будет присоединена закавказская Армения, и т. о. восстановится единое Армянское государство.

Первая программа Д., принятая в 1894, представляла собой смесь вульгарного марксизма, либерализма, народничества и мелкобуржуазного национализма. В центре программы стояла идея «освобождения» турецкой Армении; для осуществления ее Д. пытается опереться на все те силы, к-рые по его мнению могли содействовать решению **армянского вопроса** (см.). В своей борьбе дашнаки пытались опереться на: 1) европейскую дипломатию и прежде всего дипломатию Англии и России, 2) европейское революционное и социалистическое движение, 3) российское революционное движение, 4) турецкое оппозиционное и революционное движение. Отсюда противоречивая политика Д.: тайные переговоры, связь и соглашения с агентами правительств Англии, России, Франции, Турции и т. д., с одной стороны, и связь с социалистическими и революционными партиями Европы и России, участие в революционном движении России, Турции, Персии, даже вхождение в 1907 во II Интернационал,— с другой.

Д. исходил из того расчета, что «общественное мнение» капиталистической Европы добьется решения армянского вопроса тем скорее, чем решительнее сами армяне своими выступлениями будут «ставить» его. Д. вместе с другой националистической партией Гичак (см.) начинает в 1894—96 решительную партизанскую борьбу против турецкого правительства. В 1896 Д. демонстративно захватил в Стамбуле Оттоманский банк. Турецкая полиция арестовала террористов, но в дело вмешался дипломатический корпус во главе с русским посольством, и дашнаков выслали за границу. Партизанская борьба дашнаков действительно привлекла к себе «общественное мнение» Европы. Не раз дипломаты производили соответствующий нажим на турецкое правительство, но последнее повторяло свои обещания реформ в области армянского вопроса, одновременно истребляя десятками тысяч мирное крестьянское население турецкой Армении. Для сultанской власти авантюристская политика дашнаков была удобным предлогом для истребительной борьбы с армянским народом, но сама борьба, разумеется, вытекала из сущности турецкого деспотизма: преследования армян имели бы место и без дашнакского партизанского движения. Конечно, европейская дипломатия готова была использовать армянский вопрос в качестве средства для вымогательства и нажима на турецкое правительство, но она отнюдь не интересовалась серьезным разрешением армянского вопроса и созданием армянского государства. Особенно далека была от этой мысли Россия. Армянское движение нужно было царизму для того, чтобы ослабить Турцию, отнять у нее Стамбул, проливы и самую Армению. В этих пределах политика Д. была приемлема для царизма, но планы о «великой независимой» Армении он решительно отклонял. Он рассматривал их как проявление «армянского сепаратизма» и решительно против него боролся. Еще в середине 80-х гг. в Закавк. Армении начался поход правительства против армянской школы и просветительно-благотворительных организаций. В 90-х гг. закрываются сотни армянских школ и всяческих культурных учреждений, и ставится вопрос об отобрании у армянской церкви недвижимого и движимого имущества. В июне 1903 правительство даже опубликовало соответствующий закон. Это грозило подорвать едва ли не ос-

новную материальную базу армянского «освободительного» движения. Тогда Д. становится в оппозицию к мероприятиям царского правительства и на некоторое время переносит центр своей деятельности из Турции в Закавказье. В России в это время началось могучее освободительное движение, которое открывало широкие перспективы и для армянской национальной политики. В итоге Дашнакцутюн делает поворот «налево» и пытается стать под знамя демократической революции. АРПД, говорится в проекте программы 1904, «станет на защиту интересов трудящегося большинства, он будет воспитывать его в духе социалистических идеалов, подготавливая к великой политической и социальной борьбе. В деревне..., ведя работу против землевладельцев и ростовщиков, он собирает под свое знамя безземельное и малоземельное крестьянство..., проводит в сознание масс идеи общинного хозяйства, прививает им начала производительных и потребительных обществ как этапов к будущему социалистическому строю». Своей опорой Д. считал «малоземельное крестьянство и крестьянство, живущее на началах общинного землевладения, мелких ремесленников, пролетариат фабричный, земельный и прочих видов хозяйства». Т. о. проект программы Д. в основных своих частях является сколком с эсеровской программы.

В 1902 из Д. вышла группа, которая создала «союз армянских социал-демократов», впоследствии вошедший в РСДРП. Накануне революции 1905 г. от Д. откололась довольно значительная группа, принявшая название «старого Д.». Эта группа отрицательно относилась к «социалистической» программе Д. и считала, что партия должна ограничиться лишь задачей «освобождения» турецкой Армении.

В революции 1905—07 Д. вел борьбу и против царизма и против неармянских национальностей, прежде всего против мусульман. Последнее же как раз было на руку царизму, который был кровно заинтересован в том, чтобы отвлечь внимание масс от общеклассовых задач ликвидации остатков крепостничества и самодержавия, от задач революции — к межнациональной борьбе. В борьбе против царизма дашнаки выступали не в качестве партии, которая возглавляла массы, а в качестве террористически-заговорщической группы. Дашнаки копировали русских эсеров и в довольно широких размерах практи-

ковали индивидуальный террор против мелких агентов царского правительства. Для этой цели дашнаки располагали особыми отрядами боевиков («зинворов»). В 1907 в докладе Штутгартскому социалистическому конгрессу дашнаки представили целый список совершенных ими террористических актов. Однако терроризм не мешал дашнакам в целом ряде случаев входить в тайные соглашения и сотрудничать с агентами правительства в борьбе против тюрок, точно так же, как, с другой стороны, и тюркские помещики в районах тюркского большинства опирались на поддержку агентов царского правительства в своей борьбе против армян.

Часть армян-рабочих в Баку и в Тифлисе, находившаяся еще во власти мелкобуржуазного национализма, шла за Д., который противопоставлял армянский пролетариат пролетариату других наций и вместе с тем связывал его интересы с интересами армянской буржуазии. И по линии политической и по линии проф. борьбы Д. вел политику национальной исключительности. Д. создавал национальные профсоюзы и кооперативы и всячески разрушал единый рабочий фронт. Когда рабочие вели экономическую борьбу против русской и тюркской буржуазии, Д. охотно участвовал в ней, но когда пролетариат вел борьбу против армян-капиталистов, Д. выступал в роли прямого штрейкбрехера. И то, что II Интернационал принял такую партию в свои ряды, свидетельствовало, разумеется, не о «социалистичности» дашнаков, а о том, что в самом Интернационале было неблагополучно с социализмом.

Дашнаки вступили в Интернационал под влиянием революционного движения 1905—1907 гг. В 1907 г. съезд Дашнакцутюн принял даже официально «социалистическую» программу, в которой народнический характер выступал еще более резко, чем раньше. «Аграрная эволюция,— говорится в программе,— носит несколько иной характер, чем развитие индустрии: тут не замечается концентрации земель. Однако отрицательная роль капитализма сказывается и в деревне на судьбе ее трудовых элементов». Борьбу за социализм, по словам программы, ведет ныне «новый тройственный священный союз — трудовое крестьянство, промышленный пролетариат и революционная интеллигенция». Свои требования Д. сформулировал в своей программе отдельно для ту-

рецкой Армении и отдельно для Закавказья. Для турецкой Армении программа выставляла требование: «Политическая и экономическая свобода, основанная на началах местной автономии и федеративных отношений ко всей Турции». Для Закавказья основное требование гласило: «Закавказье в качестве демократической республики является составной частью России — республики федеративной».

В области экономической программа включала следующие требования: земля социализируется, изымается из товарного оборота и распределяется согласно уравнительно-трудовому принципу. Организуются производительные и потребительские кооперативы и т. д. Первую Государственную думу дашнаки бойкотировали. Во второй Думе они входили в фракцию эсеров.

Несмотря на «левую» программу, когда наступило господство помещичьей реакции, Д. повернул на старый, дореволюционный путь решения армянского вопроса в Турции — при помощи европейско-российской дипломатии. В 1912 г. он обратился к царскому правительству с призывом взять под свою высокую руку армянский народ, живущий в турецкой Армении, так как младотурки, которые пришли к власти при некотором содействии дашнаков, в армянском вопросе продолжали старую погромно-черносотенную политику султанов. Представители Дашнакцутюн вступили в прямые переговоры с царским послом в Стамбуле Гирсом и повели широкую кампанию в Европе. Само собой разумеется, что все это целиком шло по линии интересов политики царизма. Однако империалистская война помешала осуществлению этих планов. Опасаясь, что, в случае победы германо-турецкого блока, они никакой автономии не получат, дашнаки безоговорочно стали на сторону Антанты. Когда же Турция вступила в войну, то руководимое дашнаками армянское национальное бюро обратилось к Николаю II с лакайской декларацией, в которой между прочим было сказано: «Наши сердца переполнены горячими желаниями, чтобы это выпавшее на долю нашей дорогой родины испытание завершилось новой славой русского оружия и разрешением исторических задач России на востоке. Пусть свободно взвивается русское знамя на Босфоре и Дарданеллах. Пусть вашей волею, великий государь, по-

лучат свободу народы, оставшиеся под игом Турции». Дашнакские добровольческие дружины шли в авангарде русских войск на турецком фронте.

Февральская революция укрепила надежды дашнаков на возможность с русской помощью добиться преследуемых ими целей. Поскольку они строили все свои расчеты на государственном вмешательстве России, постолько они выступали ярыми сторонниками русской великодержавной государственности и противниками «канархин», борясь не только против большевизма, но и против освободительного движения угнетенных наций.

После Октябрьской революции их позиция радикально изменилась. Они были за единую буржуазную Россию, но против России социалистической. Поэтому из апологетов государственного единства они превратились в ярых сепаратистов. Блок трех партий — грузинских меньшевиков, армянских дашнаков и тюркских мусаватистов — создал Закавказский сейм, который решительно противопоставил себя большевистской России. Но Закавказье еще не было провозглашено самостоятельным государством. Лишь после того, как стало ясным, что Советская власть — не кратковременный эпизод, меньшевистско-дашнакско-мусаватистский блок декларировал отделение Закавказья от России. Лишившись российской «демократической» опоры, вершители судеб Закавказья стали искать новых покровителей. Грузинские меньшевики призвали на помощь немецкие войска. Мусаватисты искали спасения в Турции. Дашиаки остались верными Антанте, от победы которой они по-прежнему рассчитывали добиться разрешения «армянского вопроса». В июле 1918 г. дашнаки поставили в бакинском совете вопрос о ликвидации Советской власти и о приглашении из Персии отряда английского генерала Динстервиля. Блок дашнаков, эсеров и меньшевиков собрал в совете большинство. Советская власть в Закавказье была ликвидирована, вожди бакинского пролетариата — Шаумян, Джапаридзе и др.— предательски убиты в закаспийских степях (см. **Бакинские комиссары**). После крушения германо-турецкого блока англичане оккупировали все Закавказье, и «независимые» правительства меньшевиков, дашнаков и мусаватистов одинаково подчинились диктатуре английского имперализма.

Дашнаки продолжали отстаивать лозунг «великой Армении» и думали вручить мандат на это «независимое» государство Америке. Президент Вильсон дал на это свое согласие, но американский сенат к великому огорчению дашнаков отклонил мандат. Одновременно с этим Д. не покидали надежды на восстановление «Единой России»; с Деникиным они даже заключили в 1919 г. тайный военный союз. Кемалистское движение создавало большую угрозу дашнакским планам. Кемалисты по существу продолжали в армянском вопросе политику султанов и младотурок,— с своей стороны и дашнакское правительство вело фактически политику поддержки Антанты против кемалистов. Осенью 1920 дашнаки спровоцировали армяно-турецкую войну, которая окончилась полным разгромом дашнаков. С этого момента эпоху дашнакизма можно считать оконченной. Народные массы Армении, долгое время шедшие за дашнаками и еще в 1919 давшие дашнакам 90% голосов в парламент, уже к 1920 начинают высвобождаться из-под политического влияния дашнакизма. В мае 1920 г. рабочие и солдаты Александрополя (нын. Ленинакана) поднимают против дашнакского правительства восстание, которое дашнакам удалось подавить с большим трудом. 1 декабря 1920 г. в Армении установилась Советская власть. В феврале 1921 дашнаки сделали последнюю попытку вернуть себе власть путем восстания. Эта попытка окончилась крахом. С этого времени дашнаки переносят центр своей деятельности за границу. Ставши агентами империализма, они пытались с его помощью ликвидировать большевизм и восстановить «независимую» Армению. За последнее время дашнаки, в противовес большевизму и пантюркизму, выдвигают авантюристскую идею паниранского союза под гегемонией Персии, в который должны вступить курды и даже грузины.

Внутри Д. постоянно происходили отколы и расколы. Еще после 1905 г. в партии возникло сильное левое крыло, которое представляло собой оппозицию мелкобуржуазного «социализма» против политики оголтелого национализма. «Левая» оппозиция существовала в партии и во время империалистской войны.— Эти группы после Февральской революции сплотились в организацию «левых дашнаков». В 1922—23 гг. в дашнакской эмиграции возникло ликвидаторское течение во главе с Качазунни

и др., которое являлось выражением своего рода сменовеховской ставки — в армянском разрезе — на перерождение большевизма. Социалистическое строительство в Армении, выкорчевывая корни капитализма в стране, наносит смертельный удар дашнакизму.

Если отбросить мысленно марксистскую фразеологию, которой полна вся статья, и если сравнить написанное здесь с тем, что сказано о дашнакской партии в последующих изданиях энциклопедии, то статью эту можно расценить как несущую некоторую объективную информацию. Во всяком случае вдумчивому читателю, умеющему при чтении советской исторической литературы отделять зерна от плевел, она может о дашнакской партии сказать многое, но **самое интересное** в ней то, что установление Советской власти в Армении датируется **ею 1 декабря 1920 года, а не 29 ноября**, как об этом сказано в последующих изданиях этой энциклопедии. После прочтения книги читатель поймет, какую важность представляет собой эта разница в датах. Итак, это была «история», написанная в 1930 году.

Но вот наступила эпоха хрущевской либерализации, и в литературных произведениях стали появляться имена людей, которые раньше считались заклятыми врагами Советской власти, националистами (Ахпур Сероб, Андраник, Апро, Мурад и другие). Теперь это были уже «герои национально-освободительной борьбы». Правда, их принадлежность к дашнакской партии тщательно скрывалась.

Но истинное раскрывало себя само. Так, в деревне Уджан в начале 60-х годов был воздвигнут памятник национальному герою Андранику, воздвигнут на собственные средства благодарных односельчан. Правительство смолчало. Дальше — больше. В Сардарабаде в 1965 году был установлен огромный монумент в память о героической Сардарабадской битве, после которой была провозглашена независимая Армянская Республика. На открытии памятника даже присутствовали члены правительства. Правда, при этом не было упомянуто, что битву-то армяне выиграли под руководством дашнакской партии и что через день после этой битвы именно дашнаки подняли трехцветный национальный флаг

и провозгласили независимость Армении. Но памятник был установлен, и люди знали, в честь чего это сделано.

В народе стали поговаривать, что в верхах идут разговоры о частичной реабилитации дашнакской партии и исторической переоценке периода национально-освободительной борьбы. Скоро выяснилось, что это не просто слухи, а что в этом направлении идет серьезная дискуссия в верхах. Слухи были настолько обнадеживающими, что дашнакская партия, которая, будучи за рубежом, активно критиковала советский режим, смолкла: за весь период 1975—1976 гг. от Ирана до США в дашнакской прессе не появилось ни одной статьи антисоветского содержания. Все напряженно ждали конца дискуссии. И вот в эту напряженную тишину был брошен первый пробный камень. В 8-м номере журнала «Советакан граканутюн» («Советская литература») за 1976 год появилась статья главного редактора журнала Степана Куртикяна «Летопись национально-освободительной борьбы». Если бы эта статья была опубликована не в органе Союза писателей Армянской ССР и ее автором не был бы главный редактор этого органа, она могла бы по своей смелости и правдивости высказываемых мыслей быть причисленной к самиздатской. Конечно, такое выступление в печати не могло остаться незамеченным в зарубежных армянских кругах, где спорили-гадали: то ли Карэн Демирчян после прихода к власти возгорелся национальными идеями и стал сторонником восстановления исторической правды, то ли главный редактор тов. Куртикян занимается опасной и смелой отсебятиней, за что неминуемо должен расплатиться. Вторая версия оказалась ближе к истине. На третьем пленуме ЦК КП Армении грянул гром. Но прежде чем рассказать о тех громе и граде, которые обрушились на тов. Куртикяна и «Советакан граканутюн», остановимся на самой статье, вызвавшей гнев ЦК КП Армении.

Статья посвящена критике книги академика Цатура Агаяна «Из истории освободительной борьбы армянского народа». Уже с первых строк читаем нечто совершенно новое:

«Прежде всего необходимо отметить, что некоторые наши историки, а точнее — некоторые наши политические деятели вместо научного подхода к событиям, вызвавшим национально-освободитель-

ное движение, вместо учета конкретных исторических событий, вместо исторического анализа догматически подходят к этой проблеме. Они, неправильно противопоставляя классовой борьбе национальную, считали национальную борьбу вредной и не отвечающей интересам трудящихся. Они считали, что только в результате классовой борьбы можно добиться национальной независимости».

И, чтобы доказать, что все эти историки и политические деятели были неправы, абсолютизируя классовую борьбу и отдавая ей предпочтение перед борьбой национальной, Куртикян делает следующую ссылку на Маркса:

«Пока жизнеспособная нация теснимы иноземными захватчиками, она по мере необходимости все свои силы, все устремления и энергию направляет против внешнего врага. И до тех пор, пока она находится под чужеземным игом, она не способна бороться за социальное освобождение».

Здесь Куртикян, ссылаясь на Маркса, по существу отставляет концепцию армянских националистов, которые считали, что вначале пролетариат заключает союз с буржуазией и добивается национальной независимости, а затем внутри независимой Армении решает свои классовые проблемы. Но Куртикян смело идет дальше. В союзе буржуазии и пролетариата, который необходим для национальной независимости, он совершенно справедливо отдает предпочтение буржуазии. Вот что он пишет:

«Понятно, что в этот период все освободительные движения по своей сути были буржуазными и прогрессивными, поскольку общая характеристика эпохи заключалась именно в прогрессивности буржуазии».

Считая, что, находясь под турецким игом, армянский народ не хотел классовой борьбы, да и не был к ней готов, что в этих условиях для армян был абсолютно неприемлем лозунг пролетарского интернационализма, Куртикян утверждает, что народ сделал именно то, что должен был сделать: он встал на путь национально-освободительной борьбы. Автора возмущает тот факт, что теперь, задним числом, эта борьба осуждается. Куртикян отмечает, что другие народы — например, болгары или рус-

ские,— не осуждают соответствующие периоды своей истории, но почему-то армян заставляют это делать. Он пишет:

«И в болгарском национально-освободительном движении тоже были ошибки и различные течения. Основателю революционного комитета великому партизану Василу Левскому противостоял другой известный революционер Каравелов или Георгий Бенковский, но ни один историк не умалил значения и роли, которую сыграли эти революционеры в национально-освободительной борьбе».

Обращаясь к русской действительности, автор пишет:

«По нашему мнению, необходимо деятельность национальных партий исследовать с ленинских научно-исторических позиций, как это было сделано в русской действительности по отношению к народникам. Тот факт, что народники стояли далеко от научного социализма и что они имели тактические ошибки, вовсе не помешал Ленину отметить их прогрессивную роль в период до появления русских марксистов».

Сквозь весь текст статьи проходит идея автора, что если и не всегда дашнаки были правы, то это не потому, что они «злые враги народа», «изменники», и «пособники империалистов», а потому, что просто ошибались, потому что не всегда хватало политической мудрости и зрелости, потому что, окруженные материами дипломатами, они не всегда оказывались достаточно проницательными. В подтверждение своей правоты автор приводит слова Степана Шаумяна, обращенные к дашнакам:

«Вы имеете добрые намерения, но ваши дела и вами избранный путь невыгодны армянскому народу».

Автору очень хочется доказать наличие этих добрых намерений дашнаков, и он еще раз обращается к признанному авторитету по национальному вопросу — Шаумяну:

«Конечно, дашнаки не виноваты в том, что историческая судьба армянского народа находится в таком безвыходном состоянии. Никакая партия не может ад превратить в рай. Но для того и создаются партии, чтобы по мере возможности улучшить положение народа и с умом руководить им».

Однако, начав с робкой попытки показа добрых намерений дашнаков, автор идет дальше и выдвигает идею, что осуждение задним числом — вообще признак слабости и вместо такого огульного осуждения лучше бы разобраться в сущности исторических процессов. Автор осуждает академика Агаяна за то, что тот оказался в плену старых, догматических, необоснованных, лишенных научности и абстрактных воззрений на деятельность армянских национальных партий. И тут Куртикан подходит к главной теме своей статьи, к главному своему предложению. Он пишет:

«По нашему мнению, ненаучным является подход, согласно которому деятельность дашнакской партии со дня ее основания, то есть с 1890 года по сей день, следует расценивать одинаково, мерить одной меркой всех руководителей и революционных деятелей этой партии».

Действительно, именно об этом «шушукались в верхах». Вопрос стоял так: если удалось бы реабилитировать деятельность дашнакской партии хотя бы до Февральского восстания, то можно было бы великолепно заполнить 40-летний пробел в истории народа, тем более, что, как мы уже отметили, эти 40 лет — одна из блестящих страниц истории армянского народа. Ну, а дальше, после установления Советской власти в Армении, можно было бы ругать дашнаков за их антисоветскую деятельность. Но тут Куртикан бросил свой пробный камень в напряженную тишину закулисной дискуссии, отчего общее напряжение еще больше возросло. Диаспора и Армения замерли в ожидании ответа официальных властей. Трудно сказать, по приказу ли Москвы или по инициативе местных властей, но — гром грянул. Он грянул на третьем пленуме ЦК КП Армении. Вот выдержка из речи первого секретаря ЦК КП Армении:

«Докладчик в своей речи уже отметил те грубые ошибки, которые допущены журналом «Советакан граканутюн». Могло ли это случиться в атмосфере творческого коллектива, в атмосфере строгой дисциплины, партийности, принципиальности и высокого сознания коллектива? Конечно, нет. Эта статья даже не обсуждалась на редакционной коллегии журнала».

Но какая статья? Ее почему-то первый секретарь ЦК КП Армении не называл. Обращаясь к речи докладчика Даллакяна, тоже секретаря ЦК, обнаруживаем, что в ней также ничего не сказано о статье в «Советакан граканутюн», на которую ссылался Демирчян. Судя по всему, эту часть речи Даллакяна газета не опубликовала. Но и того, что там опубликовано, вполне достаточно, чтобы понять: речь идет о статье Куртикяна. Вот что мы находим в речи Даллакяна:

«Два года назад вышел роман Дарояна «Этот старый мир». Автор рисует сложную борьбу трудового народа, но кое-где допускается нечеткая позиция в оценке причин дашнакской февральской авантюры. В некоторых трудах стираются партийно-классовые ориентиры в оценке исторических явлений и деятелей прошлого. Наш народ с чувством признательности относится к памяти тех, кто с оружием в руках боролся и пал за его освобождение от чужеземных захватчиков. Но нельзя абсолютизировать и приукрашивать роль таких деятелей, представлять их в ложном свете в то время, когда они не могли и не смогли в действительности выйти за рамки своей социально-классовой исторической ограниченности. Совершенно справедливо и уместно были отвергнуты необоснованные попытки отдельных товарищей пересмотреть наши существующие верные принципиальные оценки деятельности дашнакской партии».

Таков был ответ ЦК КП Армении на запрос армянских историков и народа: была или не была у народа национально-освободительная борьба? Была или не была у него независимая Республика, и вообще — была или не была у этого народа история в период от 1890 по 1920 год? ЦК КП Армении считает, что такой истории не было. И он по-своему прав: ибо без дашнаков такой истории, действительно, не было. С дашнаками же получается не классовая, а национальная борьба, а для марксистов, как известно из «Манифеста Коммунистической партии», «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов».

Но это было в 1976 году. А что — сегодня? Может быть, когда эта книга выйдет в свет, ситуация в Армении

будет иной, но в марте 1990-го все остается почти неизменившимся.

В марте 1990 года председатель КГБ Армении (ныне уже снятый) В. Бадамянц, отвечая на вопросы о связях с армянским зарубежьем, в частности заявил:

«С момента установления Советской власти в Армении республика поддерживает традиционно дружеские отношения с партиями «Гнчак» и «Рамкавар». Что же касается «Дашнакцутюн», то ее политическая платформа и антисоветские действия во время Великой Отечественной войны не позволяли ранее иметь с нею какие-либо отношения. Но и здесь оздоровительные процессы у нас и естественная тяга дашнаков к своей исторической родине изменили многое.

Судите сами. 24-й съезд «Дашнакцутюн», прошедший в августе 1988 года, впервые принял решения и объявил в своей политической платформе о безоговорочной поддержке перестройки в СССР, отказе от проведения какой-либо негативной деятельности против Советского Союза и Армянской ССР как его неотъемлемой части. Дашнаки открыто заявили о своем категорическом несогласии с любыми действиями, направленными на выход Армении из состава СССР, понимая катастрофическую пагубность подобного шага. Бюро «Дашнакцутюн» выступило против деятельности различных общественных организаций и групп в республике, наносящих ущерб дружбе армян с русским народом и их историческим связям. Разумную, сбалансированную позицию заняли дашнаки и по проблеме разгоревшегося межнационального конфликта в Закавказье. Это реальность, с которой надо считаться. Стал возможным диалог, мы с благодарностью приняли большую помощь дашнаков для восстановления районов, пострадавших от землетрясения.

Мы говорим сегодня о приоритете общечеловеческих ценностей. Лично я убежден, что отгораживаться «железным занавесом» от наших соотечественников за рубежом не только аморально, но и просто глупо. У нас нет фанатичной озлобленности в отношении какой-либо политической или общественной организации армянской diáspory. Все зависит от правильного понимания реалий современного дня, желания искренне и честно вести с нами диалог».

Иначе говоря, речь идет не о том, что Советская власть ошибалась в своих оценках-обвинениях дашнакской партии, но о том, что ошибалась именно партия дашнаков, она была «плохой», но теперь, поскольку она приветствовала перестройку, как дух нового времени, она «исправилась», и с ней можно налаживать отношения.

Или другой пример подобной же обработки фактов: издан красочный календарь на 1990 год под названием «Армянские фидаины», и в нем нигде не указано, что все эти люди принадлежали к дашнакской партии. Получается, что восстанавливается в правах не партия, а лишь ее героические дела. И на том, конечно, спасибо, но подход этот нельзя назвать историческим, и с ним вряд ли можно ликвидировать белые пятна истории.

В 1988 году была сделана еще одна попытка частичной «реабилитации» дашнакской партии. Проф. Л. Хуршудян в 7-м номере журнала «Вестник» опубликовал статью, в которой приводил ленинские оценки дашнакской партии. Интересно, что статья была написана еще в 1970 году и должна была выйти в свет в 4-м номере этого журнала — к 100-летию со дня рождения Ленина. Но, как пишет автор, в застойные годы статью запретили. Так вот, с опозданием на 18 лет публикацией этой статьи совершается восстановление в правах некоторых фактов: партия дашнаков оценивается не как буржуазная, а как мелкобуржуазная партия, пользующаяся доверием народа. Именно так Ленин по разным поводам высказывался о дашнакской партии.

Что ж, начало, как это часто бывает, было хорошим и многообещающим. Но гром грянул и на этот раз: 18 февраля 1989 года, в день всенародного восстания 1921 года в Армении, газета «Коммунист» поместила статью ученого секретаря Армянского филиала Института марксизма-ленинизма кандидата исторических наук С. Абрамяна — «Армения остается незыблемой». Автор статьи перечеркивал очередную попытку восстановить правду о дашнакской партии. Вместе с тем статья эта интересна с той точки зрения, что в ней упоминается договор о добровольной сдаче власти в Армении большевикам, принятый на переговорах Дро — Легран. Но вот как упоминается: «После провозглашения Ревкомом Армении Советской власти 29 ноября 1920 года, с целью

предотвращения кровопролития, 2 декабря полномочным представителем РСФСР в Армении т. Леграном было подписано соглашение с представителем дашнакской Армении об объявлении Армении независимой Социалистической Советской Республикой». Как видим, текст делает неясным, кто чью кровь собирался проливать. Если бы это собирались делать дашнаки, то им незачем было тогда разоружаться и добровольно сдавать свою армию тем, с кем они собирались воевать. Все-таки следует заключить, что проливать кровь намерены были Советы, как они всегда это делали — и до и после договора. А дальше в статье Абрамяна можно найти до смешного нелепые вещи, как, например, что дашнаки вошли в сговор с турецкими националистами для восстановления своей власти, той самой власти, которую они добровольно сдали большевикам. И «вступили они в сговор» с теми самыми турецкими националистами, с которыми дашнакская партия борется и по сей день! Можно было бы эту ложь ученого секретаря оставить без внимания, если бы она не была опасной для нашего народа. А опасность заключается в том, что эту статью моментально подхватили в Москве и стали искажать лучшие страницы нашей истории. И почему этого не делать, если сами армяне поступают аналогичным образом!

И вот уже 10 марта газета «Красная Звезда» опубликовала статью подполковника Фаличева о демонстрациях в городе Абовяне, где, в частности, было сказано: «Все это дело рук провокаторов. Трехцветный флаг раньше использовали наши идеологические и политические противники. Вот почему мы расцениваем его появление как провокацию против Советской Армении». А 27 марта «Известия» опубликовали статью Иванова, в которой утверждалось, что в Ереване были подняты дашнакские флаги. Интересно, что сегодня напишут «знатоки армянской истории» Фаличев и Иванов, когда трехцветный флаг независимой Армении узаконен в республике и развевается на правительенных зданиях?

Но признания флага и даты восстановления армянской государственности еще не достаточно. Во-первых, еще не сказано, кто эту государственность создал и какой она была: все еще не признается, что создали это государство дашнаки, и было это государство независимым. Зарубежные просоветские организации уже начали

кампанию, цель которой показать, что дашнакская партия якобы присвоила себе создание государственности и трехцветное знамя и что товарищ Горбачев в процессе перестройки исправил эту историческую несправедливость. Если и в Советской Армении подхватят эту идею, то в принципе ничего не изменится: новейшая история Армении по-прежнему останется искаженной, ибо в ней все еще отсутствует самое главное — национально-освободительная борьба армянского народа.

Однако попытки «оправдания» дашнакской партии продолжались. Их можно было обнаружить в ряде статей — Л. Хуршудяна, Г. Симоняна, М. Кочар и многих других, но все эти попытки можно было бы назвать робкими, исключая разве что книгу М. Кочар «Армяно-турецкие общественно-политические отношения и армянский вопрос». Но не будем слишком строги к тем, кто пытается прорваться из-под глыб советской, полной лжи, историографии к свету исторической истины. Любая попытка в этом направлении может быть оценена как геройство, ибо пробиваются эти ученые со своими публикациями меж живых людских глыб, которые получили ученые степени и заняли директорские и другие руководящие посты в науке благодаря собственному умению лгать и которые не хотят смириться с тем, что вся их научная жизнь была ошибкой. Теперь, когда дашнакская партия легально существует в Армении, в открытой полемике этим мастерам исторической лжи, видимо, придется отступить, хотя на первых порах они сдавать позиций, конечно, не станут.

И еще об одном факте вульгарного отношения к истории и историческим архивам никак нельзя умолчать: не успела дашнакская партия объявить о своем возвращении в Армению, как «Военно-исторический журнал» в №№ 8 и 9 за 1990 г. опубликовал статью «Дашнаки», где нападки на партию перешли в оскорбительные нападки на армянский народ. О нем в этой статье, в частности, сказано: «Отличительные черты их психики — национальная замкнутость и отсюда вытекающие презрение и ненависть к другим народам, черствый эгоизм и себялюбие. Наряду с этими качествами вследствие векового рабства выработалась и двуличность: преклонение и лесть перед сильным и в то же время старание принести ему чем-либо вред». Эти строки были выкопаны

из материалов царской охранки и публиковались в советской прессе в то время, когда в Закавказье шла кровопролитная война между армянами и азербайджанцами. Чье влияние сказалось здесь на выборе материала для публикации в такое тяжелое время, при такой опасной ситуации в Закавказье? Каким образом «Военно-исторический журнал» не побоялся потерять лицо, отдавая в печать столь грязные строки, «психологические опыты» какого-нибудь жандарма-недоучки? Как серьезный журнал может себе это позволить? — все это было не очень понятно. И только потом стало ясно, что Советская Армия, оказывается, в арцахском вопросе стоит на стороне азербайджанцев.

Круг вопросов, затрагиваемых материалами настоящей книги, очень широк, и сама действительность в катаклизмах и в повседневности дает часто на них ответ. Но как бы быстро ни разворачивались события наших дней, эта фундаментальная работа автора не устареет: читатель ее, в первую очередь русскоязычный армянин, почерпнет из нее весьма основательные сведения по истории национально-освободительной борьбы армянского народа, перевернет некоторые страницы жизней-легенд народных героев, узнает, как из самой цели существования армянской нации родилась дашнакская партия, как разворачивалась ее деятельность и росло ее историческое значение. Эти сведения помогут читателю лучше разобраться в той платформе партии, которая сегодня представлена армянскому народу.

М. АРЗУМАНОВ
Кандидат философских наук

ВРЕМЯ

Армянский вопрос, как и все прочие вопросы, которые были частью восточной проблемы, решался не самодеятельностью армян, а соотношением сил государств, интересы которых сталкивались на Востоке. Армения и армяне для международной дипломатии могли служить лишь материалом в разнообразных комбинациях на пути к достижению собственных целей. В этих комбинациях ни христианская вера, ни человеколюбие, ни справедливость, ни право не имели того значения, какое в наши дни приписывают тому или иному государству, называя их то спасителями, то врагами армянского народа. Не было ни спасителей, ни врагов — было лишь столкновение интересов держав и защита этих интересов без учета интересов армян.

Национальные движения и даже идея освобождения наций являются средствами защиты экономических, политических и культурных интересов нации. Фундаментом для национальной идеологии является экономическое, политическое и правовое положение в государстве. Гнет, порабощение, экономическая эксплуатация, политика насильтвенной ассимиляции создают почву для национального сплочения, роста национального самосознания и формирования идеологии нации. В этом процессе ведущая роль принадлежит национальной интеллигенции. «Никто не жаждет так страстно величия собственной нации, — пишет Каутский, — как интеллигент, особенно если он принадлежит к маленькой нации» (К. Каутский. Национальные проблемы. П., 1918, стр. 51).

Такой была и армянская интеллигенция. Возникновение армянского вопроса явилось выражением стремле-

ния армянской знати восстановить армянскую государственность, так как правители Персии отнимали львиную долю прибылей армянских купцов, прижимали экономически меликов (князей) и тем самым лишали их политического значения. Народная масса, находившаяся в экономически порабощенном и политически бесправном положении, естественно, послужила благоприятной почвой, на которой плодотворно прорастали семена освободительных идей. Католические миссионеры XVII века, действуя именем папы и распространяя среди персидских армян католические доктрины, преследовали также политические цели. Так, например, Людовик XIV не раз ходатайствовал о допущении в Персию миссий капуцинов и иезуитов и во всех своих письмах к шаху рекомендовал его вниманию и благоволению учреждения школы иезуитов в Шемахе, Эривани и присутствия доминиканцев в Нахичевани, а также просил оказывать покровительство армянам-католикам. Короли польские, по настоянию римской курии, также принимали участие в подчинении армян римскому престолу. Мы знаем, что шах Аббас издал приказ о покровительстве армянам-католикам Нахичеванской провинции¹.

Желание католического мира подчинить армян римскому престолу объясняется тем, что этого требовали материальные интересы Запада, и тем, что католики преследовали свои политические цели, которые заключались в том, чтобы при помощи католицизма превратить армян в политическое орудие на Востоке для экономических выгод купцов, а при помощи последних установить сношения с Западом и Востоком — и тем самым открыть еще более широкую дорогу для сбыта главного предмета восточной торговли — шелка (следует помнить, что шелк в свое время имел огромный и исключительный интерес для государей и промышленников Европы, в то же время шелк был всегда объектом монополии армянских купцов в поставках на мировой рынок). Армяне же принимали благосклонное отношение к себе со стороны королей за сочувствие и на нем строили свои надежды на освобождение от ига Персии и на образование собственного государства.

Переписка Людовика XIV с шахом Аббасом в 1674—1685 гг. по вопросу распространения среди армян

¹ Эзов. Сношения Петра Великого с армянским народом. Стр. 14.

католицизма, в сущности, отражала собой экономические интересы и политические цели Персии и Франции: Шах стремился не обострять отношений с Западом и тем не повредить торговым интересам Персии, а Людовик XIV имел в виду посредством католицизма и католических миссионеров организовать религиозные общины для осуществления через армян своего политического влияния на Востоке. В то же время привилегированные слои армян стремились воспользоваться благосклонным отношением католического мира к армянам и избавиться от персидского ига, добиться создания самостоятельной политической организации, исходя из того положения, что «каждый народ должен быть независимым и иметь право быть хозяином в своем деле»². Армянские привилегированные слои были уверены в возможности осуществления своих надежд. С этой целью они послали в 1678 году в Европу делегацию, состоявшую из трех духовных и трех светских лиц. Председатель делегации скончался в Константинополе, и делегация возвратилась обратно, за исключением одного ее члена — Исаэла Ори, направившегося с армянскими купцами в Венецию.

Надо полагать, что Ори во время своего пребывания в Европе занимался политической деятельностью и использовал свою службу во Франции (12 лет), равно как и в Рейнском палатинате (4 года), как средство для сношения с лицами, нужными ему в политическом отношении. Это положение подтверждается тем, что Ори, находясь на службе у курфюрста, «в службе по разговору объявил ему, курфюрсту, про армянское желательное избавление от неверных». Этим Ори как дипломат дал понять, что армяне, освободившись от рабства у «неверных», признают главенство папы над их церковью. Собственно, это был только дипломатический маневр человека, который прекрасно знал, что армянская церковь никогда не подчинится папе. Палатин изъявил готовность способствовать освобождению армян из-под ига «персиян», согласившись даже взять на себя инициативу, и в своих письмах (1698 года) курфюрст обнадежил армян в их освобождении³.

² Фр. Энгельс. Сила и экономика в образовании Германской империи. М., 1923, стр. 16.

³ Эзов, указ. соч., стр. 20—21 и №№ док. 2, 5, 6, 7, 44.

Конечно, в этом случае не чувство сострадания и не религиозные соображения побудили курфюрста взять на себя инициативу в деле освобождения армян, как это думает Эзов, а исключительно материальные интересы, и надо думать, что прав Гейгель, который объясняет эти отношения честолюбивым желанием курфюрства возложить на себя корону Армении⁴.

Как Иоганн-Вильгельм, так и его окружение, хорошо знали, что без русского царя невозможно было обойтись в деле освобождения армян. Со своей стороны армяне понимали, что русский царь не заинтересован в их освобождении и создании государства Армения, а, наоборот, приложит все силы к тому, чтобы завоевать Армению, чтобы тем самым открыть путь России на Восток. Очевидно, все эти детали были известны и Ори, который, несомненно, взвешивал их, хорошо разбирался в международных дипломатических комбинациях и знал политические планы царского и польского двора.

В своем докладе пфальцскому курфюрсту от 22 сентября 1699 года Ори пишет, что не нужно говорить ни одного слова королю польскому, а также князю московскому о том, что идет подготовительная работа для освобождения армян, ибо как польский король, так и великий князь московский в прошлом хотели завладеть Арменией⁵. Армяне не желают освобождения из-под ига Персии для того, чтобы подпасть под иго другого государства, а желают иметь собственное государство.

Политическая программа Ори в деле создания армянского государства, «дабы свою волю получить»⁶, была известна и польскому королю, и Московскому князю. Так как эту политическую программу армян знали и на Западе, и в России, то как Петр I, так и католические правители хотели сделать армян средством достижения собственных целей; в то же время со своей стороны армянские дипломаты хотели использовать военные силы Иоганна-Вильгельма и Петра I для освобождения армян из-под ига Персии и организации самостоятельного армянского государства.

⁴ Эзов, указ. соч., стр. 21 и №№ док. 2, 5, 6, 7, 44.

⁵ Эзов, указ. соч., док. № 9, § 14.

⁶ Там же, док. №№ 14 и 17.

В эпоху Екатерины II армянские дипломаты вели переговоры с царским правительством о создании армянского государства и для обеспечения его суверенитета намеревались избрать арбитром германского императора — «цесаря Рима». Армянские дипломаты, очевидно, действовали с ведома «цесаря Рима», и, по всей вероятности, Екатерина II знала политическую сущность будущей роли «цесаря» в качестве арбитра. Поэтому это намерение следует рассматривать как дипломатическую игру «цесаря» и Екатерины II, желавших получить материальную выгоду за счет армян, играя на близорукости армянских привилегированных групп и их дипломатов, на детски наивной надежде их, что коронованные грабители откажутся от удобного случая пограбить во имя христианства и человеколюбия и пожертвуют своими интересами ради угнетенных и униженных. Эта игра интересов красной нитью проходит через всю армянскую историю, и международная дипломатия не раз доказывала на деле, что угнетенные нации были лишь средством для дипломатических комбинаций в интересах завоевательной политики держав.

Армянский вопрос с конца XVII века до 30-х годов XIX века стоил армянам немалых жертв; физические и материальные потери армян были огромны, так как они находились в центре борьбы трех держав — России, Персии и Турции. Опустошались целые провинции Армении, гибли люди; массовые избиения стали обычным уделом армянского населения. В результате Армения была разделена между этими тремя державами, но, так и не получив свободы, население подвергалось постоянным выселениям, переселениям, гонениям и всяческим притеснениям, заставлявшим их спасаться бегством. Царское правительство вступило на путь русификаторской политики и не только преследовало проявления каких-либо политических стремлений армян, но постепенно уничтожало культурные очаги и с корнем вырывало даже благотворительные начинания.

1852—1856 годы открывают новую эру в истории восточного вопроса и деятельности международной дипломатии, ареной для которой является Балканский полуостров. В центре борьбы в завоевательной полити-

ке великих держав объектом является Турция, а субъектом права — турки и славяне.

Русская дипломатия в лице Меньшикова, «не довольствуясь отставкой Фуада-паши, потребовала от султана признания протектората русского царя над всеми христианами в Турции»⁷.

Царская дипломатия, как писал К. Маркс, «еще до царствования Екатерины II не пропускала ни одного случая, чтобы добиться для себя преимуществ»⁸ в турецких делах, прикрываясь, конечно, «именем угнетенных наций» и в интересах их «освобождения».

Армянские же дипломаты рассматривали восточный вопрос с точки зрения интересов армян, и ориентация их изменялась с изменением соотношения сил великих держав. Это положение объясняется тем, что армянские политики твердо усвоили положение, что решающим фактором в решении общественных проблем является сила и поэтому следует обращаться к наиболее сильному государству, которое только и будет в состоянии разрешить армянский вопрос, то есть сможет создать автономную Армению под протекторатом того или другого великого христианского государства. Они никак не могли понять ту горькую истину, что интересы господствующих классов всегда стоят выше национальных чаяний угнетенных наций и что от соотношения сил великих держав всецело зависит судьба армянского народа.

Экономико-политические интересы царской России шли вразрез с идеей автономии Армении, так как господствующие классы царской России не могли игнорировать собственных выгод ради армян, а эти интересы были решающими, как об этом свидетельствует К. Маркс (в 1853 году): «Если бы Россия наряду с Карсом, этой богатейшей и самой культурной частью Армении, овладела еще и Батумом, она была бы в состоянии прервать торговлю между Англией и Персией, идущую через Трапезунд, и создать себе операционную базу как против Англии, так и против Малой Азии.»⁹

⁷ Маркс и Энгельс. Собр. соч. под ред. Рязанова, т. X, ГИЗ, стр. 161.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. X, стр. 184.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. X, стр. 191.

Эти интересы царской России, первостепенной для нее важности с точки зрения колониальной политики государства, конечно, стояли выше идеи свободной Армении, и приносить эти интересы в жертву царизму не желал.

Завоевание Россией Восточной Армении имело для царской России большое экономико-политическое значение: ей было важно изолировать англичан, свести к нулю политику Англии в персидских делах, а также добиться экономической гегемонии на рынках Персии. Понятно, что англичане со своей стороны приняли меры, чтобы парализовать Россию в ее завоеваниях Армении, как ключа к Персии. «Персия, — пишет царский генерал Небольсин, — весьма боится нашествия русских и, по проекту англичан, начала... ломать стены Эчмиадзинского монастыря, чтобы сей монастырь был бесполезен при русском нашествии». ¹⁰

Продвижение русских войск в Персии беспокоило англичан. «Англичане, — пишет Паскевич, — гораздо более персиян соболезнуют об участи (о военных неудачах) Аббас-мирзы; они не скрывают своего опасения, что Азербайджан... может за нами остаться, и тогда могущество союзника в Персии рушится». ¹¹ Эти опасения приводят англичан к мысли, что необходимо еще до наступления опасности действовать обычным методом английской дипломатии. «Английский посланник в Персии Гарфорд Джонес по прибытии своем к Баба-хану обещал (ему) большую сумму денег от своего двора.., а также уступку части Индии и построение для Персии флота на Каспийском море, если Баба-хан вышлет из Персии французское посольство». ¹² Англия хотела действовать одновременно на двух фронтах — против Наполеона, как виновника блокады Англии, и против России, как соперника Англии на Востоке. Опасения относительно русской победы над Персией в виде завоевания русскими армянских провинций имели вполне реальное значение и первостепенную экономическую важность для господствующих классов Англии

¹⁰ «Акты, собр. Кавказской археографич. комиссии», т. IV, стр. 744.

¹¹ «Акты, собр. Кавказской археографич. комиссии», т. VII, стр. 571, 572.

¹² Там же, т. IV, стр. 703.

и создавали нервное настроение английской дипломатии. И действительно, «персидский рынок, — пишет М. Покровский, — после победы России над Персией оказался почти в монопольном обладании русского капитала: английским товарам приходилось вести с русскими фабрикантами ожесточенную и вначале далеко не всегда успешную борьбу; русская монета, русские торговые обычай господствовали в северной Персии безраздельно». ¹³ Обширные планы царского правительства предусматривали овладение не только персидским, но и турецким рынком через завоевание Трапезунда как «главного впускного порта для английских товаров», и с целью осуществления этого плана оно старалось привлечь на свою сторону армянских купцов, иначе «армяне, конечно, подкрепят английскую в Трапезунде компанию». ¹⁴

Армянский вопрос мешал царскому правительству осуществить его заветные мечты, так как интересы Англии противоречили его завоевательной политике. Армения, став автономной, была бы преградой к выходу в Средиземное море, и в стратегическом, и в экономическом отношении это означало бы лишение возможности господствовать в восточной части Малой Азии. Поэтому перед Россией «на очереди стоял вопрос об оккупации Армении, экономически и стратегически командующей восточной половиной Малой Азии: дорога от Черного моря в Персию и к верховьям Тигра и Евфрата идет через Трапезунд и Эрзерум, города армянского нагорья». ¹⁵ На востоке Малой Азии Армения становится «командующей» высотой для царского правительства, и поэтому завоевание Эривани Паскевичем ¹⁶ означало занятие экономико-стратегической позиции для дальнейших завоеваний. Взятие Эривани имело огромное значение, и генерал, взявший город Эривань, прославился как герой — Паскевич-Эриванский. При таких условиях особой заинтересованности в Армении как Англии, так и России армянский вопрос был вопросом господства Англии или России над «ко-

¹³ М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX в. М., 1924, стр. 380.

¹⁴ «Акты», т. VIII, стр. 158; Покровский, указ. соч., стр. 381.

¹⁵ Покровский, указ. соч., стр. 386.

¹⁶ Там же, стр. 380.

мандующей» высотой «Армянского нагорья», а не вопросом освобождения армян и образования их автономного государства.

Крымская кампания 1853—1856 гг. была дипломатическим поединком стран, оспаривавших первенство на Востоке, и защиту, которую оказывали Англия, Франция и Сардинское королевство Турции, по существу означала защиту интересов этих стран против захватывающей политики России.

Царские генералы, не брезгая пользоваться услугами армян во всех случаях, когда это было возможно, все же боялись, что их «материалистичность» и интересы армян могут быть для России опасными, ибо они игнорировали политические «интересы России»¹⁷, и поэтому старались на всякий случай привлечь на свою сторону курдов¹⁸, не оставляя, однако, стараний вовлекать в военные действия армянское население, так как считали, что, несмотря на эти опасения, армяне могли оказаться им во времена войны так же «верными», как и во времена мира для торгово-промышленных целей. Армян считали преданными, но преданность их России объяснялась материальными интересами¹⁹.

Политика царской России по отношению к армянам в XVIII и в начале XIX века, заключавшаяся в обещаниях покровительства, в даваемых привилегиях и т. д., в 30-х, 40-х и 50-х годах XIX века совершенно изменилась. В стремлении армян к самостоятельности и политической свободе царская Россия усматривала фактор, враждебный России, и измену. Поэтому она постепенно лишила армян привилегий и «унючтожала» дух самостоятельности. Армяне же, в свою очередь, распознав обманную политику царя, стремились повернуться лицом к Турции; массовое бегство их из пределов России является показателем отрицательных результатов политики царской дипломатии и правительства.

Учитывая эти моменты, Англия и Франция старались лишить Россию ее морального и политического значения на Востоке и в Малой Азии и содействовали новой связи армян с Османской империей.

¹⁷ «Акты», т. VIII, стр. 166.

¹⁸ Там же, т. XI, стр. 608, 609.

¹⁹ Там же, т. VIII, стр. 166; т. XI, стр. 479.

Общая формулировка последней части ст. IX Парижского трактата 1856 г. гласила, что державы не имеют «права вмешиваться, совокупно или отдельно, в отношения его величества султана к его подданным и во внутреннее управление империи его», была направлена исключительно против России и ее завоевательной политики под предлогом защиты от Отоманской империи угнетенных ею христианских наций.

Это положение находит свое подтверждение в ливанском вопросе и во вмешательстве Франции в турецкие дела.

Наполеон III с согласия и одобрения Англии и России послал целую армию в Ливан после произошедшего там избиения христиан, заставил правителей Отоманской империи наказать виновных и дать Ливану автономию под протекторатом европейских держав²⁰.

Заступничество Наполеона III, оказанное ливанцам, и их освобождение имели большое моральное и политическое влияние на киликийских армян. Зейтунцы, вдохновленные этим поступком Наполеона, подымают в 1862 году восстание и со своим общественным приговором посылают к Наполеону III делегацию, прося его взять и зейтунцев под свою защиту. Наполеон передал этот приговор Порте через своего константинопольского посла. В это время в Зейтуне появился некий «князь Левон Лусиньян», выдававший себя за наследника армянского престола и распространявший слух о том, что он «ведет переговоры с Пальмерстоном и Наполеоном III об отторжении Киликии от Турции» и об организации армянского государства.

Еще до событий в Зейтуне в Константинополе уже распространялись литографированные листки с портретом Левона Лусиньяна, где он описывался как участник походов легионов Гарибальди, как родственник Виктора-Эммануила и королевы английской, друг Наполеона III и кавалер ордена Почетного легиона. Многие возлагали на Лусиньяна большие надежды и мечтали иметь, наконец, свободный уголок для многострадального армянского народа, который веками находился в деспотических цепях Турции.

²⁰ Կան Մ. Մակ-Քոլ. Օտարականություն Անգլիայի առաջնորդության մեջ Հայության վերաբերյալ («Հայության պատճենագիրը»), հայագիր պատճենագիր, Երևան, 1915, էջ 251.

Կեգամյան. Այեր ազատական շարժումը. Բաքու, 1915, էջ 251.

Восстание зейтунцев, их обращение к Наполеону и воззвание, распространяемое в Константинополе об армянском князе Лусиньяне так же, как и различные толки, заставили Порту послать значительную военную силу для подавления волнений зейтунцев. Тогда зейтунцы вторично обратились к Наполеону. На этот раз он потребовал от султана прекратить осаду Зейтуна. Создалась комиссия из одного представителя — чиновника от Порты, двух духовных лиц от армянского населения и секретаря французского посольства в Константинополе для ведения переговоров и заключения мирного договора между зейтунским населением и правительством Турции. Мир был заключен, и зейтунцы признали верховенство Порты²¹.

Имея в виду политику Наполеона III в национальном вопросе и его двойственное поведение в общественной и государственной жизни Европы, можно с уверенностью утверждать, что он сам толкал армян на выступления против турок с целью отторжения Киликии. Появление Лусиньяна, листовки зейтунцев и обращение их к Наполеону, несомненно, являются делом той же политики Наполеона по обдуманному им плану для осуществления намеченной цели.

Статья IX Парижского трактата, конечно, имела в виду и армян и давала им основания надеяться на перемену их угнетенного положения. Однако Парижский трактат, как и вообще все международные акты, имел силу лишь постольку, поскольку его положения совпадали с интересами договаривавшихся держав в данный момент.

Если во вступительной части Парижского трактата и было сказано, что «касательно основания для восстановления и утверждения мира с обеспечением целости и независимости империи Оттоманской, взаимным дей-

²¹ Зейтунцы, начиная с 1626 года, на основании фирмана Мурада III были освобождены от уплаты хараджа, взамен чего обязывались платить ежегодно в пользу Аяя-Софии 15 000 гуршей. С этого времени и до 1862 года зейтунцы пользовались полуавтономией и даже автономией. Порта и ее сатрапы не раз вооруженной силой пробовали подчинить зейтунцев оттоманскому государственному праву, но каждый раз неудачно. Вооруженные столкновения имели место в 1780, 1782, 1808, 1819, 1829, 1832, 1835, 1860 и 1862 гг. (Кегамян. Указ. соч., стр. 248—254; «Порц», 1877 г., III, стр. 171—174).

ствительным ручательством²² державы обязуются не вмешиваться во внутренние дела Порты и гарантируют ее целость (ст. VII Парижского трактата), то пример Ливана показывает цену этой гарантии, а многочисленные случаи вмешательства европейских держав во внутренние дела Турции после заключения Парижского трактата²³ показывают, какое значение сами державы придавали этому трактату.

Хотя ст. IX и связывает державы, но вместе с тем она налагает на ближайшую Порту обязанность улучшить участь своих подданных «без различия вероисповедания или племени», проведением реформ осуществить «великодушные» намерения султана относительно христианского народонаселения его империи²⁴. Мы имеем здесь обязательство султана в силу Парижского трактата и на основе международного права. Помимо этого султан «обещал» реформы. «Из этого вытекает, что армяне, как и другие христианские народы империи, считали себя вправе с 1856 года смотреть на обещанные султаном реформы как на такие реформы,— пишет Ролен-Жекмен, — которые были бы по меньшей мере молчаливо гарантированы Европой».²⁵

Армяне и до Парижского трактата свои надежды на освобождение возлагали на международные договоры и обещания держав. «Конкретно можно указать, — пишет Диев, — на Кучук-Кайнарджийский трактат 1774 года, поставивший христиан Востока под покровительство России, впервые перенесший надежду армян на лучшее будущее из области заоблачных мечтаний в сферу если не конкретных, то возможных для достижения в будущем благ».²⁶

Если Кучук-Кайнарджийский трактат с точки зрения международного права явился не первым актом, показавшим армянам роль великих держав в деле их освобождения и значение международных актов «для

²² Фр. Лист. Международное право. Юрьев, 1909, приложение, стр. 11.

²³ Ролен-Жекмен. Армения, армяне и трактаты — «Положение армян в Турции», сборник статей. М., 1896, стр. 15.

²⁴ Фр. Лист. Указ. соч., прилож., стр. 11.

²⁵ Ролен-Жекмен. Указ. сборник статей, стр. 15.

²⁶ Гр. А. Диев. Армянский вопрос в Турции — «Положение армян в Турции», стр. 389.

достижения в будущем благ», то с «юридической точки зрения» Крымская война внесла в положение турецких армян существенное изменение, так как на этот раз вопрос был поставлен конкретно и на правовую почву; однако он все же не был фактически разрешен, так как такие вопросы разрешаются силой, а не формальным правом.²⁷

Армянский вопрос, наряду с вопросами других христиан в Оттоманской империи, превратился из части восточного вопроса в проблему международную.

Армяне понимали, что без самодеятельности, агитации и пропаганды, устной и письменной, невозможно завоевать симпатии других стран и наций, нельзя получить помощи других государств, а следовательно, и невозможно добиться освобождения²⁸, и что эта работа может продолжаться долгие годы и десятки лет. В своем письме от 1863 года к одному из представителей армянского духовенства Норатункян предлагает политическую программу освобождения армян, и с ним соглашается поэт Пешикташлян, который имел политическое свидание с польским эмигрантом Чарторыйским. Чарторыйский предлагал поэту поднять восстание против России и на это предложение получил отрицательный ответ. «Армяне,— пишет Ананун,— не захотели взять на себя роль «актера» для других народов, а думали последовать примеру других освободившихся наций».²⁹ Таким образом, мы видим, что освободительное движение первой половины XIX века не миновало и армян.

Различные политические группировки среди армян выставили свои программы освобождения и вырабатывали свои методы достижения цели.

Известный армянский публицист и ориенталист С. Назарян считал, что залог освобождения армян лежит в политической самоорганизации нации и образовании суверенного государства. Государство в его глазах является рычагом и общественно организованной силой для осуществления высшей идеи нации. «Госу-

²⁷ Гр. А. Днев, там же, стр. 394.

²⁸ Д. Ананун. Рус асаракакан заргацуме, т. II, Эчмиадзин, 1922, стр. 203; «Діван, айоц патмутюн», кн. XIII, Тифлис, 1915, стр. 57.

²⁹ Д. Ананун. Указ. соч., стр. 203.

дарство, — пишет Назарян, — является воплощением духа и силы, оно работает над осуществлением материального и интеллектуального счастья нации». ³⁰

Национальное счастье Назарян видит в «политическом сосуде», которым для него является суверенное государство; следовательно, без «политической жизни и величия» невозможны «национальное благоустройство и национальная гордость в общественной жизни народов». ³¹ «Национальную гордость» Назарян понимал, очевидно, как национальное государство, а государство — как средство объединения нации и защиты ее интересов, ибо только в национально-государственном общении возможно достижение национально-общественных целей. Государство является регулятором и нормирует жизнь нации; «только государство, — пишет Назарян, — нормирует и регулирует всю жизнь нации и разрозненные силы объединяет и организует как целое и направляет к единой общественной цели». ³²

Если внимательно разобраться в идеологических постулатах Назаряна, то окажется, что при определении основы нации он ставит во главу угла язык и культуру, отрицая религию как элемент нации ³³, богатство он считает основой прогресса и полагает, что «благосостояние нации зависит от развития торговли и фабричного производства; лишь только накопление собственности в образованных (очевидно — акционерных) обществах не только спасет от голода, но и явится единственным средством, которое откроет подлинные и полезные источники в сем мире» ³⁴ для счастья людей и нации.

Армяне рассматривали государственное начало как единственный фактор объединения армянской нации. Базой организации государства служит территория, на которой живет единая нация. Без территории, населенной членами нации, нет и нации: только на национальной территории возможно развитие языка и культуры

³⁰ С. Назарян. «Юсисапайл», 1859, т. 1, стр. 6.

³¹ Там же, стр. 5.

³² Там же, стр. 6.

³³ Там же, 1860, стр. 309.

³⁴ Там же, 1858, стр. 233; см. также «Юсисапайл» за 1860 г., стр. 317.

как основных элементов национального объединения и самостоятельности. «Несмотря на то, что наука ставит своей целью усовершенствовать воздухоплавание, нации все же не живут в воздухе. Пусть знают армяне, — пишет Спандарьян, — что прежде всего нация должна иметь под собой почву».³⁵ «Если бы армяне жили, продолжает Спандарьян, — на одной территории, хотя бы в рабстве, они все-таки имели бы будущее...» Поэтому «пока армяне не имеют единой родины, они не могут иметь индивидуальной жизни» нации. «Если армяне не имеют родины, следовательно, ничего не имеют»³⁶: нация без родины не является нацией³⁷.

Для Спандарьяна родина, очевидно, означает национальное государство или территорию, где армяне должны быть сконцентрированы и на которой впоследствии, при благоприятных условиях, возможно было бы создать их национальное государство. Активными силами нации в представлении Спандарьяна являются духовенство и купечество; остальные слои населения, по его мнению, не могли играть какую бы то ни было роль.³⁸

Если Спандарьян и Назарян ставили перед собою лишь принципиальные вопросы, то «Порц» в разрешении вопросов стоял на вполне конкретной и реальной почве. Если первые говорили дипломатическим языком и считались с цензурными и прочими особенностями царской России и с общей политикой царизма в армянском вопросе, скрывавшем под видом освобождения и объединения армян завоевание Армении, и если они не хотели говорить о географическом расположении Армении, то «Порц», наоборот, писал, что мы, говоря об Армении, не должны под этим понимать лишь фактическое местожительство армян в данный момент — *ubi bene, ibi patria* (где хорошо, там и отчество), а географическую Армению³⁹, в том числе и Российскую Армению.

Что же касается Турецкой империи, то Турецкая «Армения перед блистательной Портой должна при-

³⁵ Д. Ананун. Указ. соч., стр. 179 (см. «Мшак», 1876 г., № 25).

³⁶ Там же, стр. 180 («Мшак», 1877 г., № 57).

³⁷ «Порц», 1876 г., II, стр. 406.

³⁸ Д. Ананун. Указ. соч., стр. 175—179 («Мшак», 1876 г., № 25).

³⁹ «Порц», 1876 г., II, стр. 406.

паваться Арменией, и когда речь идет об армянах, эта территория должна считаться их родиной и источником их прав. Благоденствия армян в Оттоманской империи мы не желаем искать где-либо, кроме Армении. Только на эту страну должно быть обращено внимание всех армян»⁴⁰. В принципе, сущность вопроса заключалась в том, чтобы создать объединенную Армению на территории Турции, и в географической Армении необходимо добиться политической самоорганизации армян.

В годы болгарского восстания (1876 г.), когда послы великих держав собирались в Константинополе для обсуждения создавшегося на Балканах положения и проектировали определенные мероприятия, чтобы воспользоваться случаем в своих интересах, армянские публицисты подняли вопрос: не настал ли для армян подходящий момент восстания?

Гр. Арцруни в ряде передовиц во «Мшаке» призывал турецких армян восстать против Оттоманской империи с целью добиться освобождения. Призыв Арцруни не оказал соответствующего действия: турецкие армяне не только не восстали, но и не думали о восстании. Потеряв надежду на армянское восстание, Арцруни надеется с помощью России освободить армян: «нужно внешнее влияние, внешняя сила» для духовного возрождения павших духом армян и их освобождения.⁴¹

В ответ на это некоторое время спустя «Мегу Айастани» обрушивается на Арцруни: с огнем играть нельзя, огонь опасная вещь, его надо тушить во избежание пожара. Нет надобности вмешиваться во внутренние дела Оттоманской империи, возбуждая армян против Турции и толкая их на путь восстания. Надо помнить, что когда угнетенная нация поднимается на ступень гражданского самосознания и ставит своей целью свержение ига государства для освобождения и политической самоорганизации, правительство этого заинтересованного государства обычно толкает ее на путь восстания, чтобы вырвать с корнем крамолу и физически уничтожить «беспокойных» и руководящих ими лиц.

⁴⁰ «Порц», 1876 г. II, стр. 406, 407.

⁴¹ Ев. Кегамян. Указ. соч., стр. 267; «Мшак», 1876 г., № 24.

Если плохо обстоит дело в Турецкой империи, то это дело самих «народов Турции — армян, курдов и ассирийцев — покончить свои счеты со своим плохим правительством», совместными силами и без различия национальности. «Какое мы имеем право требовать крови турецких армян, ставить на карту их настоящее и будущее и, сидя у себя дома, распоряжаться ими?»⁴²

По существу «Мегу Айастани» занимал правильную позицию, его учет обстоятельств и логическая оценка роли заинтересованного государства в подавлении восстания и его последствий для армян были верны. «Порц» спасение армян находил в осуществлении конституции Турции и был против восстания («Порц», 1876 год, книга II, страницы 408—411).

Григор Арцруни ответил ему: есть еще тупоумные люди, которые проповедуют армянам терпение, увлекаются неосуществимыми и сумасбродными идеями и которые полагают, что армянин когда-либо может играть первенствующую роль в Турции или же увидит осуществленными идеи армяно-турецкого государства.⁴³ «Порц» хотя и утверждает, что мы под борьбой не понимаем революционных методов борьбы и восстания⁴⁴, но допускает для защиты своих прав применение оружия и огня, ибо право защиты признано естественным правом для всех наций и времен и вытекает из природы естественного права человека⁴⁵.

Таким образом, мы видим, что различные течения армянской общественной мысли рассматривают вопрос с точки зрения целесообразности и своевременности применения различных методов и средств борьбы. Если Арцруни ставит вопрос о восстании как о требовании момента и ждет освобождения от внешней силы — России, то Спандарьян проповедует необходимость собственной территории для нации, «ибо если армяне не имеют своей территории, следовательно, они ничего не имеют». «Порц» предлагает армянам для защиты своих прав «применять оружие и огонь», Назарян же ста-

⁴² Д. Ананун. Указ. соч., стр. 189, 190.

⁴³ «Мшак», 1876, № 27 (Д. Ананун, указ. соч., стр. 188).

⁴⁴ «Порц», 1876, II, стр. 411.

⁴⁵ Там же, стр. 408, 409.

вил вопрос конкретно: нация без государства — ничто, государство является рычагом и регулятором; нация должна организоваться в государство.

Все направления армянской политической мысли совпадают в том смысле, что для политической жизни, для культурного прогресса, самоорганизации и верховенства нации необходима территория, то есть в данном случае «географическая Армения» с армянским населением и государством.

Разногласия между отдельными политическими группировками и различными оттенками идеологов в армянском вопросе, за исключением «Мегу Айастани», носят скорее тактический, но не принципиальный характер. Хотя следует сказать, что деятельность идеологов и вождей по тактическим соображениям иногда может превращаться в свою противоположность и разрушать принципиальную позицию партии.

«Мегу Айастани», рассматривая вопрос не с точки зрения армян, а с точки зрения общегосударственного момента, связывал поэтому в одно целое интересы армян, ассирийцев, курдов и турок, как подчиненных Оттоманской империи народов. По мнению «Мегу Айастани», восстание армян означало бы их гибель. Онставил вопрос не национального освобождения, а освобождения народов Турции, имея в виду не интересы армян только, а интересы всех наций и совместную борьбу их без различия национальностей, как залог для освобождения всех.

Последовательность «Мегу Айастани» приводит к мысли, что спасение Оттоманской империи от вмешательства великих держав в ее внутренние дела возможно лишь сплочением всех наций Турции. Только объединенными силами можно «закончить счеты со своим плохим правительством», в корне реформировать правопорядки империи и создать нормальные условия для благополучия всех, для прогресса и культурного развития каждой нации.

В несколько иной вариации повторяет указанное положение «Мегу Айастани» и Б. Ишханян, связывая будущее армян с реформой и реорганизацией государ-

ственной системы Турции в целом в общегосударственном масштабе и силами всех народов Оттоманской империи⁴⁶.

Более ясную форму и конкретную в политическом отношении программу государственного преобразования Оттоманской империи как разрешение национального вопроса и единственно верное средство положить конец внутренним национально-сепаратистским тенденциям империи и вмешательству иностранных государств мы находим в статье неизвестного автора под заглавием: «Исламизм в Европе и современное положение Турции вообще». Автор находит путь спасения Турции в конфедерации наций, населяющих Оттоманскую империю. Египет должен быть членом конфедерации, так как только в ней он может найти свое политическое существование. Конфедеративное начало есть наилучшее средство положить конец внутренним национальным раздорам и вмешательству европейских держав в дела Оттоманской империи. Территориально отдельные национальные части должны организовываться самостоятельно — самоопределиться (право самоопределения) и добровольно входить в союз; общность интересов и инстинкт самосохранения заставит их (то есть отдельные нации) объединиться на началах равенства и свободы во всех отношениях. Конфедерация может состоять из восьми единиц в европейской части Турции: 1) Болгария, 2) Албания, 3) Румелия, 4) Греция (не вошедшая в состав греческого государства); в Малой Азии — 5) Сирия, 6) Армения; в Африке — 7) Египет и 8) Тунис.⁴⁷

Реорганизация Турецкой империи на конфедеративных началах, иначе говоря — право наций на самоопределение, импонировала стремлениям идеологов национально-освободительного движения. Вокруг этой программы можно было организовать национальные силы, и, при благоразумной и осторожной политике блистательной Порты, не фирманы султанов, а реальная политика в направлении реорганизации государства явилась бы спасением Турции от распада.

⁴⁶ Б. Ишханян. Тюркнан апакан, Тифлис, 1907, стр. 7, 60 (на арм. языке).

⁴⁷ «Северная пчела», № 33, 10 февраля, 1860 г.

Однако турки встали на другой путь — не смогли и не сумели отказаться от губительной политики репрессий, гонений и т. д. и этим самым способствовали дальнейшему нарастанию внутренних центробежных сил для их организации, давая в то же время иностранным державам формальный повод использовать развившееся национально-освободительное движение в их собственных интересах.

Болгарское восстание 1876 года заставило турок обратиться ко всем подданным империи с призывом оказать правительству содействие в создавшемся положении. Война поставила перед турецкими армянами конкретную дилемму: или восстать, последовав примеру славян, или открыто высказать «мнение», что они осуждают восстание, и прийти на помощь правительству в качестве верноподданных для успешного окончания войны.

По совету Гражданского собрания патриарх Нерсес обратился к армянской нации с посланием-кондаком, основные принципы которого были следующими: если до наших дней армянская нация сохранилась как нация и сохраняет свою религию, церковь и язык, исторические и культурные ценности, то все это — благодаря покровительству, содействию и благожелательному отношению турецкого правительства к армянской нации... Судьба связала армян с турками, и поэтому армяне не могут в дни войны и тяжелого испытания государства относиться к этому безразлично, а, наоборот, обязаны, как и всегда, оказать ему помощь. Любящий свою родину армянин, оказывая содействие правительству, тем самым окажет содействие и услугу армянской нации, ибо защита Оттоманской империи есть защита Армении, армянской религии, школы, собственности, семьи, чести, жизни... Патриарх, именем «Смешанного» (Объединенного) Национального собрания, призывает армян к защите родины и престола султана Мурада V. Он призывает армян вступить добровольцами в ряды турецкой армии и с оружием в руках защищать султана от его врагов. Мы должны объединиться, — продолжает патриарх, — и жертвовать всем во

имя защиты родины и султана, ради нашей национальной пользы и гордости...⁴⁸

«Это возвзвание не могло найти для себя благодатной почвы. Руководители нации могли сколько угодно вырабатывать свои программы, народные же массы жили иной жизнью и имели иные стремления; «голова и тело нации оказались, таким образом, не в ладах друг с другом».⁴⁹

Международная дипломатия, а в особенности русская, ясно представляла себе и заранее определила свои цели и средства для их достижения. Конференция послов в Константинополе (1876 г.) была конференцией для выяснения позиции отдельных государств и для согласования действий по восточному вопросу. Россия поставила перед великими державами дилемму: «Соединимся для общего дела, иначе я буду действовать одна, чтобы добиться гарантии исполнения Портой ее обещаний». Порта же со своей стороны старалась отклонить удар тем, что признала себя виноватой и обещала исправиться. «Происхождение и причина кризиса, который переживает теперь наша империя (Турция), сводятся к одному пункту — к неправильному исполнению законов и произволу, который принят всеми как правило при ведении дел».⁵⁰ Так заявляет султан Абдул-Гамид в императорской Хатте от 10 сентября 1876 года.

Через некоторое время в силу необходимости, вызванной международными условиями, был опубликован текст турецкой конституции, пожалованной 23 декабря 1876 г. оттоманским народам, по поводу которой министр иностранных дел Сефет-паша вручил великим державам следующую ноту: «Эта конституция не есть обещание, а формальный и действительный акт, сделавшийся достоянием всех оттоманских подданных; ее развитие может быть задержано или приостановлено лишь волей всей нации, в согласии с волей государств».⁵¹

⁴⁸ Кегамян. Айерн азатакракан шаржуме, Баку, 1915, стр. 269—271.

⁴⁹ Д. Ананун. Армянский вопрос в России. П. (Сборник армянской литературы, под ред. М. Горького, стр. XLIII).

⁵⁰ Роллен-Жекмен. Армения, армяне и трактаты — «Положение армян в Турции», сборн. статей, М., 1896, стр. 34.

⁵¹ Там же, стр. 35.

Турция старалась, чтобы на подчиненные ей христианские народы не распространялось действие международного права, то есть чтобы державы обязались не вмешиваться во внутренние дела Турции, ибо конституцией были «разрешены» внутренние вопросы, был установлен «правопорядок» и положен конец «произволу».

Интересов же великих держав турецкая конституция не гарантировала и не защищала. Европа ответила, что она в конституции не нашла «полной гарантии интересов, которые она поставила себе целью защищать». ⁵² А раз цель держав заключалась в том, чтобы защитить христиан — подданных Турции — от гонений и притеснений, то, естественно, что Россия с благословения европейских держав обнажила меч для «дарования» им лучшей конституции, где были бы «защищены» интересы угнетенных.

Началась война. Российские армяне, конечно, приняли участие в ней на стороне России. Царская Россия, одерживая победы на кавказском фронте, награждала армянских офицеров и генералов, а армяне, гордясь этим, думали, что близок час создания армянского государства.

Отрицательное отношение константинопольского патриарха к планам закавказских армян не ограничилось его кондаком. Константинопольские армянский и греческий патриархи обратились к Порте с просьбой, чтобы реформы, которые намечала конференция послов для Болгарии, Боснии и Герцеговины, были распространены и на остальные нации Оттоманской империи, так как не отдельные провинции, а все христиане империи заслуживают одинакового внимания. Армянский патриарх имел свидание 6 декабря 1876 г. с английским послом Эллиотом и настаивал, чтобы конференция послов не требовала от Порты для восставших провинций привилегий, которых не имели другие, не восставшие. Посол ответил, что конференция имела в виду не общий вопрос, а специальный вопрос восставших провинций, требовавших восстановления в них порядка. Говорят, что обращение патриарха было продиктовано блистательной Портой ⁵³ для того, чтобы соз-

⁵² Роллен-Жекмен. Указ. сборник, стр. 35, 36.

⁵³ Кегамян. Указ. соч., стр. 275—277.

дать общественное мнение и повлиять на послов. Министр иностранных дел Сефет-паша советовал армянам и грекам протестовать против привилегий славян⁵⁴.

Все эти моменты раздражали руководящие группы закавказских армян, вследствие чего, по инициативе Арцруни, был составлен адрес и вручен специальной делегацией наместнику Кавказа. В адресе от имени закавказских армян как подданных России выражались верноподданнические чувства и излагалась просьба к царю о защите турецких армян⁵⁵ наравне с другими христианами Оттоманской империи теми же средствами, которыми царь найдет нужным⁵⁶.

Очевидно, во время военных действий константинопольские послы великих держав не были бездеятельны и давали армянам нужные советы. Депутаты армянского Национального собрания вели неофициальные переговоры с послами держав и, очевидно, не без ведома Сефет-Паши⁵⁶.

В акте о перемирии, подписанным обеими сторонами — Турцией и Россией — в Адрианополе 31 января 1878 г., об армянах и Армении ничего не было сказано, что вызвало полное недоумение армян. Патриарх поручил монаху Русджугльяну вести переговоры с русским послом Игнатьевым по этому поводу. Игнатьев ответил, что «пока Армения не может рассчитывать получить ту свободу, которую получит Болгария, так как армяне оказались неподготовленными и стали в Армении мертвым элементом»⁵⁷, то есть не восстали по предписанию царской дипломатии, как это сделали славяне.

Тогда патриарх возложил переговоры на первого и второго секретарей Национального собрания. Один из них был военным врачом, другой представителем Красного полумесяца — Порты. Оба поехали в Адрианополь в качестве должностных лиц, якобы по служебным делам Порты, но «втайне» как представители армянского патриарха должны были вести переговоры с Игнатьевым. Большие услуги в этом деле оказывало другое лицо, занимавшее правительенную должность, армянин Амалчиан, секретарь министра иностранных дел и

⁵⁴ Там же, стр. 341.

⁵⁵ Там же, стр. 284, 285.

⁵⁶ Там же, стр. 341.

⁵⁷ Там же, стр. 345.

советник оттоманской делегации во время ведения мирных переговоров в Сан-Стефано. Понятно, что эти должностные лица и «тайные представители» армянского патриарха впоследствии оказались исполнителями воли турецкой делегации, но не истинными защитниками прав армянского народа. Они вели переговоры с делегацией России, очевидно, по плану, заранее установленному с турецкой делегацией, а русская делегация удивлялась компетентности и знанию дел делегатов Порты. Все тайные переговоры с русской делегацией, секретная переписка через должностных лиц с патриархом были тайными и секретными для русской дипломатии и армянского народа, но не для Порты, Порта же и армянский патриарх действовали по совету и по плану английской дипломатии⁵⁸.

Эти «тайные переговоры» с Игнатьевым привели к тому, что с «разрешения царя» Игнатьев составил для внесения в общий договор проект особого пункта об Армении. В первоначальной редакции русская делегация настаивала (ст. 16) на том, что «султан обязывается перед царем российским создать автономное административное правление в населенных армянами провинциях: Эрзеруме, Муше, Ване, Себасте, Диарбекире и пр.», и «введение этих реформ султан обеспечивает реальной гарантией».⁵⁹

Понятно, что такого обязательства перед царской Россией Турция не могла бы взять на себя.

В Сан-Стефано пришли к соглашению по ст. 16 трактата, который был отредактирован следующим образом:

«Так как уход русских войск из территорий, которые они занимают в Армении и которые должны быть возвращены Турции, может послужить поводом к столкновению и осложнениям, могущим испортить хорошие отношения между обоими государствами, то высокая Порта обязывается осуществить без дальнейшего замедления те улучшения

⁵⁸ Կեգամյան. Ուշադիր. ստուգ., պատճեն. 348, 349, 361—363.

⁵⁹ Կեգամյան. Ուշադիր. ստուգ., պատճեն. 353, 354. Этот первоначальный проект не был, очевидно, известен Эзову; ст. 16 договора Эзов объясняет результатом уступок и компромиссов. (Эзов, указ. соч., стр. 142).

и реформы, которые требуются местными нуждами провинций, населенных армянами, и обеспечить их безопасность против курдов и черкесов»⁶⁰.

Эта редакция статьи, очевидно, не вполне отражала внешнюю политику царизма, так как вопрос об армянском католикосе был исключен, в то время как для внешней политики России на Востоке католикос имел большое политическое значение.

По поводу этой статьи Игнатьев писал князю Горчакову следующее:

«Статья XVI. Полное удовлетворение доставлено этой статьей всеобщему населению армян. Впервые имя Армении произнесено в международном договоре⁶¹, и обязательства, принятые Портою, могут послужить основанием для попечительства нашего над большинством христианского населения в Малой Азии. Статья это докажет Европе, что Россия не исключительно об одних славянах, ни даже о своих единоверцах заботится, но что она, движимая человеколюбием, имела в виду обеспечить благосостояние всего христианского населения в Турции. Так как турецкие уполномоченные упорно и горячо восставали против предложенного им упоминания эчмиадзинского католикоса и наименования его верховным главою всех армян, то русские уполномоченные сочли более осторожным не упоминать об этом. Действительно, приданье слишком большого международного значения католикосу могло бы создать нам самим некоторые административные затруднения на Кавказе и даже поддержало бы вожделения и стремления между армянами, не соответствующие нашим интересам»⁶².

Католикос как представитель армянской нации был необходим царской России в международных диплома-

⁶⁰ Роллен-Жекмен. Указ. сборник, стр. 36, 37;
Д. Ананун. Армянский вопрос в России, стр. 43.
Кегамян. Указ. соч., стр. 354, 355.

⁶¹ «Честь и заслуга этого трактата — то, что он в первый раз включает Армению в международный договор» (Роллен-Жекмен. Указ. сборник, стр. 38).

⁶² «Исторический вестник», 1915, т. CXLII, стр. 85;
Д. Ананун. Указ. соч., стр. 43, 44.

тических сношениях для более успешного проведения политики на Востоке, но этим самым значение его отражалось бы и на внутренней политике России. Если внешняя политика царской России требовала усиления значения католикоса, то внутренняя политика — наоборот⁶³. Боясь политической деятельности российских армян в направлении создания единой Армении, Россия, естественно, старалась всеми мерами и средствами препятствовать даже возникновению у армян таких мыслей.

Ст. 16 Сан-Стефанского договора по смыслу его означала, что русские войска не будут выведены из пределов Армении до тех пор, пока Порта не осуществит реформы в Армении, а ст. 25 является дополнением в том смысле, что «руssкие войска будут выведены из пределов Малой Азии в течение шести месяцев по заключении окончательного договора». Имея в виду обе эти статьи договора, фактически русские войска могли сидеть в Турции и шесть лет и даже более, впредь до осуществления султаном обещанных реформ⁶⁴. Турция взяла на себя обязательство перед Россией⁶⁵, а Россия одна была вправе иметь действительный протекторат над турецкими провинциями, населенными армянами⁶⁶.

Известно, что Турция никогда не хотела автономной Армении, а Россия вела политику присоединения, но не создания армянского государства⁶⁷.

Нужно отметить, что Сан-Стефанский договор был предварительным, и стороны согласились, что он будет сообщен великим державам и что «каждый параграф его будет доведен до сведения конгресса не с целью безусловного соглашения и принятия его, а с целью исследования, какие параграфы могут быть приняты и каким оказано содействие разными державами, и какие не могут быть приняты».⁶⁸

Это положение объясняется тем, что конференция послов в Константинополе (1876 г.), одобряя открытие

⁶³ Д. Ананун. Указ. соч., стр. 44.

⁶⁴ Кегамян. Указ. соч., стр. 355.

Кан, Малкольм Мак-Коль. Ответственность Англии перед Арменией — «Положение армян в Турции», сборник статей, стр. 195.

⁶⁵ Днев. Армянский вопрос в Турции, тот же сборник, стр. 395.

⁶⁶ Роллен-Жекмен. Указ. сборник, стр. 39.

⁶⁷ Ишханьян. Туркнаи апакан, Тифлис, 1907, стр. 43, 44.

⁶⁸ Роллен-Жекмен. Указ. сборник, стр. 38.

военных действий между Россией и Турцией, очевидно, пришла к соглашению об участии в дележе добычи или об использовании случая усилить свое политическое влияние на Востоке.

Россия была обязана представить великим державам на рассмотрение мирный договор с Турцией. Вместе с тем, Армения интересовала Англию не меньше, чем Россию, причем политические и экономические интересы Англии требовали препятствовать продвижению России с севера Малой Азии и заставляли ее стремиться к приобретению новых колоний для сбыта товаров своей промышленности. Привилегированное положение России согласно ст. 16 Сан-Стефанского договора Англия считала для себя неприемлемым, и поэтому прежде чем собрался конгресс, она приняла все меры к ограждению своих интересов. В меморандуме от 30 мая 1878 г. Солсбери обращается к Шувалову со следующим заявлением: «Обещания, выговоренные для Армении предварительным Сан-Стефанским трактатом, не должны быть предоставлены исключительно России, но также и Англии»⁶⁹. Этим английская дипломатия поставила перед Россией дилемму: или пойти на уступку, или же потерять плоды своей победы при заключении окончательного договора на Берлинском конгрессе, где Англия имела шансы играть решающую роль.

Вместе с тем, покончив с Россией, Англия обращается к Турции с вопросом, желает ли она пойти на уступку или же на закабаление Порты царским правительством; при этом Англия берет на себя обязательство защиты Турции, то есть защиты Армении от посягательств России, и перед Берлинским конгрессом вынуждает Турцию заключить англо-турецкую конвенцию, первая статья которой гласит:

«Его императорское величество султан обещает Англии ввести необходимые реформы, о которых впоследствии состоится соглашение между обеими державами, с целью преобразования существующей формы правления и защиты христиан и других подданных Порты в этих областях Армении. Чтобы дать возможность Англии принять необходимые меры к выполнению принятых ею на

⁶⁹ Там же, стр. 39.

себя обязательств (защиты Армении от России), его императорское величество султан соглашается на оккупацию острова Кипра и (на) управление им Англией»⁷⁰.

Комментарии излишни. Приходится лишь отметить, что Армения и армяне были объектом торга, а не субъектом для защиты их прав и освобождения. В этом вопросе интересы господствующих классов стояли прежде и выше всего. Армения и армяне были только средством для достижения великими империалистическими державами, и главным образом Англией и Россией, собственных целей. Англия решила удержать Кипр и «зашщищать интересы султана в Малой Азии, в Армении, пока Россия не возвратит Карса и Батума, то есть до «греческих календ»⁷¹.

Англия приняла на себя защиту турецкой территории от России, имея в виду с занятием Кипра «серьезно воспользоваться выгодами»⁷². Что же касается обязательств султана перед Англией «ввести необходимые реформы в областях Армении», то Солсбери впоследствии отрицал, что Англия приняла на себя обязательства относительно населения Малой Азии. По его мнению, «Англия не покровительница Турции и не может отправлять по отношению к ней права опеки»⁷³.

Напрашивается вопрос: каким же образом в таком случае Англия взяла на себя бремя защиты турецких владений (и Армении) от России, если она не являлась покровительницей Турции? Этот акт политической и дипломатической «честности» Англии, «покровительницы» угнетенных наций, красивый жест цивилизованной и культурной страны Альбиона — не коварной, конечно. Очевидно, лорд Солсбери «забыл» свои слова, когда на заседании Берлинского конгресса (1878 г.) он го-

⁷⁰ Дэв. Грин. Армянский кризис и владычество Турции — «Положение армян в Турции», сб. статей, стр. 271;

Мак-Коль. Указ. сборник, стр. 194;

Роллен-Жекмен. Указ. соч., стр. 45, 46.

⁷¹ Кан, Малcolm Мак-Коль. Указ. сборник, стр. 194; Фр. Лист. Международное право, Юрьев, 1909, стр. 122, 123.

⁷² Роллен-Жекмен. Указ. сборник, стр. 46.

⁷³ Там же.

ворил, что «интересы армян должны быть взяты под защиту»⁷⁴.

Бисмарк, открывая Берлинский конгресс для юридического оформления этой сделки между великими державами, сказал: «Мы собрались здесь для того, чтобы подвергнуть Сан-Стефанский трактат свободному обсуждению кабинетов, подписавших трактаты 1856 и 1871 гг.»⁷⁵.

После декларативного обмена мнения окончательно была перередактирована статья 16 Сан-Стефанского договора, и была принята статья 61 Берлинского трактата, которая гласила:

«Ближайшая Порта обязуется осуществить без дальнейшего замедления улучшения и реформы, вызванные местными потребностями в областях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов. Она будет периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели, державам, которые будут наблюдать за их применением»⁷⁶.

Армянский вопрос с точки зрения международного права стал вопросом международным, а ст. 61 Берлинского трактата — в юридическом смысле — актом правового характера. Если в силу ст. 16 Сан-Стефанского договора Турция обязывалась перед Россией, то в силу ст. 61 Берлинского трактата она связывала себя обязательством перед державами, подписавшими Берлинский трактат, — привести в исполнение без дальнейшего замедления все реформы и улучшения в провинциях Малой Азии (Армении), населенных армянами. С этих пор армянский вопрос перестал быть внутренним вопросом Оттоманской империи и объектом пополновений царской России, а делается вопросом международным, за разрешение которого берут на себя ответственность все державы, подписавшие Берлинский трактат⁷⁷.

Таким образом, армянский вопрос вступает в новую фазу, и армяне начинают связывать большие надежды с великими державами, которые, возложив на Турцию

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же, стр. 38.

⁷⁶ Фр. Лист. Указ. соч., приложение, стр. XVIII.

⁷⁷ Роллен-Жекмен. Указ. сборник, стр. 45.

известные обязательства, взяли на себя задачу разрешить вопрос посредством международного права и методами дипломатического воздействия.

После Берлинского конгресса армянский вопрос вступает в новую фазу своего развития. Если до Берлинского конгресса Армения и армяне как страна и нация существовали лишь «формально», можно сказать — в абстракции, то в дипломатических отношениях с великими державами они имели вполне реальное практическое значение. Разрешение проблемы восточного вопроса было для великих держав политico-экономической программой, а христианские народы Отоманской империи, в том числе и армяне, были объектами правоотношений между державами и Портой. Эти народы имели право на свободную жизнь постольку, поскольку освобождение их совпадало с интересами того или другого сильного европейского государства. Конкретное соотношение сил и интересов господствующих классов тех или иных держав и их дипломатические комбинации были основанием для привлечения их внимания к национально-освободительному движению христианских народов Турции, а не естественное стремление этих народов к освобождению.

Армянская делегация на Берлинском конгрессе (Хримян Мкртич-Айрик, Хорен Нарбей, Минас Чераз Папазян) не поняла того, что движущими силами на конгрессе были материальные интересы господствующих классов европейских держав и что за столом конгресса собирались реальные политики.

Ст. 61 Берлинского трактата не удовлетворяла армян. Армянская делегация, не поняв основных принципов международной дипломатии, объясняла причину своей неудачи разрешить армянский вопрос тем, что армяне не подняли восстания; народы освобождаются «не жалобами», а пролитой кровью как средством привлечь общественное мнение и внимание дипломатов⁷⁸. В 1889 г. проф. международного права Роллен-Жекмен напоминает армянам, что не жалобами, а восстанием можно обратить на себя внимание дипломатов и разрешить армянский вопрос средствами дипломатического воздействия на Порту. «Армяне, вместо того, чтобы

⁷⁸ Лео, Анциялиц. Тифлис, 1925, стр. 29.

восстать, ограничились только жалобами»⁷⁹ на Порту, а «восстание (армян) в это время, — пишет Роллен-Жекмен, — было единственным средством привлечь внимание европейской дипломатии»⁸⁰. Этими словами Роллен-Жекмен повторяет мнение, высказанное армянской делегацией после Берлинского конгресса 1878 г.

Когда Хримян собирался на Берлинский конгресс, соотечественники его спрашивали: «На каком языке ты будешь говорить там, Айрик? Ведь кроме армянского ты не знаешь никакого». Хримян отвечал: «Я буду говорить на языке слез».

Когда удрученный неудачей возложенной на него миссии он возвратился к себе на родину, то объяснил причину неудачи так: «На конгрессе сидели за столом люди и ели хавиц⁸¹; у всех ложки были железные, только у нас были ложки бумажные, оттого нам ничего и не попало...»⁸².

Армянские политические и общественные деятели «поняли» и поставили перед армянской общественностью два вопроса: 1) язык слез, дипломатическую деятельность, агитацию, пропаганду, создание и организацию общественного мнения цивилизованных стран и 2) меч — организацию четников — и вооружённое восстание в Турецкой Армении.

Восстание они считали средством привлечь внимание дипломатических кругов к армянскому вопросу, возбуждение общественного сочувствия — средством освободить Армению от ига Турции. Эти две идеи были следствием Берлинского конгресса, а пионерами выполнения их были закавказские и анатолийские армяне. Такая постановка вопроса имела большой успех в народных массах и создала идею вооруженного освобождения Армении.

Вторым моментом, воодушевлявшим армянские руководящие круги после Берлинского конгресса, было то, что для них стало несомненным, что армянский вопрос поставлен на правовую почву в международном.

⁷⁹ Роллен-Жекмен. Армения, армяне и трактаты — «Положение армян в Турции», сборник статей, М., 1896, стр. 16.

⁸⁰ Там же, стр. 45.

⁸¹ Хавиц — виноградный кисель

⁸² А. Джневелегов. Будущее Турецкой Армении — «Армянский сборник», изд. 2-е. М., стр. 129.

масштабе и что в выраженной державами готовности оказать армянам поддержку имеется, хоть и смутная, но надежда на действенную помощь с их стороны.

Некоторые группы армянских политических деятелей возлагали большие надежды на международную солидарность великих держав и на то, что они как бы взяли на себя ответственность и обязали Турцию при помощи международного договора осуществить в интересах армян ряд реформ; им представлялось, что международное право обладает магической силой и что армяне посредством реформ добьются освобождения.

Среди армян были и такие, которые возлагали большие надежды на Россию, на то, что Россия «имеет историческую миссию» освободить угнетенные христианские нации Оттоманской империи и в действительности не раз обнажала меч для «защиты» их прав. Они полагали, что настала пора и для армян, что раз на очереди стоял армянский вопрос, то ближайшей задачей России и было осуществить мечты армянского народа. Тут политики Армении не поняли, что, как пишет Каутский, «благодаря стремлению России к Константинополю Турция приобрела себе еще новых друзей в лице средиземноморских держав — Франции и Италии, а также Англии, видевшей в России прежде всего опаснейшего своего врага, метящего в Индию. Они все объединились, чтобы защищать Турцию от России»⁸³, понимая что интересы России требуют не создания свободной Армении, а ее завоевания для открытия путей к Средиземному морю, Персидскому заливу, Сирии и захвата Константинополя.

При таких условиях политика держав, международное право, международные трактаты и защита прав угнетенных и порабощенных наций могут существовать только как формальные понятия, по существу же вопросы разрешаются соотношением реальных сил и интересами великих держав; «право» здесь бездействует, его действие переходит к силе, которая создает право на жизнь. Великие державы, а в особенности соперники России на Востоке, поощряли организацию армянами культурно-просветительных и экономических обществ, как базы организации их общественной жизни

⁸³ К. Каутский. Национальное государство.

для проведения реформ в Армении. Если в силу ст. 16 Сан-Стефанского договора только Россия была защитницей армянской нации, то в силу ст. 61 Берлинского трактата в роли ее защитницы оказались шесть великих держав, и все они ободряли Армению и поддерживали в ней надежду на проведение реформ⁸⁴.

У армян были основания для упадка духа, что объяснялось тем, что они ждали от Берлинского конгресса автономии Армении⁸⁵, а не реформы на бумаге в Малой Азии.

После англо-турецкой конвенции 1878 г. Турция вычеркнула слово «Армения» из официальной географии и заменила его словом «Курдистан». И Англия тоже в официальных актах и документах наименование «Армения» заменила «Курдистаном»⁸⁶.

Таким образом, был осуществлен «основной» пункт англо-турецкой конвенции о переименовании Армении в Курдистан, чем обеими странами отрицалось существование армянской нации.

Перейдем к проведению реформ в Армении. Однако, прежде чем осветить этот вопрос, нужно отметить, что турецкое правительство гораздо больше думало о реформах по программе великого визиря Кямиль-паши, чем о проведении в жизнь ст. 61 Берлинского трактата. Поэтому прежде чем говорить о «реформах» Турции, надо проследить, какие «реформы» проводила она по плану Кямиль-пashi.

Сущность этих «реформ» заключалась в том, чтобы принять все меры и применить все методы и средства, находящиеся в распоряжении правительства, с целью «стереть с лица земли Оттоманской» армянскую нацию, «освободиться» от армянского вопроса и этим самым — и от вмешательства великих держав во внутренние дела Турции.

Для осуществления этой цели турецкое правительство приступило через шейхов к организации курдских аширетов, то есть вооруженных курдских шаек для ист-

⁸⁴ Сарухан. Арачин жоговуртакан шаржуме тачкакан айасташум — «Порц», 1917, № 3, II, стр. 1.

⁸⁵ Сарухан. Айкакан хитири, стр. 421—426 (см. программу армянской делегации, представленную дипломатам великих держав на Берлинском конгрессе).

⁸⁶ Роллен-Жекмай. Указ. сборн., стр. 57; Лео, Ашчялиц, стр. 3.

ребления армян⁸⁷.

Англия для выполнения принятых ею обязательств перед Турцией после Берлинского конгресса советует Порте «действовать разумно и предусмотрительно». А. Х. Лейард пишет Солсбери: «Если высокая Порта не остережется, если она не будет действовать разумно и предусмотрительно, то в Азии в один прекрасный день может возникнуть армянский вопрос — подобно тому, как возник болгарский вопрос в Европе, следствием которого была последняя война. Те же интриги ведутся в настоящее время в Малой Азии как для того, чтобы восстановить армянскую национальность, так и для того, чтобы вызвать такой порядок вещей, который вырвет крик ужаса со стороны всего христианского населения и приведет к европейскому вмешательству. Я предупреждал несколько раз турецких министров и правительство, что если они не поспешат... то они заметят слишком поздно, что султан подвергся опасности лишиться некоторых из этих провинций»⁸⁸.

Эти практические советы Англии носили программно-обязательный характер для Турции.

Под «интригами», которые «ведутся» в Малой Азии, подразумевались усилия эрзерумских крестьян, представивших проект реформ. На языке английской дипломатии этот шаг эрзерумских армян понимался как интриги, которые ведутся для того, чтобы восстановить армянскую нацию. Ведь, как мы видели, английская дипломатия в союзе с Турцией вычеркнула слово «Армения» и заменила его словом «Курдистан», и этим самым для них перестали существовать Армения, и армянская нация.

Армянская нация как будто существовала только когда-то, в доисторическую эпоху, а Берлинский трактат обнадеживал обещанием возродить ее; «интриги в Малой Азии», в виде требования проведения реформ, указывали на признаки возрождения армянской нации, а это грозило опасностью Турции и интересам Англии. Поэтому английская дипломатия хотя и знает, что в «Армении и восточной Анатолии» господствует полная анархия и плохое управление, однако «правительство

⁸⁷ Ачанатес. Турк-крадаган аршаванкнери կանոնագիր, «Մուր 1», 1906, № 4—5, стр. 25; Лео. Анидиялиц, стр. 34.

⁸⁸ Роллен-Жекмен. Указ. сборник, стр. 56, 57.

ее величества не думает торопить Порту даже при подобных обстоятельствах исполнить все те реформы, которые она обещала ввести в администрации азиатских провинций Турции⁸⁹. Это уже не язык дипломатии, а язык грубого полицейского произвола. На этом примере можно видеть, как международная дипломатия выполняет свои обязательства по международным трактатам, а следовательно, — и как подчиняется она международному праву.

Ведь сама Англия при англо-турецкой конвенции 1878 г. обязала Турцию ввести реформы в Армении, а при известных обстоятельствах она и не думала «торопить Порту» ввести те реформы, которые Порта обязалась перед Англией провести в силу ст. 61 Берлинского трактата. Английская дипломатия советует Турции быть осторожной, чтобы своими действиями в Малой Азии не создать «армянского вопроса» и не дать повода для вмешательства других великих держав в ее внутренние дела.

Англия пользовалась своими собственными международными и государственными правами; имея за собою право, как реальную силу, она давала Турции советы и указывала пути исполнения ее обязательств перед Англией и Европой на основании международного права. В жизни же действует не право угнетенных народов, а сила капитала, и все вопросы решаются реальным соотношением сил.

Посмотрим, как действовала Турция в Малой Азии и как умело проводила она программу Кямиль-паши и Англии. Для характеристики государственного права Турции ограничимся несколькими примерами.

Капитан Клейтон сообщает:

«Не только курды, но и офицеры и солдаты регулярных войск и полиции (заптии) обращаются к деревенским жителям с чрезмерными требованиями, бьют и притесняют их, если они не в состоянии удовлетворить их требования. Караван армян был остановлен курдами, которые ограбили его на 6 тысяч турецких лир (около 140 000 франков). Несколько дней тому назад один армян-

⁸⁹ Там же, стр. 58.

нин отправился в Эрзерум к мушскому епископу с письмами, в которых были изложены жалобы, его убили, а труп его исчез вместе с письмами. Кроме государственных податей, населению приходится еще платить подати курдам, выносить злоупотребления при распределении податей, дурное обращение курдов, турок, солдат и заптиев, преступления всякого рода, которые мусульманин может безнаказанно учинять над христианами. Правосудие бездействует⁹⁰. «Черкесы безнаказанно грабят по большим дорогам и в домах... Наряду с угоном рогатого скота отбирают и землю». Арестованных «разбойников выпускают на свободу. Правительство ничего не предпринимает», скорее — «ничего не хочет предпринять». «После ареста виновных власти выпускают их на свободу или закрывают глаза на их бегство». Чиновники Порты, «которые энергично принимаются за дело, порицаются Портой». «Курдских беков, которые бесчинствуют, грабят и разоряют армян, власть не только не наказывает, но осыпает почестями», несмотря на то, что они «более были бы достойны веревки». Губернаторы, которые действуют энергично, желая оградить армян от грабежа и позора, отзываются в Константинополь. «Комиссарам делаются выговоры за изгнание виновников беспорядков в Диарбекире и в Мардинском округе». Податная система и сбор податей является государственной системой грабежа и разорения христианского населения. Сборщики преследуют несостоятельных и сажают их в тюрьмы. Не только подати, но и побочные сборы и повторные взыскания разоряют армян, так как распри в получении налога не выдаются. Чиновники в течение нескольких лет не получают жалованья и обычно принимаются за грабеж. Если крестьянин не в состоянии платить налога, подвергают конфискации его имущество, а при протестах против незаконных действий протестующих убивают как мятежников. «Армянские поселяне не могут в настоящее время уплачивать своих податей вследствие грабежа курдов».

⁹⁰ Роллен-Жекмен. Указ. сборник, стр. 61.

Сборщики и чиновники, распределявшие подати, занимались вымогательством подарков и взяток у жителей. Совершенно не обращалось внимания на бедность того или другого плательщика податей. Взыскивались налоги даже с тех, которые находились в отсутствии, и даже с умерших. Собирание податей сопровождалось ненужными насилиями, оскорблением и даже иногда бесцельным разорением имущества. «Налоги, собираемые с армян, чрезмерно велики; взятки заптиев достигают «невероятных размеров, принимая самые отвратительные формы». Для характеристики государственно организованного грабежа армянского населения отметим следующие факты: «В Эрзеруме, где находится более восьми тысяч магометанских хозяйств, мусульмане платят 395 000 пиастров, между тем как христиане, домохозяйства которых насчитываются только 2000, вносят 430 000 пиастров»⁹¹.

В деревнях хозяйствами заптии. Если крестьянин должен заплатить, например, 20 рублей, заптий требует 40 и 50 рублей; поэтому между ними идет торговля, сколько в конце концов следует заплатить плательщику. Когда «армяне выходят из себя, протестуют и показывают расписку (об уплате налогов), то заптии, смеясь, заявляют, что предъявляемый документ не расписка, а несколько стихов из одной турецкой книги». Если ко всему этому прибавить откупную систему — вполне узаконенный грабеж, подарки обязательного характера, взятки и прочие безобразия турецких чиновников, тогда можно представить картину жизни армян после Берлинского трактата⁹².

Если перейти к рассмотрению прав армянского населения перед судом Турции, то здесь мы увидим планомерную деятельность правительства Порты и ее чиновников, направленную к проведению реформ по плану Камиль-паши и по советам Англии.

⁹¹ П. И. Беляев. Письма турецких жертв из Малой Азии — сборник «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», изд. 2-е, М., 1898, отд. П, стр. 53.

⁹² Роллен-Жекмен. Сборник. «Положение армян в Турции», М., 1896, стр. 61—64 и 73—78;

Мак-Коль. Там же, стр. 132, 133.

Грин. Там же, стр. 262, 263.

Гр. Диев. Там же, стр. 338, 339.

«Отказы армянам в правосудии», несправедливые по отношению к армянам, находят оправдание со стороны судебных органов Оттоманской империи, которые призваны осуществлять правосудие на основе шариата.

В Малой Азии суды можно было разделить на следующие категории:

1) Шариатские суды, которые судят по законам шариата, то есть по религиозным мусульманским законам. Основой решения дел и всего судопроизводства являются принципы Корана, а также все имевшие место прецеденты и дела, решенные по традициям, согласно постановлениям и решениям, основанным также на Коране, — так называемым фетвам. Состав таких судов исключительно духовный. В компетенцию его входят: решения семейных ссор, браков между мусульманами вопросы наследования, недвижимой собственности и т. д.

2) Низамские суды, которые делились на два рода:

а) Меджел — гражданское право, основанное на Коране и на различных дополнениях, которые были внесены мусульманской юриспруденцией под влиянием Корана в комментариях и кодификациях к нему;

б) Дестур, включающий в себя танзимат, ташкелар и кодекс, составленный на основе Кодекса Наполеона и других французских кодексов (гражданского и торгового права) с различными дополнениями и изменениями. В систему этих судов с 1879 г. внесено изменение, в силу которого проведено разделение между исполнительной и судебной « властью ». Однако эта реорганизация судов не имеет реального значения для армян.

Состав и юрисдикция низамских судов имели смешанный характер. В область их компетенции входили самые разнообразные дела: споры между мусульманами и христианами, гражданские и торговые, а также уголовные дела.

До 1879 года случалось, что добросовестный вали старался улучшить состав и делопроизводство судов. Теперь же он этого сделать был не в силах, потому что Порта имела свою определенную цель и никто не должен был осмеливаться мешать ей в выполнении ее задачи — «упразднении армянского вопроса».

Генеральный консул в Анатолии Вильсон в своем официальном донесении 1881 года говорит следующее: «Мне кажется, никогда престиж судов не падал так низко и судебная магистратура не была так порочна и продажна, как теперь. Захваченные воры пользуются покровительством судов, которые за это получают львиную часть из их добычи; простой приказ может заключить невинного на несколько месяцев в тюрьму; преступления и всевозможный гнет и несправедливость остаются безнаказанными. Кадии, в особенности кадии газа (округов), большую частью люди невежественные, безо всякого образования, знают лишь законы шариата, на которых основывают свои решения, да иногда и его не знают. Что касается простых членов суда, то почти про всех них можно сказать, что они находятся в полном невежестве и неведении закона и что едва ли 25% из них умеют писать по-турецки и читать те приговоры, которые они должны утверждать своей печатью. В коммерческих судах председатели совершенно незнакомы со своими обязанностями».

Лжесвидетели играют решающую роль в судебных процессах, и «придается большое значение показаниям мусульман»; естественно, «что большая часть этих лже-свидетелей является турками»; «приговоры суда признаются неправильными тогда, когда свидетелями противной стороны (бывают) христиане, а не мусульмане».

По законам танзимата все подданные империи равны перед судом, и показания христиан должны иметь такую же силу, как и показания мусульман. Этот закон получает реальное значение и международную санкцию в силу ст. 62 Берлинского трактата, где сказано: «Все будут допускаемы без различия вероисповедания свидетельствовать в судах»⁹³.

Хотя свидетельства христиан, по закону Турции и по международному праву, в силу ст. 62 Берлинского трактата, принимаются, но «на практике они не имеют никакой силы», пишут консулы и вице-консулы Сиваса, Трапезунда и Анатолии (Чермзайд, Биллиотти и Вильсон). Кроме того, следует отметить, что свидетельство христиан «против мусульман не допускается».

⁹³ Фр. Лист. Международное право. Юрев, 1909, прил., стр. XVIII (У Роллен-Жекмена значится ст. 63, см. стр. 83, очевидно — опечатка).

Если к этому прибавить продажность, взяточничество и другие преступления тех лиц, в руках которых находилось правосудие, то станет понятным, что сultанское правительство, зная все это, посредством суда еще более способствовало грабежу армян и их экономическому уничтожению, с целью изъятия армянского вопроса из оборота международного права и дипломатии⁹⁴.

Финансовая администрация стала бичом для армян. Эрзерумский вице-консул капитан Эверст (1880 г.) удивляется терпению народа в стране, где «грабить народ не считается преступлением; все руки администрации заняты тем же» — грабежом и преступлением, и где каждый рискует попасть в тюрьму или лишиться жизни.

Повинность постоя является одной из отвратительнейших норм мусульманского права в Оттоманской империи. «Каждый домохозяин христианского вероисповедания как подданный султана обязан по закону в течение трех дней безвозмездно содержать мусульманского путешественника или чиновника, который потребует этого, начиная с паши и кончая нищим. Женщины обыкновенно включаются в число предметов роскоши, на которые распространяются требования этого принудительного гостеприимства. При наступлении ночи мужчинам приказывают удалиться из дома, а женщины остаются во власти мусульманских гостей — полицейских, солдат, странствующих дервишей и т. п.»⁹⁵. Эта правовая норма халифата получила полное развитие и применялась успешно после Берлинского трактата и была одним из элементов программы Порты в осуществлении международного права в силу ст. 61 Берлинского трактата с благословения великих держав.

Организованный грабеж, насилие, гнет и порабощение стали системой управления в Армении, и армяне после Берлинского конгресса стали единственным объектом мысли государственных людей Турции. Соглашение между разбойниками и местными властями, как писал эрзерумский вице-консул Эверст, которое проц-

⁹⁴ Роллен-Жекмен. Указ. сборник, стр. 28, 30, 48 и 79—83;

Мак-Коль. Там же, стр. 134, 135;

Грин. Указ. сборник, стр. 272—295 и 300.

⁹⁵ Грин. Указ. сборник, стр. 139, 140.

ветало теперь в большей степени, чем когда-либо⁹⁶, не оставляло сомнения, что центральное правительство имело свою определенную программу, по которой и думало проводить реформы в Армении.

Эти общие замечания достаточны для характеристики политики Порты по отношению к армянам после Берлинского конгресса. Стоны и вопли армянского народа были общим явлением и обычным результатом проведения системы политической деятельности Порты. Великие державы знали прекрасно и отлично понимали эту тактику Порты.

Соперничество великих держав на Востоке, агрессивная политика России и противодействие ей Англии в армянском вопросе привели в конце концов к общему соглашению великих держав.

Державы выступают вместе, согласованно, а Порта зная силу и цену актов великих держав.

В чоте от 2 июля 1880 г. «великие державы настаивают на ст. 61 Берлинского трактата, по которому Порта обязалась ввести без дальнейших замедлений административные реформы и улучшения, которые требуются местными условиями провинций, населенных армянами, охранять безопасность этого народа от насилий и вымогательства курдов и черкесов и периодически сообщать о соответствующих мерах державам, на обязанности которых лежит следить за их исполнением. Насколько известно... правительству, высокая Порта никогда не сообщала о мерах, принимаемых ею сообразно с требованием ст. 61 Берлинского трактата. Все донесения, присылаемые агентами держав, доказывают, что положение этих провинций крайне плачевно... и правительство не может допустить, чтобы пункты Берлинского трактата, касающиеся реформ, оставались мертвою буквою. Уверенные при этом, что лишь совместная деятельность держав принудят высокую Порту исполнить обязательство... правительства, подписавшие Берлинский трактат, считают себя вынужденными потребовать полного и немедленного выполнения ст. 61 этого акта... Державы считают необходимым как для интересов самой империи, так и для интересов всей Европы обратить серьезное внимание на немедленное выполнение реформ в Турецкой Армении.

⁹⁵ Роллан-Жекмен. Указ. сборник, стр. 86.

5 июля турецкий министр иностранных дел Абедин-паша отвечает представителям держав нотой, что «ottomанскоe правительство намеревается выполнить эти пункты и послать во все части Курдистана (то есть Армении — Примеч. автора) и в другие вилайеты нескольких знающих чиновников, которые должны изыскать наиболее действенные мероприятия для обеспечения безопасности как армян, так и других верноподданных его величества султана». Паша перечисляет мероприятия, которые должны быть проведены в Малой Азии, и сообщает, что в «Курдистане», то есть в Армении, армяне, «согласно переписи, составляют только 17%». «Нота Абедин-паши, — пишет Роллен-Жекмен, — построена на административном и конституционном жаргоне цивилизованных стран»⁹⁷.

В шести вилайетах турецкой Армении: Van, Диарбекир, Битлис, Эрзерум, Муш и Харпут армяне составляли по сравнению с мусульманами большинство населения, а турецкая дипломатия, вычеркнув слово «Армения» и заменив его «Курдистаном», уменьшает число армян до вызывающих смех цифр. Порта утверждает, что в указанных провинциях реформы начаты; это утверждение является верным лишь в том смысле, как мы говорили выше, что проводилась программа Кямиль-паши.

Нота Абедин-паши представляет собою пустые слова без всякого содержания, это, несомненно, знали и великие державы, и Порта прибегла к этой ноте, хорошо усвоив язык западной дипломатии. Она служит лишним подтверждением того, что не армянский вопрос, а собственные интересы занимали и державы и Порту. Торжественно-многообещающая нота Абедин-паши пропитана духом европейского либерализма, дипломатического политика и западного псевдоконституционализма, рассчитанного на внешний эффект фразы. В нем ясно видна рука автора — джентльмена цивилизованного Запада и не менее ясно угадывается в ней стремление нажить добрый капиталец на темном армянском вопросе, еще более старательно затемняемом европейскими друзьями армян.

Великие державы вновь обращаются к Высокой Порте с коллективной нотой 11 сентября 1880 г. «В

⁹⁷ Роллен-Жекмен. Указ. сборник, стр. 91—95.

ноте от 5 июля, — гласит коллективная нота, — не видно серьезного желания положить конец грабежам курдов и черкесов..., только исключительно строгие меры могут положить конец этим насилиям, которые в провинциях, упоминаемых в ст. 61, составляют постоянную опасность для чести, имущества и жизни армян. В силу ст. 61 Берлинского трактата Порты обязана исполнить без дальнейшего промедления и ввести улучшения и реформы, диктуемые местными потребностями провинций, населенных армянами... Армяне утверждают, что в провинциях, в которых они составляют большинство, нет почти ни одного армянина на общественной должности. Их требования... законны». Неопределенный характер ноты паши не давал уверенности в искренности Порты в проведении реформ. Поэтому державы нашли, что «необходимо принять во внимание преобладание армянского населения в известных провинциях и предоставить армянскому народу соответствующее участие в организации правосудия». Далее указывается, что «необходимо исключить курдов из числа тех племен», на которые распространяется проведение реформ, обещанных «армянскому населению». «Все повинности и баршины, налагаемые курдами на армян и основывающиеся не на принципе права, а на укоренившихся злоупотреблениях, должны быть уничтожены»⁹⁸ (и так далее).

Коллективная нота шести великих держав доказывает неопределенность политики Порты и ее нежелание провести реформы в Армении согласно ст. 61 Берлинского трактата, и поэтому настойчиво требует немедленного выполнения, «не теряя времени, реформ, обеспечивающих жизнь и собственность армян», принятия тотчас же мер против набегов курдов, немедленного применения новой финансовой политики, установления для жандармерии лучшей организации и т. д.; «реформы должны проводиться под наблюдением держав». (Подписи на ноте представителей держав: Гицфельд, Новиков, Горен, Корти, Тиссо и Каличе⁹⁹.

Эта нота характерна тем, что державы считали себя вправе вмешиваться во внутренние дела Турции и

⁹⁸ Роллен-Жекмен. Указ. сборник, стр. 103.

⁹⁹ Роллен-Жекмен. Указ. сборник, стр. 103.

указывать конкретные меры для проведения реформ и организации правовых учреждений и органов власти в Армении. На этот счет державы договорились, но в основном «покровители» армян и защитники «христиан» не могли сговориться, и все их добрые пожелания, изложенные коллективно в ноте, ничего не стоили.

Возникает вопрос: если бы Порта не пожелала исполнять ст. 61 Берлинского трактата и не захотела считаться с требованиями послов шести держав, изложенными в ноте, то какими мерами они должны были бы настаивать на проведении реформ в Армении?.. Этот основной, кардинальный вопрос был обойден нотой, и державы тем самым дали туркам возможность спокойно рассматривать ноту как клочок бумаги, на котором красовались подписи представителей (послов) шести великих держав.

Турки поняли и со своей стороны дали понять, что им ясно, что державы не достигли полного единодушия в армянском вопросе и что они не могут предпринять серьезных мер для защиты армян, имея в виду собственные интересы и общую международную обстановку. Турки говорили красивые слова, а представители держав жаловались: «На наши требования не было обращено внимания, наша торжественная нота получила недобросовестный ответ, а коллективная нота осталась совсем без ответа... Армения теперь не восстанет. Турецкое правительство убеждено, что если оно будет продолжать противиться исполнению ст. 61 Берлинского трактата, то Европа сама не приступит к выполнению его». Роллен-Жекмен отвечает им: «Если вы требуете дела, а не слов, то сначала докажите сами, что готовы в случае нужды от угрозы перейти к делу¹⁰⁰.

«Честный маклер» разрешил вопрос просто: «Теперь, — сказал Бисмарк, — крайне неуместно поднимать армянский вопрос». «Все ограничилось, таким образом,— пишет Роллен-Жекмен,— одной лишь дипломатической комедией».¹⁰¹ Комедия честного либерала и реальная политика, вытекающая из реальных интересов господствующих классов империалистических стран, доказывают фиктивность и ничтожность меж-

¹⁰⁰ Роллен-Жекмен. Указ. сборник, стр. 109.

¹⁰¹ Роллен-Жекмен. Указ. сборник, стр. 91.

дународных норм в разрешении международных проблем. Еще раз приходится отметить, что не юридическая норма и не международные обязательства играют решающую роль в разрешении основных вопросов общественной жизни, а реальное соотношение сил и интересов.

Протесты и угрозы имеют реальную основу лишь тогда, когда за ними действительно могут последовать активные действия, когда от слов говорящие переходят к делу.

Великие державы и не думали применять силу и силою отстаивать содержание своих нот, а Турция была заранее осведомлена, что все ноты носят характер демонстрации и скорее направлены не против Порты, а служат обменом мнений между державами. Столкновение интересов держав на Востоке давало право Порте даже не отвечать на коллективную ноту, так как она понимала ее сущность и знала об отсутствии каких-либо последствий для себя, ибо державы ни в коем случае не перейдут от слов к делу.

Англия была защитницей коллективной ноты держав и настойчиво требовала проведения реформ в Армении. Это ее требование, как и вся деятельность английской дипломатии в 1879—1880 г. по армянскому вопросу, объясняется тем, что в это время Англия добивалась оккупации Египта и пыталась при помощи постоянного поддержания остроты армянского вопроса воздействовать на султана мирным путем для того чтобы добиться от него согласия на оккупацию Египта. Другим державам были хорошо известны эти планы Англии, и они не только воздерживались, но даже отказывались способствовать захвату англичанами Египта.

Агрессивная колониальная политика империалистических стран и заинтересованность великих держав на Востоке были альфой и омегой дипломатической жизни того времени, а Армения и армяне были объектом их торга. Не национальные интересы армян, не человеческое империалистических дипломатов и не зверства турок, а интересы капиталистических стран были предпосылками создания ст. 61 Берлинского трактата и осуществления его на практике.

После дипломатического поражения Англии и молчаливой поддержки Турции со стороны России, Германии, Франции, Австро-Венгрии и Италии турки почувствовали значение ст. 61 Берлинского трактата и наметили путь освобождения себя от объекта армянского вопроса как от причины постоянного вмешательства держав во внутренние дела Оттоманской империи и как средства оказания давления на них.

Турция уже имела случай видеть агрессивную политику Англии, когда в ноябре 1879 г. «английское правительство доходит до того, что дает своей эскадре, стоящей в Мальте, направиться к Армении с демонстративной целью», чем английская дипломатия привела «в сильное замешательство турецкое правительство»¹⁰². Турция тогда поняла, что Англия в своих требованиях в отношении Египта перешла к активным действиям.

Одновременно с этим в Англии образуется англо-армянский союз, преследующий цели пропаганды автономной Армении в Европе. В правление союза входят, кроме видных армян, политические деятели Англии, а секретарем избирается Эдуард Грей, впоследствии — министр иностранных дел Англии. Союз основывает печатный орган на французском языке — «Армения». Действительным мотивом этой пропаганды являлась необходимость для Англии постоянно тревожить Порту армянским вопросом при помощи дипломатических воздействий, осуществляя таким образом мирным путем свои скрытые империалистические замыслы, так как военное выступление в это время было невозможно и рискованно.

Александр III был ярым противником создания новой «неблагодарной Болгарии», то есть Армении, у малоазиатских границ великодержавной России. Интересы царской России требовали захвата Константинополя, если не прямым путем, то кружным — через Малую Азию, а свободная Армения была бы ей в этом помехой. Политика Александра III ставила своей целью — не создание автономной Армении в Турции, что послужило бы побудительным средством для освободительных стремлений закавказских армян, а искоренение среди

¹⁰² Эм. Дильтон. Указ. сборник, стр. 333; см. также Гладстон В. Положение армян в Турции, стр. XIV.

армян идеи свободной Армении. Политика эта нашла свое яркое выражение в словах русского дипломата Лобанова-Ростовского, который говорил: «России нужна Армения без армян». И действительно, царизм преследовал армян в пределах России, линчал их культурно-просветительной организации, закрывал школы и т. п.

В это время Германия также вступает на путь колониальной политики и Турция является для нее ареной политической и дипломатической деятельности. Другие державы также преследовали в Турции свои цели. Армянский вопрос замирает, и Берлинский трактат временно кладется под сукно.

Турция же в это время спокойно приступает к осуществлению идеи Кямиль-паша: организуются полки гамидиэ, объединяются курдские и другие разбойничьи шайки, вырабатываются планы военных действий против безоружного армянского народа.

1894—1895 годы становятся годами избиения армян в Турции, годами, известными всему миру и освещавшими кровавым заревом армянский народ. В этот период погибло до 300 000 армян. 300 000 человек пали жертвой политики турецкой дипломатии, поставившей целью уничтожить объект вмешательства европейских держав и освободить Турцию от их всевозможных дипломатических комбинаций.

На основании ст. 16 Сан-Стефанского договора и ст. 61 Берлинского трактата и в результате «освободительной политики» великих держав триста тысяч армян были вырезаны.

«Теперь доказано, — пишет проф. Диллон, — что Сасунская резня армян была сознательным делом представителей блистательной Порты — делом, которое было заботливо подготовлено и беспощадно выполнено, несмотря на то, что эти ужасы вызывали содрогание даже в курдских разбойниках и чувство сострадания даже в сердцах турецких солдат»¹⁰³.

¹⁰³ Эм. Диллон. Указ. сборник, стр. 333.

РОЖДЕНИЕ

В восьмидесятых годах среди армян Закавказья прошла волна политических исканий и как грибы после дождя в Тбилиси стали создаваться политические кружки и организации. Они не носили национального характера и состояли в основном из свободолюбцев разного толка. Еще в 1884 году Раффи написал произведение «Искры», но армянская молодежь ее восприняла довольно сдержанно. Тем более его идеи еще не дошли до Западной Армении. Армянские студенты на своих тайных собраниях читали и изучали Дарвина, Форста, Спенсера, Маркса, Лассала и других. Они читали и распространяли запрещенную русскую литературу и ничем не отличались от своих иноплеменных сверстников. Все они были интернационалистами, и всех их волновала лишь судьба России. Несмотря на строгие меры, предпринятые после убийства царя Александра II и отставки Лорис-Меликова, армянская молодежь была уверена, что дни царского самодержавия сочтены. Один из основоположников Дашнакской партии, Христофор Микаэян, так описывает то время: ««Народная воля» была той единственной партией, под влиянием которой находилась молодежь Кавказа. Идеалы Социалистического интернационала звали молодежь на жертвы и борьбу, и она мечтала только об этом. Никаких национальных или политических проблем она не обсуждала. Русские, грузины, армяне жили одной мечтой: борьба против существующего строя. И даже незначительные национально мыслящие кружки призывали к борьбе с царской властью, поскольку эта власть закрыла армянские школы».

Христофор Микаэлян

Но вот постепенно в Россию стали поступать сведения о тяжелом положении армян в Турции, и армянские интернационалисты задумались над судьбой нации. В этом вопросе огромную роль сыграл сам Христофор Микаэлян. Он тогда руководил кружком рабочих из Муша, которые не умели читать и писать, и Христофор обучал их грамоте. Скоро вокруг этого кружка собралась армянская молодежь и создала организацию «Молодая Армения», которая впоследствии стала называться «Южные номера» — по названию гостиницы, где собирались члены организации.

В 1890 году «Молодая Армения» послала своих представителей М. Маргаряна и Овсепа Аргутяна в Западную Армению. К ним присоединился член московского студенческого кружка Аршак Бархударян. То, что они увидели в Эрзеруме и Константинополе, потрясло их. Армяне предъявили турецкому правительству различные требования и организованно вышли на демонстрацию. Демонстранты были буквально вырезаны, на что общественность Европы и России ответила громом протестов. Это еще больше воодушевило армянскую молодежь, и на повестку дня встал вопрос создания политической организации. Несмотря на то, что такой организации еще не было, в провинциях распространялись слухи о том, что в Тифлисе под руководством Григора Арцруни создан Комитет борьбы за освобождение Армении и что армянские богачи субсидируют этот комитет. Особые восторги эти слухи вызвали в Карабахе, куда прибывали миссионеры из Западной Армении, рассказывавшие о положении армян в Османской империи.

И, наконец, после долгих споров вокруг программы организации летом 1890 года была создана политическая партия, которая называлась «Союз Армянских Революционеров», дословно с армянского — Содружество Армянских Революционеров.

Мы не располагаем протоколами и подробностями этих бурных собраний. Всеобщее возбуждение тех дней, правила конспирации и неосознанность того, что создание этой партии является одной из самых блестящих страниц новейшей истории Армении, отразились на характере документов тех лет, к сожалению, почти не сохранившихся. Да и в поздних воспоминаниях основатели партии оставили очень скучные воспоминания о днях

Заварзин

Симон Заварзин

зарождения партии. Из немногочисленных свидетельств, выступлений и кратких резолюций становится ясным лишь общий замысел основания партии, который заключался в объединении всех армянских революционеров и кружков в одну организацию. А кружков и революционеров было очень много. Были народники — Дастакян, Микаэлян, Заварян; были крайние шовинисты — К. Хатисян; патриоты — О. Аргутян, М. Шатирян, Г. Степанян, Н. Гагесян, Х. Юсуфян, Н. Матисян, А. Нарбекян; была интеллигенция, собранная вокруг газеты «Мшак», как например, Акнуни, и, наконец, были чистые марксисты, члены партии «Гнчак» («Колокол»).

Когда встал вопрос об объединении всех этих групп, партия «Гнчак» предъявила свои требования, которые были изложены в следующем виде: «Революционная партия должна иметь свою программу. Если вы хотите, чтобы партия «Гнчак» объединилась с вашей организацией, нужно, чтобы ваша программа обязательно была социалистической». Собсуждая это письмо, основатели партии высказали следующую точку зрения: «Конечно, партия должна иметь программу, но она должна быть такой, чтобы не отпугнуть других. В частности тех, кто помогает нам материально. Мы должны найти формулы, приемлемые и для «Гнчака», и для всех армян. Главное не в словах, а в деле. А дело будем вести мы так, как мы того сами захотим, не ограничивая себя никакими идеологическими формулами». Эта формула была найдена, но о ней — ниже.

После долгих споров о месте пребывания руководства партии было решено, что им будет Тифлис. В состав первого правления партии вошли Христофор Мичэлян, Симон Заварян, Абрам Дастакян, Левон Сардарян и Арутюн Лорис-Меликян. В этом же году был основан орган партии «Дрошак» («Знамя»). Партия «Гнчак» недолго удержалась в составе новой партии. Считая, что новое движение не соответствует идеалам социализма, она вскоре отделилась от партии «Дашнакцутюн». Интересно отметить, что первая программа дашнакской партии была опубликована лишь в 1894 г. в сентябрьском номере журнала «Дрошак», то есть четыре года спустя после основания партии. В этой связи возникает естественный вопрос: как могла партия в течение четырех лет действовать без программы? Отвечая на этот во-

прос. один из сегодняшних руководителей партии Грач Таснапетян пишет: «100 лет тому назад для тайной революционной партии было нелегко составить такую программу, которая удовлетворяла бы реальным требованиям народа. Не было и других аналогичных партий, у кого можно было перенять опыт. И только с течением времени, основываясь на личном опыте, стало возможным составить общую программу. И отличительной особенностью этой программы было то, что составлялась она по частям, по мере решения конфликтных вопросов».

Самые бурные споры были вокруг цели партии. Кружок «Южные номера» состоял исключительно из молодых людей, которые в основном были социалистами и сторонниками русских эсеров. Они требовали земли и свободы и считали, что в будущей свободной Армении должна быть ликвидирована эксплуатация рабочих и крестьян, а потому требовали борьбы против армянских капиталистов и помещиков. Другой кружок, «Северные номера», состоял из более пожилых и консервативно настроенных армян, которые признавали необходимость освобождения Армении революционным путем, но находили, что законы будущей Армении должны будут защищать интересы буржуазии точно так же, как это делалось в Западной Европе. Именно на основе столкновения двух этих мнений и возник тезис, который впоследствии вошел в программу партии. Тезис гласил: целью партии является достижение революционным путем политической и экономической свободы в Турецкой Армении. Это первое программное заявление было утверждено на первом общем собрании партии. На этом же собрании было решено, что партия имеет централизованную структуру руководства с центральным органом управления.

В мае 1891 г. вышел в свет первый номер «Дрошака» как центрального органа партии. Его редакционная статья разъясняла программные положения: «Наша партия не может согласиться с теми, кто желает только дипломатическим путем добиться своих целей, поскольку чистая дипломатия не считается с человеколюбием. Наши дипломаты руководствуются собственными интересами и правом сильного. Европа не для нас, пусть знают армяне, что они ничего не получат, пока армян-

ская земля не будет пропитана кровью. С другой стороны, партия не может согласиться с теми, кто, подобно европейцам, освобождение Армении связывает с деятельностью пролетариата, потому что до тех пор, пока в Турции нет промышленности и крупных заводов, противостоянно поднимать подобные вопросы. Для той страны, где преобладает крестьянство и партиархальный уклад, не может быть и речи о европейском социализме. Обсуждая экономические проблемы, нужно руководствоваться общей культурой страны и ее национальными и историческими особенностями. Земельный вопрос — это наш главный вопрос. Земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает».

Таким образом, отдельные положения будущей программы публиковались в редакционных статьях центрального органа партии, и, наконец, в 1894 г. была опубликована полная программа, основные положения которой мы приводим в переводе с армянского. Нужно заметить, что в этой первой программе изменению подверглось название самой партии: если при рождении она называлась «Содружество Армянских Революционеров», то теперь она стала называться «Армянское Революционное Содружество» (Ай ехапохакан Дашибакцутюн).

Итак, первая программа партии.

ПРОГРАММА АРМЯНСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО СОДРУЖЕСТВА

Цель.

Целью Армянского Революционного Содружества является приобретение в Турецкой Армении с помощью восстания политической и экономической свободы, руководствуясь принципом, что каждый человек является хозяином собственным трудом заработанных продуктов, что равный труд предполагает равное право пользования жизненными благами.

Армянское Революционное Содружество считает необходимым выдвинуть следующие требования.

1. В будущей Армении народно-трудовое правительство, служа общим интересам, должно быть избрано народом на основе равного избирательного права без имущественного ценза.

2. Любыми средствами обеспечение жизни и работы.

3. Различные нации и религии равны перед Законом.

4. Свобода слова, прессы и другие свободы, которые приняты в демократических странах.

5. Отдать землю тем, кто ее не имеет, и дать им возможность обработки этой земли.

6. Система налогообложения на все, что подлежит налогообложению — урожай или имущество — должна исходить из принципа возможностей и справедливости, которые имеют глубокие вековые корни в нашем народе.

7. Ликвидировать военные налоги, заменив их по необходимости воинской повинностью.

8. Всеми средствами поощрять развитие и образование народа.

9. Развивать национальную промышленность, внедряя новые способы, и расширять экспорт товаров.

10. Среди крестьян развивать коллективные начала в тех формах, которые присущи армянским крестьянам и которые сложились в течение веков на армянской земле.

Средства

Армянское Революционное Содружество для достижения своих целей с помощью восстания организует революционные группы, которые, ведя постоянную борьбу против правительства, одновременно борются против тех общих условий, от которых страдают не только армяне, но и айсоры, езиды, часть курдов и миролюбивых турок. Это направление имеет очень важное значение: оно способно если не объединить эти группы для общей борьбы, то по крайней мере — нейтрализовать их оппозицию по отношению к армянам.

1. Пропаганда главных принципов, целей и революционного отношения к делу дашнакской партии.

2. Организовать боевые группы и подготовить их как идеологически, так и практически.

3. Приложить усилия для поднятия общего революционного духа народа.

4. Вооружить народ.

5. Организовать революционные комитеты и установить между ними тесные связи.

6. Исследовать революционный потенциал страны и ее народа (имеется в виду Западная Армения.— Э. О.) и постоянно снабжать соответствующими сведениями руководство партии.

7. Найти источники материального снабжения партии.

8. Подвергать террору представителей власти, изменников, предателей, ростовщиков и всякого рода эксплуататоров.

9. Защищать народ от нападений грабителей и бандитов.

10. Разработать каналы отправки людей и оружия на Родину.

11. Разорять и разрушать правительственные учреждения.

12. Оружием, деньгами и людьми помогать группам и отдельным товарищам.

Примечание: Революционные силы разделяются на две группы: организующие и боевые. Первая группа осуществляет 1—7 пункты, а боевые 8—12 пункты.

Организация

На основе предыдущего опыта Дашнакская партия убедилась, что в революционном деле не может существовать проблемы прав и требований, но — лишь проблема морального долга. Если отдельный революционер или комитет бесстрашно и самоотверженно посвятил себя революционному делу, верой и правдой служит этому делу, не страшится тюрьмы или виселицы, Дашнакская партия будет питать к нему глубокое уважение, будет верить в него и выполнит свой товарищеский долг по отношению к нему.

Опираясь на это начало, общее собрание Дашнакской партии приняло принцип децентрализованного руководства, который наиболее соответствует морали революционного дела и который в прошлом частично был осуществлен.

Действующие на этом принципе комитеты сотрудничают друг с другом через Общее Собрание, которое и разработало настоящую программу и решения которого обязательны для всех. Только Общее Собрание может внести изменения в программу партии.

Организация принимает следующую форму.

1. Все комитеты в городах и деревнях ведут свои внутренние дела самостоятельно и независимо от кого бы то ни было.

2. Несколько провинциальных групп, объединяясь, образуют район, который имеет свой центральный комитет.

3. Если в селах, прилежащих к Западной Армении, партийных групп нет, комитет распространяет свою деятельность за пределы своих границ.

4. Каждый член партии подчиняется тому комитету, в котором он состоит.

5. Там, где нет партийного комитета, член партии действует самостоятельно, связавшись с ближайшим комитетом.

6. Для партийных комитетов и отдельных членов существует строгий товарищеский суд.

7. Ошибки и промахи отдельных членов комитета рассматривает сам комитет, а ошибки комитета в целом рассматривают представители близлежащих комитетов.

Бюро

1. Сведения о своей деятельности, а также свои просьбы и требования все комитеты направляют в тот орган, который называется Бюро.

2. В настоящем принятто два таких бюро: в России и в Иране.

Вот с такой необработанной, идеологически недостаточно четкой программой в армянской действительности появилась дашнакская партия. В дальнейшем необработанность и несовершенство программы руководители партии объясняли тем, что они не пытались уподобить свою программу хорошо разработанным программам различных европейских организаций, они хотели, чтобы

РОСТОМ

Ростом

их программа была как можно больше армянской и исходила из конкретной ситуации Западной Армении.

Трудно утверждать, что это им удалось, и тем не менее 1892—1895 годы стали годами быстрого роста, распространения и укрепления партии. Большое количество членов партии было направлено в Западную Армению для пропаганды и боевых действий. Среди них — Арабо, Маркар Варжапет, Аветисян, Грайр, Герсими, Кери, В. Юно и другие. Была организована переброска оружия в Западную Армению из складов, которые были созданы в персидском Артпatakане, в Сурмалу, Карсе и Александриополе. А в Тебризе была создана оружейная мастерская. Партийные ячейки были созданы в Константинополе, Трапезунде, Батуми, Новом Нахичеване, Тбилиси, Баку, Гандзаке, Карабахе. Кроме того, партийные комитеты были созданы на Балканах, в Египте, на Кипре, в Женеве, в Париже, в Марселе, а начиная с 1896 года также в США.

Децентрализация управления способствовала быструму распространению организации, а нехитрая программа партии позволяла всегда оставаться ей верной. Комитеты и отдельные члены партии вели свою деятельность самостоятельно и только изредка, в пределах своих возможностей, посыпали информацию Тифлисскому Бюро или редакции «Дрошак» в Женеве, которая с 1898 года стала Западным бюро.

В этот период и до II съезда вся деятельность партии заключалась в формировании образа армянского революционера, и этой деятельностью руководили кристально чистые и до конца преданные делу Христофор Микаэлян (в Тифлисе и Баку), Симон Заварян (в Тифлисе), Ростом Зорян (в Женеве, как главный редактор «Дрошак», в Карине, Персии и Закавказье), Ованес Юсуфян (Константинополь, затем Америка), Овнан Давтян (Атрпatakан и Женева), Ишхан Овсеп Аргутян, Вардан, Никол Думан, Аристакес Зорян и Галуст Алоян (Атрпatakан), Петро и Вазген (Васпуракан), Гурген и Тигран Оганян (Карин и Басен), Грайр (Басен и Тарон), Абро (Сасун), Гарегин Хажак (Балканы и Измир), Армен Гаро и Мар (Египет и Константинополь).

Врамян (Полис и Америка), Вардкес Серопкюрян (Полис, затем Ван), Бабкен Сюни и Хачик Гнуни (Полис), Аршак и Левон Татевосяны (Тифлис и Гандзак),

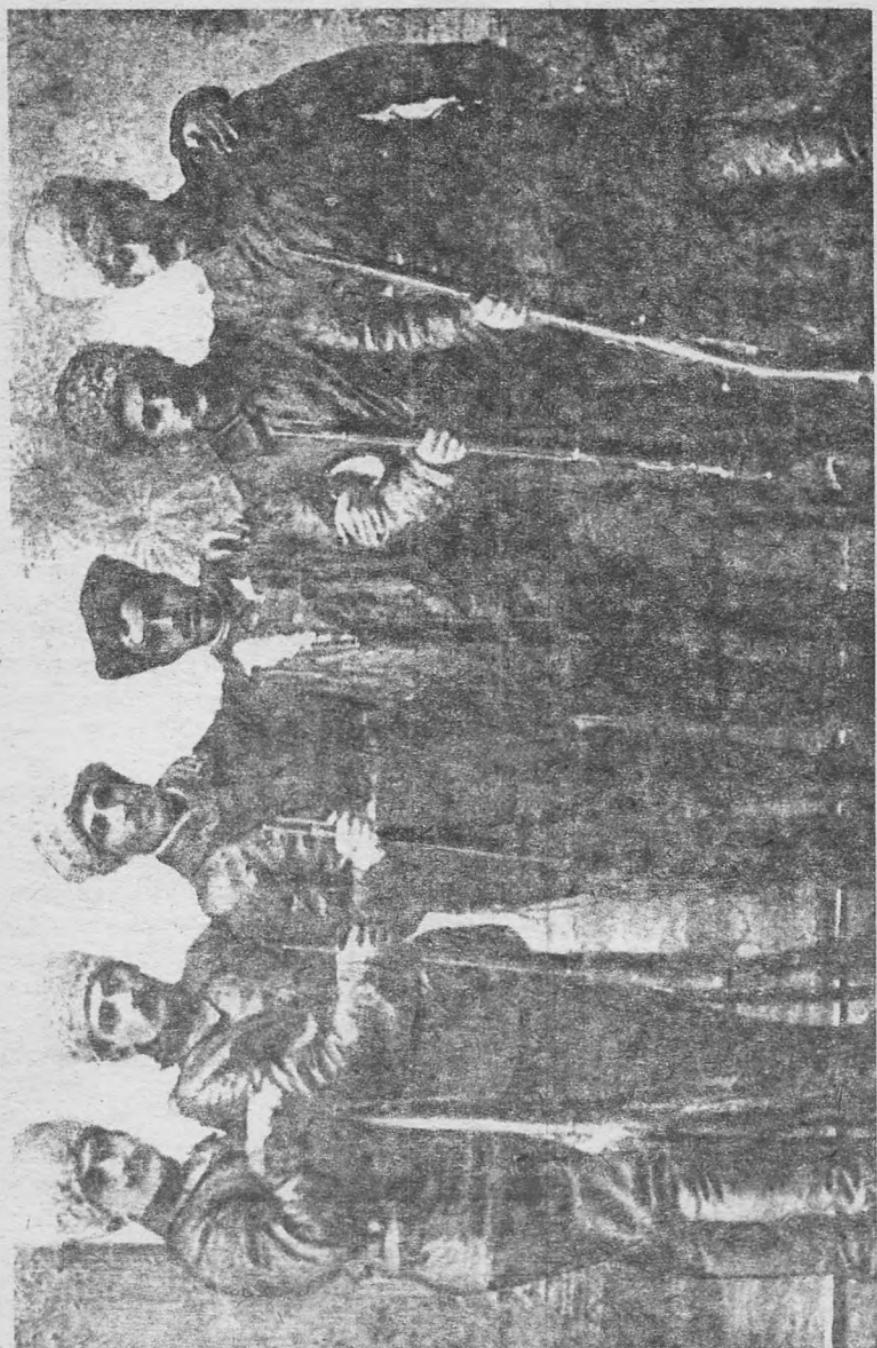
Айр Абраам (Тифлис), Арутюн Шагрикян (Трапезунд, затем Баку), Мартин Шатириан, Мартирос Маргарян и Амазасп Норатян (Батуми — Карс).

Мы перечислили только главных. Из них никто не умер своей смертью, все они погибли в борьбе за свободу Армении. Какова же была эта борьба? Этому вопросу мы посвятили специальную главу, которая озаглавлена «Деятельность», но тот начальный период, который проходил до 1898 года, то есть до второго съезда партии, когда комитеты и члены партии действовали по собственной инициативе, видимо, может быть рассмотрен именно в этой главе, поскольку с этой деятельностью рождалась партия, и трудно определить: движение ли родило партию или партия — движение?

В 1893—1896 гг. в Константинополе была создана крепкая подпольная организация, которую создал Ованес Юсуфян. В 1892 г. он перешел из Карса в Константинополь и воспитал целое поколение революционеров, ставших впоследствии руководителями партии. Среди них Арташес Минасян, Артанис Андреасян, Артемис Девян (Египтаци), Бабкен Сюни, Зармайр (Вардкес Серенгулян), Аршак Врамян (Ваган), Ваагн Татевян, Сев Ашот, Ваграм Шагбаз, Врам Кептирян, Хачик Гнуни и другие.

Как столица Оттоманской империи и полуевропейский город, Константинополь был очень удобным местом для организации внешней пропаганды. Именно с этой целью и развернула партия террористическую деятельность в столице империи. Сначала один за другим были убиты все те армяне, которые занимали высокие посты при дворе султана и верно служили ему. Так, от дашнакских рук пали Максут Симон-бей, руководитель разведки султана Арташек, руководитель жандармерии Адиси Тигран, бывший епископ Мамбре Бенлян, хирург М. Тутунджиев и другие.

С целью привлечения внимания к армянской проблеме дашнакская партия предприняла также две крупные акции в столице Оттоманской империи: взятие Оттоманского банка и вооруженные столкновения с полицией в районе Саматии, которая была заселена армянами. Взятие Оттоманского банка было первым политическим террором в мировой истории. 26 боевиков дашнакской партии по заранее разработанной программе ворвались

Руководители Басенского комитета

во главе с молодым Бабкеном Сюни в полдень 14 августа в банк и взяли заложниками 150 человек — служащих банка и посетителей. Сам Бабкен Сюни погиб во время операции от взрыва бомбы, и руководство операцией взяли на себя Грач и Армен Гаро. Пока боевая группа удерживала банк, другие участники операции раздавали иностранным посольствам требования дашнакской партии о немедленных реформах в стране. Банк был окружен войсками, и несколько часов продолжалась ожесточенная битва между горсткой дашнаков и регулярной армией Оттоманской империи. Смельчаки не сдавались, а иностранные посольства, боясь за судьбу денежных вкладов своих стран в Оттоманском банке, стали посредниками в переговорах между воюющими сторонами о прекращении огня.

Представители посольства России Максимов от имени всех иностранных посольств Константинополя попросил армянских революционеров выйти из банка и покинуть страну. Максимов обещал, что обеспечит беспрепятственность их выезда и уже на следующий день представит им требование всех послов о проведении реформ в Оттоманской империи. После долгих колебаний армянские революционеры, у которых уже кончались боеприпасы, утром 15 августа в сопровождении директора банка Эдгара Венсена и Максимова покинули здание банка, оставив там 4 убитых и 5 тяжелораненных. Революционеров направили на пристань. В банке никто из заложников не пострадал, и деньги остались нетронутыми. Но Максимов не сдержал своего слова. На следующий день французский корабль «Жиронт» армянских революционеров как арестантов увез в Марсель. Впоследствии некоторым из них удалось бежать из марсельской тюрьмы. Других сослали в Буэнос-Айрес, откуда многие бежали на Балканы, в частности Ваган Шагбаз, который должен был сыграть решительную роль в Васпуракане.

В то время, как в Оттоманском банке разворачивались трагические события, в одном из районов Константинополя, в Саматии, которая была населена в основном армянами, происходили ожесточенные вооруженные столкновения между бойцами дашнакской партии и турецкой регулярной армией. 18 часов длились эти столкновения. В бою погибли Хачик Гнуни, братья Мисакя-

ны. Сурен и другие. С армянской стороны были применены 154 самодельные гранаты, причем в битве наравне с мужчинами участвовали и женщины. Эти действия сыграли определенную роль в привлечении внимания Европы к армянским проблемам, и европейцы даже с какой-то симпатией стали относиться к народу, о существовании которого многие ранее и не знали, а те, кто знал, считали их рабами султана, терпеливо сносящими избиения и даже уничтожение.

С трибуны французского парламента Жан Жорес и другие выступали с проармянскими речами, а старик Гладстон удвоил свои усилия в защиту прав армянского народа. Россия даже начала подготавливать военно-морское нападение на Турцию, чтобы оправдать свой авторитет защитника христианских народов. Но как всегда этот шум вокруг армянской проблемы быстро утих, ибо поднят он был общественностью, но не политическими лидерами мира, чьи интересы в армянском вопросе не совпадали.

Активную деятельность развернула дашнакская партия в Иране, в особенности в Тавризе, Салмасте, Маку, где были созданы базы для переброски людей и оружия в Западную Армению. Позже такие перевалочные пункты были созданы в Қарсе, Ереване и Сурмалу. В дашнакский комитет Тавриза вначале входили Овнан Давтян, князь Овсеп Аргутян и Никол Думан (Тер-Оганесян), которые в качестве учителей обосновались в Тавризе. С ними сотрудничали Сатеник Матитян, Саркис Меграбян, священник Баграт Тавакалян (Заки), Сев Кареци Сако, Саркис Оганджаян, Галуст Апоян (Дарвиш), Каро (Арис Зорян) и другие. Впоследствии активными деятелями в Иране стали Степан Степанян (Баладжан), доктор Карапет Пашаян (Гапарик), Самсон Татевосян (Гарегин) и Арменак Охикян (Спак). Некоторые из них доставляли в Иран различные части и приспособления для изготовления оружия, которое делалось в оружейных мастерских. А боевые группы под руководством Никола Думана совершали нападения на турецкие и курдские вооруженные отряды и помогали армянским деревням в самообороне.

Но самым смелым предприятием дашнакской партии в Иране была так называемая Қанасорская операция, которая была задумана как акция мести курдскому пред-

Группа Фиданов

водителю Шариф-Беку, а также как средство пропаганды необходимости реформ в Армении. В 1895 году Шариф-Бек со своей группой (мазрик) сыграл решающую роль в уничтожении дашнакских боевых групп Аветисяна, Пето и Мартика, партийное собрание района решило отомстить ему. Решение это далось с трудом: князь Аргутян, Вардан и Вазген были против, они предпочитали без большого шума накапливать силы и организовывать боевые группы в Васпуракане и Сасуне. Христофор Оганян, Никол Думан и Галуст Алоян настаивали на осуществлении акции. Среди действовавших трехсот дружинников также были разногласия. В связи с этим бюро партии в начале июля 1896 года послало в Тавриз Арутюна Шагикяна для улаживания конфликта и организации задуманной акции, что и было им осуществлено. Руководителем нападения комитет назначил Вардана, а его заместителем князя Аргутяна. Здесь мы видим, что партийная дисциплина была безукоризненно строгой и руководителями боевой акции были назначены именно те, кто ей противился, считая нападение нецелесообразным.

24 июля 1897 года после принесения торжественной клятвы группа из 253 дружинников перешла ирано-турецкую границу и направилась в Ханасорскую долину, где располагалась вооруженная группа Шариф-Бека. Армяне напали на курдов неожиданно, но они смогли ответить сразу же. Этот бой продолжался 12 часов, и к утру 25 июля курды были полностью уничтожены. Однако самому Шариф-Беку удалось бежать в женской одежде. По строгому приказу Вардана женщины и дети были пощажены. В бою был убит гость Шариф-Бека, сотник турецкой армии. Но вскоре с гор начали спускаться отряды курдов, которые заполнили всю Ханасорскую долину. Армяне с боем стали отступать к границам Ирана. В боях они потеряли 20 человек убитыми, в том числе Каро, брата Ростама, Хана, Кретаци, Сагатела, Шаварша, Хачика и других.

После ханасорской акции турецкое правительство потребовало от Ирана введения больших строгостей по отношению к армянам, и положение их в Иране стало значительно менее свободным. Начались аресты. Среди арестованных был также князь Аргутян, которого иранские

Аргутян

власти передали России, где он был отправлен в ссылку и пробыл в ней до 1898 года.

С 1895 года дашнакские комитеты и группы действовали также на территории Османской империи, в Западной Армении. Эти группы были сосредоточены в Трапезунде, Карине, Ерзика, Ване, Муше, Багеше и Хнусе. Их основная задача заключалась в доставке оружия и организации бригад самообороны в армянских селах, которые постоянно подвергались нападениям курдов и турок. Главным руководителем этого направления был сам Ростом, который на большую часть года покидал редакцию «Дрошака» и направлялся в Каре, Карин и Антропотену. В этом районе действовали такие пламенные революционеры, как Арабо, Сероб, Грайр, Гамул и другие. В 1896 году Грайр был арестован. Его подвергли таким пыткам, что он повесился в тюрьме.

Особое место среди революционеров Западной Армении, в частности в районах Багеша и Сасуна, занимает Варданян Сероб, который в конце 95-го года с двадцатью семью бойцами прибыл в этот район, место своего рождения. Он создал в армянских селах партийные комитеты и группы самообороны, которые оказались спасительными во время погромов, устроенных Абдул Гамидом в 96-м году. Несколько раз турецкие войска окружали его дом, но он со своими смельчаками то с боем выходил из окружения, то благодаря своей находчивости исчезал из-под носа турок. Постепенно его имя становилось легендарным, он был настоящим народным героем, защитником крестьян, звавшим его «Ахбюр-Сероб» (Родник-Сероб). Его блестящие победы над регулярными турецкими войсками в Шамиране, Джргоре, Согорде, Нембуте, Сасуне, Хатвине были просто фантастическими по своей дерзости и самоотверженности, и народ сложил песни о своем Серобе. Рядом с ним боролась его жена Соце, которая также вошла в историю армянского революционного движения как героиня. Сероб был не только организатором и вождем революционного движения в Западной Армении — черты его личности стали идеальным образом дашнакского фидания. Сероб трагически погиб в октябре 1899 года.

В июле 1897 года в этот район прибыл Гурген (Багдасар Малянц), который завершил начатое Серобом дело организации партийной ячейки. Он организовал лик-

Ахбюр Сере

видацию начальника полиции Багеша Гильма, наводившего ужас на армянское население. Затем он перешел в Сасун. Таким образом, благодаря усилиям Грайра, Гургена и Сероба в этом районе Западной Армении были созданы два партийных комитета, один из которых действовал в районе Багеш-Ахлат, другой — в районе Тарон-Сасун.

В Западной Армении одной из старейших организаций был центральный комитет Васпуракана. Основателем ее был Пето (Александр Петросян). В состав комитета входили Вазген (Тигран Героян) и его сестра Женя (Зарун Героян). В тесном контакте с комитетом действовали приезжающие из Аtrapатакана в Васпуракан князь Овсеп Аргутян, Никол Думан, Вардан, Саркис Оганджанян и другие.

В 1896 году власти Османской империи решили полностью уничтожить армянское население Васпуракана. Решение это было настолько чудовищным, что ему не поверили не только народ и духовенство, но и революционеры. Между тем, весной 1896 года представители властей посетили курдов Васпуракана и натравили их на армян. Начались грабежи, убийства, пожары. Народ терпеливо переносил эти нападения, боясь еще больших зверств. Чтобы спасти жизнь, многие переходили в ислам. Никакого сопротивления курдам не было оказано. Многие руководители различных политических партий даже не подозревали, что на систематическое уничтожение армян есть специальное распоряжение султана и считали, что бандитские нападения имеют лишь местный и временный характер. Но вот 2 июня начались обыски в городе Ване. Стало известным, что власти хотят арестовать Герояна и Пето, но им удалось скрыться. Полиция арестовала сестру Герояна Зарун, у которой были найдены партийные документы Пето. В этот же день в мечетях были собраны мусульманские жители города, которых представители власти натравливали на армян. Ночью группа армян случайно встретилась с солдатами регулярной армии и между ними произошла стычка, в которой был убит турецкий офицер и его лошадь. Рано утром труп этого офицера проносили по улицам и призывали народ к мести. В тот же день были произведены аресты, а затем арестованные Терлемезян Карапет и еще двое других были убиты. К середине дня напряжение

достигло вершины: курды решили начать массовую резню и напали на армянский район Айгестан, сожгли его и безжалостно начали убивать женщин и детей. Армяне бежали из города. Часть их нашла «убежище» у паши Темур-Заде Гарера, который вскоре приказал убить всех, кто пришел к нему искать спасения.

Опьяниенная успехом и отсутствием сопротивления, толпа мусульман ринулась в центр города, однако черкес Эмин-Бей запретил им резню. Тогда толпа вернулась на окраины города и там уничтожила всех армян, находившихся в это время в церквях.

Только после этого некоторые армяне начали оказывать робкое сопротивление, а остальные нашли убежище у персидского консула Мирзы Гусейна и у католиков.

Армянские политические партии весьма нечетко представляли масштабы зверств и с организованным сопротивлением не спешили, надеясь, что волна насилия скоро прекратится. Только к ночи стали поступать сведения о масштабах преступления и числе жертв. В это время город Van находился под руководством «арменаканов», которые не могли представить, что без серьезных на то причин правительство может запланировать и осуществить массовую резню. Они были уверены, что их требования защиты армянского населения настолько скромны и безобидны, что они никак не могут вызвать такой гнев султана. Но когда стала ясна картина резни и в злобных намерениях султана уже не оставалось сомнений, все армянские партии и организации, включая самые консервативные, решили прибегнуть к самообороне как к единственному пути спасения. Организаторами и руководителями самообороны стали Аветисян (член партии «Арменакан»), Мартик (член партии «Гичак») и Пето («Дашнак»).

Воины самообороны были разбиты на 35 групп и расположены в различных точках Айгестана, откуда курды осуществляли свое вторжение. Рано утром 4 июня толпа вооруженных мусульман попыталась ворваться в город и продолжить резню, но армянские отряды отбросили их назад, и противник понес первые жертвы.

Отряд Шакира ринулся на группу Арабо, но атака была отбита. Противник отступил, оставив на поле большое количество убитых. По всем направлениям нападение турецко-курдских отрядов было остановлено, и с

Георг Чауш

армянской стороны первый день самообороны жертв не было. Защищались каждый дом и каждая улица.

Однако были и такие, кто продолжал считать случившееся недоразумением и думал, что султан и правительство об этом не знают. Одним из таких был священник Даниел, который с белым флагом направился к противнику для переговоров о мире. Он был тут же убит. Ночь прошла без боев. Однако утром Шакир с новыми силами напал на район Аракуц. На помощь местному отряду самообороны пришел запасной отряд Мушега, и они отшвырнули нападавших назад. И в этот день все попытки занять город не увенчались успехом, а самое главное — нападающие несли большие потери. 7 июня к армянам обратился английский консул, предложив им сложить оружие и прекратить сопротивление: в противном случае правительство отдаст приказ об артиллерийском обстреле по всем кварталам города, после чего последует тотальная резня.

Начались переговоры. В самом начале их армяне потребовали, чтобы кроме английского консула в переговорах приняли участие также консулы других стран. Это требование было принято, и в центре города Вана состоялась встреча, в которой участвовали: наместник султана Назим, руководитель армянской церкви Багревандян, представитель Франции де Франсис, представитель русского посольства Чилингарян, английский консул Уильям, персидский консул Мирза Гусейн-хан, представитель посольства США Рейнолдс, а армянские партии представляли Аветисян, Пето и Мартик.

Представители турецких властей заявили, что поскольку армяне уже пятый день сопротивляются правительстенным войскам, их следует расцепивать как восставших. Армянам предлагается сложить оружие и сдать властям восставших. В противном случае по городу будет открыт артиллерийский огонь. От имени революционеров ответил Аветисян. Он сказал, что они восстания не поднимали, а взялись за оружие только для того, чтобы защитить себя от полного уничтожения. В первый день погромов армяне не оказывали никакого сопротивления, надеясь, что эта волна — случайная и быстро пройдет. Но когда жертвы стали исчисляться сотнями, армяне были вынуждены начать самооборону. Аветисян потребовал, чтобы виновные в погромах были наказаны

и полностью освобождены от наказаний отряды самообороны. Предложение армян частично было принято участниками переговоров: было установлено, что 30 революционеров должны сдаться властям и 30 курдских и турецких бандитов будут арестованы и сосланы. Это предложение консул Уильям должен был передать властям, после чего бои должны были прекратиться. Но в этот день английский представитель ответа правительства не принес. А на следующий день регулярные турецкие войска вместе с толпами курдов и турок-головорезов напали на позиции армянских отрядов самообороны, и боевые действия возобновились.

К полудню на возвышенности Сев Кра появились пушки, и началась стрельба по городу. Загорелись церкви, школы, дома. Положение армян становилось безнадежным. Но вот группа смельчаков проникает на возвышенность, где стоят пушки, убивает солдат и захватывает артиллерию со снарядами. Воодушевленные этой удачей, армяне оказывают яростное сопротивление нападающим — и останавливают их наступление. Пытаясь вернуть артиллерию, противник предпринимает новое наступление. Под руководством Аджемяна Геворка и это наступление оказывается остановленным.

Однако столь успешное сопротивление не могло длиться долго: в городе уже никого не осталось. Народ скрывался в иностранных посольствах и консульствах, и на улицах оставались лишь отряды самообороны, которые продолжали сопротивляться.

Ночью военный совет обороны решил, что отряды самообороны должны покинуть Ван. После семи дней героической обороны города армянские воины отступили в горы, откуда должны были уйти за границу.

Турецкое правительство потребовало от иностранных консульств выдачи всех лиц мужского пола, нашедших убежище в консульствах. Персидский консул отказался выполнить это требование. Однако из американского консульства были выведены все мужчины и мальчики, которых тут же, перед порогом консульства, турецкая полиция заколола штыками. Остальные армяне под надзором иностранных миссий вернулись в свои разрушенные и ограбленные дома. Так закончилась Ванская оборона, которая стала школой самообороны для армян, не державших в руках оружия и не выходивших во вре-

мя нападений из церквей на протяжении двух веков страданий, предшествовавших этой героической борьбе.

Так в боях рождалась партия, вместе с которой рождался новый, революционный народ.

При том, что вся эта деятельность дашнаков разворачивалась на основе децентрализованности, тем не менее редакция «Дрошак» координировала действия отдельных комитетов и вырабатывала общую стратегию партии. В 1896—1897 годах Кавказский районный съезд принял решение о том, что редакция «Дрошак» является представительством партии за рубежом, или Западным Бюро. Западное Бюро вступало в дипломатические контакты с руководителями различных государств, в том числе — с султаном Абдул Гамиром и другими представителями турецких властей.

Один из виднейших руководителей партии Ваган Навасардян в 1950 году в сборнике, посвященном 60-летию партии, охарактеризовал рождение партии и ее идеологии следующим образом: «Политические партии обычно появляются на свет на основе предварительно разработанной и опубликованной программы и устава. Совершенно другим путем родилась Дашиакская партия: еще не было Дашиакской партии, а дашнаки уже были. Не было программы и устава, а партия уже была, и она действовала как внутри страны, так и вне ее. Не было у партии названия, но был орган партии, и все признавали партию. Такой была сущность жизни Дашиакской партии, что ее рождение, название, идеология, организационная структура, знамя, эмблема, партийная печать, собрания и руководящие органы — все это родилось особым, отличным от других, путем. И не всегда известны исторические подробности появления тех или иных партийных ценностей. Известно лишь одно: Дашиакская партия родилась из Дела, оформилась в Деле, была и осталась партией Дела. Ее самобытность и национальный образ проявились именно в этом. Революционеры России, чье мощное влияние испытала Дашиакская партия, остались фанатичными приверженцами слова, тогда как дашнаки стали фанатиками дела».

Приводим два примера для подтверждения этой важнейшей мысли.

«Я был в Женеве,— рассказал однажды «архитектор» партии Ростом,— на собрании русских революционеров.

Ваан Навасардян

Возник спор о том, допустимо или нет прибегать к террору. Спорили до поздней ночи. Я молчал. Когда собрание закрыли, группа молодых революционеров присоединилась ко мне и сопровождала меня до дома. Спор продолжался с той же страстью до самого порога. Я продолжал молчать. У самого дома, когда я собирался войти в свою квартиру, один из спорящих спросил меня: «Товарищ Ростом, вы все время молчали, и мы так и не узнали вашего мнения. Считаете ли вы, что с исторической, философской и политической точек зрения террор оправдан?» И я ответил: «Если бы Дашнакская партия столько болтала, то она не могла бы действовать». Под общий смех мы расстались».

Второй пример также связан с Ростомом. «В 1907 году,— пишет Навасардян,— Ростом приехал в Баку, откуда должен был отправиться в Вену на общее собрание партии. Мы попросили этого великого стратега и тактика партии побеседовать с местными партийцами. Свою беседу он начал так: «Мы так увлеклись делом, что разучились говорить»».

Эти два примера объясняют причину, почему основателями партии оставлено так мало текстов речей, так что сегодня даже трудно восстановить подлинную идеологию партии. Но сделать это нужно — по крайней мере в отношении ее социалистических идеалов.

Противники дашнакской партии в течение 60 лет опубликовали тысячи листовок, брошюр, трудов. Критики слева обвиняли партию в том, что она никогда не была социалистической, а справа — обвиняли ее в социализме. Но все критики сходятся в том, что наша первая программа была достаточно правой и только впоследствии мы двинулись влево.

Справедливости ради отметим, что это мнение царило также внутри партии, где многие члены партии считали, что программа партии, принятая в 1907 году, увела нас влево, к социализму, который и стал нашей окончательной идеологией.

Однако это неверно. Если нас нужно характеризовать по сущности нашей идеологии, то мы были левыми и стали правыми, но не наоборот. Введение к нашей первой программе написано Ростомом. Только марксист (каковым Ростом был) мог написать тот полубольшевистский по содержанию текст, который представляет собой это

введение. Нет никакого сомнения в том, что на теоретической части программы лежит отпечаток того оптимизма, который разделяли многие в отношении близящейся победы социалистических идей. В теоретической части программы было сказано: «Мы прекрасно видим, как гибнут один за другим классы имущих, гибнут физически и морально, как постепенно труд приобретает свои права, как порабощенный элемент гигантскими шагами приближается к своей окончательной победе. И он придет к этой победе, когда исчезнут все классы, когда средства и результат труда станут собственностью труженика, когда власть людей будет заменена властью предметов».

Однако уже в 1904 году, когда состоялся третий съезд партии, сквозь социалистическую фразеологию пробивались конкретные армянские дела. В частности, в документе, который известен под названием «Кавказские проблемы», было сказано:

«Совет Армянской Революционной Федерации, учитывая, что

1. После последнего съезда партии революционное движение в России, и в частности на Кавказе, развернулось неожиданно быстро;

2. Империя под ударами внешнего врага и внутренних революционных сил значительно ослабла;

3. В процессе политических изменений России Кавказ должен сказать свое слово;

4. В нынешней ситуации, когда события разворачиваются с неимоверной быстротой, нет времени для созыва специального съезда;

5. Необходимо согласовать совместные действия на Кавказе с другими партиями,

решил:

Стратегию самозащиты на Кавказе заменить стратегией революционных действий и выработать программу действий, которая должна быть послана дашнакским органам на Кавказе. Окончательное утверждение программы должно состояться на съезде партии».

Этот документ свидетельствовал, что дашнакская партия ограничивала свою левизну, сосредоточив свое внимание не на борьбе пролетариата вообще, а на борьбе за армянские интересы. Более того, для дашнакской

партии политическая борьба ограничивалась Западной Арменией, теперь же эта борьба переносилась также на Восточную Армению, то есть на Кавказ. Таким образом, начиная с 1905 года дашнакская партия превращается в общеармянскую партию и защищает права армянского народа всюду, где они нарушаются.

Почему дашнакской партии понадобилось разворачивать свою деятельность в Закавказье? На этот вопрос ответил ведущий социалист-революционер Ф. Волховский в статье «Почему армяне «бунтуют», которая была опубликована в 5-м номере «Народного Дела». Эту статью мы приводим без сокращений и комментариев.

«Кто читает русские газеты, тому известно, что на Кавказе теперь очень неспокойно. В разных местах грузинские и армянские крестьяне потеряли терпенье, не подчиняются властям, отказываются работать за гроши и впроголодь на помещиков. В городах не лучше: в Карсе, Елисаветполе, Нухе, Тифлисе, Александрополе, Шуше, Эривани объявлена «усиленная охрана», то есть губернаторам и полицмейстерам дана власть арестовывать, высылать и наказывать жителей без суда, по собственному усмотрению и употреблять войска против мирных горожан. За короткое время тифлисский губернатор посадил в тюрьму собственной властью на три месяца 45 человек, на два месяца двенадцать человек, на полтора месяца — 14 человек, на один месяц — 1 человек и на две недели — 5 человек, — за то, что они собирались вместе на улицах. Городского голову Шуши Ишханьяна, епархиального начальника Эривани архиепископа Сукиаса, купца Меликова и других известных иуважаемых лиц выслали без суда с Кавказа, потому что они, будто бы, «вредны для общественного спокойствия». В Батумской области запрещено носить при себе не военным людям оружие, а в городе Баку одно время всех лиц, которые выходили из дома позже девяти часов вечера, военные патрули забирали и отводили в полицию. Подобные же вещи происходят и в других местах. От всех этих строгостей мирные обыватели терпят большое беспокойство, убытки и разорение в делах, обиды от властей,увечья и даже смерть от войск и полиции. Начальство же уверяет, что иначе оно не может поступать, потому что армяне «бунтуют». Не говорит только начальство о том, почему армяне «бунтуют». А «бунтуют» они потому, что само начальство, вот уже сколько лет, чинит армянам на Кавказе всякие преследования и несправедливости; можно сказать — не дает им жить.

II.

Еще при главном начальнике Кавказа Дондукове-Корсакове, в 1881—1882 годах, начали крестьян армянского происхождения сгонять с земель, а на их место водворять русских пришельцев. Этим пришельцам часто было не под силу обрабатывать всю землю, которую им начальство давало (отводили им по многу десятин) и они запускали землю под пастьбу скота и промышляли скотом. От

этого земля нередко зарастала папоротником; а всякий знает, что за зелье папоротник: раз укоренится, уж его трудно выкоренить. Таким-то манером армянских крестьян обездолили и самые земли испакостили! Отхожих рабочих-армян не принимали на железодорожные и иные работы. В то же время и образованным армянам чинили всякие несправедливости: не принимали их на государственную службу, на железные дороги и иным образом притесняли.

В то же время, зная, что «ученье — свет, а неученье — тьма» и что с темным народом легче справиться и легче его одурачить, царское правительство задумало отнять у армян все средства к образованию. Было у них общество для издания книг — его уничтожили; было семь газет — четыре начальство прекратило, а тем трем, которые остались, запрещают печатать даже то, что позволяет русским газетам; было немало сельских и городских библиотек — их прикрыли. Но и это еще не все.

Было у армян свыше 500 собственных приходских школ, где ученье шло, конечно, на армянском языке, так как дети армянских крестьян, рабочих, а также многих купцов и духовенства не понимают по-русски, и всякому хочется знать родной язык. Но в этих школах учили и русскому языку. Царское правительство задумало отнять у армян их школы. Еще в 1884—1885 годах начали эти школы закрывать; но самая главная беда началась в 1896 г., когда теперешний Кавказский Главный Начальник, князь Гр. С. Голицын, уничтожил все армянские школы. В 1897 году он, с согласия нынешнего царя, опубликовал новые правила для открытия армянских школ. Ранее при школах были попечители, которые заботились о них; теперь эти попечители были уничтожены. Школы по-прежнему должны были содержаться на армянские деньги, главным образом за счет армянских церквей, но обучаться там должны были дети не одних армян, а и грузин, и русских, которые ничего не платили на содержание училищ. Армяне на это, однако, очень обижались; но что им было непереносно, так это — приказ, чтобы учение в их школах производилось на одном русском языке. Понятное дело, армяне на это сказали: «Нам таких школ не надо!» Что, если бы русским людям запретили бы учить своих ребят по-русски, а стали бы их насильно учить на неизвестном им немецком или армянском языке? Ведь они не захотели бы этого! Так и армяне. Они отказались расходовать собственные деньги на такие школы, в которых их дети должны были забыть свой язык и мало чему выучиться на незнакомом им чужом языке.

Однако и вовсе оставлять детей неучами тоже неохота. Поэтому некоторые армяне, которых ребята понимали по-русски, согласились открывать школы по новым правилам. Но таких детей было немного, поэтому армянских школ, в которых учили по-русски, открылось всего штук 30. Начальство потребовало, чтобы деньги на их содержание вносились церквями и благотворителями за целый год вперед. Но этого никак нельзя было выполнить; поэтому и новые школы стали закрываться и осталось их на весь Кавказ штук 10.

Таким-то манером царское правительство выкинуло на улицу и лишило образования двадцать тысяч ни в чем неповинных армянских мальчиков и девочек.

Но это только половина несправедливости. Другая заключалась в том, что правительство заграбило и те капиталы и имущества, на которые раньше содержались армянские школы. Правительство не давало на эти школы ни копейки, хотя армяне так же исправно платили подати, как и русские. Школы содержались частью на те добровольные пожертвования, которые давались на школьное дело разными армянами, а частью на имущества и деньги церковные. Нужно вам знать, что армяне не принадлежат к так называемой православной, или греко-российской церкви. Они тоже христиане, но вероисповедание их несколько отличается от греко-российского и составляет особую Армяно-Грегорянскую Церковь. Глава этой церкви называется армянским Патриархом или Католикосом всех армян и живет в монастыре Эчмиадзин, в Русской Армении, недалеко от города Эревани. В древние времена армяне были все вместе и составляли одно государство. Потом на них напали и покорили их частью персияне, а частью турки; а еще позже, вследствие войн между русскими царями, персидскими шахами и турецкими султанами, часть Армении отошла к Российской империи. Таким манером несчастный армянский народ раздроблен на три части: одна часть его в России, другая в Персии, а третья — в Турции. Но армянам, как и каждому народу, хочется держаться вместе, помогать друг другу в общественных делах; а для этого нужно иметь общественные, народные деньги, школы и другие полезные учреждения и каких-нибудь людей, какое-нибудь устройство, как говорится по книжному — какую-нибудь организацию, чтобы заведовать ими. В странах, где правительство выборное (например, в Англии, в Содружестве Наций, в Швейцарии) такую организацию могли бы устроить частные люди, и она отлично бы заведовала общеармянскими школами и учреждениями. Но в тех трех государствах, между которыми поделена Армения, такие частные организации не дозволяются. Если бы у армян было свое армянское правительство, то — худо ли, хорошо ли — оно бы заведовало народными деньгами и учреждениями. Но у армян теперь три правительства и все три им чужие: русское, персидское и турецкое. У них осталась всего одна организация, которую до сих пор терпели все три правительства и которая отчасти связывает воедино раздробленный армянский народ, — организация их духовенства, иначе сказать Армяно-Грегорянская Церковь. Как уже сказано, глава этой церкви, «Католикос всех армян» живет в Эчмиадзине, на Кавказе; под ним есть другие патриархи и епископы, живущие в Турции, Египте, Америке и иных местах, а под епископами — священники и диаконы, рассыпанные всюду, где есть армянское население. Значит, при помощи Эчмиадзинского Католикоса персидские, турецкие, русские и иные армяне могут держаться вместе во всех общеармянских народных делах.

Было бы, конечно, гораздо лучше, если бы народные армянские дела были в руках не духовенства, а светских выборных людей. Всякое духовенство живет за счет трудящегося народа и поддерживает в народе суеверие. Но дело в том, что бедным армянам, при теперешнем их положении, нет иного выбора. Светской, нетайной, явной организации им нельзя иметь, а без духовной им было

бы еще того хуже. При том же, надо помнить, что устройство Армяно-Греко-Григорианской церкви много ближе народу, чем, например, верховной Греко-Российской. У нас священники и диаконы назначаются архиереями, а архиепископы и митрополиты — Синодом да царем; стало быть им первая забота — угодить начальству, на паству же им наплевать. У армян, напротив того, священника выбирают себе сами прихожане; даже Католикоса выбирают совместно, все духовенство и весь армянский народ; так что и верховный глава Армяно-Греко-Григорианской церкви, и все приходское духовенство ее — в выборное.

В Эчмиадзине, Сисе и другие почитаемые армянами места стекаются тысячи тысяч армянских богомольцев, которые опускают в церковные кружки подаяние; богатые армяне в Соединенных Штатах, в Европе и в Азии тоже много жертвуют на свои церкви, школы и т. п. Таким образом составились в руках армянского духовенства громадные суммы и богатые имения. В одной России ценность армянских церковных имуществ доходит до 113 000 000 рублей. И эти имущества составляют, стало быть, собственность не какого-нибудь одного монастыря или храма, или общин, или даже всего армянского духовенства в России, а всех армян во всем свете. Вот из этого-то народного достояния выдавались деньги на содержание многих школ. И не только содержались на эти средства школы, но также оказывалась помощь бедным, увечным и тем несчастным армянам, которых разоряют и мучат турки и курды. Те капиталы и имущества, которые прямо на школы были пожертвованы, царь, как уже сказано, беззаконно велел отобрать и отдать русскому Министерству Народного Просвещения. Но церковные имущества под это повеление не подходили. Поэтому Голицын стал зудить царя, чтобы тот и церковные армянские имущества застриб. А добруму вору все впору! 12 июня 1903 году царь опубликовал новое свое повеление: чтобы это 113-миллионное имущество у Армяно-Греко-Григорианской церкви отобрать и передать в заведование русских чиновников. (Это, стало быть, волкам препоручить овец стеречь! — да и овце-то уворованных!)

IV.

Этакого дневного разбоя армяне уж никак не могли терпеть. Всюду они заволновались: не то что на Кавказе, а и в Турции, и в Персии, и в Америке, и в Англии, и в других местах. Но, конечно, всего ближе это дело касалось русских армян. Эчмиадзинский Патриарх стал получать прошения сотнями и от отдельных лиц, и от целых общин, в которых армяне умоляли его не отдавать общественного имущества царским чиновникам. Еще двадцать четвертого августа (1903 г.) из всех окрестных деревень прибыли в город Ахалциху по двадцати да и по тридцати человек ходоков с готовыми, подписанными крестьянами приговорами о том, что отнятие церковных имуществ незаконно. Таким образом набралась в городе до восьми тысяч сельчан. В воскресенье вся эта толпа пришла к церкви и наполнила ее. После богослужения два священника предали царское правительство анафеме, то есть проклятию. Одна девушка обратилась к народу с речью и доказывала,

что нужно противиться беззаконным действиям царских чиновников. Потом стал говорить молодой человек о том, что против насилия надо защищаться. В ответ вся толпа, как один человек, загремела: «Умрем, но не позволим попирать наши вековые права!» Тут же подписались на приговоре те, кто не успел подписать в деревне, так что набралось до 10 000 новых подписей, и выбрано было два человека, чтобы подать этот приговор Католикосу. 29-го августа в городе Елисаветполе тоже произошло волнение. В армянской церкви ударили в набат; сбежалось несколько тысяч армян и заявили, что не отдадут имущества своей церкви разбойникам. Полиция потребовала, чтобы толпа разошлась. Но армяне оттеснили полицейских и стражников в середину города. Пришли войска и стали стрелять. Убили 7 и ранили 27; да и это еще не полный счет. Через два дня после этого в Тифлисе отслужена была торжественная панихида в армянском соборе по убиенным в Елисаветполе. На панихиде присутствовало тысячи две армян и при окончании богослужения священник провозгласил русскому правительству анафему. В толпе в то же время разбрасывались революционные листки. Произошла свалка между армянами и полицией; вызванные были казаки. С обеих сторон были ранены. Несколько священников и много светских людей были арестованы. Но это не испугало армян. Панихиды по убиенным стали служить и в деревнях. Второго сентября с утра по городу Баку разнесся слух, что на этот день назначено отобрание церковных имуществ. Слух был неверный, но все армянское население всполошилось. К пяти часам дня густая толпа, среди которой очень многие были вооружены, двинулась из предместья к городу и заняла Армянский собор, двор и всю прилегающую к нему местность. Показались полицейские да казаки и пустили в ход нагайки, кулаки и шашки. На это толпа отвечала камнями и выстрелами. Несколько раз казаки пробовали напасть на армян, но без успеха. Тут им на помощь подоспела пехота. Солдаты подходили к церкви нерешительно: боялись, что оттуда в них будут бросать разрывными гранатами или бомбами (то есть такими ручными коробками из меди или жести, которые от удара разрываются и многих могут ранить и убить). Наконец собор окружили войска, и началась перестрелка, которая продолжалась до поздней ночи. Тревожные удары колокола все время ссыпали народ на помощь тем, что были в соборе. После полуночи все патроны у осажденных армян вышли, отстреливаться было уже нечем. Тогда часть кое-как спаслась через окна, а остальные (около ста человек) сдались неприятелю. Шестнадцать армян было убито или умерло от ран, да 45 ранено; среди солдат тоже были убитые и немало раненых.

Третьего сентября собралось в г. Эривани до трех тысяч армян и под предводительством архиепископа и епархиального начальника пошли в Эчмиадзин (который лежит всего в нескольких верстах от города). Они хотели просить Католикоса, чтобы он стоял твердо. Полиция и войска загородили им дорогу, но армяне проились к своему Патриарху и послали к нему ходоков. Женщины со своей стороны отправили к нему депутатию просить, чтобы он не сдавался.

V.

Теперешний Католикос хотя и древний старик (ему 84 года), но мужественный и любящий свой народ. Он решил стоять за народные права и приказал своему духовенству не сдавать чиновникам церковных имуществ, пока он, Католикос, не даст знать обо всем царю. (Он думал, что царь — честный человек и как узнает правду-истину, остановит грабеж!). При Католикосе есть особый духовный совет, называемый Синодом, а при Синоде — чиновник от царя, называемый прокурором. Вот этому Синоду Католикос и послал свой приказ. Но прокурор (по имени Канчели) стал препятствовать Синоду исполнить приказ Патриарха и сам побежал к Католикосу — то ли уговаривать старика, то ли жаловаться. Но Католикос встретил Канчели проклятиями. А Канчели-то, должно быть, блудлив, как кошка, а труслив, как заяц: испугался патриаршего проклятия и взмолился: «не проклинайте меня, а отец пятерых детей!» «Уйди, пакостник! — отвечал со слезами старик,— у тебя пять человек детей, а у меня их пять миллионов!» (Всех армян считается во всех странах пять миллионов; они так любят теперешнего Католикоса, что, еще когда он не был Патриархом, прозвали его Хайrik, что значит «отец родной»).

Узнав об этом, министр внутренних дел Плеве по телеграфу пригрозил Католикосу. Но старик не испугался и сам послал две телеграммы: одну Плеве, а другую царю, объясняя, что действия русского правительства противозаконны, и прося свидания с императором. Но императору неловко было дать свидание Католикосу: потому что, нарушивши все законы, которые русские цари и их правительства обязались соблюдать относительно армянской церкви, как бы он в глаза глядел армянскому Патриарху?! Поэтому Николай Второй отдал патриархову телеграмму тому же разбойнику фон-Плеве, а тот еще раз, пуще пригрозил Католикосу и приказал кавказским чиновникам начать стыбовать общественное имущество армянского народа.

VI.

Между тем в Эривани назначены были особые чиновники для того, чтобы принять от армян их народное достояние, которое стоит главным образом в земле; а для передачи земель требуется подписание разных документов. Чиновники явились к Католикосу и стали его просить, чтобы он исполнил «высочайшее повеление». Старик с твердостью отвечал: «Если России будет грозить какой-нибудь неприятель, то я готов каждую минуту стать, с крестом в руках, впереди моего народа и с ним защищать Россию. Но ведь я также присягнул моему народу не давать его в обиду и всеми силами защищать его вековые права. Ныне армянский народ со всех концов света обращается ко мне и требует, чтобы я просил царя об отмене его повеления. Я исполнил это требование и жду ответа».

Чиновники стали говорить, что им нельзя ждать; что они слуги государевы; им-де приказано сейчас отобрать имущества церковные и они должны отобрать. Поэтому они опять просили Патриарха приказать своим подчиненным сдать имущество.

«Чего вы хотите от меня?! — воскликнул Католикос.— Я могу дать вам только то, что принадлежит мне, — мою жизнь: берите

ее, если она вам нужна. Вот есть еще ордена, пожалованные мне русским правительством — возьмите их». С этими словами старик сорвал с себя ордена и отдал их чиновникам. «Все остальное,— продолжал он,— есть достояние моего народа и распоряжаться им я не могу! Я ничего вам не дам и никаких бумаг не подпишу! У вас есть прокурор, обратитесь к нему!»

Так и ушли чиновники ни с чем.

Однако не остановились на этом. Попробуем-де собственными средствами чужое добро прикарманить! Вот и отправились они в три ближайшие деревни, которых земли принадлежали Эчмиадзину. В первой деревне старший чиновник, по имени Виц, стал уговаривать крестьян подписать бумаги, которыми все деревенское имение передавалось казне. Но крестьяне отвечали, что без приказания Католикоса они не смеют. Виц обратился к церковному ктитору, но и тот ответил то же. Тогда уездный начальник стал бить ктитора, но и это не помогло. Не добившись ничего, чиновники посадили ктитора под арест и отправились дальше. Во второй деревне произошло то же, что в первой, с той разницей, что тут пострадал не ктитор, а староста, который отказался подписать бумаги. Воинский начальник избил его. Но и после побоев староста ничего не подписал, а снял с себя знак и отказался от должности.

Несолено хлебавши возвратились чиновники к Патриарху и стали просить его дать ключи от Эчмиадзинской казны. Ключей он им не дал, и чиновники должны были удовольствоваться тем, что наложили казенные печати на кассу и уехали в Эривань. Там они захватили слесарей и, воротившись в Эчмиадзин, разбили молотами железный церковный ящик, в котором хранилась казна, забрали деньги, взвалили все на телегу и, под конвоем солдат, увезли. А народ глядел на этот разбой, и много горечи осело в сердцах армян при виде этого грабежа и оскорбления их святыни. В Эчмиадзин после того пригнали несколько рот пехоты, две сотни казаков, много пушек и видимо-невидимо полицейской саранчи. На дорогах, ведущих в деревни и в Эривань, расставили стражу.

VII:

Пробовали чиновники и в других местах обойтись без Патриарха. В городе Карсе они явились в сопровождении полицейских стражников к армянскому викарному епископу и потребовали от него сдачи церковного имущества. Викарий показал им предписание Католикоса и сказал, что не может его ослушаться. Между тем по городу разнесся слух о том, что происходило у епископа, и народ, запирая лавки и оставляя дома, стал сбегаться со всех концов к церквам. Несколько человек быстро взобрались на колокольни и стали бить в набат. Скоро обе церкви были окружены густой толпой. Народу было тысяч до пяти. Он наполнял все прилегающие улицы. Многие, вооруженные ружьями, взлезли на крыши домов.

Потерпев неудачу у викария, чиновники отправились прямо к церквам («благовейно» грабить!), под охраной стражников и полицейских. Наткнувшись на народ, полиция стала его разгонять. В ответ посыпался град камней и послышались ружейные выстрелы с крыш. Полиция была отброшена. Тогда на помощь ей явились новые отряды стражников под командой окружного началь-

ника, а полковник Квицынский привел две сотни казаков. Началась перестрелка, во время которой появляется рота солдат и начинает стрелять залпами, т. е. сразу по всей линии. Против такого огня толпа не могла устоять; у нее недостаточно было оружия для отпора, и в конце концов площадь была очищена. Четверо армян убито наповал. Многие ранены. Около 85 арестовано. Несколько стражников тоже получили тяжелые раны. Губернатора, который сам распоряжался бойней, в свалке значительно помяли.

В деревне Мзара, около города Сухума, чиновник, явившись с казаками отбирать имущество, не мог получить церковных ключей ни от священника с ктитором, ни от крестьян. Тогда он, не долго думая, велел разбить церковные двери топорами! Если бы народ сделал что-нибудь подобное, то людей бы схватили и отправили в каторжные работы за святотатство!

В деревне Гамарлу, около Эривани, крестьяне тоже отказались, на сходе, выдать церковное имущество. Полицейский пристав стал тогда бить старшину. Но старшина, не будь плох, ответил тем же и свалил пристава с ног. Пристав выстрелил и ранил старшину. Стражники кинулись на помощь своему начальнику; но так как крестьян было много больше, то полицию загнали в один из домов и уже стали было его поджигать, когда на выручку пристава явился новый отряд стражников. Раненых оказалось до двадцати (стражники были все вооружены), убитых четверо; тридцать крестьян арестовано.

Были еще демонстрации и волнения в Батуме, Александрополе, Эривани, Нухе, Шуше, а также в самых глухих сельских местностях. Армяне не хотят и не могут мириться с ограблением царским правительством их народного достояния. Они не какие-нибудь несчастные, безответственные остатки или тунгусы, с которыми русские чиновники в Сибири проделывают что хотят: только что живем не глотают. Армяне народ решительный и привычный владеть оружием. Сломить их не так-то легко.

VIII.

Отцы-командиры хорошо это знают и понимают. Понимают и — опасаются. Положим, несмысленного войска, казаков и продажных полицейских шкур на Кавказе немало. Прикажут им отцы-командиры — и пойдут они проливать человеческую кровь без стыда и совести. Но ведь если все армяне поднимутся, то придется и из других мест затребовать вооруженную силу: кавказской не хватит. А пока новые войска подоспеют, что будет? Не придется ли господам чиновникам своими казенными шкурами поплатиться? Да еще, пожалуй, на армян глядя, и грузины, да и русские люди скажут «саминь» своему долготерпению. Надо, значит, как-нибудь сейчас от армян защититься, загодя за горло их схватить! Как же это сделать?

Э, начальство догадливо! Вон, на Руси и русский рабочий люд, и еврейский одинаково стали терять терпение, стали вместе устраивать стачки, сопротивляться своеольству начальства. Так оно что сделало: устроило погромы в Кишиневе, в Гомеле; попробовало устроить в Одессе и в других местах! Удалось относительно «живодов», так почему бы не удастся и относительно «армян»? А это на Кавказе тем удобнее, что там во многих местах не одни армяне

живут. Там и грузины, там и татары, и черкесы. Но грузины-то хоть христиане; а татары да черкесы совсем другой веры, чем армяне: они магометане! на что лучше! Науськать их на христиан-армян или хоть дать им понять, что начальство смотрит на резню ласковым оком, так те живо с армянами расправятся!

Первому пришло это в голову уездному начальнику в Шуше. Он собрал татар и сказал им: «Я слышал, что вы припасаете оружие, чтобы защищать нас против армян и убивать их, как врагов русского правительства. Благодарю вас за ваши верноподданические чувства. Но пока ваша помощь нам не нужна. У нас есть на защиту войска».

Ловко сказано? «Пока», говорит, «погодите резать армян», а придет, значит, время, когда резня не будет лишняя! И за готовность резать начальник даже чувствительнейше благодарил татар.

Не поверили ему татары, или и вправду они дружно с армянами живут, или они вспомнили, что не дальше как четыре года тому назад царское правительство ограбило магометанские мечети (храмы) точно так, как грабит армянскую церковь — неизвестно; но только они отвечали начальнику: «Мы ничего не затеваем против армян: они наши добрые соседи».

В городе Нухе тамошний уездный начальник прямее повел речь. «До меня дошли слухи,— сказал он татарам,— что вы думаете быть заодно с армянами. Но знайте, что армяне обманывают вас; они — ваши кровные враги. В Турции они занимаются избиением ваших единоверцев. Они — враги султана. Вот почему русское правительство преследует их!»

Вот уж это не в бровь, а прямо в глаз! Видите, куда дело пошло: царь и его правительство, в союзе с турецким султаном Абдул-Гамидом стараются совершенно уничтожить весь армянский народ. И ведь это сущая правда. Вот слушайте.

IV.

Вы уже знаете, что несчастный армянский народ разорван на три части между Россией, Персией и Турцией. Вероятно, вам известно также, что и персияне, и турки терпят от своего шаха и султана не меньше, чем русский народ от своего царя. Каждый чиновник есть притеснитель и грабитель, открыто и при всяком случае торгующий и злоупотребляющий своей властью. А магометанское население невежественно и привержено своей вере, которая разжигает их против христиан. Особенно терпят от этого армяне, живущие в деревнях Малой Азии. В соседстве с ними, в горах — целые полудикие племена курдов, которые не умеют ни пахать, ни сеять и потому живут разбоем, а турецкое правительство не препятствует им грабить и истязать армян, потому что курды так же хорошо дерутся на войне и усмиряют недовольное население, как наши донские и уральские казаки, а между тем им не платится никакого жалованья, не дается от казны ни обмундировок, ни лошадей; словом, курдская конница служит турецкому султану даром; точь-в-точь как наши казаки — царю. В 1894 г. султан Абдул-Гамид задумал просто перерезать всех армян: боялся, что они восстанут. Он напустил

на них двадцать тысяч курдов и четыре тысячи турок, и те стали резать старого и малого, женщин и мужчин, жечь целые деревни и совершать неслыханные злодейства. Резня продолжалась в 1895 и 1896 годах. Всего в это время убито было до двадцати тысяч армян! Но кроме того, целые десятки тысяч бежали в горы и погибли там от голода, холода и болезней. Сорок тысяч армян, измученных, обворванных, в ранах и обезумевших от страха, успели прощаться через турецкую границу и прибредли на Кавказ. Русским армянам пришлось их кормить, найти им кров и одежду. На сорок-то тысяч немало всего этого надо! Образовались между армянами комитеты, стали они добывать для беглецов деньги, и большие были пожертвования во всех концах света; но царское правительство запретило сбор денег на Кавказе в пользу страждущих армян!

X.

Но это еще только цветочки; а вот и ягодки.

После армянской резни 1894 года все люди в иностранных землях, особенно в Англии, в ком была человечья душа, стали громко говорить, что нельзя позволять султану чинить такие зверства. Стали собирать публичные собрания по нескольку тысяч человек (митинги) и на них объяснять народу, что европейские великие державы должны заставить султана ввести лучшее управление в Турецкой Армении под надзором европейских комиссаров; а если он будет отказываться или вилять, или тянуть дело, то послать к султанской столице Константинополю соединенный военный флот. Так как английское правительство зависит от народа, то ему нельзя оставлять без внимания, если народ о чем-нибудь шибко кричит. Так и в этот раз. Английский посланник в Константинополе сэр Джон Кэрри стал нажимать на султана и уговаривать посланников других стран поддержать его, Кэрри, в этом деле. И султан принужден был бы согласиться на все; потому что ему не только против всей Европы, но и против одной России не устоять. Но тут тогдашний русский министр иностранных дел и канцлер Российской империи князь Лобанов-Ростовский, с согласия Николая II, пришел на помощь султану. Он объявил Кэрри, что русское правительство «отказывается принять участие в какой-либо принудительной мере» против султана в пользу армян. Это было в июне 1895 года, а в следующем месяце Лобанов написал русскому посланнику в Константинополе, чтобы тот не соглашался на такое переустройство дел в Турецкой Армении, которое спасло бы остаток армян, освободив их от турецкого волчьего управления! Султан был так доволен, что послал царю Николае богатый подарок, а князю Лобанову-Ростовскому и русскому посланнику в Константинополе пожаловал турецкие ордена, усыпанные бриллиантами. И эти христопроправители не постыдились принять подарки от турецкого Ирода, как цену крови несчастных армян! Такова-то честь и правда царского правительства: оно заявляет себя защитником христиан на Востоке, Николай II «ломает камедь» в Саровской пустыни, стараясь показать русскому простому народу, какой он богобоязненный человек,— а когда понадобилось спасти миллионы тех же восточных христиан от лютых страданий и смерти, то русские отцы-командиры попросту сказали султану: «Можешь вырезать и подвергнуть нечеловеческим

мукам хоть всех своих армян, мы в этом тебе не помеха!» И не только они предали армян, а еще сам русский царь с султана за то на чай взял!

XI.

Иной читатель, может быть, скажет: что-нибудь тут да не так; должна быть какая-нибудь причина, почему царь и его министры отступились от армян; должно быть, есть грехи за армянами, коли царь невзлюбил их!»

Как не быть причине: причина есть и очень простая. Русское правительство хорошо знает, что если оставить Турецкую Армению в теперешнем ее положении, то население ее будет нищать и уменьшаться, а это ослабит и самую Турцию. Придет время, когда европейские державы поделят турецкие владения между собою, и тогда Россия может захватить себе турецкую часть Армении, потому что она прилегает к Кавказу. Один важный русский чиновник, разговаривая в 1896 году в Одессе с корреспондентом одной английской газеты, не постеснялся сказать ему: «Одно дело желать овладеть Арменией, но совсем иное дело посадить себе на шею армян. Судя по тому, как дела шли в Армении в последнее время и как они продолжают идти, мы надеемся унаследовать Армению без армян». То есть, значит, русское правительство надеялось еще в 1896 году, что к тому времени, как придется делить Турцию, турки вырежут и искоренят без малого всех армян, а русский царь со своими приспешниками захватит армянскую землю!

Иное совсем дело, если бы в Турецкой Армении были введены человеческие порядки и ее управление осталось бы, под надзором всей Европы, только на словах под главенством султана, на самом же деле было бы независимо от него (это по книжному называется автономией). Тогда в Турецкой Армении стало бы лучше жить, чем на Кавказе, и кавказские армяне, да еще и не одни армяне, стали бы говорить: какая нам неволя терпеть от царских непорядков, от русских чиновников.— вон в Турции люди лучше нашего живут! Да и своего к своим тянет, и кавказские армяне захотели бы присоединиться к Турецкой Армении. А царскому правительству это не на руку: оно хотело бы, если возможно, заставить весь свет на себя работать и себя слушаться! Петербургская газета «Новое Время», которая об армянских делах говорит только то, что угодно нашему правительству, напечатала в номере от 7 (19) мая 1895 года статью, где говорится, что если бы в Турецкой Армении устроили управление наподобие теперешней Болгарии, то это «втянуло бы Россию в большие затруднения тем соблазном, какой оно внесло бы в среду армян на Кавказе».

Так вот в чем причина злодейств царского правительства против армянского народа: оно хочет завладеть армянскими землями; оно хочет держать все народы в рабском подчинении и боится, что если у армян будут свои школы, библиотеки, газеты, свое духовенство и свое народное имущество, то ни того, ни другого нельзя будет достигнуть. Поэтому оно угнетает и грабит своих армян и поэтому же противится освобождению армян турецких. Правительство боится, что когда под боком у царской, самодержавной Рос-

сии будет свободная, автономная, турецкая Армения, то, на нее глядя, и в России народ перестанет подчиняться и придет конец самодержавному своевольству и грабежу!

И все эти пакости, все свои злодейства против армян царское правительство совершают именем «России», то есть будто бы по желанию русского народа. Этим оно кладет бесчестье на русское имя и поселяет недружелюбие между армянами и русскими, чтобы тем легче было кабалить обоих, пока они будут между собою ссориться. Вот почему и эта подлая газета, «Новое время», постоянно натравливает русских на армян, стараясь опорочить последних.

Но разве русскому народу в самом деле нужно, разве он действительно желает подчинить себе армян или отнять у них их землю? Правда, есть русские, которые домогаются этого; но что это за люди? Это те, кто желали бы жить на чужой счет, обратить в крепостную от себя зависимость не только армян, но и своего брата, русского, чтобы помыкать ими. Так разве эти люди составляют русский народ? Они сами — первые враги русского народа. И русский народ — честный, рабочий народ и те его сторонники, которых зовут в народе революционерами, социалистами и «студентами» — отлично это знают и отлично понимают, что у притесняемых армян и у притесняемых русских — один и тот же враг: теперешнее царское правительство и те кабальные, кулаческие (по-книжному — капиталистические) порядки, которые оно поддерживает всякими неправдами.

XII.

Армяне народ смелый и привычный к оружию, потому что во многих местностях Кавказа и сейчас небезопасно ходить безоружным — от разбоев и нападений — и каждый обыватель еще недавно носил постоянно у пояса кинжал. С ними шутки плохи. Девятнадцатого мая 1903 г. полиция совершенно случайно открыла в городе Владикавказе на постоялом дворе целый склад берданок (скорострельных ружей), револьверов и боевых патронов; оружие это раскупалось «туземцами», т. е. тамошними уроженцами. А в Карсе, в глухом переулке позади казарм, пятеро армян занимались снаряжением ручных гранат, то есть таких металлических шаров, которые от удара разрываются, производят нечто вроде выстрела. Их бросают рукой в неприятеля и, разорвавшись, они могут ранить или убить многих. Как только царское правительство опубликовало высочайшее повеление 12-го июня об оторвании церковных имуществ, армяне образовали Комитет Самообороны.

По постановлению этого комитета в г. Эривани была народная демонстрация: все армянские лавки и мастерские были, в знак народной печали, закрыты целых два дня, несмотря на требования русских властей, чтобы хозяева открыли их; вывешены были траурные знамена с надписями: «Долой самодержавие!», «Да здравствует свобода!», «Да здравствуют вековые армянские права!». В Карсе, по решению того же комитета, на одной из главных улиц среди белого дня убит известный там шпион и христопродаец, состоявший на службе в полиции, Шериф-Бей. В Эчмиадзине точно так же казнен был изменник Потоянц. Комитет послал ему письмо,

предупреждал его, чтобы он не смел подписывать бумагу, котою церковное имущество отдавалось в руки чиновников. Потоянц не послушал, подписал, чем помог в ограблении собственного народа. Вслед за тем на него напали на улице два армянина и тут же убили. Один из этих двух успел убежать, а другой застрялся, чтобы не даться в руки царских чиновников. В деревне Карх (Тифлисской губ.) казнен другой изменник: священник Тер Хачатур за то, что он отнял у крестьян их приговор и прошение к Католикосу и отдал его полиции. Наконец, на главного начальника Гр. С. Голицына, который столько лет уже преследует армян, сделано было в Тифлисе вооруженное нападение. Четырнадцатого (по новому календарю — 27-го) октября 1903 года Голицын выехал в Коляске с женой на прогулку. На козлах сидел казачий урядник Сиплиwenko. За городом коляска поравнялась с тремя армянами, просто одетыми в городское платье. Один из них, подскочив с правой стороны, стал на подножку коляски и начал наносить Голицыну книжалом удары в голову. Но нападавшему помешала княгиня, сидевшая между ним и мужем. Вот почему нанесенные раны не были смертельны. Двое других армян кинулись слева и старались его вытащить из экипажа. Но кучер ударил по лошадям, лошади дернули, и нападавшие должны были выпустить кавказского самодура из рук, тем более, что Сиплиwenko, соскочив с козел, поспешил ему на помощь. Князь ускакал, а за армянами началась погоня, от которой они храбро отстреливались из револьверов, перебегая от куста к кусту. Подоспели казаки, и двое из армян были убиты наповал, а третий смертельно ранен. Теперь уже достоверно известно, что нападение это сделано по приговору армянских революционеров.

XIII.

Царь был в это время за границей и, узнав о нападении, послал Голицыну телеграмму такого рода: «Благодарю Бога, спасшего вашу жизнь. Желаю вам от души быстро поправиться, чтобы иметь возможность с прежним рвением и усердием продолжать вашу многополезную службу России и Мне». Иначе сказать: «Продолжай получше грабить и поджаривать армян, потому от того мне большая польза!».

Да, действительно, царю и его приспешникам была бы большая польза от заграбления у армян ста тридцати миллионов рублей! Но напрасно царь говорит, что это было бы полезно и для России. России, то есть русскому народу такое ограбление не принесет ничего, кроме вреда: во-первых, потому, что оно бесчестит русское имя; во-вторых, потому, что поселяет вражду между армянами и russkimi; в-третьих, потому, что эти сто тридцать миллионов пойдут на то, чтобы усилить угнетателей и армянского, и русского рабочего народа.

Но царь и его друг турецкий султан совсем напрасно радуются и надеются на то, что им скоро удастся уничтожить армянский народ, заграбить его добро и завладеть его землей. Среди армян гонения, вызывают сильное возмущение, так же, как и среди всякого угнетаемого народа. И у них из народа выходят много революционеров, которые стараются открыть глаза своему рабочему люду, побудить его встать дружно на защиту своих прав. И революци-

перы успевают в своем святом деле, потому что дело это правое, дорогое, близкое всему армянскому народу. Это — дело освобождения от царского и султанского произвола, грабежа и насилия. Революционеры армянские действуют уже не первый год. Некоторые из них работают по восемнадцати да по двадцати лет, защищая армянский рабочий люд против насилия, разъясняя ему правду-истину и доставляя ему оружие для отпора насилиникам. Разбойничьим же отобранием народных армянских школ и имущество царское правительство поставило на ноги и тот армянский трудовой люд, который до сих пор держался в стороне от революционеров. Поэтому царским чиновникам не так-то легко будет справиться с армянами, и чиновники это отлично понимают. На Кавказ уже послано много войска, а в газетах и иными способами правительство старается уверить русский рабочий народ, будто армяне изменники, желают нам зла, что-де они «бунтуют», поэтому их нужно бить и держать в узде.

Но ведь это явная ложь. Не «бунтуют» они, а стоят за свои права, потому что не хотят лезть в волчью пасть царского правительства и его приятелей да любимииков — кулаков и пиявок народных. Тем, что они не дают себя грабить и насиливать над собой, они нам же, русскому угнетенному народу, помогают высвободиться из-под кулацкого, помещичьего да чиновничьего ярма. Если все народы, населяющие Россию, дружно ударят на своих кровопийц, то им много легче будет сообща сломить силу теперешнего иродового правительства. А освободившись от него, они смогут завести справедливые порядки. Тогда никакой полицейский не сможет изыматься над рабочим человеком, потому что все власти будут слуги народные, трудовым людом поставленные, и за ними будет глядеть народный глаз. Тогда ни из фабричного, ни из земледельца не станут жилы тянуть податями, квотом да процентами за ссуды либо за землю, потому что и фабрики, и земля будут в общем народном владении. Тогда наши ребятишки не будут дрожать от холода в дрянных хибарках, потому что и угольные копи, и леса будут в общем народном пользовании. Тогда не будут наших взрослых сыновей отнимать у семьи, гладить кулаком по скullам да гнать за тридевять земель на убой, потому что войной и миром и армией будет заведовать сам трудовой народ, а трудящимся людям из-за пустяков драться неохота!..

Таких порядков всякому честному трудящемуся человеку хочется, будь он русский, поляк, армянин, еврей или украинец. Поэтому нам, русским, не приходится глядеть исподлобья на армянских или иных инородных революционеров и трудовых людей, когда они добиваются своих прав. Напротив того, мы должны радоваться, потому что это значит, что нашего полку прибыло!..

Протянем же им братски нашу руку!»

Но братской руки армянам никто не протянул...

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Основные этапы деятельности дашнакской партии легко проследить по съездам партии; где принимались политические решения. Исключением можно считать провозглашение независимости Армении и Февральское восстание, которым посвящены специальные главы.

II съезд партии состоялся в 1898 году в Тифлисе. Главным вопросом повестки дня было обсуждение тактики партии. По этому пункту было принято решение о сосредоточении оружия и боеприпасов в Константинополе, в Киликии, Сасуне и Васпуракане — для использования их в восстаниях и самообороне. Съезд утвердил существование двух партийных Бюро Восточного (Тифлис) и Западного (Женева). Кроме того, был создан новый орган, который назывался «Воля Дашнакской Партии», и который должен был стать высшим органом партии между съездами.

Для осуществления решений II съезда в 1899 году в Тифлисе состоялось общее собрание Восточного Бюро, которое сообщило, что для реализации решений партии необходим 1 миллион рублей, который можно заиметь только путем насилистенных действий. Собрание отвергло насилистенные методы, и это вызвало разочарование у молодежи.

Между тем финансовое положение партии было плачевным, а расходы росли с катастрофической быстротой. Кроме закупок оружия, на что уходила куча денег, партия развернула дипломатическую деятельность и из иностранцев создавала проармянски настроенные группы. В частности, Христофор Микаэлян вокруг «Дрошака» собрал сначала армянскую интеллигенцию, а затем и иностранцев. Среди армянской группы были Э. Акнуни,

Аветис Агаронян, Аветик Исаакян, Саркис Минасян и другие. А из иностранцев был создан кружок «Про Армения», который издавал одноименный журнал. В кружок входила элита французской интеллигенции: такие лица, как Пьер Киар, Жан Жорес, Анатоль Франс, Жорж Клемансо и другие.

Дашнакская партия налаживала контакты с русскими народниками, с курдами, младотурками, и все это требовало колоссальных финансовых затрат. И вот в конце 1900 года, когда до очередного съезда оставалось еще много времени, «Воля» созвала совещание и приняла решение о насильственном изъятии денег у богатых армян. Операция была названа «Буря», и руководили ею Христофор, Ростом, Сев Ашот (Егикян) и Карап (Арам Акопян). Первая попытка насильственного изъятия денег произошла в Шуше (Карабах), где проживал армянский миллионер Исаак Жамарян. У него потребовали 30 тысяч рублей, пригрозив убийством в случае отказа. Жамарян обещал выплатить требуемую сумму, однако обратился в полицию, и предъявитель требования Саргис Барсегян был арестован. Вскоре во дворе армянской церкви в Москве на глазах у армянской общины Исаак Жамарян скончался от ножевых ран, нанесенных террористом Матевосом.

«Буря» действовала в течение целого года. Богатые армяне, как правило, оплачивали требуемые от них суммы, но были и такие, кто отказывался или хитрил. Таких убивали. Так были убиты Джанполадян, Адамян и другие. В 1904 году Христофор доложил съезду партии, что в результате осуществления операции «Буря» партии удалось собрать 432 500 французских франков, что составляло 163 208 золотых рублей. Эта сумма была гораздо меньше ожидавшейся.

Между тем различные революционные группы с боями пробивались в Западную Армению, чтобы засесть там и подготовиться к грядущему восстанию. Среди них были Турбах, Залат, Арам Манукян, Вана Ишхан, Ишхан Аракелян, Горгош, Рубен Тер-Минасян и другие. Биография каждого из них — это самоотверженная борьба за освобождение Западной Армении. Борьба эта посила партизанский характер, и всю ее невозможно описать: в горах, долинах, ущельях группы из двадцати—тридцати, а то и из ста бойцов нападали на регу-

лярные турецкие войска и, как правило, заставляли их в панике бежать. Положительным в этих схватках было то, что армяне укрепляли свой боевой дух, давали понять противнику, что прошли те времена, когда армян можно было безнаказанно притеснять, да и народ почувствовал, что у него есть защита. Вместе с тем эти партизанские действия имели также отрицательную сторону: после каждого выступления армянских фидайнов в Сасуне, в долине Муша несколько армянских деревень подвергались разорению и резне. Под страхом смерти армяне принимали магометанство или же русское православие, надеясь таким путем спастись от насилия.

Весной 1902 года Ваган Манвелян как уполномоченный дашнакской партии прибывает в Сасун, чтобы прекратить спонтанные стычки, мешающие спокойной подготовке к восстанию и переброске людей и оружия. 1902—1903 годы прошли относительно спокойно.

Сасун готовился к восстанию. В мае 1903 года в Сасун прибыла группа Горгоша «Мррик», которая состояла из закаленных в боях и опытных фидайнов. Однако и турки готовились к окружению Сасуна.

Руководители готовившегося восстания Ваган и Грайр обратились в Восточное Бюро с просьбой прислать подмогу. Бюро послало на подмогу сасунцам группу из 150 фидайнов под руководством Хана и Оника. Если бы эта группа прибыла в Сасун в сентябре, как было предусмотрено, то, видимо, сасунская битва имела бы другой результат. Но группа эта до места не дошла — при переходе границы ее окружили регулярные турецкие войска с конницей и артиллерией. Произошла самая яростная и самая героическая в истории дашнакского движения битва: турецкая сторона потеряла 800 человек убитыми, но в бою были убиты оба руководителя — Хан и Оник — и погибли почти все члены группы.

В феврале 1904 года в Софии открылся III съезд партии, на котором не было Ростома. В это время по организационным делам он был на Кавказе. Съезд обсудил прежде всего проблему Сасунского восстания, которое было неизбежно, ибо правительство Турции само готовилось к нападению на Сасун. Еркат предложил, чтобы, не дожидаясь нападения турок, самим начать восстание. Съезд уполномочил Сасунский партийный комитет действовать в соответствии с обстановкой и предо-

ставил в распоряжение комитета денежные средства, а также несколько боевых групп.

Между тем общая обстановка для армян была неблагополучной. С одной стороны, Россия влезла в войну с Японией и ей было не до «освободительных» миссий, с другой стороны — активность дашнаков на Кавказе превратила армян в глазах царского правительства в ненадежный и революционный элемент, который в союзе с русскими революционерами пытался свергнуть царское самодержавие. В этой ситуации армяно-турецкие столкновения для царского режима оказались выгодными. Есть предположения (Рубен: том 3, стр. 262), что именно правительством России султану была подсказана идея уничтожения армян, которых Россия в создавшейся тогда ситуации защищать не стала бы. Прямых доказательств этого нет, но факт остается фактом: русский посол в Константинополе отказал французскому и английскому послам в просьбе оказать совместное давление на султана с тем, чтобы спасти армян Сасуна от резни.

Итак, в 1904 году уже было невозможно избежать столкновений. Уже в январе все подступы к Сасуну были заняты турецкими солдатами. Почти прервалась связь Сасуна с Мушем. Восемь армейских единиц, не считая полиции и курдских головорезов, окружили Сасун. Общее руководство по осаде Сасуна осуществлял Салих-паша, а операцией по уничтожению армян руководил наместник султана в Битлисе Ферих-паша. Курдами руководил Ачи Феро.

Все армянские фидаины и руководители были собраны в Сасуне, а деревни были оставлены на самозащиту. С армянской стороны всеми операциями руководили Ваган, Грайр, Андраник и Геворг. Число фидаинов, собранных в Сасуне, не превышало 200. Из них 30—40 человек прибыло с Кавказа, а остальные были местными. Кроме этих двухсот хорошо вооруженных бойцов, в самообороне должно было принять участие население 21 деревни, которое тоже было вооружено, но не имело опыта боев, ибо это были обыкновенные крестьяне. Вместе с этими крестьянами и фидаинами армянская сторона имела всего 1000 человек, способных принять участие в предстоящих боях. Противник же имел 10 000 солдат регулярной армии и полиции, а также 6—7 тысяч курдских головорезов. Если к этому прибавить, что турецкая

полководец Андраник

сторона имела практически нескончаемые запасы боеприпасов, то станет очевидным, к какому неравному бою готовились дашнаки. В армянском руководстве было два подхода к предстоящим боям. Первый подход, или предложение, принадлежал Андранику, который считал, что восстание армян должно быть всеобщим, т. е. в нем должны принять участие не только Сасун со всеми его районами, но и Васпуракан. По мнению Андраника, это должно было заставить противника рассредоточить свои силы, и тем самым можно было отвести главный удар от Сасуна. Грайр был против этого плана, считая, что всеобщее восстание не должно быть чисто армянским, а должно охватить также другие народы Османской империи. И поскольку такой ситуации не было, Грайр считал, что нужно ограничиться действиями в Сасуне, не подвергая опасности другие районы. Грайр был очень популярен в народе, и поэтому прошло его предложение.

Линия защиты южной части Сасуна была очень протяженной, а сил было мало. Более того: часть армянских деревень была расположена в курдских районах. Самый крупный курдский родоначальник Кор Сло с помощью войск и полиции уже собирался напасть на эти деревни и разорить их. Однако Геворг, которому на помощь пришли группы Мурада и Сейто, предвосхитил планы Сло, и 17 января сам напал на курдов, которые вместе с турецкими войсками отступили в Пасур. Однако Геворг Чауш прекрасно понимал, что эти армянские деревни защищать очень трудно, что это отнимет массу сил, но мало что даст для общей победы. Он решил переселить жителей этих сел в Ишханадзор, а сами села разорить, чтобы они не достались врагу. Без больших трудностей жители сел Егин, Анкузнак, Арткоик, Севит и Арсик оставили свои насиженные места и отступили к ущелью Ишхан. В одном из сел был оставлен Сейто Погос, чтобы защищать отступление армянских крестьян. Когда весть о благополучном прибытии сельчан в Ишханадзор дошла до Сейто, он напал на группу курдского вождя по имени Салих, от руки которого погибло много армян, взял его в плен, а затем собственоручно расстрелял. После этого его группа также отступила в Ишханадзор. Таким образом, к концу января Сасун был надежно защищен с юга и юго-запада по ли-

ии Ишаханадзор — Кефии — Спитак — Сар. Эта линия обороны надежно защищала Сасун также и в 1893, 1894 годах.

Для руководителей самообороны Сасуна Грайра и Вагана было нежелательно начало военных действий: программа подготовки к восстанию была не завершена, и если Сасун готовился к самозащите, то только потому, что правительственные войска сочли существующую ситуацию благоприятной для нападения. Более того, правительство Османской империи было заинтересовано в скорейшем подавлении армянского движения, поскольку в империи, как грибы после дождя, росли новые революционные организации, которые несли своим народам освободительные идеи, и революционные настроения стали охватывать не только армян, но и другие нации.

Чтобы затянуть начало боевых действий, руководители Сасуна обратились к Западному Бюро дашнакской партии, а также к Патриарху с просьбой об оказании морального давления на правительство Турции. В редакцию «Дрошак» за месяц до начала военных действий Грайр отправил следующее письмо: «Сасун уже воспламенился, может быть, это будет последнее мое письмо. Много снега, суровая и холодная зима, народ не обут и не одет. Война неравная. Товарищи, обратитесь без промедления к цивилизованному миру, нашим друзьям — может быть, удастся ограничить зверства. С бесконечными поцелуями. Грайр».

Однако ни усилия Патриарха, ни обращение к западным правительствам успеха не принесли. Английские и французские дипломаты произнесли несколько красивых речей, требуя вмешательства правительств Европы в армянские дела, но единственным ответом сultана было то, что против сасунских революционеров будут посланы правительственные войска, чтобы не было грабежа и насилий и чтобы не пострадало мирное население. Послы иностранных держав предложили турецкому правительству начать переговоры с армянами, с тем чтобы те без боя оставили Сасун и сами обещали прибыть на место для выполнения посреднической роли в переговорах. Однако русский консул затянул поездку в Сасун, и когда послы прибыли на место, военные действия были уже в разгаре. Вся эта дипломатическая шумиха вокруг проблемы Сасуна имела как положительные, так и от-

рицательные стороны. Положительным было то, что армянский вопрос еще раз обсуждался в международных инстанциях и перед общественным мнением Европы. Отрицательным же было то, что правительство султана решило как можно скорее покончить с сасунской проблемой, пока туда не прибыли представители европейских стран. В Сасун было послано огромное количество войск с целью немедленно покончить с этим революционным очагом.

К 20 марта приготовления к нападению были завершены, и турецкие войска напали на пограничные деревни от Уруза до Муша и от Муша до Хазгиюха. Эти деревни были ограблены. Но главная цель турецкой стороны заключалась в выяснении, насколько эти деревни защищены и ударят ли они в спину турецким войскам, если те продвинутся вперед и начнут военные действия с Сасуном. Деревни эти, согласно приказу Грайра, не сопротивлялись. Крестьян бросали в тюрьмы и подвергали пыткам, но предателей не оказалось. Вопреки обещаниям султана не посыпал в Сасун курдов и бандитов, под видом правительственных войск именно они были направлены в Сасун. Султан и его войска в помощи курдов не нуждались, но они предусматривали возможное сотрудничество между армянами и курдами и делали все, чтобы такое сотрудничество надолго стало невозможным. За курдами в наступление пошли регулярные войска, и героическая битва сасунцев началась.

Первое мощное наступление было предпринято 2 апреля. Наступающую конницу поддерживала горная артиллерия, которая беспрерывно стреляла по армянским деревням. Но фидайны вели партизанскую войну, где внезапность и находчивость, прекрасное знание местности и, конечно, в первую очередь фантастическая смелость фидайнов сыграли решающую роль, и атака была отбита.

11 апреля турки организовали второе наступление. Примерно 700 всадников ворвались в Шеник, но тут же оказались в тяжелом положении: фидайны немедленно закрыли путь к возможному отступлению. Слева были снежные горы, куда лошади не могли подняться, справа — укрепления армян, а впереди сасунцы и фидайны. После четырех часов сопротивления турки, оставив лошадей и боеприпасы, бежали в горы. Армяне долго еще

Грашп

их преследовали, но с наступлением темноты вернулись на свои позиции. Таким образом, два первых наступления армянами были отбиты, и две эти битвы закончились полной победой армян.

На следующий день, 12 апреля, к армянам был послан священник Аракел, который привез с собой приказ (кондак) армянского Патриарха, предлагавший фидайнам сдаться правительству, народ должен был прекратить сопротивление, и взамен турецкие власти якобы разрешили бы фидайнам беспрепятственно выехать из страны, а народ был бы помилован.

Грайр, Андраник и местные руководители немедленно собрались на совещание и решили сказать посланику султана, что ответ будет завтра. И поскольку ответ для них разумелся как отрицательный, было решено, что народ из соседних деревень за ночь будет собран в Кэликюзане, где будет организована самооборона. Народ был переселен из деревень, деревни же сожжены.

Рано утром Грайр заметил, что турецкие войска пошли в организованное наступление: это означало, что султан вовсе не собирался вести переговоров с армянами, а священник Аракел был послан лишь для того, чтобы отвлечь внимание армян от нового наступления.

И вот наступило 13 апреля, судьбоносный день для Грайра, одного из старейших героев освободительного движения армян. Увидев с чердака наблюдательного пункта наступление турецких войск, он немедленно дал приказ к сопротивлению. Народ и фидайны разбрелись на две группы, одна из которых под руководством Сепуха и Мурада двинулась в направлении Брлика, а другая — под руководством Грайра поднялась в горы и подготовилась к сопротивлению. У противника было 8 рот и 4000 курдов. Положение армян было очень тяжелым, в особенности — безоружного населения. И вот сасунские горы сотрясли пушечные залпы и ружейная стрельба. В первом же бою от пули врага погиб Грайр, затем — Грпо, Марто и другие. Турецкие войска вошли в деревню, и началась кровавая рукопашная схватка. Казалось, что армянам уже ничего не остается, как всем до одного погибнуть на поле боя. К тому дело и шло, когда вдруг неожиданно с восточной стороны деревни появился Андраник со своими солдатами. Курды и турки в панике бежали, оставив на поле боя более 100 уби-

Вади

тых и 17 маузеров. Те, кто не успел бежать, тут же на месте были безжалостно убиты армянскими фидаинами. Но потери армян были также значительны, и в особенности омрачала победу смерть Грайра.

14 апреля турки, получив подкрепление, предприняли новое наступление, но армяне моментально остановили его и заставили их отступить. Два-три дня прошли спокойно. Турки готовились к наступлению на возвышенности, где собрался народ и фидаины.

Обо всем этом рассказал Ваган, который посыпал отрывочные корреспонденции в редакцию «Дрошак». Но с 14 апреля его корреспонденции прекратились: полномочный представитель дашнакской партии погиб на поле боя. Его похоронили в горах, которые он так любил и так мужественно защищал. После его гибели корреспонденции в «Дрошак» посыпал комитет дашнакской партии в Тароне.

20 апреля турецкие войска окружили Кэликюзан. Рано утром снова загремели пушки. Армяне продолжали сопротивляться, но близился час поражения. В первый день наступления турок (20 апреля) армянам удалось сохранить свои позиции, однако более 300 орудий до поздней ночи стреляли по ним, и они были вынуждены отступить. Продолжать сопротивление было бесполезно, поскольку более чем 20 тысяч женщин детей и стариков собралось в окруженному турками Кэликюзане и их рыдания и крики, смешанные с орудийными залпами, создавали такой хаос, что не давали фидаинам сосредоточиться на организации сопротивления. Да и патроны были на исходе. Продолжать сопротивление значило в случае проигрыша поставить население 45 сасунских деревень под угрозу массовой резни. Все это население теперь было собрано в Кэликюзане и находилось под защитой фидаинов. Ночью фидаины вывели народ из окружения, и с боями прорвались в долину. Война в Сасуне закончилась, но продолжалась в Муше.

Потери армян были огромные, однако турецкое правительство было недовольно результатами войны. И действительно, турецкие войска и курды терпели одно поражение за другим, когда же они получили наконец возможность вырезать сасунцев и перебить фидаинов, те ушли из-под их носа.

Власти подготовили новый удар по армянам. Они объявили, что беженцы-сасунцы не имеют более права возвращаться в Сасун, который будет заселен курдами. Армянам же предлагалось поселяться в равнинных местах, где они уже не смогли бы обороняться так, как оборонялись в горах.

Весть об этом коварном решении правительства быстро распространилась среди сошедших в долину сасунцев. Для них это было таким ударом, что измученный, окровавленный народ был готов снова с боями прорваться в родные горы. Но тут, наконец-то, заговорила Европа. Заговорила не ради сострадания к сасунцам, а ради того, чтобы армянская проблема не сошла с политической сцены, ибо эта проблема позволяла великим державам под разными предлогами вмешиваться во внутренние дела Османской империи.

Во время войны послы и консулы великих держав находились в Муше. Услышав о приказе султана, они запротестовали и остановили осуществление плана курдизации Сасуна. Султан сдался. Под наблюдением и охраной консулов 6000 сасунцев возвратились в родные края и начали восстанавливать разоренные и разрушенные села. Несмотря на то, что 15-тысячная турецкая армия и сотни курдских бандитов все еще держали Сасун в окружении, Геворг Чауш, Аракел, Аво и другие — примерно 100 человек — также остались в Муше и скрывались в домах крестьян. Несмотря на то, что обыски проводились ежечасно, обнаружить фиданинов не удавалось: народ надежно скрывал их. Была объявлена огромная премия тому, кто выдаст Андраника, однако предателей не нашлось. Более того, Андранику удалось снова подняться в Сасун, где он пробыл полтора месяца, а затем, к сожалению, навсегда покинул свои любимые горы. С ним в долину спустился также и Геворг Чауш. Андраник нашел своих солдат, организовал их и решил, прежде чем покинуть Сасун, еще раз ударить по турецким войскам, которые продолжали преследовать уже поверженных сасунцев.

16 июля Андраник с 34 фиданиами направился в село Кураву, куда следовали в это время 80 турецких солдат. Армяне прибыли первыми и заняли оборонные позиции. Турки, войдя в деревню, начали бесцеремонно грабить армянские дома. Когда один из них попытался из-

насиловать армянскую девушку, фидаины вышли из засады и уничтожили всех турецких солдат. Но пора было уходить, и ночью фидаины двинулись к иранской границе, а оттуда перешли на Кавказ.

Так закончилось Сасунское восстание, а точнее — самооборона. Как и было задумано, она не вышла за пределы Сасуна. Здесь нужно отметить еще одно немаловажное обстоятельство: по решению II съезда дашнакской партии, на помощь сасунцам и тароццам были направлены с Кавказа вооруженные бригады, но почти ни одна из них до места не дошла. Весной и летом 1904 года одна за другой в боях погибли группы Вагаршака, Геворка-Руса, Горгоша, Ворсорда Геворка, Ерката, Тохмака и Похика. Главная причина неудач этих групп заключалась в тесном сотрудничестве русских и турецких пограничных сил и тайной полиции. Удачно, но с тяжелыми боями, прорвались в Сасун лишь группы Гайл-Вагана и Миграна.

В деятельности дашнакской партии тех лет особое место занимает покушение на султана Абдул-Гамида. На III съезде партии Христофор Микаэлян взялся лично возглавить покушение. Группа, которая должна была осуществить покушение, направилась в Константинополь, оставив Болгарию лишь тех, кто должен был приготовить бомбы и переправить их в Константинополь. Изучив обстоятельства на месте, группа решила, что покушение должно состояться в пятницу, когда султан выходит из мечети и направляется к своей карете. Бомба должна была взорваться в карете, когда султан будет туда садиться. Одновременно Христофор, Врам, Сафо, Ашот и двое других должны были швырнуть десятки гранат в ложу султана, если тот по тем или иным причинам задержится в ложе и не подойдет к карете до взрыва бомбы. Но судьба не дала осуществиться всем этим планам. В январе 1905 года Христофор вместе с Врамом Кентиряном переезжают в Болгарию, где они испытывают бомбу, названную «Красным султаном». 17 марта у подножия горы Витош, что находится близ Софии, при последнем испытании от взрыва бомбы погибли Христофор и его молодой друг Врам.

После гибели Христофора операцию по организации покушения возглавляет Сафо, который в конце апреля прибывает в Константинополь. В группу покушения до-

полнительно были включены Рубина и Крие. По всей видимости, самой главной ошибкой Сафо было то, что он отказался от плана одновременного взрыва бомб в двух местах, а ограничился только взрывом в карете.

Покушение имело место 21 июля 1905 года. Рубина и Зарэ подготовили взрыв и удалились. Однако взрыв произошел на 108 секунд раньше, чем султан подошел к карете,— он задержался, беседуя с шейхом. После этого начались массовые аресты.

В 1905 году партия дашнаков решила начать революционную деятельность также и в Закавказье. Это означало, что армяне Закавказья от самообороны должны были перейти к наступлению. Но общую программу действий должен был утверждать IV съезд партии. А пока западные армяне и многие фиданцы не хотели и не могли понять переориентацию партии, точнее — открытие второго фронта в Закавказье. Многие из них считали, что партия изменила делу освобождения Западной Армении, что она увлеклась социалистическими идеями, забыв свои национальные обязанности. Это был кризисный период для партии, ибо многие уходили из нее. Крайне левые требовали вообще забыть Западную Армению, а правые требовали воздержаться от борьбы в Закавказье. Левые ушли из дашнакской партии и присоединились к русским эсерам, правые же вообще вышли из революционной борьбы.

Между тем обстановка в Закавказье осложнялась изо дня в день. Дашиакская партия начала борьбу против царского правительства в связи с тем, что оно конфисковало все имущество армянской церкви. Усиление дашнакской партии в Закавказье со стороны российских партий воспринималось по-разному. Российская социал-демократическая партия откровенно выражала свое недовольство ростом среди армян влияния дашнакской партии, поскольку считала ее не пролетарской, а мелкобуржуазной, националистической партией. Ей было совершенно непонятно стремление дашнаков защитить армянскую церковь, которая, по мнению социал-демократов, дурманила армянский пролетариат. Совершенно другое отношение к дашнакам было у эсеров, кадетов и польских социалистов, которые считали, что любая борьба, направленная против царского самодержавия оправдана, и дашнаки в этом плане считались союзниками.

по борьбе. Нужно сказать, что дашнакская партия еще в ноябре 1904 года приняла участие в тайном совещании различных российских революционных групп, состоявшемся в Париже. Вне сомнения, в 1905 году она приняла бы более активное участие в общероссийском революционном движении, если бы не была вынуждена организовывать защиту своего народа — от азербайджанцев, на этот раз в Закавказье.

Названия «Азербайджан» и «азербайджанец» появились уже после Октябрьской революции. А до этого их называли в России «татарами». Мы в дальнейшем, в нашем тексте, будем употреблять сегодняшние названия (хотя источники, которыми мы пользовались, содержат название «татары»), чтобы не вводить в заблуждение читателя,ющего спутать старые и новые названия, тогда как настоящие татары ничего общего с азербайджанцами в происходивших событиях не имели.

Армяно-азербайджанские отношения по сей день остаются напряженными, поэтому мы решили несколько подробнее остановиться на истории этого антагонизма.

Государственное право Персии как норма, регулирующая общественную жизнь подданных страны, распространялось только на персиян, а другие народности — христиане — были для государства лишь объектом правоотношений между шахами и их наместниками и отнюдь не являлись субъектами права в социальной жизни страны.

Всякая новая завоеванная персами страна, превращенная ими в персидскую провинцию, не входила в правовом отношении в состав государства, и государственное право Персии на нее не распространялось. В таких провинциях мы находим законы и юрисдикцию сардара (наместника). «Система управления представляла деспотизм в частностях и чистый феодализм в общем»¹. «Шах назначал в провинции наместников (сардаров) с неограниченной властью. Они должны были содержать определенное количество войск в мирное время и другое — в военное и платить ему известную дань. Каким образом (наместник) собирал (дань) и как высоко облагал поданных податями,— об этом никто не заботился»². Хотя теоретически податная система была «вели-

¹ «Обозрение российских владений за Кавказом», ч. 1, Пб., 1836, стр. 70.

² Гакстгаузен. Закавказский край, ч. 1, Пб., 1857, стр. 184.

чина» определенная, «правительство могло требовать третью часть дохода», но «армяне, находящиеся во внутренней Персии, обязаны» были «платить вместо третьей части даже половину жатвы. На деле этим не довольствовались: каждый брал, сколько мог»³.

Данное положение объясняется тем, что чиновники сардара руководствовались не правом государства или нормою сардара, а собственными законами, а в основе этих законов лежало соображение обогащения их, и сардари, «несмотря на неограниченную власть свою, не могли укротить хищничество и притеснение чиновников»⁴ своих.

Если к этим порядкам прибавить откупную систему персидского права в Армении, то станут понятными «неграниченный произвол и хищничество»⁵, господствовавшие в Армении,— и ненависть армян к господствующей нации и системе управления Персии в армянских провинциях.

Такое положение существовало в течение всего времени управления Арменией персидскими сатрапами. Гражданское управление в провинциях всецело зависело от правителя. Стремление армян к отделению от Персии и правовая особенность персидской государственной системы порождали произвол чиновников в отдельных провинциях страны. Там применялись не государственные правовые нормы и обычное право местных жителей, а самоволие отдельных чиновников диктовало нормы жизни населения.

Владетели отдельных провинций грабили территории других. «Таким образом, каждое владение пеклось о своих пользах, сильнейшее грабило слабое; отсюда беспрерывное несогласие между владельцами, оканчивавшееся восстанием целых масс народа. При таком общем и частном феодализме, при непрестанно судорожном состоянии всех владений... все цепенело как под свинцом».

³ Гакстаузен. Закавказский край, ч. 1, Пб., 1857, стр. 184—188 и 247.

⁴ Там же, стр. 184.

⁵ Там же, стр. 246.

⁶ «Обозрение российских владений за Кавказом», ч. 1, Пб., 1836, стр. 73.

вым илом»⁶. Под владычеством Персии и Турции «земля и народ (Армении) впали в глубокое варварство»⁷.

Гражданское устройство в эту эпоху носит характер типичной формы феодального строя. Шах царствует, но не управляет; в стране властвуют ставленники сардара (наместника шаха) и ханы, действующие по собственным законам. «В лице хана или вообще его правителя сосредоточивались все власти: законодательная, судебная и исполнительная; между народом и безграничным властелином не было посредников, никаких (определеных.— Б. Б.) форм (государственной системы.— Б. Б.) не существовало»⁸. Как хан, так и правители смотрели на вверенную им провинцию, как на временно отданную в их власть и в их неограниченное пользование область и проявляли в этой несчастной области все свое умение править и свое варварское бездушие. «Эта великая область составляла как бы собственность сардара»⁹. О каких-либо отчетах в управлении не могло быть и речи, так как сардары и ханы не были обязаны отчитываться и, кроме того, у «ханов и беев считалось постыдным читать и писать — это было уделом бедняков». «Наместники, выбранные из придворных и рабов,— пишет Гакстгаузен,— являлись в страну, вовсе не зная ее отношений и источников, посему они отыскивали туземцев, преимущественно военных, способных к грабительству. Им они давали титул и звание хана и бея. Но они были ленивы и охотники до наслаждений, и не до того им было, чтобы заниматься администрацией и судопроизводством. Они оставались на своих местах редко более двух или трех лет»¹⁰.

Эти чиновники разъезжали по деревням со своими слугами сбора податей и собирали с армянского населения все нужное и «необходимое для их личного потребления». Если кто-либо из крестьян замедлял исполнить требование чиновника, то его слуга «с кнутом... со зверской яростью врывался в дом,— пишет Гакстгаузен,— ломал все, беспощадно бил всех, без различия возраста

⁶ Гакстгаузен. Закавказский край, ч. 2, стр. 186.

⁷ «Обозрение российских владений за Кавказом», ч. 1, IIб., 183б, стр. 72.

⁸ Там же, стр. 71.

⁹ Гакстгаузен. Закавказский край, ч. 1, IIб., 1857, стр. 185.

и пола. А это был слуга — можно судить, каков был господин!»¹¹.

В государстве, в котором подданные разделяются на классы по религии, а низшие чиновники создают собственные правовые нормы в своих интересах, где твердый закон государства и общая норма управления отсутствуют, а политические права и право на продукты собственного труда населения изменяются по усмотрению случайных лиц, стоящих у власти, где произвол, грабеж и хищничество зависят от изобретательности откупщиков и чиновников,— само собой разумеется, в таком государстве система экономико-политического управления отражается на психике угнетенной нации, и зачастую религиозный элемент превращается в базу ее организации и укрепления. Этим фактом и объясняется то, что у армян религиозный момент «составляет сильнейшее начало (их) национальности»¹².

Нужно отметить, что не только духовная сила христианства вела армян в лоно церкви, но и их стремление к политической свободе и национальной самостоятельности. Этим и объясняется то, что, видя в религии принцип притеснения, армяне ненавидели персиян, духовенство же в значительной степени этому способствовало, поскольку в основу объяснения угнетения армян магометанами ими было положено именно религиозное начало. Поэтому освобождение свое армяне связывали с церковью, так как она была единственной сильной и легальной организацией, а духовенство было организующей и руководящей силой. Отсюда ясно, почему духовенство играло такую решающую роль в политической жизни армян и занималось больше политикой, чем духовными делами: религия была не только организующим началом, но и средством освобождения.

В Персии и Турции, а впоследствии и в России, глава армянской церкви — патриарх и католикос — был представителем нации перед государством и посредником между государством и армянским народом. Турция, Персия и Россия соперничали в избрании армянского католикоса, именно учитывая его политическое значение в глазах народных масс. Вместе с тем высшее духовенство

¹¹ Там же, стр. 186.

¹² Там же, стр. 189.

опиралось на низшее, которое было организатором и проводником идей церкви, освященных светом национального освобождения. Это создавало церкви и всем слоям духовенства особую популярность в народе, которая еще более усиливалась тем, что духовенство «всегда подвергалось гонению со стороны то персиян, то турок»¹³, а впоследствии — и со стороны России. Мы знаем, что непокорные патриархи смещались и на их место назначались угодные, услужливые. Примерами служат: высылка Россией Нерсеса в Кишинев¹⁴, смещение Персией Давида¹⁵, высылка Измиряна и Хримяна Турцией.

Исторические факты показывают, что насколько усиливались со стороны завоевателей угнетение, притеснение и всякие репрессии по отношению к армянскому духовенству, настолько же оно возвышалось в глазах народа и становилось вождем движения и руководителем народа в назревавших событиях; параллельно с этим и религия начинает превращаться в элемент антагонизма и сепаратизма. Духовный меч превращается в политическое орудие освобождения. Противоречия интересов армянских феодалов (духовенства и меликов), с одной стороны, и армян-крестьян, с другой, начинали сглаживаться и даже по временам интересы их совпадали — под политическим и экономическим давлением Персии, под грубым произволом правителей и чиновников, который приходилось выносить всем слоям армянского народа. И все они были одинаково заинтересованы в освобождении.

Однако общая политическая деятельность и стремление к самостоятельности армян усиливали репрессии со стороны персидских и турецких завоевателей. Ибрагимхан «армян утеснял и грабил под разными предлогами и начал усугублять свои притеснения армянам, участвовавшим особенно в тайных с Россией сношениях»¹⁶. Талышский хан, подозревая армян в измене, изгнал всех из своей провинции, «воспретив и впредь принимать их в Талыш»¹⁷. Не подлежит сомнению, что «при тягост-

¹³ «Акты», VII, стр. 272.

¹⁴ Там же, стр. 252—256.

¹⁵ «Акты», VII, стр. 255.

¹⁶ Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, ч. 2, Пб., 1869, стр. 144—145.

¹⁷ «Обозрение российских владений за Кавказом», ч. 3, Пб., 1836, стр. 206.

ной для народа (армянского) системе персидского управления»¹⁸ религия превращается в фактор антагонизма и сепаратизма, а содержанием религии являются экономический интерес и политическая свобода в основном для имущих классов. Решающим фактором религия становится благодаря общим политическим условиям, так как бесправие и угнетение армян имели своим последствием их экономическое порабощение и эксплуатацию. Мусульманское право рассматривало всех своих поданных под углом зрения религии, армяне же в правовом отношении попадали, кроме того, и в фокус экономической выгоды государства.

Так, например, хотя армянские купцы играли значительную роль в торговом обороте Персии и имели в экономическом отношении важное значение, они не были уравнены в правах с купцами-персами. Многочисленные таможенные сборы и прочие обложения армянских купцов ставили перед ними проблему национальной принадлежности. Армянин-купец платил больше, чем азербайджанец-купец. «В Тебризе (Тавризе), Хое, Урмин, Ардебиле взыскивается с привозимых и увозимых товаров сверх пяти процентов пошлины по тарифной ставке — с азербайджанцев по 1 рублю серебром с выюка, а с армян по 3 рубля серебром. В Турции шушинские купцы (азербайджанцы) не подвергались платежу пошлин»¹⁹.

В области земледелия и землепользования армянские крестьяне находились в худшем положении по сравнению с персидскими. Армянское и мусульманское крестьянство было наделено землею неравномерно. «Азербайджанцы,— пишет Зубарев,— владеют лучшими и обширнейшими (землями); армяне же живут по большей части в горах, которые пахотными местами не изобилуют, и оттого принуждены нанимать (арендовать) земли (у азербайджанских) агаларов»²⁰. Распределение земель между крестьянами производилось государством по национальному признаку. Лучшими землями наделялись азербайджанские крестьяне и получали они больше, чем могли обработать. Армяне-крестьяне наделялись наи-

¹⁸ Там же, стр. 275.

¹⁹ «Обозрение российских владений за Кавказом», ч. 3, Пб., 1836, стр. 317.

²⁰ Там же, стр. 225 и 261.

худшими участками земли в горных областях «по воле агаларов»²¹, и надеялись недостаточно, почему они и были вынуждены арендовать землю агаларов.

Агалары пользовались полностью своею властью верховных правителей и превращали армян-крестьян в объект обогащения с целью держать их в политическом отношении в подчиненном состоянии; они лишали их экономической базы, чтобы уничтожить в них политические стремления к самостоятельности. Экономические интересы агаларов стояли выше государственного права. Не права подчиненных народностей лежали в основе государственной жизни, а средневековые принципы. Мало того, «армяне, имеющие недостаток в пахотной земле, в случае посевов на полях агаларов платят им с каждого плуга по 2 рубля серебром, отдавая, кроме того, и половину урожая»²².

Разумеется, при такой экономической системе и при таких правоотношениях все отношения между агаларами и армянами-крестьянами превращались в политическую вражду, а классовые интересы — в национальный антагонизм.

Крестьянин-армянин и крестьянин-мусульманин были различными категориями в государстве, ибо победители и побежденные различно понимали общественные явления и по-своему реагировали на них. Государство как классовая организация в социальной жизни народа всегда проводит по отношению к различным группам населения определенную политику исключительно в интересах господствующего класса. Если в эпоху персидского господства армяне были угнетены больше, чем мусульмане, и для последних государственная религия служила опорой в государственном праве, чего не имели армяне, то в эпоху царизма в Закавказье как армяне, так и мусульмане были одинаково объектами царской политики для защиты интересов господствующих классов России.

В Закавказье царская дипломатия придерживалась принципа: разделяй и властвуй. Если в первый период царизм опирался на армян, то в последующие он уже по-

²¹ «Обозрение российских владений за Кавказом», ч. 3, Пб., 1836, стр. 225.

²² Там же, стр. 261.

кровительствовал мусульманам — с целью опереться на господствующие азербайджанские классы для осуществления своей русификаторской политики.

Двойственная политика царской бюрократии имела целью разъединение национальностей и углубление национальной розни. Для характеристики можно указать на следующие факты. При раздаче пшеницы, как пишет Паскевич в 1828 году, «армяне явно предпочитались мусульманам»²³. Правовые нормы России в Закавказье применялись неодинаково, а под углом зрения углубления национального антагонизма между армянами и азербайджанцами. «Если следовать прямому смыслу Положения, составленного генералом Ермоловым в 1829 году, то мусульманин, укравший у армянина менее 100 рублей серебром, будет подвержен меньшему наказанию, и судопроизводство над ним будет менее продолжительно, нежели над армянином, впавшим в подобное преступление»²⁴, несмотря на то, что те и другие живут в одном и том же селении. Армянские крестьяне несли «более повинностей в казну, нежели азербайджанские»²⁵, и более сурово эксплуатировались агаларами, чем азербайджанские.

Лофицкий в своем докладе царю пишет (1807 г.), что «хотя во всей Российской империи нет того, чтобы христиане были в крестьянстве (т. е. в крепостном состоянии), у татар, но до времени (следует) оставить еще в прежнем положении» армян-крестьян²⁶.

В 1845 году русские бюрократы вновь возвращаются к вопросу о крепостном праве и положении армянского населения, заявляя, что «русские законы действительно воспрещают мусульманам иметь крестьян на крепостном праве, но разве в этом случае они могли распространяться на агаларов? Управляемые ими армяне населяли земли, пожалованные агаларам, и были связаны с помещиками условиями... впоследствии обратившимися в обычай»²⁷. «Обычай» же заключался в правовом оформле-

²³ «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», т. VII, стр. 488.

²⁴ Там же, стр. 22.

²⁵ Там же, т. X, стр. 5.

²⁶ «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», т. III, стр. 227.

²⁷ Там же, т. X, стр. 5.

ний крепостного права. Само собой разумеется, что обыч-
ная норма молчаливо санкционировалась государствен-
ным правом Российской империи, и армянское кресть-
янство было отдано «на поток и разграбление» азербайджанским агаларам. Таким образом, недовольство армян-
ского крестьянства и армянской либеральной части об-
щества имело под собой основания, ведь армяне в общей
массе шли навстречу и всеми мерами и средствами спо-
собствовали завоеванию и утверждению царской власти
в Закавказье в надежде, что если они и не будут вполне
свободны и не получат политической самостоятель-
ности, то во всяком случае они освободятся от тяжелой
зависимости от азербайджанских ханов и агаларов. Глу-
хой ропот армянского общества против России заставил
ее в 1841 году декларировать следующее: «Совет полу-
жил все армянские деревни от управления агаларов из
азербайджанцев и меликов из армян теперь же навсегда
освободить»²⁸. «Деревни, населенные армянами... ос-
вободить от управления агаларов из азербайджанцев»²⁹.

Мы сказали, что совет декларировал, но декларация не есть еще обязательство или обязательный акт, хотя она и является законом, так как издана в установленном порядке; но в свою очередь и закон, изданный в этом порядке, также не являлся еще по существу обязательным актом для правительства, ибо логика господства и защиты интересов господствующих классов несколько иная: «Настоятельная необходимость охранить общественную безопасность, бесспорно, может служить оправданием для нарушения установленных законов»³⁰.

Царское правительство, да и не только одно царское правительство, как известно, выполняет собственные законы постольку, поскольку они защищают интересы господствующих классов.

Мусульманская общественность после отбрания земли и освобождения крестьян-армян «от управления агаларов из азербайджанцев» в 1841 году стала проявлять явно антирусское настроение и тяготение к Персии и

²⁸ «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», т. IX, стр. 34.

²⁹ Там же, т. X, стр. 5.

³⁰ Гибbon. Упадок и разрушение Римской империи, ч. 3, М., 1884, стр. 196.

Турции. Это политическое настроение агаларов нельзя было игнорировать, и русская дипломатия пошла им на встречу.

Указом от 6 декабря 1846 года царское правительство отобранные земли снова возвращает прежним владельцам и возвещает агаларам и меликам ненарушимое сохранение впредь их права, а закон от 14 мая 1870 года, как это видно, не отменил крепостного права в Закавказье, а лишь смягчил крепостное состояние крестьянства.

По закону 6 декабря 1846 года все земли, отобранные по закону 1841 года, были возвращены прежним владельцам. Крестьяне снова оказались в ежовых рукавицах помещиков. Наступает эпоха покровительства азербайджанским бекам, а армяне-крестьяне становятся жертвами политических расчетов России. Агалары начинают драть с них семь шкур, правительство покровительствует помещикам — агаларам-мусульманам, ненависть разгорается и становится остро национальной. Царизм поддерживает и углубляет ее.

Не только одна земельная зависимость от помещиков ставит крестьян в безвыходное положение, но, например, «каналами владели несколько человек, преимущественно из агаларов, и жители никогда не были уверены в успехе жатвы, которая зависит от достатка напускной воды»³¹.

Таким образом, мы видим, что экономические причины и административно-правительственные мероприятия царской дипломатии и ее ставленников формировали, поддерживали и, так сказать, культивировали ненависть.

Для проведения в жизнь закона 6 декабря 1846 года были выработаны и высочайше одобрены положения от 20 апреля и 28 декабря 1847 года. Сущность их состояла в том, что агалары и беки объявлялись собственниками земель, а крестьяне ставились в положение закрепленных с землей наследственных арендаторов. В виде вознаграждения собственника земли эти арендаторы были обязаны отбывать разного рода повинности: 1) малджегат, 2) прислуги, 3) рабочие дни и 4) эврез. Малджегат составлял десятую часть всех продуктов

³¹ «Обозрение российских владений за Кавказом», ч. 2, Пб., 1886, стр. 224.

поля, сада и огорода; повинность прислуги заключалась в отбывании работ по дому помещика и по его огороду; рабочие дни обязывали каждое семейство выставлять по требованию владельца земли одного работника со скотом и сельскохозяйственными орудиями агалару — в продолжение восьми дней, беку — в продолжение восемнадцати дней в году для различных надобностей; кроме того, крестьяне «были обязаны два дня в году работать своему помещику целым миром, т. е. эврез»³².

Из этих экономических прав агаларов и беков вытекали те административные и юрисдикционные права, которые им были переданы царским правительством.

«Владелец земли был в то же время (и) заведующим селением и полицейским начальником всех живущих на его земле поселян... (он) должен был наблюдать за спокойствием, благочинием, и нравственностью поселян; преследовать разбойничество, задерживать беглых, бродяг и воров, наряжая для этой цели вооруженных поселян, обязанных ему в этом деле безусловным повиновением. Владелец земли облекался и судебной властью: он был начальником сельского суда. Он утверждал приговоры сельских судов»³³ и т. п.

Естественно, что эти экономико-правовые моменты как феодально-крепостного характера западного средневековья, так и характера российской вотчины переплетались в мусульманской действительности и были правообразующим принципом для азербайджанских помещиков в управлении ими крестьянами. Разумеется, что армяне-крестьяне, находясь под их властью, были приспособлены к ним ненависти, со всей остротой этого чувства, на которое способны угнетенные люди, и нет сомнения, что в конечном итоге то тяжелое положение армян, которое породило такую ненависть, явилось следствием царской политики. Эта политика нисколько не улучшила положения после завоевания Закавказья и нисколько не укротила деспотического правления ага-

³² Иващенко. Гражданское управление Закавказьем. Тифlis, 1901, стр. 358, 359.

³³ Там же, стр. 359, 360.

ларов и беков, а только «установила сложившийся порядок вещей»³⁴.

Положение 1847 года было актом, соответствовавшим всей царской политике, и имело экономически верный расчет, отвечая «истинной правде крепостной России» и помогая укреплению царской власти на Кавказе. Акт освобождения крестьян в России 1861 года не касался крестьян Закавказья, и закон 1870-х годов не уничтожил там крепостного права.

Освободительное движение, возникшее среди армян, и торгово-промышленная деятельность закавказских армян породили сомнения в их преданности царю и престолу. Перед царской дипломатией встал вопрос: «поощрять ли дальше» армян или принять соответствующие меры к ограждению царя и престола от армянской опасности? Разумеется, было принято последнее.

С этого времени начинается тот поход против армян, о котором мы говорили выше: преследования, гонения, закрытие культурно-просветительных учреждений — школ, благотворительных обществ, отобрание церковных имуществ и т. д. В государственных учреждениях и органах доводится до минимума количество служащих и чиновников — армян. Они заменяются грузинами, русскими и азербайджанцами. Конечно, первенство при этом отдается русским чиновникам.

Царская бюрократия была ярко выраженным проводником реакционной политики центральной власти в Закавказье. Поход против армян в основе своей, без сомнения, имел политическое содержание. Армянский вопрос в Турции и перспектива автономной Армении, по мнению царской бюрократии, угрожали русским интересам на востоке Малой Азии. Автономная Армения была бы равносильна «окончанию» завоевательской политики русских на территории Малой Азии. Для предотвращения этой опасности нужны были энергичные меры, и поэтому царская бюрократия готовилась к действию.

В походе против армян и армянской общественности царская Россия фактически оказалась в союзе с Турцией,— «очень выгодном для султана и убийственном для русского дела в Малой Азии», ибо «армяне,— как

³⁴ Иваненко. Указ. соч., стр. 357.

пишет Амфитеатров,— и нравственно, и материально— неизменные союзники русского движения на Евфрат. Во главе русских войск шли в Малую Азию Лорис-Меликов, Лазарев, Тер-Гукасов» и др.³⁵.

Но вот наступает 1905 год. Революционное движение разрастается, и бюрократия «предвидит» революционное отпадение Закавказья.

Политика «разделяй и властвуй» является единственным средством спасения.

В то же время начинается эра еврейских погромов в России и армянских на Кавказе. В том и другом случае бюрократия царя является душой этих кровопролитных боен.

Армянский вопрос был для царских ставленников опорой их деятельности в проведении определенной политики; очевидно, исходным моментом здесь служило то, что для разжигания страсти и углубления историко-экономической распри между армянами и азербайджанцами русская дипломатия использовала армянский вопрос как средство агитации и подготовки кровавых междусобиц.

Стремление армян освободиться из-под ига Турции Порта рассматривала как акт, разрушающий государственный организм Оттоманской империи, а революционно-национальную деятельность армян она истолковывала как результат программной деятельности дипломатии царской России. Поэтому восстание армян в Турции Порта считала делом рук русских дипломатов: «Ещё в русско-турецкую войну 1856 года армянские повстанцы получали помощь от России. С этого самого времени,— пишет Джемаль-паша,— русские не переставали поддерживать связь с турецкими армянами и пользовались всяkim случаем, чтобы поощрять армянских революционеров. Русские действовали настолько успешно, что уже через год после дарования армянам конституции вспыхнуло Зейтунское восстание»³⁶.

Вот так убежденно и вполне определенно пишет государственный деятель и дипломат Оттоманской империи Джемаль-паша. Разумеется, и избиение армян в Турции Джемаль-паша объясняет не только общей политикой России, но и прямыми вмешательствами с ее стороны, направ-

³⁵ Амфитеатров. Армянский вопрос, Пб., 1906, стр. 32—40, 41.

³⁶ Джемаль-паша. Записки 1913—1919 гг., Тифлис, 1923, стр. 201.

ленными на то, чтобы турки, курды и армяне ополчились друг против друга; царская дипломатия тем самым достигала своей цели — разрушения Оттоманской империи. «Не по своей воле,— пишет Джемаль-паша,— но по милости царской России ополчились они друг на друга. Это — русские, которые добивались только уничтожения турок, чтобы узурпировать наследие Оттоманской империи, это они, потопившие себя в море крови, натравливали армян на турок. Они внушали туркам мысль, что «необходимо уничтожить армян, чтобы спасти себе жизнь», тогда как армянам говорили, что им нужно резать турок, чтобы оказаться в большинстве»³⁷.

Кроме того, Россия старалась «поднять курдистанских беев и наиболее влиятельных шейхов против правительства и натравить их на армян. Действуя согласно тщательно разработанному плану,— продолжает Джемаль-паша,— русское правительство поддерживало знаменитого Абдул-Резек-бея Бедерхани, снабжая его оружием и деньгами под предлогом восстановления курского владычества в Синае, и одновременно с этим через посредство своего консула в Битлисе Россия подстрекала шейха П. П. восстать против правительства Оттоманской империи»³⁸.

Указанные моменты, оставляя в стороне детали и их анализ, позволяют отметить, что все выставленные Джемалем причины резни были восприняты сознанием турецкой дипломатии. Восстания на Балканах и в Греции в течение XIX века и национально-освободительное движение в Оттоманской империи Порта рассматривала как организованный поход России против турок. Естественно, что и армянское движение и самое восстание также истолковывались как планомерные действия царской России против турок, так как Армения «оставалась неугасимым очагом русского влияния»³⁹.

Со своей стороны турецкая дипломатия для спасения собственного существования развивала панисламизм и пантюркизм и действовала среди мусульман в Закавказье и Туркестане и против России во имя осуществления «тысячелетней славы» мусульманского народа. Те

³⁷ Джемаль-паша. Указ. соч., стр. 237.

³⁸ Там же, стр. 232.

³⁹ Амфитеатров. Армянский вопрос, Пб., 1906, стр. 42.

же методы и средства, которыми пользовалась Россия против Турции, турки старались использовать против России.

«Агенты панисламистского движения рассыпались по Кавказу, неуловимые, неподозреваемые, всюду проникающие, понятные в каждом слое населения, принятые в каждой сакле... В конце девяностых годов в Елисаветполе (ныне Ганджа) был обнаружен мусульманский заговор и найдены панисламистские прокламации Абдул-Гамида»⁴⁰. Миллионер Тагиев говорил, что мусульмане Закавказья свою судьбу, «свои надежды и будущее связали с Турцией и с престолом султана»⁴¹. Абдул-Гамид старался использовать панисламизм «для борьбы с влиянием России в Малой Азии»⁴².

В противовес стремлениям армян «разрушить», по внемлению России, Оттоманскую империю турки старались использовать мусульман на Кавказе для отторжения от России Закавказья и для уничтожения идеи автономии Армении. Еще в 1894 году, до Сасунских избиений армян в Турции, по поводу демонстративных выступлений англо-армянского комитета в Лондоне против Порты и за освобождение армян бакинские мусульмане высказывали свое недовольство относительно антигосударственной деятельности армян против Турции, о чем Тагиев, не скрывая, и сообщил армянам⁴³.

В противовес агрессивной политике России по отношению к Оттоманской империи турки проповедовали среди кавказских мусульман приготовление к священной войне против русских и армян. Это давало повод русским общественным деятелям утверждать, что армяно-татарская резня в Закавказье давно подготавливалась турецкой дипломатией⁴⁴.

Если турецкие дипломаты имели в виду физическое уничтожение армян, то русские дипломаты ставили своей целью их моральное и политическое уничтожение.

⁴⁰ Амфитеатров. Армянский вопрос, Пб., 1906, стр. 53.

⁴¹ Лео. Анциялиц, 1925, стр. 147.

⁴² Амфитеатров. Армянский вопрос, Пб., 1906, стр. 26.

⁴³ Лео. Анциялиц, 1925, стр. 147.

⁴⁴ Амфитеатров. Армянский вопрос, Пб., 1906, стр. 42.

Политика царизма по отношению к закавказским армянам выражалась в том, чтобы вытравить у них дух свободной Армении, ибо этот дух был серьезной угрозой русскому господству в Закавказье. Эта политика царизма болезненно отражалась на психике армянского общества. Недовольство армян русской дипломатией объясняется политикой ее в армянском вопросе, политикой, в которой было ясно выражено стремление не освободить армян от турецкого гнета, а завоевать Армению и посредством репрессивных мер по отношению к армянским общественным деятелям разгромить армянское общество в лице его активнейших представителей, тем самым навсегда убив дух свободы среди армян.

Эта враждебная политика по отношению к армянам Закавказья началась давно. «Голицын — лишь конечный довершитель разгрома, начатого издавна, практический осуществитель теоретических начертаний»⁴⁵ царской дипломатии в армянском вопросе. Весь армянский народ находился в гласном подозрении и под полицейским надзором. В бешеном отчаянии Голицын кричал: «Доведу до того, что единственным армянином в Тифлисе останется чучело армянина в Тифлисском музее»⁴⁶.

1905 год приводил в ужас царскую бюрократию. Закавказье просыпалось от векового сна, армяне готовились к борьбе. «В своем спехе найти местный оплот против предполагаемых революционеров кн. Голицын схватился за азербайджанцев, как рыба хватает червяка, не подозревая, что в нем спрятан крючок»⁴⁷. Царская бюрократия, боясь революции больше, чем панисламизма, руководствуясь принципом «цель оправдывает средства», для предотвращения революционного отпадения Закавказья вооружала азербайджанцев, и Голицын агитировал через азербайджанских беков и агаларов, указывая, что армяне — враги турок; хотят разгрома Турции и основания армянского государства и т. п.

Темнота азербайджанских масс, их фанатизм, подкуп их руководителей Голицыным, с одной стороны, и «враждебное настроение» мусульманских масс по отношению к армянским, с другой, были объективными при-

⁴⁵ Там же, стр. 47.

⁴⁶ Амфитеатров. Армянский вопрос, Пб., 1906, стр. 52.

⁴⁷ Там же, стр. 52, 53.

чинами братоубийственной войны, а деятельность царских приспешников положила начало того пожара и кровавого ужаса, который охватил Закавказье в 1905—1906 гг.

Царские войска подавляли «восстание» в Грузии, а закавказская администрация «любовалась» военными действиями армян и азербайджанцев. Армяно-азербайджанская война затянулась. Политическая цель была достигнута: экономическая жизнь Закавказья замерла — нефтяная промышленность гибла в огне, города разрушались, пожары охватили мирные селения, люди гибли тысячами. Потери были колоссальные, и господствующие классы России потребовали прекращения резни.

Созванное для этой цели совещание армянских и азербайджанских представителей в Тифлисе, под председательством генерала Маламы, представителя власти, получило из уст нового правителя Кавказа, Воронцова-Дашкова, на первом же собрании указанного совещания весьма наивную оценку происшедших кошмарных событий: «Главное, господа,— сказал он,— помните, не в том вопрос, кто виноват в этой резне..., а какие именно средства будут действительны для прекращения зла, губящего материальное благосостояние страны»⁴⁸.

Что же касается причин бедствия, его виновников, то об этом наместник рекомендовал и не начинать разговора. Ибо он прекрасно знал, что это дело рук царского правительства, которое не пользовалось никакой другой репутацией среди населения, кроме репутации виновника кровавых событий. Если бы «представитель власти» взял на себя публично назвать истинного виновника пролитой крови армяно-азербайджанских трудовых масс, то не легко было бы царской бюрократии со всеми Голицыными и Воронцовыми удержаться на таком лакомом куске, каким являлось Закавказье.

Что же произошло в Баку? Баку в начале века был особым местом: после открытия там нефтяных залежей в Баку хлынули толпы предпримчивых людей, и он стал интернациональным городом. Прибыли в Баку также и армяне, и очень скоро они заняли ведущие пози-

⁴⁸ В. Маевский. Армяно-татарская резня на Кавказе, как один из фазисов армянского вопроса (секретное издание). Тифлис, 1915, стр. 4.

ции в промышленности и торговле. Местных азербайджанцев это раздражало, и у них появилась глухая озлобленность против армян, которых они всегда считали рабами, а тут вынуждены были признать за ними предпринимательский талант.

Но для неприязни к армянам были и политические соображения. Армянский элемент в Закавказье считался революционно настроенным, а дашнакская партия, по мнению царской охранки, для царского самодержавия представляла не меньшую опасность, чем социал-демократы или эсеры. Царское правительство решило использовать азербайджанцев против армян и стало вооружать их. Азербайджанцы были лояльны по отношению к царскому правительству и верно служили ему. Кроме того, события в Турции, а именно вооруженная борьба армян за свои права, очень серьезно встревожили азербайджанцев, и они искали повода для организации погромов армян. Удобного повода не представлялось, и тогда русская жандармерия стала распространять слухи о том, что армянские комитеты готовят погромы против азербайджанцев. Слухи эти были совершенно нелепы, поскольку в Баку азербайджанцы составляли основное большинство населения, были организованы и намного лучше вооружены, чем армяне.

В начале 1905 года царские власти дали понять азербайджанцам, что они могут безнаказанно грабить и убивать армян и что в этом вопросе правительство будет стоять на их стороне. И вот когда азербайджанские громилы были готовы к действию, повод нашелся.

В начале февраля 1905 года русские солдаты везли из зала суда в тюрьму одного из главарей азербайджанских бандитов — Ашурбекова. Арестованный попытался бежать. Солдаты, среди которых был также один армянин, стали стрелять в убегающего. Случайно или неслучайно Ашурбеков был застрелен солдатом-армянином. Присутствовавшие при этой сцене азербайджанцы моментально подняли крик и тут же, на месте, решили отомстить этому солдату.

В судьбоносный день, 6-го февраля, у армянской церкви собрались верующие, среди которых был также и солдат, застреливший Ашурбекова. К нему прямо во дворе церкви подошел азербайджанец Бабаев и ранил его из пистолета. Армяне немедленно арестовали Баба-

ева и сдали его жандармерии. Однако Бабаев случайно, или неслучайно, вырвался и бежал от жандармов. Тогда за ним погнались несколько молодых армян и убили его.

В тот же день, поместив труп Бабаева на тележку, азербайджанцы стали возить его по различным кварталам города, призывая к мести. Власти им не мешали. Вечером того же дня на улицы выссыпалась толпа вооруженных азербайджанцев и начала убивать встречных армян. В них стреляли также из окон и с балконов азербайджанских домов. До поздней ночи длился этот погром, однако число жертв было относительно небольшим: несколько десятков убитых и столько же раненых.

Настоящий и массовый погром начался на следующий день. Но нападение азербайджанцев было столь неожиданным, что комитет дашнакской партии Баку не только растерялся, но просто потерял голову. Силы сопротивления были малочисленны и, кроме того, вооруженные бригады находились вне города, на окраинах — в Черном городе и в Балаханах — и собрать их было очень трудно, поскольку дороги, ведущие в город, были перекрыты жандармами. Интересно отметить, что вооруженные азербайджанцы свободно расхаживали по городу, между тем как армянам запрещалось перемещаться из одного района в другой. Кроме того, оружейные склады дашнакской партии находились в азербайджанских кварталах, куда в сложившейся ситуации пробраться было почти невозможно. Ко всем этим трудностям нужно прибавить еще и тот факт, что партии казалось, что это лишь времененная вспышка азербайджанского фанатизма и что она уже идет на убыль. Партия ограничилась тем, что вместе с русскими революционными партиями выпустила листовки с призывами к миру. Но вскоре стало ясно, что погромы подготовлены высшим начальством и направлены они не столько против народа, сколько против самой дашнакской партии. Тогда партия обратилась к губернатору Накашидзе (который не скрывал ни своей ненависти к армянам, ни своего соучастия в погромах армян) с предупреждением, что если власти не защитят народ, то вся ответственность за погромы ляжет на них.

Накашидзе никак не реагировал на предупреждение армян и появлялся то в одном, то в другом районе го-

рода, на белом коне, в сопровождении казаков, и сам воочию видел ужасы погрома. Когда избитые, окровавленные армянские женщины, хватаясь за стремя его лошади, умоляли о спасении, князь Накашидзе отвечал, что не может остановить погромы, поскольку у него для этого нет достаточного количества войск.

Тогда армяне обратились к Накашидзе с просьбой выдать им оружие для самообороны, но получили категорический отказ. Между тем ужас обуял армян, и они заперлись в своих домах, не выходили на улицу. Тогда азербайджанцы стали обливать дома армян нефтью и поджигать их. Так погибла, например, семья богатого армянского промышленника Лалаяна. Погиб в своем горящем доме и промышленник Агамян с женой и ребенком. Азербайджанцы осуществляли погромы и сжигали дома армян с легкостью, поскольку народ был не вооружен и к самообороне не подготовлен. Примерно 60 часов длился этот безнаказанный шабаш, и улицы Баку стали полны трупами убитых и изнасилованных армян.

Положение было безнадежным, и тогда дашнакская партия решила организовать самооборону с теми незначительными силами, которые находились в ее распоряжении. Никол Думан, который находился в Балаханах, прибыл в Баку и в срочном порядке кое-как организовал сопротивление. Среди солдат сопротивления были Мартирос, Мкртич Агамалян, Абро, Гюльханданян, Амаяк Джапполов и другие. Они вступили в труднейший городской бой без какой-либо надежды на собственное спасение — горсточка смельчаков в огромном городе, где всюду шныряли вооруженные до зубов азербайджанцы. И эта небольшая группа свершила чудо: опытность армянских фиданинов внесла такое замешательство в ряды азербайджанских бандитов, что те в срочном порядке стали покидать армянские кварталы и со средоточиваться в Шемахинке.

Азербайджанцы стали сжигать те армянские дома, которые находились в азербайджанских кварталах и были совершенно беззащитны. И вот теперь, когда армяне начали ответные действия, казаки, которые до тех пор были к погромам безразличны, вдруг оживились и стали преследовать армянских фиданинов. Но и это не помогло: окрыленные первыми успехами, армянские фиданы начали врываться в азербайджанские кварталы и

спасать проживавших там армян. Одну из таких картин описал корреспондент «Дрошака»: «Перед нами появился бледный от ужаса трясущийся армянин и рассказал, что азербайджанцы окружили его дом и сожгли его, что пламя уже перешло в комнаты, откуда дети бежали на чердак, где наверняка сгорят через 15 минут. Группа из трех человек бросилась спасать детей из горящего и окруженного дома. Ужасная картина предстала перед их глазами. Горящие дома освещали весь район. Многочисленные армянские семьи орали от удушья и каждую минуту ждали своей смерти. Те, кому удавалось вырваться из пламени, немедленно падали сраженные пулей человекообразных зверей.

И вот прозвучало несколько залпов опытных армянских бойцов, и озверевшие азербайджанцы, превратившись в зайцев, бежали от трех армян. Примерно 100 жителей горящих домов: детей, женщин, старииков, собрали три фидаина и перевели в безопасное место. Трудно описать радость и восторг спасенных. Священник, который был известен как непримиримый антиреволюционер, упал перед армянскими воинами на колени и со слезами на глазах благодарил их. На следующий день он сказал в дашнакском комитете: «Обнимаю армянских героев, не могу скрыть слез перед вашим мужеством. Молюсь, чтобы Всевышний дал вам силы и умение».

Контрудары дашнакской партии были просто потрясающими по эффективности. Еще только собирались партия организовывать серьезное сопротивление, еще не поступили гранаты, которые она собиралась пустить в ход, а улицы уже были полны трупами азербайджанцев. Противник был в панике и неожиданно для армян сам попросил перемирия.

Дашнакская партия немедленно приняла предложение. Длившимся 4 дня погромам был положен конец. Итоги были таковы: убитых армян — 205, азербайджанцев — 111. Раненых армян — 121, азербайджанцев — 128. Бакинская пресса, описывая погромы, отметила, что армяне не убили ни одного ребенка, ни одной женщины и не сожгли ни одного дома. Они просто сопротивлялись. Сопротивление завершилось успешно, но дашнакская партия не завершила своего дела. Она приговорила губернатора Накашидзе к расстрелу и должна была привести в исполнение свой приговор.

Дро

11 мая, в 3 часа дня, когда генерал-губернатор Накашидзе проезжал в карете по центральной улице Баку, кто-то швырнул в карету бомбу, и после мощного взрыва от губернатора и его кареты остались только клочья. Вместе с Накашидзе погиб его слуга, кучер и случайный прохожий. Ужас от этого взрыва был столь сильным, что целых 10 минут никто не подходил к трупам и никто не преследовал убегавшего террориста. А это был Дро Карапетян, будущий министр обороны Независимой Армении и один из крупных руководителей дашнакской партии.

Дашнакскими мстителями были убиты также и другие организаторы армянских погромов, рангом пониже, — как, например, Махмудбеков, Микеладзе, Шахтахтинов и другие. Многие просто бежали из Баку, боясь возмездия.

Но перемирие, к сожалению, длилось недолго, хотя было братание между армянами и азербайджанцами, были произнесены торжественные речи и застольные тосты о том, что погромов больше не будет, были взаимные клятвы и обещания не слушать провокаторов, было все, что необходимо для подлинного перемирия. Не было лишь искренности с азербайджанской стороны. Были, безусловно, среди них и такие, кто действительно желал дружбы с армянами. Это были люди, которые и в дни погромов защищали армян и спасали, пряча у себя. Но их были единицы. Основная масса азербайджанцев вместе с их руководителями не примирилась с успешной самозащитой армян и, произнося миролюбивые речи, на самом деле подпольно готовилась к новым погромам. Перемирие для них было временным затишьем перед новой бурей.

Буря началась через 7 месяцев. В августе 1905 года начался второй погром, на этот раз — более организованный и более свирепый. Пожарыхватили армянские кварталы. Полностью сгорели шахты, принадлежавшие армянам в Балаханах, Сабунчи, Романи и Биби-Эйбате. Но и армяне встретили эти погромы более подготовленными: азербайджанская сторона потеряла убитыми 270 человек, армянская же — 130. Общий ущерб от погромов составил 25 миллионов рублей.

Однако и после этого азербайджанцы не успокоились. В октябре погромы возобновились, на этот раз при уча-

стии русских черносотенцев. Описать подробности всех этих погромов невозможно. Нужно отметить лишь то, что дашнакская партия с честью вышла из этой первоначальной борьбы.

Мировая пресса очень подробно описывала события в Баку, куда были посланы иностранные наблюдатели и журналисты, в особенности — после пожаров на нефтепромыслах. Общее заключение было таким, что армяно-азербайджанское столкновение было войной цивилизации против азиатского варварства.

Парижская газета «ТАН» 15 сентября 1905 года писала: «Армяне — наиболее образованная и трудоспособная нация по сравнению с другими народами Кавказа. А турецкий народ имеет консервативное мышление и придерживается традиций, которые диктуют ему уважать царское самодержавие».

Французская газета «Матэн» 20 сентября писала: «Пропасть разделяет эти два народа. Инстинкты и цивилизация столкнулись в Баку. Азербайджанцы взялись наказать свободолюбивых армян, идеалы которых представляют большую опасность для правительства».

А известный публицист Виллари издал книгу (на англ. языке) под названием «Огонь и меч на Кавказе», где писал: «Кровопролитие на Кавказе лишь одна часть той борьбы, которую ведет современная цивилизация против азиатского варварства».

Однако армяне были другого мнения. Они прекрасно понимали, что защищают не цивилизацию, а свой собственный народ, и делают это совершенно одни, ибо никто из цивилизованных народов не пришел им на помощь во имя цивилизации.

Азербайджанская пресса, в частности газета «Каспий», публиковала статьи представителей азербайджанских идеологов — Агаева, Топчибашего, Везирова, Дживаншира, которые были полны ненависти к армянам и во всех бедах обвиняли дашнакскую партию.

Непопятной и непростительной была также позиция грузинских меньшевиков, которые обвиняли армянских националистов и пытались в армяно-азербайджанском конфликте найти классовые корни. Этую идею поддержали как Плеханов, так и Ленин. Для них армяне были буржуазией, которая эксплуатировала азербайджанский

пролетариат, а дашнакская партия якобы являлась следующим инструментом в руках этой буржуазии.

Это была ложь. Даже на нефтепромыслах земля и капитал находились в руках азербайджанцев. Армяне лишь добывали и продавали нефть. Что же касалось армянских крестьян, то они ютились на клочках каменистой земли, тогда как азербайджанцы занимали самые плодородные земли. И если армяне выращивали на камнях то, чего не могли культивировать азербайджанцы на своих землях, то это никак не подходило под категорию эксплуатации.

Но вернемся к кровавым событиям. После Баку они начались в Нахичеване, где азербайджанцы составляли большинство населения, но там же имелось 47 армянских деревень. 12 мая 1905 года в Нахичеване начались погромы, которые длились до 15 мая. Сжигались дома, армян убивали и насиловали, грабили армянские магазины. Из 182 армянских магазинов уцелели только 4. И снова армянам пришлось прибегнуть к самообороне. Когда ответные удары армянских фидаинов создали замешательство у руководителей России, в Закавказье с миротворческой миссией был послан генерал Алиханов. Но, будучи азербайджанцем по национальности, он немедленно присоединился к своим собратьям и вместо установления мира натравил азербайджанцев против армян, и они под руководством нахичеванских ханов с новой силой начали погромы.

Руководители азербайджанцев призывали народ к священной войне против армян, якобы бывших главной причиной того, что 77 лет тому назад, то есть в 1828 году Нахичеванско и Ереванско ханства были завоеваны Россией. Вместе с тем руководители азербайджанцев пытались объединить под единым мусульманским знаменем шиитов и сунитов — азербайджанцев и турок, — которые в принципе ничем не отличались друг от друга и были одним народом. Но эти попытки большого успеха не имели: религиозные различия оказались сильнее расовой общности.

А тем временем армянские погромы начали приобретать массовый характер: они распространились на Даралагяз, Зангезур, Карабах и другие районы со смешанным населением. В этих условиях дашнакская партия бросила на борьбу с мусульманскими фанатиками свои

лучшие силы. Два опытных фидаина взяли в свои руки защиту двух самых важных районов: Никол Думан взялся руководить самообороной Ереванской губернии, а Вардан — Карабахской.

После событий в Баку Никол Думан пользовался большим авторитетом среди народа, и каждое его распоряжение выполнялось без обсуждений. Вместе с тем Никол Думан был чересчур строгим командиром и безжалостно наказывал всех, кто не выполнял его распоряжений беспрекословно. Однажды ему посмел возразить известный партийный деятель и ученый Р. Мелик-Мусян, и тут же Никол Думан объявил, что в критической ситуации он не может допустить возражений и пригрозил отставкой, если не будет отозван из его района Мелик-Мусян. Последний вынужден был удалиться.

Самооборона была организована отлично, но Никол Думан, кроме этого, бросил клич «око за око»: за каждого армянского заложника армянские фидаины обязаны были взять трех. И этот его приказ со всей строгостью должен был быть выполнен.

Но нигде в Закавказье армяно-азербайджанские столкновения не были столь яростными и кровавыми, как в Карабахе и его столице Шуше. В Карабахе были районы, в которых азербайджанское население составляло большинство. Они-то и начали вооружаться и готовиться к нападению на армян. И на этот раз эти приготовления проводились с ведома властей. Жандармерия в Шуше состояла из азербайджанцев. В азербайджанских руках находились также другие правительственные должности. А высшим руководителем всего Гандзакского уезда был племянник Накашидзе, который так же, как его дядя, ненавидел армян и был полон желания отомстить за дядю. Он постоянно заявлял, что во всех беспорядках были виноваты армяне. То, что азербайджанцы постоянно устраивали погромы, никого уже не удивляло. Удивительным и сенсационным было сопротивление армян, которое оказалось неожиданным как для царского правительства, так и для самих азербайджанцев.

В Евлахе и Шуше прогромами руководил Аббас Везиров. Он объявил, что по его сигналу в начале погрома азербайджанцы должны двинуться в двух направлениях: одни в сторону Шуши, другие в сторону Ганд-

Никол Думан

зака, громя по дороге все армянские деревни. Для успешного завершения погрома клич был отправлен и в более отдаленные края.

Но и армяне готовились к этим погромам — они укрепляли свою оборону. Дашнакская партия организовала совет по снабжению и народную милицию, численностью примерно 150 человек. Армяне готовились к настоящей войне, инициатором которой была азербайджанская сторона.

Боевые действия в этой войне, которая началась 7 августа 1905 года и длилась 5 дней, подробно описаны (Варандяном), мы же здесь подведем лишь общий итог: армянская сторона потеряла 40 человек убитыми и 68 человек были ранены. Азербайджанская сторона потеряла убитыми 500 человек. Произошло это потому, что на этот раз в ответ на пожары, устраиваемые азербайджанцами в армянских кварталах, армяне сожгли несколько десятков азербайджанских домов. Кровавые столкновения продолжались и дальше. Они распространялись на другие районы Закавказья, но благодаря дашнакской партии они уже не носили характера одностороннего погрома и напоминали настоящую войну, где азербайджанцы всегда были в роли нападавших, а армяне — защищавшихся.

22 февраля 1907 года в Вене открылся 4 съезд дашнакской партии, который считается одним из самых важных ее съездов. Положение в партии было критическим: создавалась атмосфера непонимания между западными и восточными армянами. Западные — более правых взглядов — считали, что армянский вопрос состоит из проблем, требующих борьбы только против правителей Турции; восточные же, находившиеся под воздействием идей русских социал-демократов, были по своим взглядам левыми. Напряженность между этими группами была столь существенной, что появилась опасность распада организации на две партии, каждая из которых должна была продолжать борьбу самостоятельно: одна в Турции, другая в России. Союз партии должен был предложить резолюцию, приемлемую для обеих частей партии, для спасения положения. Под влиянием таких авторитетных партийных руководителей, какими были Акнуни, Заварян, Егтончян и, в особенности, Рубен, была принята следующая резолюция.

«... а). Отказаться от предложенной программы о разделении партии и считать целью дашнакской партии борьбу за армянские права как в Турции, так и Закавказье.

б). Принять основные положения социалистической программы, объявив дашнакскую партию партией армянского трудового класса, которая стремится организовать его экономически и политически, защитить его классово-экономические и политico-национальные права.

г). Вновь утвердить революционные методы борьбы, как то: восстание, вооруженное сопротивление, политический террор, демонстрации протеста, забастовки и т. д.

д). Под лозунгом «Угнетенные всех наций, соединяйтесь!» начать сотрудничество с другими движениями, которые борются против одного и того же тоталитарного режима. При этом не ставить различия между религиями и нациями».

Сразу же после 4-го съезда, однако, произошли неожиданные события, которые оставили свой след на деятельности партии. С одной стороны, в Османской империи было провозглашено подобие конституции, с другой стороны, в России широкое распространение нашло революционное движение, что в свою очередь вызвало Столыпинскую реакцию, под удары которой попала также дашнакская партия. В результате этих событий окрепли партийные комитеты в турецкой Армении и за рубежом, но весьма ослабли центральные комитеты в России.

На 7-м съезде Социалистического интернационала в Штуттгарте, который состоялся в августе 1907 года, дашнакская партия участвовала тремя делегатами из России: один был с правом голоса и два с совещательными.

В то же время Западное Бюро активизировало свою деятельность в Турции, и по ее инициативе армянский вопрос обсуждался на Второй Мирной Конференции. Постепенно партия начала устанавливать контакты с другими оппозиционными организациями турецкой империи, в частности с организацией Ахмеда Ризы — «Единением» и с партией Собахетдина «Прогресс». Вначале, не очень довольные лозунгами дашнакской партии, эти турецкие организации затем сами встали на революционный путь, и в конце 1907 года по приглашению дашнак-

ской партии они приняли участие в «Конгрессе оппозиционных сил Османской империи», который состоялся в Париже.

Решения, принятые на этом конгрессе, были продиктованы дашнакской партией и знаменовали собой победу дашнакских идей. Было решено убрать султана Абдул Гамида, установить в стране демократические порядки и создать свободный Османский парламент. А до этого — отказаться от выплаты налогов и через смешанные комитеты организовать вооруженное восстание.

Уже через несколько месяцев, июле 1908 года, под руководством турецких офицеров Македонии поднимает восстание армия и требует у султана введения неосуществленной конституции 1876 года. По этой конституции Османская империя превращалась в конституционную монархию, где свобода личности и защита национальных прав были гарантированы.

Несколько месяцев страна ликовала. Турки, армяне, курды, греки братались. В Ване и Шуше и в других армянских районах армянские фидайны спускались с гор, и народ принимал их как героев, которые боролись за освобождение всех народов Османской империи. Согласно своей программе, дашнакская партия провозгласила турецкую Армению неотъемлемой частью Турции с децентрализацией управления.

В марте-апреле 1909 года с помощью консервативных элементов Абдул Гамид попытался вернуть империю в старое русло. Однако турецкие войска Македонии заняли Константинополь и на этот раз султан был лишен престола. Армяне стали самыми верными сторонниками нового режима. И, несмотря на то, что турецкие фанатики устроили в Адане резню армян, при которой погибли 20 000 армян, дашнакская партия не порвала своих отношений с младотурецкими организациями.

В августе 1909 года в болгарском городе Варна состоялся 5-й съезд дашнакской партии. На этом съезде кавказские комитеты предстали настолько ослабленными, что возник вопрос о правомерности их участия на съезде. По крайней мере количественно на съезде были хорошо представлены константинопольские организации. Провозглашение турецкой конституции, падение Абдул Гамида значительно активизировали деятельность дашнакской партии в Турции, и можно сказать, что партия

целиком сосредоточила свое внимание на Западной Армении. 5-й съезд партии обсудил следующие вопросы: «Турция и конституция», «Связь и сотрудничество с младотурецкими партиями», «Парламентская деятельность», «Погромы в Киликии (Адана)», «Организация самообороны», «Пресса и пропаганда», «Деятельность партии в Иране и России».

По этим вопросам в разделе «Тактика» съезд принял следующие решения: выйти из подполья в Турции и Иране и поставить все боевые группы на защиту свобод, провозглашенных конституцией. Однако в решении было отмечено, что в случае возврата тоталитарного режима в Турции армяне снова должны прибегнуть к самозащите. По поводу парламентских фракций было решено, что они должны быть подотчетны партии и могут быть отозваны из парламента решением съезда партии.

После провозглашения конституции деятельность «Про Армении» была приостановлена, но «Дрошак» как центральный орган партии должен был издаваться в Женеве. Вместе с тем было разрешено каждому району издавать собственную газету.

На съезде было предложено создать отдельное бюро для Западной Армении. Однако съезд решил сохранить два бюро с той лишь разницей, что в турецкой Армении в составе трех человек было создано «Турецкое отделение Восточного Бюро». Центр Западного Бюро продолжал оставаться в Женеве, однако в связи с тем, что некоторые его члены постоянно находились в Турции, само собой там создалось также «Турецкое отделение Западного Бюро».

В период с сентября 1909 года по июль 1911 года в истории дашнакской партии ничего чрезвычайного не произошло. В обстановке взаимного недоверия партия продолжала сотрудничество с партией «Единение» и парламентскую деятельность, придерживаясь идеи османской федерации. Такая позиция не нравилась многим армянским организациям, и партия подверглась резкой критике как со стороны других армянских партий, так и со стороны духовенства. Однако, принимая меры предосторожности, партия продолжала свою так называемую «реал-политик». Дашнакская партия фактически стала одной из влиятельных сил в политической жизни османского государства. С трибун османского

Аветис Агаронян

парламента, через дашнакскую прессу и в переговорах с партией «Прогресс» дашнакская партия требовала в рамках османского государства создания автономной Армении. Несмотря на тревожные слухи, доходившие до провинций, об армяно-турецких столкновениях, в Константинополе армяне были настроены оптимистически, и столица османского государства снова превратилась не только в центр дашнакской партии, но и — армянской интеллигенции.

Между тем в России дашнакская партия получала удар за ударом. Участие партии в освободительных движениях Турции и Ирана повысило ее авторитет: в России она стала известна как чуть ли не самая опасная партия, по крайней мере — в Закавказье. В царской охранке дашнакская партия значилась как организатор закавказского антигосударственного движения. По приказу Столыпина начались аресты. В тюрьмы были брошены не только руководители и члены дашнакской партии, но и армянские учителя, ремесленники, священники, писатели и врачи. Из дашнакских руководителей в тюрьмах оказались Амо Оганджанян, Аветис Агаронян, Саркис Макасян, Сарбаз Хечо и другие. Примерно 160 человек вскоре были переправлены в Новочеркасскую тюрьму. На 20 000 страницах обвинительного акта, подготовленного судебным следователем, дашнакская партия была представлена как организация, стремящаяся с помощью экономического и политического террора свергнуть царское самодержавие.

Суд над дашнакской партией состоялся в конце 1911 года в Петербурге перед особой комиссией Государственной Думы. В начале 1912 года 52 человека были осуждены на тюремное заключение и только четверо были сосланы в Сибирь на каторгу. Приговоры были довольно мягкими. Во-первых, уже не было Столыпина, кроме того, дашнакских лидеров защищала пресса России и такие адвокаты, как Керенский, Зарядный, Милюков и Грузенберг. Во-вторых, правительство России в те годы по политическим соображениям не было заинтересовано в притеснении армян.

Здесь будет уместно остановиться также на участии дашнакской партии в освободительном движении Ирана, что составляет одну из блестящих страниц ее истории. Когда 4-й съезд партии вынес решение об участии в ре-

воловицонном движении Ирана, это движение лишь только зарождалось. Под давлением Англии и России шах Ирана Музафер Эдин в 1906 году основал меджлис (парламент), но уже в январе 1907 года он скончался, и его преемник шах Махмед Али попытался снова восстановить абсолютную монархию. После неудавшегося покушения на него шах еще больше ужесточил режим страны. В июле 1908 года иранская армия под руководством русского полковника Ляхова окружила меджлис и подвергла его артиллерийскому обстрелу. Таким образом, в Тегеране демократические силы были подавлены. Но иной была картина в Тавризе, где антиправительственные силы под руководством Сатар-хана и Багир-хана держали в своих руках фактическую власть.

И вот, воспользовавшись хаотической ситуацией в Иране, Абдул Гамид ввел войска в Антропотену (иранский Азербайджан), чтобы присоединить этот район к своей империи. Обеспокоенный создавшейся ситуацией, Ростом в январе 1908 года прибыл в Тегеран, чтобы срочно организовать помочь иранской революции, как было решено съездом партии. Вместе с Овсепом Мирзояном он вступил в переговоры с представителями меджлиса, которые сообщили, что ожидают от дашнакской партии военной помощи, а также пропаганды идей иранской революции в Европе. Со своей стороны руководители меджлиса обещали расширить права армянского населения Ирана и раздать армянским крестьянам в районе Салмаста земли для сельскохозяйственной обработки.

Ростом отбыл в Тавриз и собственноручно занялся испытанием новых взрывных устройств. В июле в Тавриз Восточное Бюро отправило также Врамяна и Сепуха. Ханош и дашнакские руководители направили циркуляр в Тегеран, Рашт, Гиран, Салмаст и другие районы Ирана, указавший на необходимость всякого действия иранским революционерам.

И начались боевые действия дашнакской партии от Закавказья до Антропотены. Общим руководителем был назначен Севкареци Сако, который, однако, вскоре скончался во время эпидемии тифа. На его место в октябре 1908 года с группой в двадцать пять вооруженных фидапов прибыл Кери. Позже в Иран должен был прибыть также командующий революционными силами ту-

Кери

рецкой Армении Никол Думан. Объединенные силы иранских и армянских революционеров не только отбросили назад войска шаха, но и перешли в наступление. В этих боях погибли опытные революционеры Зулумат, Шалиль, Мартирос, Каро, Сето, Мамикон, Фанос, Абрам, Хорен и многие другие. Бой прекратились лишь после того, как в Антропотену вторглись русские войска. Однако революционный пожар потушить не удалось.

Вскоре другой представитель дашнакской партии Ефрем Давтян стал главным героем иранской революции. В феврале 1909 года Давтян с группой в двенадцать человек занял городское управление Рашта. Затем он занял Энгел, который сдался без боя. К нему присоединились армянские фидайны, и вскоре с группой в 40 человек он занял Харзан, а затем с группой в 90 человек — город Газвин, взяв в плен 1200 солдат армии шаха и более 2000 ружей.

В панике от этих фантастических побед революционеров шах сосредоточил огромные силы на дороге, ведущей от Газвина в Тегеран. Но армия Ефрема разрослась и постоянно пополнялась не только армянами, но и иранскими революционерами. В решительной битве на подступах к Тегерану Ефрем оказался победителем. К нему присоединились 2000 бахтиаров. Со своей объединенной армией 29 июня 1909 года Ефрем занял Тегеран. Шах Махмед Али с помощью русского консульства бежал из Ирана. Был восстановлен меджлис. Ефрем был назначен начальником полиции Тегерана.

Интересно отметить, что это назначение вызвало недовольство в рядах партии. Центральный комитет потребовал у меджлиса гарантий, что начальник полиции Ефрем будет соблюдать демократические принципы и защищать права человека. Только после получения этих гарантий партия разрешила Ефрему, Кери и другим дашнакским руководителям продолжать деятельность.

После восстановления порядка в Тегеране Ефрем двинулся на Карадаг и в течение 4—5 месяцев очистил этот район от антиконституционных сил.

Однако шах после своего поражения собрал новые силы и в 1911 году снова двинулся на Тегеран. Ефрем вместе с Кери и Хечо, вместе с верными бахтиарами и конституционными силами страны успешно отразили эту и еще ряд следующих атак.

Ефрем Давтян

25 апреля 1912 года близ Амадана герой иранского освободительного движения Ефрем Давтян погиб от пулеметного ранения в голову, когда пытался унести с поля боя труп своего друга доктора Зограб-хана. После гибели Ефрема армянские вооруженные бригады продолжали борьбу против шаха вместе с конституционными силами страны.

В августе 1911 года в Константинополе состоялся 6-й съезд партии. В это время кавказская организация настолько ослабла, что на съезде не было ни одного представителя из России. С опозданием на съезд прибыл Ростом как представитель Восточного Бюро. На съезде встал вопрос о правомочности съезда принимать решения без участия представителей России. По этому вопросу было принято следующее решение: «Считать съезд правомочным по всем тем вопросам, которые касаются Турции и Ирана, а в отношении России руководствоваться решениями 5-го съезда».

Главным вопросом съезда было отношение к партии «Единение и прогресс». По этому пункту было принято следующее решение: «Трехлетняя политика правительства не только не способствовала мирному сосуществованию различных религий и наций, а напротив, создала атмосферу взаимного недоверия и нарушения национальных прав. Партия «Единение и прогресс» все еще не очистила свои ряды от различных правых элементов, которые, постепенно увеличиваясь количественно, приобретают влияние в партии и диктуют ей свою волю». В связи с этим съезд постановил направить партии «Единение и прогресс» декларацию с условиями, необходимыми для продолжения сотрудничества. Если эти условия не будут приняты партией «Единение и прогресс» и руководимым им правительством, то Западное Бюро рассмотрит вопрос о прекращении своих связей с партией «Единение и прогресс». Одновременно съезд решил создать Орган самообороны, который должен был организовать оборону армян Западной Армении в случае организованного нападения на них.

Вопрос о разрыве отношений с партией «Единение и прогресс» решался с трудом и был предметом бурных споров. Сторонниками разрыва были представители провинций и центральный комитет Константинополя. Но некоторые представители Западного Бюро, члены пра-

вительства и депутаты парламента не были склонны к принятию скоропалительных решений. Во всяком случае декларация, которая по решению 6-го съезда должна была быть отправлена партии «Единение и прогресс», была отправлена лишь в начале 1912 года, когда османский парламент был распущен и начались выборы новых делегатов.

В этой ситуации партия «Единение и прогресс» ничего не изменила в своей политике и уменьшила число армянских делегатов. А в армянских районах начались акты насилия над армянами, которые заменили идею османизма и создали идеологическую базу для притеснения нетурецких меньшинств.

5 мая 1912 года произошел фактический разрыв отношений между дашнакской партией и партией «Единение и прогресс», когда дашнакская партия предъявила свои требования правительству Турции. Эти требования в виде обращения «К османским гражданам» были опубликованы в июньском номере газеты «Дрошак».

После формального разрыва отношений дашнакская партия снова стала уходить в подполье. Но сделать это было уже трудно: все руководители партии и все ее учреждения были на виду.

Предчувствуя войну и возможность использования турецких армян в этой войне, правительство России стало благосклоннее к армянам и при посредничестве русского консула в Константинополе католикос всех армян Геворг V составил «Армянскую Национальную делегацию» под руководством Погоса Нубар-паши, которая обращалась к османскому правительству с просьбами и жалобами по поводу притеснения армян. Общая ситуация создала условия для сотрудничества различных армянских партий, и они выступили с совместными призывами и заявлениями. Встревоженные этим обстоятельством младотурки, в частности Таалат-паша, обещал улучшить положение армян, если они прекратят обращаться к зарубежным странам за помощью. Но эти обещания не были выполнены, и положение армян в Турции ухудшалось изо дня в день.

17 августа 1913 года в Карине состоялся 7-й съезд партии. Этот съезд был самым коротким за всю историю партии. Он длился одну неделю, и в предисловии его решений было сказано: «Съезд имеет сжатую повестку

Погос Нубар-паша

дня, которая относится лишь к вопросам, требующим неотложного решения. По всем остальным вопросам остаются в силе решения предыдущего съезда».

Главным вопросом было обсуждение позиции армян и дашнакской партии в случае войны. Опасность заключалась в том, что армяне России, Ирана и Турции в случае войны могли оказаться на противоположных позициях и даже могли быть вынуждены воевать друг против друга, если каждый оставался верен своему правительству; или же каждая из этих трех общин могла оказаться в оппозиции к своему правительству, придерживаясь верности общеармянской ориентации.

Решение по этому вопросу с политической точки зрения было довольно мудрым. Съезд решил, что дашнакская партия в союзе с другими социалистическими партиями должна сделать все, чтобы предотвратить войну, но если она тем не менее разразится, то каждый армянин должен выполнять свой гражданский долг перед своим правительством. Это означало, что в грядущей войне армяне Турции и дашнакские комитеты Западной Армении должны были быть верны турецкому правительству, а армяне России и комитеты Кавказа должны были быть верны царю. Было решено, что если в этой войне Иран будет нейтральным, то нейтральными должны оставаться и армяне Ирана.

Так решили армяне, но такое решение не устраивало ни одну из сторон, которые в будущем должны были быть вовлечены в войну: Россия хотела видеть турецких армян своими союзниками, а Турция хотела привлечь на свою сторону армян России.

Однако решение 7-го съезда осталось в силе и на 8-м съезде летом 1914 года, когда дашнакская партия должна была ответить турецкому правительству, на чьей стороне она будет во время войны. 7-й съезд партии создал специальный руководящий орган под названием «Бюро Армении», который должен был осуществлять руководство в шести вилайетах, заселенных армянами, и в районе Трапезунда.

В октябре 1913 года неожиданно в Константино-поле скончался второй основоположник партии Симон Заварян, которого народ прозвал «святым в мире». Его влияние в партии было огромным, и уход Заваряна с по-

литической сцены сильно ощущался в последующие тяжелые годы.

В середине июля 1914 года состоялся 8-й съезд партии, который длился две недели. Под руководством Ростома в нем приняло участие около 30 делегатов, среди которых были Акнуни, Врацян, Рубэн Тер-Минасян и другие, но вместе с ними был также и приглашенный эсер Ваган Минахорян, искренний друг дашнакской партии. Общая ситуация была критической. Война уже началась, и пронемецкая ориентация партии «Единение и прогресс» стала известна. Известно стало также, что турецким правительством война рассматривается как способ осуществления пантюркистских идей.

В этой ситуации съезд решил, что дашнакская партия остается в оппозиции к партии «Единение и прогресс», разоблачает ее расистскую и антигосударственную политику, но остается верной государству в войне с внешним врагом. Уже после закрытия съезда в Каирин прибыла делегация от партии «Единение и прогресс» в составе Бехаэддина Шакира и Наджи-бекя для переговоров с Ростомом, Врамяном и Акнуни.

«Мы убеждены,— сказали приехавшие,— что Германия в этой войне победит и Турция, как ее союзник, осуществит свою пантюркистскую мечту. В связи с этим дашнакской партии предлагается организовать в Закавказье восстание, ударить в спину русской армии и тем самым облегчить захват турецкими войсками города Баку».

Взамен этого младотурки «обещали» после войны «способствовать» созданию в Закавказье автономной Армении. Руководители дашнакской партии попытались отговорить младотурок от вступления в войну, доказывая, что такой шаг очень опасен для будущего Турецкой империи. Одновременно они представили им решение съезда о том, что во время войны каждый армянин должен оставаться верным своему правительству. Делегаты младотурок ушли недовольными, и после этого события развернулись с неимоверной быстротой.

Армяне Турции стояли перед опасностью полного уничтожения. Видя эту критическую ситуацию, Восточное Бюро пытается через Россию спасти западных армян. Правительство России требует от армян содействия в продвижении русской армии. Полностью оторванное от

Западного Бюро, Восточное Бюро принимает собственные решения: в Тифлисе создается национальное Бюро, которое предпринимает организацию добровольческой армии. Эти приготовления, конечно, не остаются незамеченными в Турции, и судьба армян становится предрешенной. Армяне России действуют согласно решению съезда, то есть остаются верными своему правительству. Однако в этой верности они настолько усердствуют, что оказываются более верными правительству России, чем самi русские. В противоположность этому усердию дашнакские руководители в Турции выступают с несколько наивными призывами о том, что армяне должны подчиняться указам правительства. Для всех было очевидным, что армяне Закавказья готовятся к активной борьбе с турецкими войсками, тогда как армяне Турции в лучшем случае будут пассивно сопротивляться русским войскам.

Уже к концу 1914 года дашнакские организации Кавказа полностью потеряли связи с дашнакскими руководителями Константинополя и Западной Армении. Более того, многие из этих руководителей (Акнуни, Врамян, Саркис Барсегян, Рубен Зардарян, Вана Ишхан, Шагрикян, Хажак, Грач, Вардkes, доктор Лалаян и другие) стали первыми жертвами геноцида 1915 года.

Тема геноцида армян — очень объемистая. На русском языке по этому поводу есть обширная литература. Поэтому мы не будем останавливаться на подробностях этого ужасного злодеяния, которое все еще остается на совести человечества, ибо не было раскаяний по этому поводу, и не было международного осуждения этого величайшего преступления перед человечеством и христианством.

Мы остановимся лишь на двух проблемах, которые не часто освещаются в литературе: действительно ли армян вырезали, как ягнят, которые без сопротивления подкладывали свои шеи под турецкий ятаган? И вторая проблема, пожалуй, более сложная: можно ли было избежать геноцида?

Трудно сопротивляться, когда государственная машина вместе со всем народом, включая бандитов, садистов, армию и полицию, обрушивается на другую нацию, в которой мужчины были предварительно собраны и изолированы. Очевидно, сопротивление с целью отстоять

свою жизнь бессмысленно, если оно практически невозможно. Но армяне сопротивлялись — и сопротивлялись яростно, с единственной целью умереть с честью.

Руководители дашнакской и других партий организовали сопротивление в Ване—Васпуракане, Тароне—Сасуне, Шапин—Гарахисаре, в Урфе, в Муса-даге, в Киликии, в Трапезунде. Необходимо, однако, отметить, что во всех районах армяне начали самооборону слишком поздно, когда не оставалось никаких сомнений в чудовищном замысле турецких правителей и когда были исчерпаны все возможности установления мира.

В первые дни войны тысячи молодых армян были призваны в армию и частично уничтожены, а частично сосланы в отдаленные районы. Нет никакого сомнения в том, что если бы в апреле 1915 года в Васпуракане, Тароне, Урфе и в других местах эти молодые воины остались со своим народом и если бы Россия действительно захотела помочь армянам, иной была бы судьба сопротивления армянского народа и вся его судьба.

Резня в Васпуракане началась с горного района Шатах в начале апреля 1915 года. По приказу наместника Джавдета из Вана Ишхан был направлен в Шатах — якобы для того, чтобы защитить народ от возможного кровопролития. Но ему не суждено было дойти до Шатая — в дороге его убили люди наместника. И тем не менее под руководством дашнакских деятелей Самвела Петросяна и Тиграна Багдасаряна была организована самооборона, которая длилась 45 дней, пока на помощь не прибыла добровольческая армия Дро. Тогда турки вынуждены были отступить⁴⁹.

После выезда Ишхана из Вана в городе прошли аресты. Арестовали ряд дашнакских руководителей, в том числе Аршака Врамяна. Араму Манукяну удалось скрыться. 5 апреля было созвано партийное собрание, которое решило начать самооборону под руководством военного совета, в состав которого вошли дашнаки Григор Булгараци и Кайцак Аракял, а также кадет Арменак Екарян.

Город был окружен. Сначала его осаждали 6000 солдат, затем число их достигло 10 000. Войскам удалось

⁴⁹ Тигран Багдасарян. Самооборона Шатая. Журнал «Айреник», 1931, № 3.

Картины геноцида армян

Картины геноцида армян

Картины геноцида армян

Картинны геноцида армян

отрезать от центра города Айгестан, который был заселен исключительно армянами. Армяне имели всего лишь 800 человек, способных к вооруженному сопротивлению, но только 400 из них имели оружие, в основном маузеры. Самообороной Айгестана руководил Арам Манукян, а в центре города оборону возглавляли Айк Котаян, Саргис Шагинян и другие.

Военные действия начались 7-го апреля и проходили до начала мая. Турецкая сторона под прикрытием тяжелой артиллерии несколько раз предпринимала атаки на город, но каждый раз атаки отбивались защитниками города и противник отступал с большими потерями. Армянские военные позиции, разрушенные под ударами артиллерии, за ночь восстанавливались населением города. Из соседних деревень в Ван бежало от 15 до 20 тысяч жителей. 20 и 21 апреля бои перешли в рукопашную, и в этих боях уже участвовал весь народ — вместе с женщинами и стариками.

Неожиданно в начале мая турки вдруг не только отступили, но и попросту бежали. На Ван шли русские войска. Однако, намного опережая русские войска, к Вану стремительно неслись армянские добровольческие бригады, что и заставило турок панически бежать. 3 мая центр города и Айгестан воссоединились, город Ван полностью находился под контролем дашнакской партии. На исторической ванской крепости развевалось дашнакское знамя. 5 мая в Ван вошли армянские добровольческие бригады под руководством дашнаков Хечо, Ашота Мелик-Мусяна и Дали Газар. Только на следующий день до Вана дошли Дро и генерал Николаев с русскими войсками. 7 мая Арам был назначен руководителем освобожденного Васпуракана и сформировал местное правительство⁵⁰.

Недолго длилась свобода Вана — всего 70 дней. Русская армия по непонятным причинам отступила, несмотря на просьбу добровольческих отрядов остаться в городе. Население Васпуракана в панике отступило с русскими войсками. В дороге, в особенности в Арагатской долине, многие из них погибли от голода и эпидемий.

⁵⁰ Оник Мхитарян. Самооборона Вана. Журнал «Айренник», май 1925 г.

После этого русская армия несколько раз снова занимала Ван и снова отступала. Вместе с войсками то туда, то обратно метались несчастные ванцы, каждый раз неся огромные жертвы. Эти «экскурсии» русских войск туда и обратно, совершенно непонятные по военным соображениям, продлились до весны 1918 года, когда русская армия окончательно отступила. Вместе с этим отступлением пало и последнее армянское управление города, которое под руководством дашнака Кости Амбарцумяна длилось больше года.

Гораздо более трагично сложилась судьба тех армянских провинций, которые находились подальше от фронта. Опытные дашнакские фидаины организовали в этих районах самооборону, мужественно сопротивляясь, но погибли вместе с народом. Такова была судьба и Тарон—Сасуна.

В конце 1913 года Рубен вернулся в Тарон и организовал дело вооружения народа. Ему помогали Корюн, Манук, Сасунци Мушег и другие. До осени 1914 года, когда Турция уже вступила в войну, в Сасуне имелись разногласия по поводу⁴ дальнейших действий. Фидаины были за то, чтобы, не дожидаясь результатов войны, поднять восстание, между тем как более умеренные круги считали, что необходимо ждать прибытия русских войск. В январе 1915 года дашнакский комитет составил программу общего восстания Сасуна и Муша, но события развивались быстрее, чем можно было предположить. Уже в начале марта турки начали окружать Сасун для осуществления своего чудовищного замысла. В середине марта начались бои. Самооборона длилась более 6 месяцев. Почти все фидаины погибли в боях. Только Рубен с группой воинов в начале сентября смог отступить в горы и присоединиться к группе Комса. Затем горстка смельчаков, прорвав окружение, сумела дойти до Манаскера, где стояли русские войска. Беззащитное население было вырезано.

Нужно отметить, что нелогичные и непонятные наступления и отступления русской армии намного облегчили, если не сказать — прямо способствовали погромам в Тароне и Сасуне. Под носом у русской армии вырезали население Муша, а русское командование даже формально не пригрозило туркам, и те, обнаглев еще больше, свирепо расправлялись с ним в чем не повинным

Арам

населением. В боях погибли такие старые и опытные фидаины, как Акоп Котаян, Каркену Мкртич, Сортараци Арам, Баланех Карапетян, Сого, Слак и другие.

В Шапин—Гарахисаре уже в начале 1915 года произошли массовые аресты. Арестованных тут же убивали в тюрьмах. Среди них был также местный священник. Самооборона началась с запозданием — только в начале июля. Армяне заняли крепость и укрепились там. Турки сожгли все дома армян и двинулись на крепость. Горстка смельчаков 18 дней сопротивлялась 6-тысячной турецкой армии. 28 июля, когда у армян кончились припасы и патроны, в крепость ворвались турки и вырезали всех находившихся там армян.

В Урфе массовые аресты начались в мае. Член дашнакского комитета Мкртич Етнекпайян предлагает немедленно начать восстание, но руководители общины считают такой шаг неоправданно опасным. И самооборона Урфы началась только в конце сентября, когда турки уже убили и замучили в тюрьмах всех известных армян, в том числе руководителей церкви и 1500 разоруженных солдат.

30 сентября тысячи турецких бандитов ворвались в армянские кварталы для погромов и грабежа. Однако вынуждены были бежать, потеряв 450 человек убитыми. Самооборону возглавили Мкртич Етнекпайян и Арутюн Раствеленян. С ними рядом были Арутюн Симян, Хорен Кюпелян и Левон Эгберлерян (все дашнаки). 5—6 октября в Урфу прибыла регулярная турецкая армия. 6 пушек с трех сторон бомбили армянские кварталы. Этот обстрел продолжался до 23 октября, после чего турки, наконец, смогли ворваться в город. Значительная часть населения, чтобы не попасть в руки туркам, совершила самоубийства — люди сжигали себя, бросались со скал в пропасть, матери бросали своих детей в колодцы, а затем кончали жизнь самоубийством. До последнего дыхания сражались фидаины. Погибли также и руководители самообороны. Когда арестовали Мкртича Етнекпайяна, он выстрелил себе в лоб последней пулей. Турки похоронили его с почестями, как героя, и в его честь дали 24 артиллерийских залпа.

Что касается истории сопротивления Муса-дага, то она великолепно описана в романе Франца Верфеля

«40 дней горы Муса». Жители этого района, который находится в горной части Киликии, в июле 1915 года решили подняться в горы и оттуда держать самооборону. К 5 августа в горах Муса-дага укрепились жители почти всех селений этого региона. Со всех сторон они были окружены турецкими регулярными войсками, и лишь с одной стороны крутая скала соединяла их с внешним миром — в данном случае со Средиземным морем. И здесь армяне в течение 40 дней вели самооборону против более чем 5000 солдат регулярной турецкой армии. С армянской стороны было всего 800 человек, способных воевать, из них лишь 600 человек имели оружие. Эти бойцы были разбиты на 43 группы, которыми руководили дашнак Мовсес тер-Галустян и священник Андреасян. В боях героической смертью пали местные руководители дашнакской партии — Акоп Карагезян, Петрос Араманян, Саргис Апетян, Петрос Галустян и другие. Сопротивление продолжалось до тех пор, пока горстку мужественных борцов не спасли французские военные корабли.

Здесь мы кратко рассказали лишь о некоторых случаях мужественного и отчаянного сопротивления геноциду. Были и другие попытки сопротивления, но, к сожалению, все они оказались безуспешными. А в других случаях и вовсе не было возможности сопротивляться. Печальное повествование об армянском геноциде, видимо, можно закончить свидетельством английского историка, доктора философии Герберта Адамса Гиббонса, который по этому поводу писал: «Я считаю своим долгом заявить, что нисколько не сомневаюсь в подлинности фактов, мною описанных в этой книге. И мнение мое об этих фактах я составил на основе многолетних и подробных исследований.

В апреле 1915 года из Константинополя местным властям Малой Азии посыпается приказ, в котором требовалось прибегнуть к средствам, необходимым для предотвращения возможного восстания армян. В приказе было сказано, что армяне угрожают безопасности империи и нужно применить самые строгие меры, чтобы обезвредить противника.

Некоторые из местных руководителей ответили, что они ничего подозрительного в поведении армян не заметили, что они абсолютно безопасны, поскольку безо-

ружны, и что те из армян, кто мог представлять из себя опасность, уже призваны в армию. Написавших такие ответы отстранили от власти и на их место назначили тех, кто готов был выполнять приказы правительства безо всяких размышлений.

В городах и деревнях еще оставались мужчины, которых собрали в заранее подготовленное место и стали убивать ножами и штыками. Известные армянские деятели были убиты прямо на улицах и в собственных домах. В прибрежных районах армяне на лодках направлялись в другие порты, но лодки без пассажиров удивительно быстро возвращались назад.

Армянские призывники были разбиты на группы по 300—500 человек и посланы на строительные работы без оружия. Неожиданно на них нападали специальные подразделения войск, которые были созданы для подавления армянской революции, и на месте убивали их.

Еще более чудовищной была программа выселения. Все армянское население выселялось в Месопотамию — в Мадисдачек. Исключений не было ни для больных, ни для беременных женщин. Не разрешалось что-либо брать с собой. И эти несчастные люди под палящим солнцем должны были пешком идти 5—6 недель. Старики, больные и дети падали по дороге и больше уже не вставали. Женщин, находившихся в предродовых схватках, плетью заставляли двигаться вперед. И когда на ходу происходили роды, окровавленную женщину с мертворожденным ребенком оставляли умирать в пыли. Кто из этих людей мог, кончал жизнь самоубийством. Обезумевшие матери ударяли своих младенцев оземь, чтобы избавить их от страданий. Сотни тысяч женщин и детей погибли в дороге от голода и жажды».

Это свидетельство английского историка не исчерпывает того ужаса, который испытал армянский народ в апреле. Французский публицист Анри Барби, побывавший в 1916 году в Западной Армении, в своих путевых заметках писал: «Кто проезжает сейчас по опустошенной Армении, не может не содрогнуться, так необычно много говорят эти бесконечные дали развалин и смерти. Нет ни одного дерева, ни одного утеса, ни одного клочка мха, который не был бы осквернен потоками пролитой крови. Нет ни одной реки или речки, которая не несла бы к вечному забвению сотни тысяч мертвых тел.

Нет ни одной пропасти, ни одного ущелья, которые не были бы могилами под открытым небом, в глубине которых не белели бы открытые груды скелетов, так как почти нигде убийцы не дали себе ни времени, ни труда похоронить свои жертвы.

В этих обширных областях, когда-то оживленных цветущими армянскими поселками, царит сегодня разорение и безлюдье».

Могло ли всего этого не быть? Иначе говоря: можно ли было избежать геноцида? Виноваты ли в геноциде сами армяне?

Эти вопросы в той или иной форме возникают там, где все еще царит наивное представление, будто геноцид был связан с формой поведения армян, что будь они посмирнее, будь они преданнее, будь они скромнее и, самое главное,— не возьмись они за оружие, не было бы геноцида. Иначе говоря, носителями антиармянских действий турок, их ненависти к армянам, являлись сами армяне.

Эта точка зрения, к сожалению, бытует не только среди турок, но и среди армян. Желая обвинить армянских революционеров, в частности дашнакскую партию, противники дашнакской партии неосторожно и преступно выдвинули лозунг, что в армянском геноциде виноваты армянские революционеры. И эту необоснованную концепцию, разумеется, подхватили турки и, раздув ее, довели до «научного» уровня.

Между тем носителем геноцида является только — и только — турецкая сторона. Геноцид был предрешен **независимо от формы поведения армян**. Можно, конечно, говорить о том, что будь армяне поумнее и похитрее, они бы понесли меньше жертв, но геноцид не мог быть предотвращен, ибо он составляет неотъемлемую часть турецкой политической культуры. Чтобы в этом убедиться, обратимся к таблице, отражающей хронологию геноцидов, организованных турецкими властями при различных ее правителях. При этих погромах было убито:

1822 год	— на острове Хнос	— 50 000 греков
1823	— в Мисолунгии	— 8 750 греков
1826	— в Константинополе	— 25 000 янычаров
1850	— в Мосуле	— 10 000 айсоров
1860	— в Ливане	— 12 000 маронитов
1876	— в Болгарии	— 14 700 болгар

1877	— в Баязете	— 1 400 армян
1879	— в Алашкерте	— 1 250 армян
1881	— в Александрии	— 2 000 христиан
1892	— в Мосуле	— 3 500 янычаров
1894	— в Сасуне	— 12 000 армян
1895	— в Западной Армении	— 300 000 армян
1896	— в Константинополе	— 9 570 армян
1896	— в районе Вана	— 8 000 армян
1903—1904	— в Македонии	— 14 667 македонцев
1904	— в Сасуне	— 5 640 армян
1909	— в Адане	— 30 000 армян
1915	— в Западной Армении	— 1 500 000 армян
1918	— в Карсе, Ардагане и в районе Александриополя	— 100 000 армян
1919	— в Киликии	— 50 000 армян
1922	— в Смирне	— 200 000 армян, греков и евреев
1917—1925	— в Турции	— 2 000 000 курдов убиты и выселены
1988—1990	— в Сумганде, Баку, Кировабаде	— сотни армян убиты, 200 000 выселены

Известно, что армянские революционные организации были созданы в 1885—1890 годах, а погромы и убийства в Османской империи возникли задолго до этого. Революционные организации различных народов возникли на территории Турции в ответ на эти погромы, а не наоборот.

Разность культур турок и христиан была настолько существенной, что совместимость их существования могла быть возможной лишь при полной изоляции их друг от друга. Между тем турецкая сторона при всех своих правителях не отказывалась от мысли поглощения других народов — то под знаменем панисламизма, то под знаменем паносманизма, то под знаменем пантюркизма. На тайном совещании в Салониках перед членами комитета «Единение и прогресс» по свидетельству английского вице-консула Артура Б. Генри, Талаат-бей произнес речь, в которой было сказано: «Вы знаете, что согласно конституции было подтверждено равенство мусульман и гяуров, но вы все вместе и каждый в отдельности знаете и чувствуете, что это неосуществимый идеал. Шарият, вся наша прошлая история, чувства сотен тысяч му-

сульман и даже чувства самих гяуров, упорно сопротивляющихся всякой попытке оттоманизировать их, представляют широкий барьер для установления действительного равенства. Мы сделали безуспешные попытки обращения гяуров в лояльных османцев. Всякие подобные усилия неизменно будут терпеть неудачу до тех пор, пока маленькие независимые государства Балканского полуострова имеют возможность распространять сепаратистские идеи среди жителей Македонии. Поэтому не может быть и речи о равенстве до тех пор, пока мы не добьемся успеха в нашей задаче оттоманизации».

Но «успех в оттоманизации» мирным путем был действительно невозможен. Слишком разные были культуры, чтобы можно было подчинить одну культуру другой.

Отличительными чертами христианской культуры являются право, самоограничение, развитие знаний и уважение личности. В отличие от этого, в мусульманском праве мы видим неограниченную власть правителя, которая ни во что не ставит личность и порождает стремление к безудержной роскоши. Отданное вере и страстям, общество почти полностью пренебрегает науками, а следовательно, ведет примитивное хозяйство. Эта существенная разница в культурах армян и турок сделала невозможным их союз, а тем более — ассимиляцию армян. Какой-либо их синтез оказался невозможным и гораздо позже, когда европейская христианская культура стала господствующей во всем мире.

Профессор Гарвардского университета Крейн Бриттен в своей капитальной работе «История западной мысли» в 1961 году писал: «Даже самый идеалистически настроенный космополит обязан считаться с возможностью того, что в течение ближайших поколений остальной мир переймет у Запада по меньшей мере его материальные запросы и что «форд», установки искусственного климата и серийные карикатуры и газеты вытеснят Конфуция, Ляо-Цзы и Будду».

Но этого не произошло. Наоборот — мы стали свидетелями того, как в Иране рухнуло построенное по европейскому образцу государство, вместе с «фордом» и серийными карикатурами, и место вытесненной Европы занял 80-летний Аятолла Хомейни, который запретил Бетховена и велел женщинам закрыть лицо платками.

И женщины закрыли свои лица, а Бетховена и Верди запретили.

А уже в наши дни мы увидели, как в Сумгаите, Баку и Кировабаде советские турки после 70 лет Советской власти и «пролетарского интернационализма» снова вернулись к своей исторической традиции: погромам.

Так что же должны были сделать армяне, чтобы их не вырезали? Отказаться от своей культуры? Отказаться от христианства? Оттоманизироваться и стать турками, как это произошло с другими народами? Но тогда ответ на вопрос, можно ли было избежать геноцида, очень прост: подобно тому, как женщина, отказавшись от материнства, может избежать родовых мук, как мужчина, отказавшись от чести, может избежать дуэли,— так армяне, отказавшись от смысла быть армянами, могли избежать геноцида. А вот бакинские и сумгайтские армяне и вовсе ничего не могли сделать, чтобы избежать геноцида, ибо их резали только потому, что арцахские армяне поверили в перестройку и решили спасти Арцах от участи Нахичевана.

К теме геноцида относится также поведение великих держав в этом вопросе. Посол США в Турции Моргентау посетил премьер-министра Турции Саида Халим-пашу и от имени Британии, Франции, России и США выразил протест по поводу зверств, чинимых турецким правительством против армян. Он сообщил премьер-министру, что в случае победы союзнических держав Талаат, Энвер, Джемаль и их друзья предстанут перед судом как убийцы, ибо на них ложится ответственность за массовые убийства армян. Это, естественно, не понравилось Саиду Халиму, и он выступил с угрожающей речью, в которой обвинял армян в предательстве, а великие державы назвал ответственными за погромы армян, ибо якобы они были подстрекателями армян к антитурецким действиям.

Затем Моргентау встретился с Талаатом, который выразил свое беспокойство по поводу заинтересованности США судьбой армян. Он объяснил, что армяне постоянно общались с русскими и были их союзниками. Когда Моргентау возразил Талаату, последний ответил: «Напрасны ваши возражения, мы уже решили вопрос трех четвертей армян (этот разговор состоялся 3 августа 1916 года.— Э. О.) в Битлисе, Ване и Эрзруме уже нет

ши одного армянина. Взаимная ненависть армян и турок столь велика, что мы вынуждены покончить с делом армян. Если мы их не уничтожим, они будут мстить нам. Наша антиармянская попытка решена окончательно и ничего уже нельзя изменить. Мы не хотим иметь армян ни в одной части Анатолии, ни один армянин, после того, что мы с ним сделали, уже не может быть другом или союзником турок».

Более циничным оказался Энвер-паша. Он наивно развел руками и сказал Моргентау: «Вы можете более не заботиться об армянах. Погромов больше не будет, ибо уже нет армян».

Моргентау стучится во все двери в надежде найти хоть какую-то защиту для армян, но нигде эту защиту ему найти не удалось. Он обратился к немецкому послу в Турции Вангенгейму, который дал Моргентау следующий ответ:

1. То, что Вы говорите, возможно, соответствует действительности, но величайшая задача, которую мы должны решить,— это победа в войне.

2. Турция справилась со своими внешними врагами в Дарданеллах и в Гелиполисе, теперь она пытается справиться со своим внутренним врагом. Это дело они хотят организовать так, чтобы для иностранных держав не оставалось повода для вмешательства в ее внутренние дела.

3. Армяне сами по себе представляют ничтожную ценность. Вы в Константинополе общаетесь с развитыми армянами, но это не типично для армян.

4. Я согласен, что с ними поступили варварски, но посланный мною человек сообщил мне, что самые зверские поступки совершали не турецкие официальные лица, а бандиты.

Затем Вангенгейм предложил Моргентау переселить оставшихся в живых армян в США. Моргентау объяснил, почему это в сложившихся условиях невозможно извзвал к совести Вангенгейма. Он просил, исходя из человеческого чувства, повлиять на руководство Турции, чтобы прекратить убийство целого народа, на что немецкий посол ответил: «Я не буду вмешиваться во внутренние дела Турции. Наша единственная цель — победа». Моргентау рассказывает, что когда посол прочел на его лице откровенное презрение, он поднялся, дав понять, что

аудиенция окончена. Но тут же он схватился за сердце, «и я,— пишет Моргентау,— еле удержал его от падения на пол». Через 2 дня, 24 октября 1916 года, Вангенгейм скончался от инфаркта.

Можно здесь перечислить все те робкие дипломатические шаги, которые предпринимали великие державы в защиту армян, но вряд ли это имеет смысл, поскольку ни один из них не был настолько решительным, чтобы остановить резню. Все эти попытки носили не политический, а гуманитарный характер: резня не была остановлена.

Какой материальный ущерб причинил геноцид армянам? В 1919 году по инициативе армянской национальной делегации из иностранных специалистов была создана специальная комиссия по оценке армянских потерь в Оттоманской империи в результате геноцида. Комиссия единогласно пришла к выводу, что захваченные турками у армян ценности составляют 3 миллиарда 750 миллионов долларов. Эту цифру признал также американский конгресс под председательством Джеймса Джерарда.

Необходимо еще отметить, что зacinщиков кровавого геноцида армян осудили лишь символично. Судила их и приводила свои приговоры в исполнение все та же дашнакская партия, которая для этой цели создала специальную комиссию под руководством Армена Гаро. Эта комиссия раскрыла местопребывание преступников, их фальшивые имена и приступила к возмездию.

15 марта 1921 года в Берлине Согомон Тейлирян застрелил Талаат-пашу. Берлинский суд оправдал мстителя.

6 декабря того же года в Риме Аршавир Ширакян застрелил Халим-пашу.

В 1922 году в Берлине Арам Ерканян и Аршавир Ширакян застрелили Бехаэтдина Шакир-пашу и Джемаля Агмина. Мстителям удалось скрыться.

25 июля 1922 года в Тифлисе на улице Петра Великого у дверей ЧК был убит Джемаль-паша с двумя телохранителями. Осуществили этот акт террористы Цахикян, Геворг и Петрос. В связи с этим было арестовано 250 человек, но террористов поймать не удалось.

19 июля 1921 года в Константинополе Мисак Торлакян застрелил министра Азербайджана Дживаншира,

который был ответствен за погромы в Баку. Торлакян был арестован, но британский суд его оправдал.

В Тбилиси был убит также премьер-министр Азербайджана Хан Хойский — за погромы в Баку и Шуше. Убившему — Араму Ерканяну — удалось скрыться.

Остальные преступники были повешены Кемалем Ататюрком за заговор, который они организовали против него.

А Энвер, которого Советская власть послала в Закавказье, чтобы он поднял мусульман против «английского империализма», вскоре выступил против Советской власти и был застрелен одним советским офицером армянского происхождения.

Но вернемся к событиям конца Первой мировой войны, в частности, к судьбе армянских добровольческих отрядов, созданных в Закавказье по инициативе правительства России и не без участия Франции.

После начала войны премьер-министр Франции вызвал к себе известного французского политического деятеля Виктора Перара, лучшего друга дашнакской партии, и спросил у него, какова будет позиция дашнакской партии в этой войне. Перар ответил, что армяне много раз имели возможность разочароваться в политике великих держав, и в частности в политике Франции, поэтому вряд ли они будут активны в этой войне. Премьер-министр Гумерк слышал также другом армян. Он предложил Перару немедленно связаться с дашнакским комитетом Женевы и предложить партии присоединиться к союзникам, ибо для национальных меньшинств это была единственная, по его мнению, возможность по окончании войны обрести независимость.

Перар немедленно связался с Микаэлем Варандяном, который в то время был главным редактором «Дрошака», и начал с ним переговоры. В результате этих переговоров французский премьер-министр обещал армянам автономию на территории Турции, если дашнакская партия присоединится к союзникам и будет содействовать им в войне.

Дашнакская партия была согласна с идеей организации добровольческого движения с условием, что это движение будет организовано исключительно на Кавказе. Представитель Западного Бюро Малхас был направлен в Тифлис, чтобы сообщить мнение Западного Бюро,

Степан Цахникян

Арам Ерканин

Аршавир Ширакян

но окончательное решение о создании добровольческого движения он должен был оставить на усмотрение Восточного Бюро. Собрание состоялось на квартире Аршака Джамаляна. Об этом собрании Малхас пишет:

«Кроме членов Бюро, на собрании присутствовали известные члены партии: доктор Завриев, Ишхан, член Государственной Думы Бабаджанян и другие, всего 20 человек. Сообщение о решении Западного Бюро всеми было воспринято с восторгом, и только Аветик Шахатунян возразил против организации добровольческого движения. Он выступил с бурной речью, страстно доказывая, что не следует доверять пустым обещаниям дипломатов, которые завтра могут свои обещания взять назад. Где бы ни жили армяне, говорил он, они должны быть верны своему правительству, а добровольческое движение может иметь плачевые последствия. С ним никто не был согласен. Он был кабинетным ученым и не понимал, что народ находится в таком возбужденном состоянии, что даже если бы Бюро и дашнакская партия решили запретить добровольческое движение, оно все равно бы возникло. Партия оказалась бы бессильной подавить стремление народа».

В эти же дни Комс (Ваган Папазян) писал: «Готовилось что-то, подобное крестовому походу. Неизвестные люди поднимались на трибуны и возбуждали страсти толпы. С другой стороны, дашнакская молодежь требовала у своего руководства выйти на площадь и взять в свои руки дело организации добровольческого движения». Александр Хатисян, бывший мэр города Тифлиса, который принял активное участие в организации добровольческого движения, писал: «После съезда партии делегаты прибыли на Кавказ, но не смогли противостоять общему настроению и сами начали организовывать добровольческие бригады. Был создан специальный комитет в составе: Армен Гаро, Симон Врациан, доктор Заварян, Ишхан Аргутян, А. Гюлханданян и Никол Агбалиян. Меня назначили представителем у военных властей, и эту обязанность я выполнял с первых дней до самого распуска добровольческих бригад».

С самого начала стало ясным, что правительство России намерено весьма широко использовать армян в

Микаэл Варандян

войне против турок. Мне предложили составить список всех тех армянских революционеров, которые находились в ссылках, но которые могли оказаться полезными в добровольческом движении. Мы составили этот список и вручили правительству. Нам предлагали также найти среди дашнакской партии опытных террористов, которых можно было бы послать в Турцию для убийства Энвера. Более того, начальник жандармерии даже назвал человека, который мог бы взять на себя эту трудную обязанность. В этом мы отказали властям».

Никол Агбалян в своем отчете Национальному Совету о количестве добровольцев дает следующие сведения:

«Было решено создать четыре группы, которые в четырех различных направлениях должны были проникнуть на территорию Турции. Первая группа должна была состоять из 1500 человек, остальные — по 400 человек. Организация этих групп началась в сентябре 1914 года. Начиная с сентября 1914 года по февраль 1915 года более чем 4500 добровольцев записалось в русскую армию. Но все они подчинялись Национальному Бюро дашнакской партии. Отдельную бригаду из 600 человек образовали добровольцы партии Гнчак, но они не подчинялись Национальному Бюро. Они подчинялись непосредственно правительству. Добровольческие бригады дашнакской партии — их было пять — находились под командой Ишхана Аргутяна, Андраника, Кери, Амазаспа и Дро».

В декабре 1915 года Верховное командование решило ликвидировать добровольческие бригады и образовать из них пехотные батальоны. Это было признаком того, что Национальное Бюро не пользовалось доверием у правительства. В новых условиях турецкие и американские армяне ушли из рядов добровольческой армии. Начиная с января по июнь 1916 года из рядов 8-тысячной добровольческой армии ушли 3176 человек. А через год правительство России расформировало и оставшиеся части.

Французское правительство поспешило из расформированных армянских частей создать «Восточный Легион» при содействии Погоса Нубара-паши. В легион записались все те армяне, которым удалось спастись в Муса-даге. Их было 600 человек. К легиону присоеди-

нились 300 армян из Египта и 236 — из Индии. Легион формировался на Кипре и уже к началу 1918 года насчитывал 4000 добровольцев.

30 августа 1918 года легион вступил в бой с турецкими войсками, которые поддерживали 701-е и 702-е немецкие подразделения. 19 сентября легион одержал блестящую победу над немецко-турецкими войсками и удостоился специальной грамоты генерала Аленби.

Через 17 дней «Восточный Легион» с французскими войсками прибывает в Бейрут, где к легиону присоединяются еще 800 новых добровольцев. «Восточный Легион» собственными силами захватил Киликию, и только после этого в нее вступили французские войска. В феврале 1919 года численность «Восточного Легиона» увеличилась вдвое.

Но французское правительство, преследуя иные цели, начинает препятствовать разрастанию легиона: в Алеппо 2000 армянских юношей просятся в легион, но их не берут, та же судьба постигает просьбу 600 добровольцев из Константинополя. Более того, французы начинают расформировывать легион именно в тот момент, когда для армян существование его приобретает решающее значение, ибо кемалистское движение разрастается,—и под руководством кемалистских лидеров в Мараше уже было вырезано 18 000 армян, в Ачне — 15 000 армян. Французы не пришли на помощь мирному населению этих киликийских мест, так как Киликию они решили оставить Турции. Таков был итог обещаний свободолюбивой Франции.

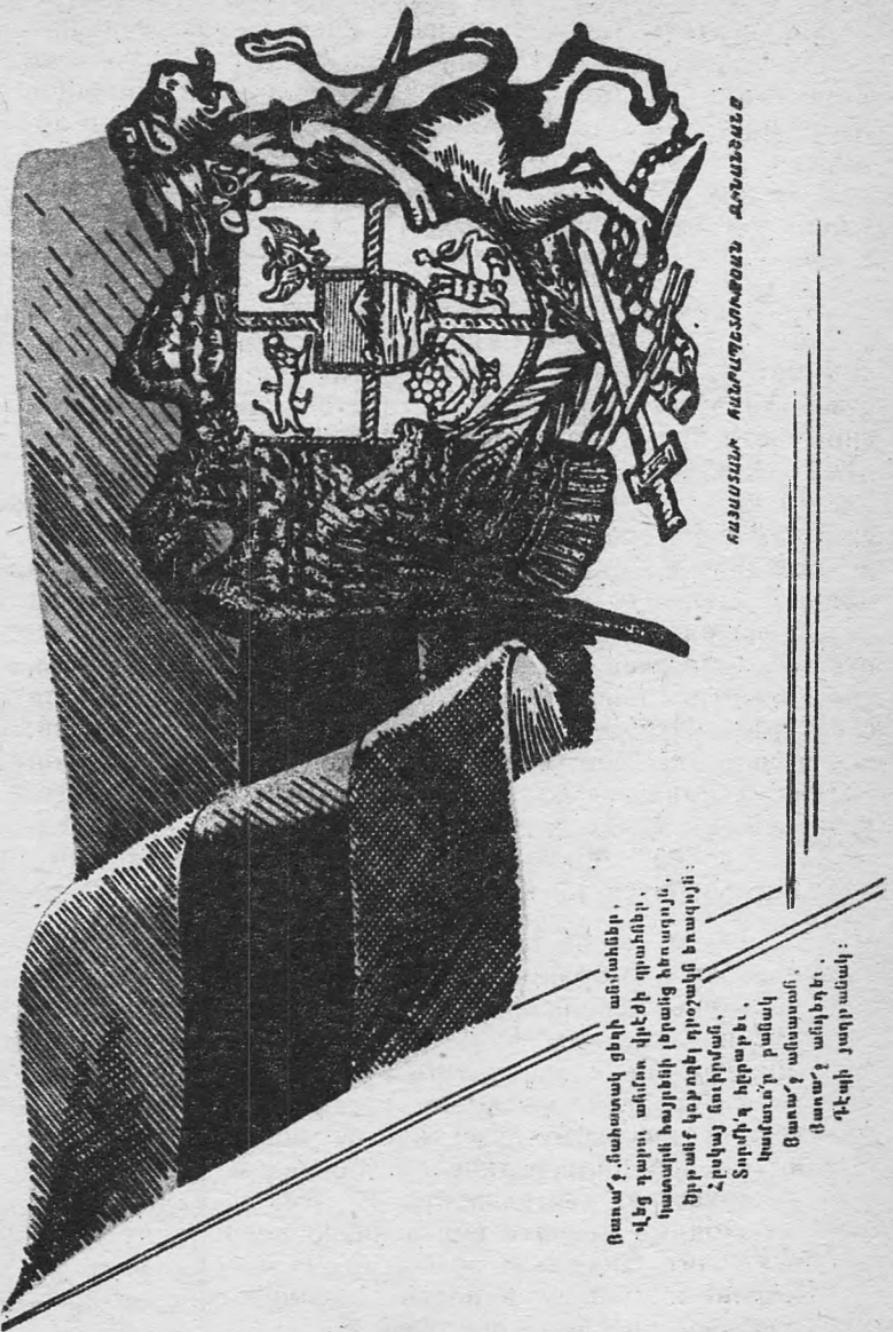
Но мы забежали здесь в хронологии немного вперед. Вернемся к тому моменту, когда в России началась революция, которая оказалась судьбоносной для армян.

НЕЗАВИСИМОСТЬ

Революция в России перевернула все. Смешались все так хорошо разыгранные политические карты. История начиналась заново. В смятении было все, и политические силы самоутверждались заново. Начиналась также новая страница истории Западной Армении.

27 апреля 1917 года Временное правительство России приняло специальное решение по Западной Армении, которое должно было действовать до заключения мирных договоров. Согласно этому решению территория Западной Армении, которая была занята русскими войсками, выходила из-под власти как военных, так и местных органов Закавказья и передавалась в непосредственное подчинение Временного правительства. Для осуществления управления этой областью правительство назначило своего комиссара. При нем должен был быть также помощник по гражданской части. Комиссар и его гражданский помощник должны были представить Временному правительству свои предложения по управлению Западной Арменией. Это решение было подписано премьер-министром Львовым, министром иностранных дел Милюковым и управляющим делами Временного правительства Набоковым.

Таким образом, проблема Западной Армении переводилась из сферы закавказских межнациональных распреи в сферу международных отношений, что вполне удовлетворяло армян. Кроме того, предполагалось, что помощник комиссара по гражданским делам будет армянином и, следовательно, фактическое руководство Западной Арменией будет находиться в армянских руках. Так оно и произошло: общим комиссаром был назначен

Флаг и герб Республики Армения

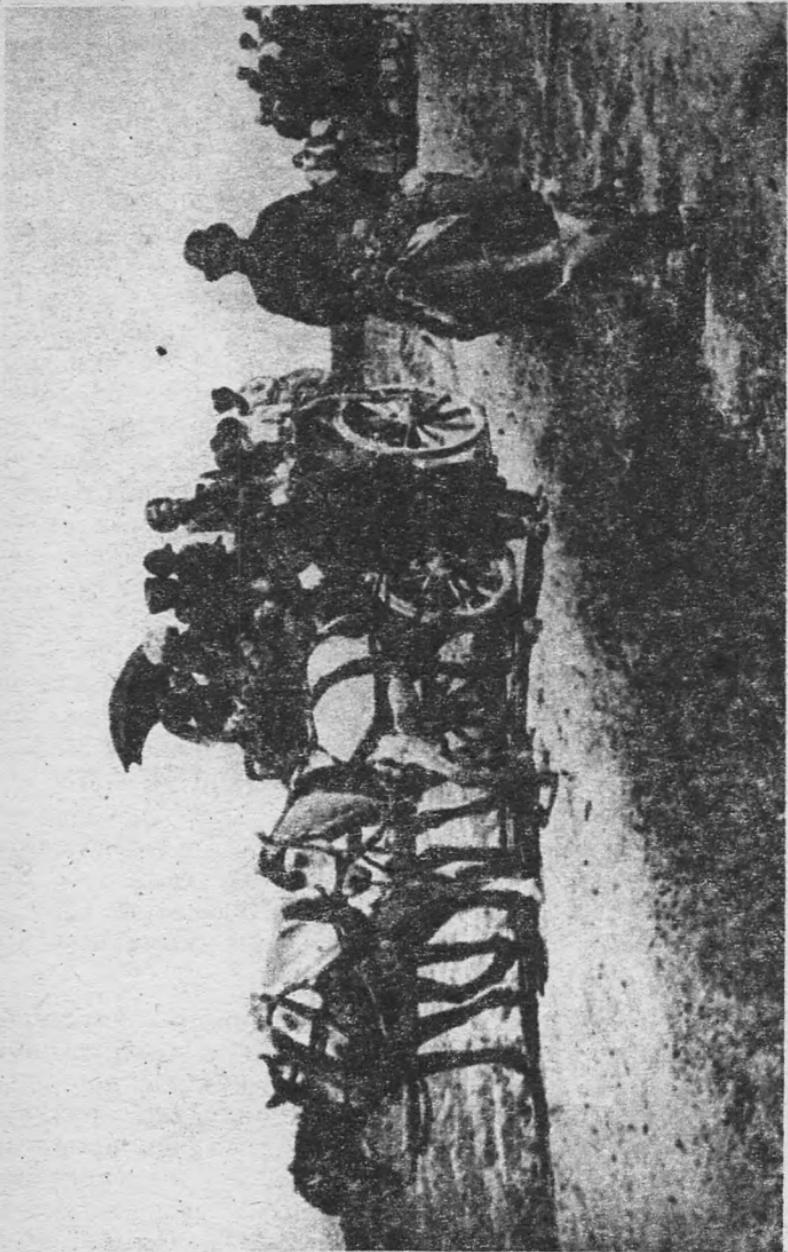
очень порядочный и деликатный человек генерал Аверьянов, а его помощником — опытный армянский политический деятель Заврян, которого очень уважали в дипломатических кругах России и которого хорошо знал Керенский. С помощью нового руководства в Западной Армении удалось за короткий срок оживить жизнь в армянских селениях Васпуракана, Тарона и других районов. Летом 1918 года Ван, Муш и все шесть армянских вилайетов были вновь заселены армянами, и район этот в полном смысле этого слова стал Арменией.

В то время как Западная Армения начинала свою национальную жизнь, армяне России пошли совсем другим путем: увлеченные революцией, они активно участвовали в государственном строительстве новой России, часто просто забывая о своих национальных проблемах. В качестве примера можно привести резолюцию съезда крестьян Ереванской губернии, которая отражает настроения российских армян. В этой резолюции было сказано: «Обсудив проблему будущей России, съезд пришел к выводу, что в России полностью уничтожен старый режим и вместо него будет провозглашена республика. Эта республика должна быть демократической, ибо только в такой стране трудящиеся смогут защитить свои права. Эта республика должна быть федеративной, ибо только она соответствует структуре многоязычной России. Закавказье должно быть связано с Россией федеративными связями. Само Закавказье должно представлять собой демократическую федеративную республику, разбитую на кантоны».

Такое же настроение царило на всех других съездах и собраниях. Но как бы ни были армяне опьянены революцией, нельзя было не заметить, что на турецком фронте происходят странные вещи: грузины с достаточным безразличием относятся к турецкой опасности, русские солдаты прибегают к массовому дезертирству, а мусульмане имеют сильно протурецкие настроения и тайно ведут антирусскую деятельность. В этой ситуации было необходимо поднять внутреннюю дисциплину и переключить внимание армянских революционеров от мировых проблем в пользу оценки собственного, довольно опасного, положения.

27 сентября 1917 года в тифлисском театре Амо Оганджанян торжественно открыл армянский национальный съезд, в котором приняли участие 203 делегата, из них 113 делегатов — от дашнакской партии, 43 народника, 23 — от партии эсеров, 9 социал-демократов и 7 беспартийных. В президиум съезда были избраны от дашнакской партии О. Кацазнуни, А. Хатисян и А. Агаронян, от народников — доктор Айвазян, от эсеров — А. Атарбекян, от социал-демократов — Тер-Газарян и от беспартийных — С. Мамиконян. Съезд продлился две недели, подробно обсудил все те проблемы, которые были связаны с политическими действиями армянского народа. Для координации действий и управления армянским движением съезд решил создать два органа: Генеральный Совет, в котором различные партии и течения были представлены в соответствии с числом ее членов, и Национальный Совет — исполнительный орган, состоявший из 15 членов: 6 дашнаков, 2 эсеров, 2 социал-демократов, 2 народников и 3 беспартийных. В состав Национального Совета вошли Арам Манукян, Аветис Агаронян, Никол Агбаян, Х. Карджикян, Рубен Тер-Минасян и А. Бабаян — дашнаки; А. Стамболцян и А. Тер-Оганян — эсеры; М. Гарабекян, Г. Тер-Газарян — социал-демократы; С. Арутюнян, М. Бабаджанян — народники; С. Мамиконян, Т. Бегзадян и П. Закарян — беспартийные. Этот Национальный Совет фактически стал правительством Восточной Армении.

Между тем положение на фронте ухудшалось изо дня в день. После того, как Ленин со своими соратниками, при содействии немцев, вернулся в Россию, большевики начали активно разлагать фронт. Усталые солдаты поддавались пропаганде и готовы были к дезертирству. В пропаганде большевиков особенно действенными были призывы к миру и признание права наций на самоопределение. Но все это хорошо известно русскому читателю из многочисленных исследований по истории Октябрьской революции, к которым в последнее время прибавились замечательные труды А. Сол-

Возвращение домой

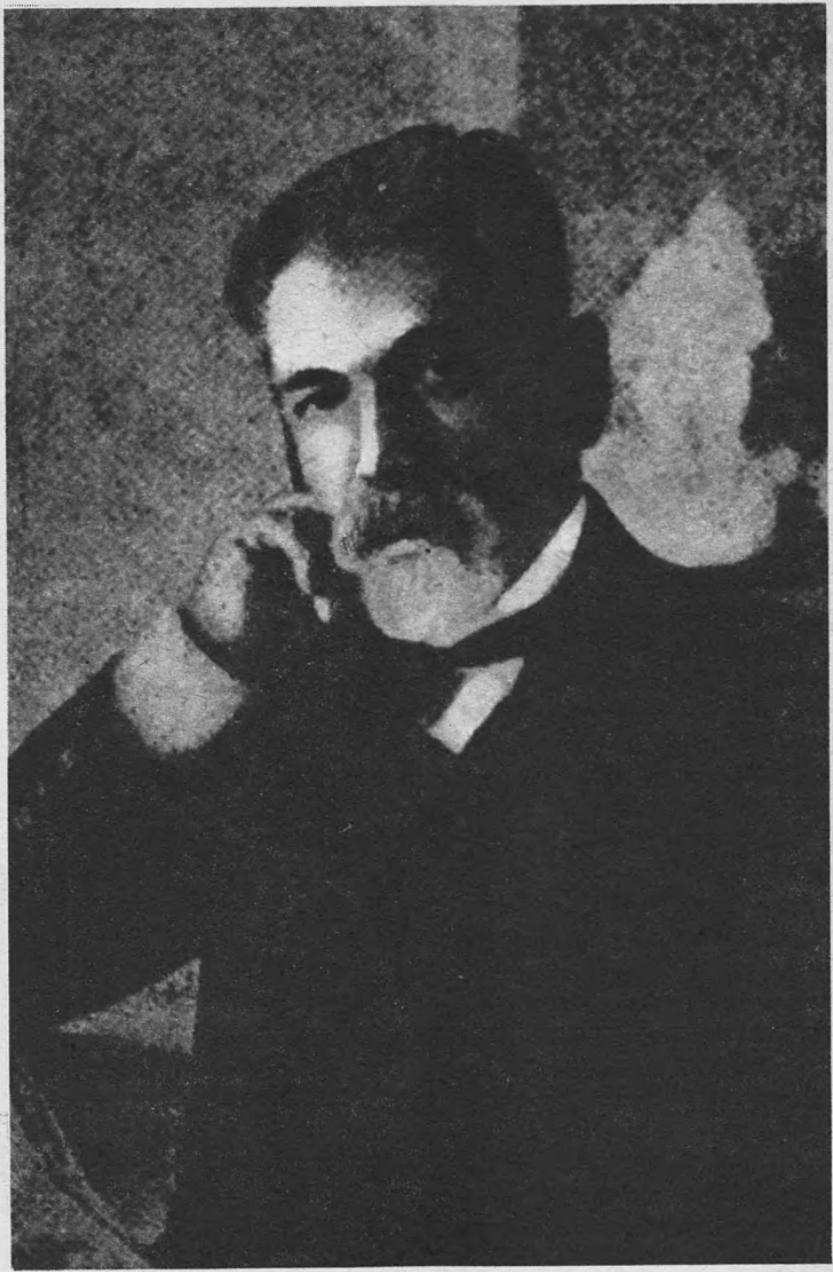
А. Хатисян

женицына. События, потрясшие Россию в дни революции, здесь нас интересуют лишь с точки зрения их влияния на армянскую проблему, поэтому у придирчивого читателя мы просим извинения за то, что события мирового значения мы оцениваем, так сказать, по «армянским меркам».

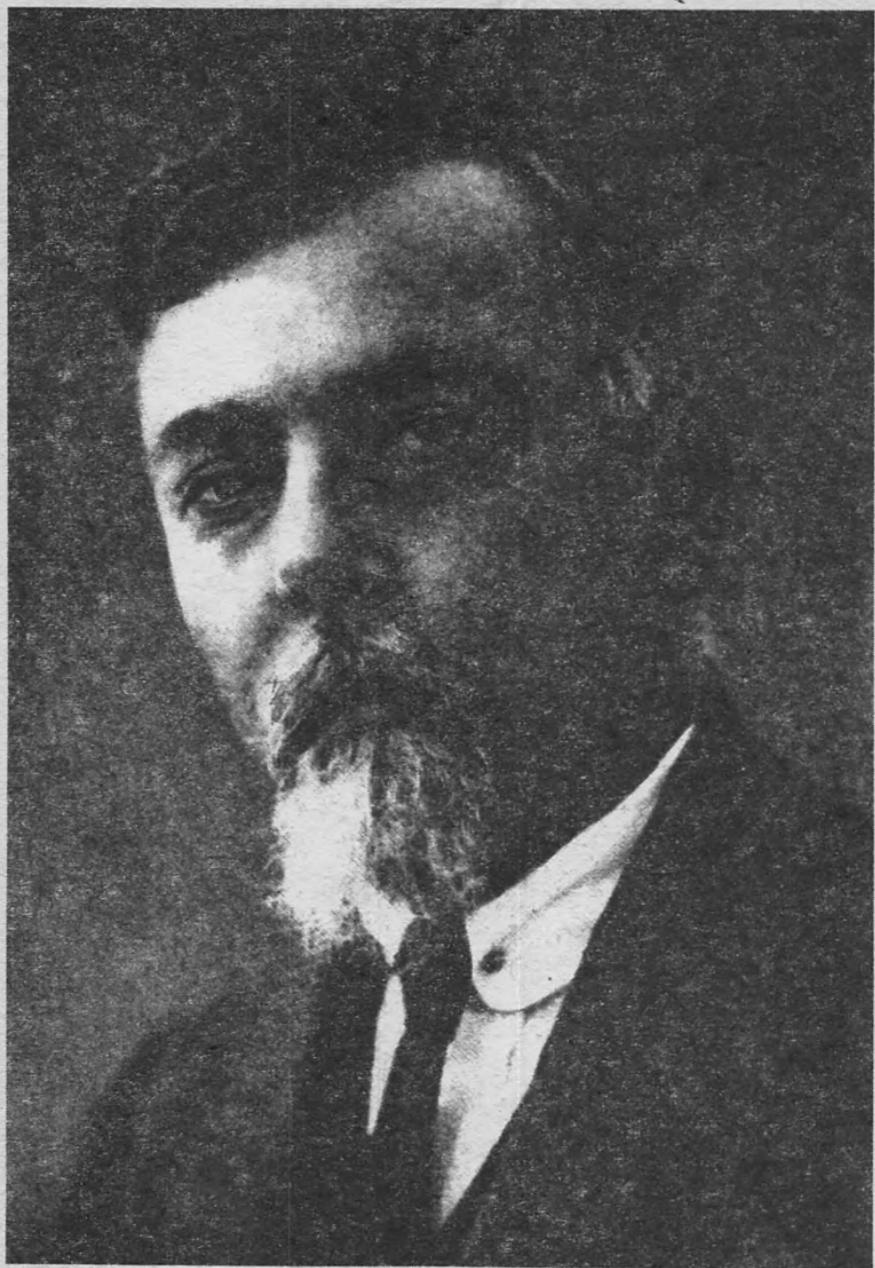
Итак, Ленин требовал сепаратного мира и призывал к выводу войск из Турецкой Армении. Керенский же заявлял: «Мы не можем уйти из Армении, потому что в противном случае от Армении ничего не останется, она погибнет под ножами турок и курдов». Но на психологию толпы эти аргументы не действовали. Даже среди армян находились партии, которые заботились о русских рабочих и солдатах больше, чем правительство России. Возражая призывам Керенского тифлисская социал-демократическая партия в своем органе «Пайкар» писала: «Это заявление не соответствует демократическим принципам и очень опасно с точки зрения армянских интересов. Армии, измученным рабочим и крестьянам снова заявляют, что они из-за армян должны снова жить в адских условиях». И вместе с российскими большевиками армянские социал-демократы предпочитали вести политику, которая предлагала армянам жить в адских условиях или просто не жить, лишь бы русский рабочий класс и крестьянство не имело поводов быть недовольными.

Несмотря на сопротивление большевиков, Петроградский совет по инициативе Временного правительства 26 апреля 1917 года принял решение о созыве международной социалистической конференции, где должны были быть решены все проблемы войны и мира, в том числе и армянский вопрос. Конференция была назначена на 8 июня 1917 года. От армян на конференции должна была присутствовать дашнакская партия, полномочный представитель которой Ростом Зорян из Тифлиса отправился в Стокгольм.

Дашнакская партия представила конференции подробный отчет о судьбе армян за годы войны. Основные ее требования были следующими: «Российская Армения вместе с Грузией и Азербайджаном должна быть автономией в составе федеральной Российской Республики».

Ов. Қачазнуни

Никол Агбалин

лики. Турецкая Армения должна быть освобождена от турецкого подчинения и должна быть независимой. Независимая Армения должна охватить 6 армянских вилайетов и Киликию, исключая мусульманские районы, которые после войны 1877—78 гг. были присоединены к армянским районам. Нейтралитет Армении должен быть гарантирован международными организациями».

Но вследствие отрицательного отношения к стокгольмской конференции союзных держав и вследствие событий в России конференция не состоялась. Примечательно, что партия «Единение и прогресс» тоже послала на конференцию своих представителей, которые ни словом не обмолвились об армянской проблеме, требовали, «демократии и права наций на самоопределение, без различия цвета кожи».

Временное правительство имело, к сожалению, недолгую жизнь, а после большевистского переворота Россия предложила сепаратный мир и призвала к братанию на фронтах с солдатами противника. Фронт разлагался на глазах у правительства, солдаты бросали свои позиции и бежали домой получать обещанную землю и свою долю от буржуазной собственности. Это массовое дезертирство сильно оголило кавказский фронт, а особые отношения между Турцией и мусульманами Кавказа делали это дезертирство особенно опасным для армян. Поэтому армяне с первого дня большевистского переворота отнеслись к нему резко отрицательно. Грузины также отрицательно отнеслись к перевороту, поскольку для грузинских меньшевиков большевики были партийными противниками. А для азербайджанцев они были классовыми противниками, ибо выступали против власти ханов и беков. Таким образом, Закавказье сразу же отмежевалось от большевистского переворота и стало искать свой собственный путь в революции.

Но таких путей было немного. Прежде всего нужно было удержать натиск турок на полностью оголившемся фронте. А удерживать этот натиск было, кроме армян, некому. Грузинского войска не было, если не считать «Дикую абхазскую дивизию», которая под руководством генерала Магалова нападала на отступавших русских солдат с целью грабежа и награбленное представляла в распоряжение руководителя Мусульманского национального центра Аслан-Бека Сафиркурдского.

Азербайджанцы не только не оказывали сопротивления туркам, но и с нетерпением ждали появления в Закавказье своих сородичей.

Еще до Октябрьской революции, при Временном правительстве, армянские организации Петрограда и Тифлиса попросили у правительства распоряжения о создании армянской национальной армии из всех солдат и офицеров армянского происхождения. Эта армия должна была быть направлена на восточный фронт. Тогда в русской армии числилось примерно 80 000 армянских солдат. Столько же армянских солдат уже находилось в русской армии, действовавшей в Закавказье. Таким образом, это была бы 160-тысячная армянская армия, и под хорошим командованием она могла бы сыграть решающую роль на турецком фронте. Временное правительство и высшее военное командование положительно оценили предложение армян, и уже к 11 июля на турецком фронте было создано 6 армянских полков. В октябре на этом фронте действовали уже 2 армянские дивизии. 13 декабря 1917 года главнокомандующий Кавказским фронтом приказом № 136 образовал армянский корпус, командующим которого был назначен генерал Товмас Назарбекян, а начальником штаба — генерал Вышинский. По просьбе Армянского Национального Совета министр обороны Донской при главнокомандующем Назарбекяне назначил особым комиссаром генерала Дро, а его помощником — Саркиса Манасяна. Вскоре в армянский корпус была включена также западноармянская дивизия. Командовал ею Андраник, популярность которого среди солдат была так велика, что Совет Обороны, по ходатайству дашнакской партии, присвоил ему звание генерала и вручил командование дивизией, несмотря на то, что Национальный Совет был против этого назначения, считая, что у Андраника нет достаточной военной подготовки.

К концу 1917 года армянский корпус был окончательно сформирован и представлял собой следующую картину: командующий корпусом — генерал Назарбекян, начальник штаба — Вышинский; командир 1-й дивизии, из 4 полков, — генерал Арамян; командир 2-й дивизии, из 4 полков, — полковник Силикян; командир конной бригады, из 2 полков, — полковник Горгянян. Западноармянская дивизия состояла из трех бри-

гад, первая из которых включала Эрзрумский и Ерзинайский полки, вторая бригада — Хнусский и Каракилисский полки; третья — Ванский и Зейтунский полки. В составе корпуса были также местные подразделения, которые состояли из Лорийского, Шушинского, Ахалкалакского и Хазахского полков.

Все, что происходило на Кавказском фронте, естественно, не осталось незамеченным в Турции, которая уже готовилась смириться со своим поражением. Причиной этому было намеченное на начало 1918 года общее наступление русской армии, для соединения с англичанами. У Турции не было сил к сопротивлению, и ее войска на этом фронте были оставлены на произвол судьбы. Армия разлагалась, ни о каком сопротивлении и речи не могло быть. И вдруг выясняется, что русская армия не только отказалась от замысла генерального наступления, но даже отступает, полностью оголяя фронт. Таким образом, перед турецкими военачальниками открылась новая заманчивая перспектива.

17 ноября 1917 года командующий Кавказским фронтом с русской стороны получил письмо от командующего турецкой 3-й армии Ферика Вехиб-паши, в котором предлагалось перемирие. Оно было заключено. В это время русско-турецкий фронт имел протяженность 500 километров — от Черного моря до Вана. После заключения перемирия, 1 января 1918 года, командующий Кавказским фронтом генерал Одишелидзе получил от Вехиба-паши второе письмо, в котором излагалась просьба Энвера-паши узнать о возможности заключения мира с кавказским правительством. 15 января Вехиб-паша заявил, что делегации правительств центральных государств, присутствующие на Брест-Литовской конференции, готовы признать независимость Кавказа и независимый Кавказ может послать свою делегацию в Брест-Литовск. 3 февраля руководители Кавказа сообщили Вехиб-паше, что готовы на переговоры, а 10 февраля получили ответ, что переговоры должны состояться в Трапезунде.

Пока происходил обмен письмами, пока готовились и велись переговоры, Турция ускоренными темпами готовилась к новой войне. Со всех фронтов турецкие войска в срочном порядке перебрасывались на Кавказский фронт. Этого не могли не заметить азербайджанцы.

и с радостью начали свои очередные бандитские нападения на армян, проживавших в Баку. Бакинские газеты писали, что виновниками столкновений являются армяне. Словом, все возвращалось на круги своя, и Закавказье стояло на пороге войны.

Но что оно представляло из себя и было ли способно отразить наступление весьма окрепшей турецкой армии? Фактическим руководителем Закавказья был Закавказский комиссариат, внутренние противоречия которого делали невозможным выработку общей стратегии. Армяне и отчасти грузины считались антитурецкой стороной, тогда как азербайджанцы были подчеркнуто протурецкой стороной и в интересах Турции готовы были пренебречь интересами Закавказья.

В такой ситуации собрался 10 февраля Закавказский Сейм. Состав его был следующим. Социал-демократическая фракция меньшевиков — 32 человека, из которых грузины 25 человек, армяне — 4 человека, русских — 2 человека, 1 немец. Эта фракция была самой многочисленной, и в ее состав входили такие опытные политические деятели, как Церетели, Гегечкори, Зограбян, Скобелев, Чхенкели, Жордания и другие. Фракция мусаватистов и беспартийных имела 50 членов, самых опытных азербайджанских политических деятелей, таких как Топчибашев, Джагаров, Расул-заде, Юсуфбеков, Агаев, доктор Султанов, Хан-Хойский, Мелик-Асланов и другие. Дашнакская партия имела 27 представителей, среди них были Ростом Зорян, Амо Оганджанян, Качазнуни, Хатисян, Врацян и другие. Остальные фракции имели от одного до семи делегатов.

Дашнакская партия предлагала обсудить следующие вопросы.

1. Автономное Закавказье считается частью России.
2. Условием прекращения войны считается самоопределение Западной Армении.
3. Закавказье разбивается на национальные кантоны.
4. Государственное устройство должно быть основано на социалистических принципах.

Все эти четыре пункта встретили яростное сопротивление азербайджанской делегации. От ее имени Агаев заявил, что Закавказский Сейм — это учредительное собрание, которое должно решить судьбу Закавказья

независимо от судьбы России. В отношении проблем войны и мира он предложил заключить мир с Турцией и не вмешиваться в ее внутренние дела, то есть отказаться от решения проблем Западной Армении. И, наконец, Агаев сказал, что социализм неприемлем для азербайджанского народа, руководство которого состоит сплошь из помещиков и беков. Для управления Закавказьем он предложил коалиционное правительство. От грузинской стороны выступил Жордания, в основном поддержавший Агаева. Только относительно необходимости национальных кантонов Жордания поддержал дашнакскую партию, сказав, что территориальные границы между различными нациями должны быть решены так, чтобы нации могли мирно жить и сотрудничать. Однако в вопросе независимости Кавказа грузинская и азербайджанская делегации были заодно. Жордания заявил, что Россия сама отошла от Закавказья и ее народам ничего не остается, как провозгласить независимость. Если Закавказье этого не сделает, турки просто-напросто займут ее. Чтобы этого не случилось, вторил ему Хан-Хойский, необходимо заключить с Турцией договор, а для этого Закавказье должно быть независимым.

Им ответил Семенов. «Отделив Закавказье от России, — сказал он, — вы будете вынуждены отделить от Закавказья Армению, Грузию и Азербайджан, а затем придется отделить от Грузии Имеретию, Картлию и вернуться к 13 веку. После провозглашения независимости Закавказья вы вынуждены будете принять турецкую ориентацию, станете частью Турции и будете полностью от нее зависимы. Приняв турецкую ориентацию, вы попадете в число тех стран, которые воюют против Англии, Франции и России».

Семенов был прав: Закавказье быстрыми шагами двигалось в объятья Турции. Армяне противились этому, в результате чего решение вопроса о независимости было отложено. На втором заседании Сейма, 15 февраля, Ной Жордания заявил: «Такое перемирие, которое заключили большевики, мы не подпишем. Лучше с честью умереть в окопах, чем опозориться и стать достойными проклятий грядущих поколений». Это заявление Жордания было встречено бурными аплодисментами армян. На том же заседании от имени дашнакской

фракции Качазнуни заявил, что его партия исключает выход из войны на тех позорных началах, которые провозгласила русская социал-демократия, а именно — мир без аннексий и контрибуций, на основе права наций на самоопределение. Совершенно иной была позиция азербайджанской делегации. Она требовала немедленного мира в границах 1914 года и невмешательства в дела Турции, то есть отказа от решения проблем Западной Армении.

На следующий день, 16 февраля, председатель специальной комиссии по выработке условий перемирия с Турцией Рамишвили представил проект этих условий. В своем вступительном слове он, в частности, сказал: «Первая проблема, которая встанет перед нашей делегацией и уже стоит перед Закавказским Сеймом, — это проблема Западной Армении. Мы не должны по этому поводу произносить длинных речей о том, какие права имеет этот народ на самоопределение. Я думаю, что эти права закреплены за ним многолетней борьбой армянского народа против того насилия, которому этот народ подвергался в турецкой империи. Мы должны заявить, что вопрос Западной Армении — это вопрос, в решении которого заинтересована не только турецкая империя, но и в неменьшей степени — народы Закавказья».

После обсуждения проекта условий перемирия Сейм принял следующую резолюцию.

«1. В создавшихся условиях Сейм считает себя полномочным заключить договор с Турцией.

2. Начиная переговоры с Турцией, Сейм преследует цель заключить окончательное перемирие.

3. Договор о мире должен быть основан на принципе восстановления русско-турецких границ 1914 года, к моменту начала войны.

4. Делегация должна попытаться приобрести для народов Восточной Анатолии права на самоопределение, в частности — автономию для армян в составе Турции».

Самым тяжелым для армян был этот последний пункт. После стольких мук, после самоотверженной борьбы, после моря пролитой крови, после стольких надежд — снова «в составе Турции»... Но даже это более чем скромное требование было принято с большим трудом. Расстановка сил была не в пользу армян.

23 февраля делегация Закавказского Сейма под руководством Чхенкели прибыла в Трапезунд. В делегацию от дашнакской партии входили Качазнуни и Хатисян. В качестве консультантов в составе делегации были также историк Лео и Рубен Тер-Минасян. Как только делегация прибыла в Трапезунд, она сообщила турецкому правительству, что ожидает прибытия турецкой делегации. Однако несколько дней турецкая сторона молчала, и закавказская делегация оставалась на корабле, не имея разрешения сойти на берег. Только 27 февраля турецкая делегация в составе 5 человек прибыла в Трапезунд. Руководителем делегации был бывший министр Реуф-бей. После нескольких предварительных консультаций 1 марта мирная конференция открылась.

Уже на первом ее заседании выяснилось, что стороны прибыли на конференцию с весьма различными намерениями и говорили на разных языках. Так, Реуф-бей потребовал у Чхенкели доказательств, что Закавказье — действительно независимая страна и может, по законам международного права, вести самостоятельные переговоры и заключить договоры. В противном случае Закавказье — часть большевистской России и должно признать Брест-Литовский договор. Чхенкели ответил, что Закавказье не может принять Брест-Литовский договор и что оно ведет переговоры как самостоятельное государство. Тогда Реуф-бей потребовал назвать границы закавказского государства и его политический строй, на что Чхенкели ответил, что Закавказье будет демократической федеративной республикой на территории Бакинского, Гандзакского, Ереванского, Тифлисского, Кутаисского, Батумского, Карского и Сухумского районов. Присоединение к Закавказью Дагестана будет зависеть от желания самого Дагестана. Государственный язык — пока русский, но будут — грузинский, армянский и турецкий. В религиозном плане в государстве будет установлена свобода совести.

На этот ответ Чхенкели Реуф-бей заявил, что османское правительство настаивает на признании Брест-Литовского договора, так как правительство Ленина является единственным законным правительством России. И если Закавказье не признает этого правительства, то это лишь внутреннее дело России, и оно не может от-

ражаться на внешних отношениях до тех пор, пока часть целого не объявит о своей независимости и не получит признания этой независимости со стороны других государств. Что касается Турции, то она признает независимость Закавказья только в том случае, если эта страна откажется от притязаний на Батуми, Карс и Ардаган. Что же касается народов Анатолии и автономии Армении, то это внутреннее дело Турции и оно не подлежит обсуждению. Турция не допустит вмешательства в ее внутренние дела.

Переговоры зашли в тупик. И произошло это главным образом потому, что турецкая сторона знала обо всех планах и намерениях закавказской стороны: азербайджанцы закавказской делегации подробно информировали турецкую сторону обо всех планах Чхенкели.

Чтобы выйти из этого положения, Чхенкели предложил сделать перерыв в переговорах для консультации со своим правительством. Во время перерыва Чхенкели послал в Тифлис Качазуну для доклада правительству о ходе переговоров, а самое главное — потребовал особых полномочий на принятие решений без консультации с членами делегации. Это было необходимо, чтобы исключить предательские действия азербайджанцев — их доклады турецкой стороне — и для других важных целей. Правительство дало Чхенкели такие полномочия.

Но давайте на время остановим трапезундские переговоры и посмотрим, что в эти дни творилось на фронте. Как мы уже сказали, в начале января 1918 года азербайджанцы снова начали готовиться к погромам и кое-где уже имели место кровавые стычки. В середине января Вехиб-паша заявил, что армяне нападают на невинных мусульман, и для их защиты он приказал войскам наступать до встречи с русскими войсками. 25 февраля Вехиб-паша потребовал от закавказского правительства освободить Батуми, Карс и Ардаган. Одновременно он сообщал, что для защиты мусульман от армян он занял город Трапезунд. Фактически же наступление Вехиб-паша начал в конце января на участке фронта близ Ерзика, протяженностью 70 км, где армянские войска оказали яростное сопротивление. Одновременно высшее командование выразило протест по поводу нарушения перемирия. Однако Вехиб-паша ответил, что он вынужден продвигаться вперед с одной лишь целью

Мурад

защиты азербайджанцев от армян. «Я уверяю Вас, — писал он, — что условия перемирия остаются в силе».

После нескольких дней упорных боев армянские войска вместе с армянским населением города оставили Ерзника и с большими трудностями отступили в сторону Эрзерума. Турки их преследовали по пятам, курды нападали то справа, то слева, невероятно осложненное отступление, которое фактически было отступлением с боем. Вскоре к отступающим присоединились другие военные подразделения и беженцы. Эта огромная, многотысячная толпа отступала в условиях страшной зимы с большими жертвами. Людские потери в пути составили огромное количество: кто отморозил руку, кто — ногу, а многие просто остались лежать на снегу. 40 процентов солдат вышло таким образом из строя. Сотни были убиты и ранены в боях. Понятно, что эта разъяренная от страданий масса людей со всем отчаянием набрасывалась на турок, которых встречала в пути. Так на их пути от Ерзника до Эрзерума не осталось ни одного мусульманского селения: все они были сожжены или разрушены, население их либо успело бежать, либо было уничтожено. Эта месть армян еще больше раздразнила турок, и война превратилась в армяно-турецкую резню. Стороны не брали пленных — их немедленно уничтожали. Никаких правил ведения войны не соблюдалось. Люди превратились в зверей. 11 февраля армянская армия и население Ерзника дошли до Эрзерума. В тот же день турецкие войска заняли Трапезунд и захватили огромные запасы, оставленные там русскими войсками. Ценностей, захваченных ими, исчислялись миллионами золотых рублей. Снова западные армяне вереницами бежали в Восточную Армению, и их первые караваны уже доходили до Еревана и Тифлиса. Решительный бой в Эрзеруме армяне проиграли, несмотря на присутствие Андраника, мужество которого всегда так воодушевляло армянских солдат.

27 февраля началось отступление из Эрзерума. И снова войска вместе с беженцами в труднейших условиях зимы двинулись в сторону Гассан-Гале. Как и в Ерзника, последним покинул город Мурад со своей конницей, прикрывавшей отступление. К 9 часам утра турки уже были в городе. Оставшиеся там несколько сот армян были немедленно убиты. 2 марта многотысячная

отступающая толпа достигла Сарыкамыша. После падения Эрзерума фактически вся Западная Армения снова попала в руки турок. Правда, еще не были заняты Алашкерт, Хнус и Ван, но их судьба тоже была предрешена.

Война переходила на территорию Восточной Армении. Опасность полного уничтожения теперь нависла над армянским населением России. Война не только по содержанию, но и по форме стала армяно-турецкой. В ней принимали участие только турки и армяне, и судьба ее фактически зависела только от армян. Закавказское правительство не только не помогало им в войне, но, наоборот, своей нерешительностью, внутренними разногласиями и противоречивыми действиями мешало защищать фронта. Армяне требовали призыва в армию, но центральные власти под давлением азербайджанцев откладывали призыв. Дело дошло до того, что в армянских районах местные власти сами объявили призыв в армию, что вызвало возмущение в Тифлисе. Наконец 24 марта Сейм принял закон о призывае, по которому под ружье в первую очередь призывались молодые люди от 18 до 28 лет, а затем — и до 32 лет. 2 марта командующий армянским корпусом генерал Назарбекян был назначен командующим фронтом от Олти до Маку, линию Олти—Батуми должны были защищать грузины. Под командованием Назарбекяна было 15 000 солдат, которые должны были занять позиции и защитить фронт протяженностью 250 километров.

Теперь можно вернуться в Трапезунд, где, получив особые полномочия, Чхенкели вел переговоры с Вехиб-пашой. 23 марта на шестом заседании переговоров Чхенкели заявил, что правительство Закавказья уступает туркам район Олти, южную часть Ардагана, часть Карского района, часть Қазвинского района и проявляет готовность найти удобную для Османской империи форму возвращения западных армян и других народов в их покинутые дома. И, несмотря на то, что проблема самоуправления Западной Армении превращалась в обыкновенную проблему беженцев, турецкая сторона и здесь бурно протестовала. Реуф-бей заявил, что он должен проконсультироваться со своим правительством, и уже на следующий день турецкая делегация предъявила следующий ультиматум: признать Брест-Литовский до-

говор и объявить о своей независимости. Закавказская делегация в течение 48 часов должна была дать окончательный ответ.

25 марта Чхенкели этот ультиматум телеграфировал в Тифлис. 26 марта был получен ответ Закавказского правительства, что оно согласно уступить Турции Карс и Ардаган, но уступить Батуми отказывается. Учитывая положение на фронтах и воинствующую позицию турок, а также настроения азербайджанцев и всех мусульман Закавказья, турецкая делегация потребовала у Тифлиса признания Брест-Литовского договора. Однако до конца срока ультиматума ответ из Тифлиса не был получен, и Чхенкели 28 марта вручил Реуф-бею следующее послание: «Закавказская делегация признает Брест-Литовский договор и готова продолжить переговоры на этой основе». Армянские члены делегации Качазнуни и Хатисян сообщили дашнакской партии, что в создавшейся ситуации признание Брест-Литовского договора есть наименьшее зло. Через три дня Реуф-бей ответил на послание Чхенкели так: «Для того, чтобы Турция смогла вовлечь в двухсторонние переговоры также другие государства, в частности, своих союзников, необходимо, чтобы Закавказье заявило о своей независимости».

На следующий день, 1 апреля, председатель Закавказского комисариата Гегечкори телеграфом отозвал закавказскую делегацию обратно в Тифлис, мотивируя это тем, что мирное соглашение с Турцией невозможно. Чхенкели заявил Реуф-бею, что делегация отправляется в Тифлис, но это не надо расценивать как прекращение переговоров.

31 марта состоялось заседание Сейма, на котором Гегечкори сообщил, что турецкие войска требуют сдать Батуми и уже двинули свои войска в этом направлении. Он заявил, что правительство не выполнит требование Турции, ибо еще не угасло свободомыслие закавказской демократии. «Мы слабы, но еще есть порох в пороховницах, — сказал он под аплодисменты армян. — Признать Брест-Литовский договор, — продолжал Гегечкори, — значит отказаться от независимости Закавказья и стать одним из штатов турецкой империи (Возгласы «Правильно!», аплодисменты). Мы не можем взять на себя этот позор. От имени правительства я заявляю, что

мы сделаем все, чтобы дать должный отпор притязаниям турецких агрессоров», — закончил свою речь Гегечкори. Затем с пламенной речью против турецкого империализма выступил Церетели. В конце своей речи он заявил: «Мы сможем победить в нашей борьбе только в том случае, если нам в спину не ударят предатели», — на что последовали длительные аплодисменты. И предатели в лице партии мусаватистов подняли перчатку, брошенную Церетели. Отвечая ему, их представитель сказал: «Вы все прекрасно знаете позицию мусульманской демократии в вопросе войны. Во-первых, до сих пор она не участвовала в войне, а во-вторых, ее особые религиозные связи с Турцией делают невозможной войну против нее. Господин Церетели считает, что мы сможем победить только в том случае, если наши усилия будут совместными. Мы сомневаемся, что в этой войне можно всем действовать заодно и создать общий союз». Иначе говоря, азербайджанцы открыто заявили, что они против сопротивления туркам, и воевать с ними не будут. Это означало, что они являются союзниками Турции в закавказском тылу.

Но патриотические речи и предложения продолжались. С воинственными речами выступали Жордания, Лордкипанидзе, Семенов и представители дашнакской партии, которые заявили, что для армянского народа нет иного спасения, кроме вооруженной защиты своего отечества. Затем Жордания заявил, что Закавказье официально пребывает в состоянии войны с Турцией, и именно здесь было решено отзвать делегацию из Трапезунда.

Для ведения войны был создан чрезвычайный орган в составе трех человек с широкими полномочиями. В этот совет вошли: Гегечкори — как председатель и военный министр, Х. Качикян — министр финансов и Рамишвили — министр внутренних дел. Однако патриотическое воодушевление длилось недолго. Еще не утихли пламенные речи в Сейме, как пришла весть о падении Батуми. Не встречая сопротивления, турецкие войска заняли батумскую крепость, город и пристань. Часть грузинских войск была взята в плен, а части удалось отступить. Стало известно, что к туркам присоединились мусульмане Аджарии и Ахалцихса и что Абас-Туман также находится в руках турок. Тогда Сейм обратился

к народам Закавказья с патриотическим призывом, где говорилось, что настал час выбора: свобода или смерть.

Несмотря на то, что грузинским войскам удалось одержать блестящую победу у местечка Чолока, они были вынуждены под натиском регулярной турецкой армии отступить. Грузинская армия отступала даже тогда, когда турки вошли в саму Грузию и заняли Гурию и Огурзети. Неудачи грузин причиняли острую боль армянам, которые с ужасом наблюдали за успехами турок, победоносно двигавшихся к Карсу. Падение Карса было бы гибелью армянского народа, для которого уже не осталось бы дорог к спасению.

9 апреля состоялось 22-е заседание Сейма. На повестке дня стоял вопрос о независимости Закавказья. Армяне были в трауре, азербайджанцы торжествовали, а грузины пытались спасти положение, задобрав турок провозглашением независимости Закавказья. Значительных выступлений на этом заседании не было, выступавшие Ониашвили, Георгадзе, Арсенидзе довольно противоречиво объясняли необходимость независимости. Дашнаки не выступали вообще: о чем было говорить, когда турки стояли на подступах к Карсу, а оттуда до Еревана совсем близко... Заслуживали внимания выступления делегата Семенова и армянского эсера Туманяна. Последний в своей речи, обращаясь к грузинским меньшевикам, сказал: «Для вас должно быть ясным, что в настоящих условиях провозглашение независимости Закавказья не что иное, как стать рабом Турции. Независимое Закавказье не только не принесет мира с Турцией, не только не улучшит наше положение, но и наденет на нас цепи рабства». Того же мнения придерживался Семенов, который спросил у делегатов Сейма: «Спасет ли ваша независимость нас от турецких и немецких войск? И какие у вас на то гарантии? После провозглашения независимости вы должны начать переговоры с Турцией и вы будете вынуждены шаг за шагом выполнить то, что вам будет предложено Турцией. С помощью турецких войск вы пойдете завоевывать Баку. Когда немецко-турецкие войска пройдут по Закавказью, оно будет завоевано этими войсками. И когда это произойдет, возможно, вы сможете сказать, что в Закавказье победила революция».

После бурных дебатов Сейм принял решение провозгласить Закавказье Демократической Федеративной Республикой. На том же заседании была принята отставка правительства Гегечкори и формирование нового правительства было поручено Чхенкели. Эти события сыграли в судьбе армян решающее значение. Чхенкели образовал правительство в следующем составе: премьер-министр и министр иностранных дел — Чхенкели, министр внутренних дел — Рамишвили, министр обороны — Георгадзе, министр финансов — Хатисян, министр информации — Мелик-Асланов, министр юстиции — Хан-Хойский, министр сельского хозяйства — Хомерики, министр просвещения Юсуфбеков, министр торговли и промышленности — Гаджински, министр снабжения — Саакян, министр попечительства — Кацазнуни, министр труда — Ерзнян, министр государственного контроля — Гайдаров. Это правительство было представлено Сейму 13 апреля, и Сейм поручил правительству выработать условия перемирия с Турцией.

Для армян этот вопрос был самым важным, поскольку борьба с турецкой опасностью оставалась, как и прежде, первостепенной задачей, она стала для них сущностью революции, сущностью национально-освободительного движения, сущностью свободы и их понятий о государстве и социализме. И вот теперь предстояло заключить с турками договор о мире в условиях глубокого поражения и тягчайших воспоминаний о море пролитой армянской крови.

Выступая на заседании Сейма, Карчикян заявил: «Независимость была навязана Закавказью. До тех пор, пока в Закавказье не будет создано единство, никакая сила не спасет и все красивые обещания правительства останутся пустым звоном».

Армяне были убеждены, что мир с Турцией невозможен, и Карчикян пытался осторожно высказать эту мысль на Сейме. Он был убежден, что Чхенкели не сможет гарантировать обещанного мира, поскольку Карчикян видел настроения турок как на фронтах, так и здесь, на заседании Сейма. Не случайно эсер Лордкипанидзе на том же заседании Сейма бросил упрек: «Некоторые из нас в этом зале, депутаты Сейма и журналисты, уже поговаривают о том, что раз уж объявлена независимость, необходимо на помочь призвать турец-

кие войска и с помощью их штыков защитить Закавказье от большевиков». Такие разговоры, действительно, вились среди депутатов Сейма, что не могло не вызвать разочарования армян, которые прекрасно знали, что ожидает их при вступлении турецких войск в Закавказье,

Армянские войска, заняв позиции, ожидали решительных боев, когда стали поступать телеграммы нового правительства о заключении перемирия. Эти телеграммы довольно разлагающе действовали на солдат, которые ставили под сомнение необходимость войны, если правительство идет на перемирие. Более того, подчиняясь приказам правительства, армянские войска оставляли свои выгодные позиции, в частности в Карсе, где они были хорошо укреплены и не сомневались, что смогут отразить турецкое наступление. Получив бессмысленный приказ Чхенкели об отступлении, генерал Назарбекян попытался связаться с Национальным Советом, но связь с Тифлисом была прервана. Тогда он приказал Силикяну, командиру 2-й дивизии, которая была расположена в Эчмиадзине, и начальнику крепости Карса генералу Дееву прекратить военные действия и начать переговоры о демаркационной линии. Командующий турецкими войсками на запрос армянской стороны о прекращении огня ответил, что он приказа о прекращении огня не получал и вынужден, согласно приказу Вехиб-паши, наступать. Чтобы избежать кровопролития, он предлагал армянским войскам отступить в сторону крепости. На следующий день командующий турецкими войсками сообщил армянам, что приказ о прекращении огня им получен, что уже назначена делегация для ведения переговоров, но что до начала переговоров армянские войска должны отойти от крепости на 2 версты. «И когда турецкие войска будут входить в город, — заявил турецкий военачальник, — армяне не должны открывать огня, в противном случае мы прибегнем к силе».

Армяне с места не тронулись турки же начали общее наступление. Они пытались занять линию, соединяющую Карс с Александрополем, но были отбиты армянскими войсками. В тот же день из Тифлиса армянским войскам поступил приказ немедленно прекратить военные действия и принять условия турецкой стороны.

Однако принятие этих условий было равносильно самоубийству. Находясь в двух верстах от крепости, армянские войска никак не смогли бы защитить город, и Карс со всем его армянским населением попал бы в руки турецких войск со всеми вытекающими отсюда последствиями. Армяне отказались подчиниться приказу, и жестокие бои начались заново. Армянские войска яростно сопротивлялись, и турецкая сторона решила еще раз прибегнуть к переговорам. Командующий турецкими войсками Кязим-бей от имени Вехиб-паши предъявил армянам следующий ультиматум:

«1. До середины дня 12 апреля сдать турецким войскам крепостные сооружения, что имеются на левом берегу реки Карс, а остальные сооружения сдать к вечеру того же дня.

2. В течение 12 апреля закавказские войска должны удалиться из Карса.

3. В течение трех дней эти войска должны перейти на другой берег реки Ахурян».

Этот ультиматум тифлисским правительством был передан Назарбекяну вместе с приказом об отступлении из Карса в сторону Александрополя. Командир карской крепости сделал последнюю попытку не подчиниться приказу, попросив отсрочить отступление. Но турецкая сторона настояла на своем, и армянские войска 12 апреля покинули Карс вместе с 20-тысячным населением города. Став беженцами — теперь уже восточные армяне — перед тем, как покинуть свой город, сжигали собственные дома, чтобы они не достались туркам. По приказу Чхенкели в крепости остались генерал Деев, командир Арзуманян и полковник Морель, которые должны были организовать переброску имущества крепости в Тифлис. Чхенкели наивно полагал, что турки разрешат ему перебросить военное оборудование и припасы крепости в Тифлис. 12 апреля в 9 часов вечера 11-я турецкая дивизия вошла к Карс. Несмотря на то, что закавказское правительство выполнило все требования турецкой стороны, турецкая армия не прекращала военных действий, и армянская дивизия отступала к Александрополю. 15 апреля армянская армия перешла на левый берег Ахуряна, взорвав все, что оставалось на правом берегу. 17 апреля из Карса выдворили генерала Деева и его коллег, отказав им в вывозе имущества

крепости. Вместе с ними город покинуло оставшееся население.

Весть о падении Карса в армянских кругах была воспринята как разорвавшаяся бомба. Национальный Совет созвал чрезвычайное заседание. Карапетян и Мамиконян немедленно связались с Назарбекяном и попытались выяснить, возможно ли еще спасение Карса. Ответ Назарбекяна был очень коротким: «Уже поздно. Я получил приказ министра обороны и выполнил его».

Члены дашнакской партии, входившие в состав правительства, Саакян, Качазунин и Хатисян, протестуя против незаконных и необдуманных действий Чхенкели, подали в отставку. Дашнакская фракция потребовала отставки Чхенкели, как предателя.

Социал-демократическая фракция после долгих переговоров через Жордания и Церетели заявила, что осуждает поведение Чхенкели и возмущена его решением, что готова снять его кандидатуру с поста премьер-министра, но в таком случае премьер-министром должен стать кто-нибудь из армян, например, Качазунин.

Это предложение было совершенно неприемлемо, ибо назначение армянина премьер-министром не признали бы ни внешние, ни внутренние турки. Закавказье раскололось бы окончательно. Дашнакская партия, естественно, отказалась от этого предложения. Более того — дашнакская партия была вынуждена согласиться с тем, чтобы Чхенкели остался на посту премьер-министра, ибо грузины не были согласны ни с какой другой кандидатурой и категорически заявляли: либо Чхенкели, либо они откажутся войти в правительство. Чхенкели остался на посту и начал готовиться к новым переговорам с Турцией. Эти переговоры должны были состояться в Батуми. Делегация Закавказья имела следующий состав: А. Чхенкели — председатель, Н. Николадзе, А. Хатисян, О. Качазунин, М. Гаджински и Хан-Хойский. Были включены также, как консультанты, генерал Горганян, М. Буниатян и С. Врацян.

11 мая в Батуми торжественно открылась мирная конференция. (13 апреля был введен новый календарь, и последующие даты приводятся нами по новому календарю). После формальных приветственных речей Чхенкели заявил, что закавказская делегация за основу переговоров приняла Брест-Литовский договор, как это

было условлено в Трапезунде. Однако Халил-бей немедленно возразил, заявив, что после трапезундских переговоров произошли новые события, была война между Турцией и Закавказьем, пролито много крови, следовательно, трапезундские условия не могут быть признаны соответствующими реальности. Турция считает себя вправе представить новые условия, и, чтобы не затягивать переговоры, Халил-бей тут же вручил Чхенкели проект договора о мире между Турцией и конфедерацией закавказских республик. На этом и закончилось первое заседание переговоров. Проект договора состоял из 12 статей и трех дополнений. Он предлагал невероятно тяжелые условия для всего Кавказа, в частности для Грузии, и в особенности для Армении. У грузин отнимали Батумский и Ахалцихский районы, у Армении отбирались Александрополь, большая часть Ширакского и Эчмиазинского районов, Сурмалинский и Ахалкалакский районы. Кроме того, Турция забирала железные дороги Карс — Александрополь и Александрополь — Джульфа. Армения как таковая переставала существовать: ей оставлялось 11 тысяч квадратных верст гористой территории между городом Арагац и озером Севан. Кроме территориальных притязаний, Турция предъявила весьма тяжелые экономические, торговые и военные требования.

Итак, Турция наглым образом врывалась в Закавказье и брала под свою власть все, что лежало по южную сторону от Кавказского хребта. Через Карс — Сурмалу — Нахичеван — Зангезур — Карабах она входила в Баку, и там перед ней открывалась головокружительная перспектива воссоединения со своими прикаспийскими собратьями, а дальше — с мусульманами Центральной Азии. Панисламистские фантазии Энвера в этой перспективе казались реальностью. Фантастические турецкие требования вызвали возмущение не только армян и грузин, но и немцев. 12 мая генерал фон Лоссов телеграфировал своему правительству: «Турция потеряла чувство меры и переступила через все разумные границы. Она требует чисто армянские провинции Ахалкалак, Александрополь и части Ереванской провинции, что вопиющим образом нарушает Брест-Литовский договор. Они намерены полностью уничтожить армян Закавказья. Сегодня вечером они предъявили Закавказью

ультиматум, чтобы турецким войскам было позволено через Александрополь пройти в Джульфу, и об этом они мне ничего не сказали. Я протестовал по этому поводу». ¹

В ночь с 14 на 15 мая Турция действительно предъявила ультиматум о том, чтобы утром 15 мая Александрополь был сдан турецким войскам и чтобы армянские войска отошли от города на восток на расстояние 25 километров. Не получив ответа на этот ультиматум, 15 мая в 2 часа дня Турция потребовала сдать город к 6 часам вечера. Требование было написано на турецком языке, и только к 6.30 вечера оно было переведено. А в 6 часов турки начали артиллерийский обстрел города и одновременно пошли в наступление. Армянские войска от неожиданности растерялись и отступили. Александрополь перешел в руки турок. По приказу генерала Назарбекяна армянские войска отступили в двух направлениях: часть — к Сардарабаду, а часть, во главе с Андраником, — двинулась на защиту дорог, ведущих в Ахалкалак и Воронцовку. Но Андраник там не остался, а перешел в Джалал-Оглы.

Турки шаг за шагом продвигались вперед, и 22 мая захватили станцию Амамлу, после чего им открылась дорога на Ереван. Из Еревана против турецких войск в Баш-Абаран были направлены войска под руководством Дро. Кроме того, был укреплен Каракилисский фронт.

Солдаты понимали, что это их решающие бои, которые определяют: быть иль не быть армянскому народу. 24 мая Назарбекян дал приказ к наступлению. В тот же день на Каракилисском фронте армянские войска наголову разбили турок, которые в панике бежали в Амамлу. Но армянским войскам угрожала слабость левого фланга, который был оставлен Андраником. Тем не менее удачные бои продолжались 25 и 26 мая. Турки отступили, понеся на поле боя большие потери. В Каракилисской битве армянские солдаты проявили большое мужество, умение и патриотизм. Жертв было много и с армянской стороны — многие пали героической смертью, и среди них командир артиллерийской бригады Тер-Мовсесян, единственный сын А. Оганджаняна Моник и многие другие.

¹ И. Ленскус. Германия и Армения. Берлин, 1919.

Между тем в Тифлисе началась паника. Сотни тысяч западных армян, прекрасно понимая, что всех их ждет, если турецкие войска зайдут Тифлис, бежали на Северный Кавказ. Вереницы беженцев тянулись от Тифлиса до Владикавказа. Место в телеге стоило 10 тысяч рублей. Люди бросали все свое имущество и бежали куда глаза глядят. Неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы 24 мая Терско-Дагестанское правительство не закрыло двери перед беженцами: большая часть их осталась в Закавказье, а те, кому удалось попасть на Северный Кавказ, оказались в руках большевиков, и их ждали новые лишения и испытания.

Еще более плачевным было положение на фронте. Когда турецкие войска в середине мая начали наступление на Йгдыр, армянские войска вынуждены были отступить до реки Аракс. Одновременно против армян поднялись местные курды и азербайджанцы, и, таким образом, к середине мая 1918 года Араратская долина была полностью окружена врагами. Тяжелое положение усугублялось еще и тем, что после падения Карса и Александрополя страна была полностью оторвана от окружающего мира, а сотни тысяч беженцев жили прямо на улицах городов и деревень. Не было продуктов питания, начались эпидемии, среди солдат был заметен дух упадничества, отчаяния.

В такой ситуации турки начали генеральное наступление. В Ереване возникла паника и невероятная суматоха. Население готовилось к бегству. Но — куда? Путей к бегству не оставалось: дороги на Тифлис и Баку были крепко закрыты. Железная дорога на Иран не действовала, Нахичеван был занят мусульманами, а с юга и с запада двигались турки, убивая на своем пути каждого встречного армянина. Бегство и сдача врагу были равносильны убийству. Выхода не было, оставалось лишь сопротивление. Свобода или смерть — другого выбора не было.

И случилось чудо, одно из тех чудес, которые приходят неожиданно и выводят людей из безвыходного положения. Народ, его руководители, армия и духовенство прониклись одной идеей: победить или умереть. И народ Араратской долины, все, как один человек, поднялся на бой. Действовали все. Национальный Совет занимался армией, снабжением и организационными

делами. Военное командование повышало боеготовность армии. Генерал Силикян своими приказами поднимал боевой дух народа и армии. Население общими усилиями выполняло тыловые работы. Женщины и девушки готовили и доставляли солдатам еду и табак, готовили санитарные лазареты. Армянские священники с крестом и проповедью шли от одних масс народа к другим и именем Бога призывали их к защите отечества. Епископ Гарегин Овсепян был постоянно с солдатами и своими пламенными речами поднимал солдат на бой. Повторялись дни Аварайской битвы.

Когда 21 мая на подступах к Сардарабаду показались турки, перед ними уже стояли в полной решимости победить армянские солдаты. Армия Силикяна в эти дни насчитывала 10 000 солдат. Часть из них, под командованием Дро, находилась на Баш-Абранском фронте. Другая часть, под командованием генерала Даниелбека Пирумяна, находилась на Сардарабадском поле. Общим главнокомандующим был генерал Силикян, а начальником штаба — полковник Великян, которым и был составлен общий план военных действий. Со стороны турок на Сардарабадском фронте действовала 5-ая дивизия вместе с различными мусульманскими группировками, а на Баш-Абранском фронте — 3-я дивизия. 21—22 мая произошли короткие «контрольные» бои. Турки пытались найти слабые места в обороне армян и начать наступление в самом слабом из них. Они даже не подозревали, что армяне могут перейти в контрнаступление. Однако 23 мая Силикян дал приказ к контрнаступлению. Армянские войска ринулись на противника, и началась серия ожесточенных схваток. Турецкие войска оказали упорное сопротивление, а местами сами переходили в наступление. Целый день гремели пушки, раскаты которых слышны были в Ереване, где люди активно трудились для фронта. На ослах, телегах и пешком они доставляли на фронт боеприпасы, продукты питания, табак. Добровольцы непризывного возраста, старики и юнцы, спешили на фронт. Слившись воедино, воевала вся страна, воевала насмерть.

24 мая турки сначала отступили, а затем бежали. Армяне бросились их преследовать, турки пытались закрепиться на новых позициях, но под натиском вооду-

шевленных армян вынуждены были продолжать бегство. Победа была внушительной.

В тот же день в связи с блестящей победой армян генерал Силикян обратился к народу со следующим призывом: «Армяне! Спешите освободить Родину! Настал момент, когда каждый армянин во имя Большого Дела, забыв свои личные интересы, должен приложить последние силы, чтобы добить врага. Мы не хотели войны, ради мира и спокойствия мы были готовы к жертвам, но наш жестокий противник продолжает двигаться по намеченному пути. Он делает вид, что хочет превратить нас в рабов, но на самом деле хочет уничтожить нашу многострадальную нацию. И если мы должны умереть, не лучше ли с оружием в руках попытаться защитить себя? Может быть, удастся нам в борьбе обрести право на жизнь. А то, что мы умеем защищаться, показали последние битвы, где превосходящий нас численно противник вынужден был отступить под нашими ударами. Нужно еще одно усилие, и враг будет выгнан за пределы границ нашей земли, где наши отцы и деды в течение многих лет тяжелым трудом своим, своим потом и кровью добывали средства к существованию.

Армяне, медлить нельзя! Все мужчины до 50 лет обязаны встать под ружье. Я требую, чтобы все приходили со своим оружием и патронами для защиты Родины.

Армянки! Вспомните нежных женщин V века, которые вдохновили своих мужей на Большое Дело в боях бессмертного Вардана. Последуйте их примеру, если не хотите, чтобы была попрана ваша честь. Подтолкните тех трусов, которые под разными предлогами избегают фронта. Собирайте боеприпасы, продукты питания, одежду для фронта.

Я глубоко убежден, что этот мой призыв не останется без ответа и в течение нескольких дней мы будем иметь такую героическую армию, которая вышвырнет противника с нашей родной земли и обеспечит существование армянского народа.

Во имя многострадального народа,

Во имя попранной Истины,

Поднимитесь на священную войну!

Все мужчины, способные носить оружие, обязаны представиться в Ереване генералу Бексанбегу, а все

Земляк

собранные продукты должны быть сданы местным Национальным Советам».

И призыв Силикяна, напоминающий призыв V века, не остался без ответа — Силикян получил то, к чему призывал.

На Баш-Абаранском фронте 23 мая с наступлением турок начались кровопролитные бои. Дро смог остановить наступление. Однако турки получили подкрепление и перешли в наступление снова. И вновь их наступление было остановлено: под опытным руководством Дро все атаки турок были отбиты. А 28 мая он предпринял смелую контратаку и принудил противника к бегству. В этом бою погиб один из известных фидайнов, начальник конного отряда по прозвищу Земляк. 28 мая турецкие войска отступили по всему фронту, отступили в панике и хаотично. Армянские войска преследовали их по пятам. Воодушевление народа было неописуемо.

Генерал Силикян уже вынашивал еще более смелые планы — в частности освобождение Александрополя. Он хотел двинуть армию на Александрополь, но, оставив его в стороне, сначала захватить Карс. Он был уверен, что может взять Карс, после чего проблема Александрополя решится сама собой. Оторванные от тыла, турки не остались бы в Шираке.

После победы под Сардарабадом, 29 мая, Силикян снова обратился к народу со следующим призывом: «Армяне! Усилия наших доблестных солдат продолжаются, и турецкие войска отступают. Мы должны обратно отвоевать Александрополь, который турки у нас подло отняли. Все наши мысли должны быть направлены на Александрополь. Мы должны отвоевать его и только после этого вступить в переговоры с турками о заключении мира. Мы знаем, как обнаглел противник: он требует Ахалкалак, Ахалцих, Александрополь, Эчмиадзин вместе с Собором и большую часть Ереванской и Нахичеванской губерний. Неужели мы вынесем такой позор? Неужели с легким сердцем мы отдадим противнику нашу Землю, которая питала, питает и будет питать нашу святыню — Эчмиадзинский собор?! Нет, армянский народ, ты никогда не позволишь так оскорбить себя! И мы избавимся от этого позора, если дойдем до Александрополя. Мало осталось до Александрополя, помогите

нашим солдатам, и мы через три-четыре дня достигнем своей цели.

Все к оружию! Вперед, в Александрополь!»

Призыв этот был близок всем — и для победившей армии и для чудом спасшегося народа. Все армяне были воодушевлены и жили предстоящей битвой за Александрополь. Армия готовилась к наступлению, когда вдруг генерал Силикян получил телеграмму о том, что в Батуми подписан договор о мире, и главнокомандующий Назарбекян приказывает прекратить военные действия.

Это был снег на голову, это был кошмарный сон. Это было национальное потрясение. Национальный Совет проводил заседание за заседанием, но к окончательным выводам и решениям не мог прийти. Арам не участвовал в заседаниях: от пережитого шока он ушел в себя и ждал приезда Назарбекяна. Некоторые полагали нужным смириться и признать условия Батумского договора. Но дашнакская фракция предлагала отказаться от выполнения приказа Назарбекяна и назначить главнокомандующим Силикяна, чтобы продолжать борьбу. Армия также стояла на стороне дашнакской партии. С передовых позиций фронта поступали телеграммы, с протестами по поводу условий мира и с просьбами к Национальному Совету о продолжении борьбы. Согласно Батумскому договору, даже Камарлу, который не находился в руках турок, должен был отойти к Турции. Сотни делегаций из Камарлу прибывали в Ереван и устраивали демонстрации протesta, требуя у Национального Совета непризнания Батумского договора. Женщины и девушки с флагами становились у здания Национального Совета, чтобы он аннулировал Батумский договор. Принять решение было трудно. Армянское войско состояло из 12 000 солдат, тогда как турецкие войска имели 35 000 и могли увеличить это число за счет местных мусульман. После заключения Батумского договора грузины фактически выходили из игры, и Турция уже могла все свои силы сосредоточить на армянском фронте. Национальный Совет из-за внутренних разногласий не смог прийти к окончательному выводу, и Силикяну ничего не оставалось, как подчиниться приказу Назарбекяна. Турецкие войска заняли позиции, которые были предусмотрены Батумским договором.

Но давайте вернемся в Батуми и посмотрим, как шли переговоры, когда в Армении происходили тяжелые бои и лилась кровь. Закавказская делегация настаивала на условиях Брест-Литовского договора и протестовала, когда турецкая сторона требовала большего. Стороны обменивались речами и посланиями, но безрезультатно. В разгар переговоров, 14 мая, турки потребовали, чтобы им немедленно разрешили перебросить их войска через Александрополь в Джульфу. И как мы уже видели, не дожидаясь ответа, они напали на Александрополь и заняли его. Чтобы не затягивать переговоры, представитель Германии фон Лоссов 19 мая предложил свои услуги в качестве посредника. Несмотря на бурные протесты азербайджанцев, закавказская делегация приняла это предложение.

На следующий день в Батуми прибыли представители Армянского Национального Совета А. Оганджанян и А. Зограбян, чтобы просить у немецкого правительства опеки над Арменией. 22 мая об этом была представлена официальная просьба фон Лоссову. Последний немедленно телеграфировал немецкому послу в Турции, от себя прибавив, что положение армян катастроическое и что турки собираются занять все армянские районы и уничтожить их. 24 мая фон Лоссов сообщил закавказской делегации, что Турция отказалась ему в посредничестве, а на следующий день специальным письмом фон Лоссов сообщил, что из достоверных источников ему стало известно о распаде Закавказской Республики, после чего его присутствие в Батуми лишается смысла. В тот же день фон Лоссов покинул Батуми.

И действительно, Закавказская Республика быстро катилась к распаду. Грузины искали немецкого манданта, азербайджанцы, ухватившись за полы турок, тащили их в Баку, который в те дни находился в руках большевиков. Армяне остались одни и были единственными, кто продолжал воевать, стараясь остановить наступление турок. Армянские представители в Батуми попытались найти общий язык с азербайджанцами, однако те были наотрез неуступчивы: они требовали не только Карабах, Зангезур и Нахичеван, но и большую часть Ереванской и Эчмиадзинской губерний, включая город Ереван. «Столицей Армении может быть Эчмиадзин», —

нагло заявляли Юсуфбеков, Хан-Хойский и Расул-заде. А они считались еще умеренными!

Что касается Грузии, то для грузин переговоры с турками были закончены, и Чхенкели начал тайные переговоры с немцами. Очень часто в Батуми появлялись грузинские политические деятели, и чувствовалось, что они что-то затевали, не ставя в известность остальных членов закавказской делегации. Потом уже выяснилось, что грузины подготавливали декларацию независимости Грузии. 26 мая турецкая делегация вручила закавказской делегации ультиматум, в котором под диктовку азербайджанцев были предъявлены новые требования. Причем турки заявляли, что на основе этих новых условий можно продолжать переговоры.

В тот же день, 26 мая, состоялось последнее, трагическое по своим последствиям, заседание Сейма, на котором Церетели сделал следующее заявление: «Грузинский народ остался один. От него отошли армяне и турки. В этих условиях наш долг сказать грузинскому народу: «Ты остался один, у тебя нет правительства, нет своих представителей, нет закавказского единства, и если ты хочешь спасти себя, защитить свои интересы и интересы своей родины, ты должен иметь свое независимое государство. К несчастью, уже нет закавказского союза, и Сейм должен сложить с себя свои полномочия».

По требованию Грузии Сейм принял следующую резолюцию. «Учитывая, что в вопросах войны и мира возникли серьезные разногласия среди наций, входящих в состав Закавказской Республики, после чего стало невозможным существование единого правительства для всего Закавказья, Сейм фиксирует факт разложения Закавказья и объявляет свои полномочия недействительными». В середине дня Сейм был распущен, а через 6 часов после этого в том же здании Ной Жордания объявил о независимости Грузии. В тот же день в Батуми Чхенкели получил телеграмму: «Сегодня в 18 часов Национальный Совет объявил Грузию независимой республикой. Премьер-министром назначен Рамишвили, министром иностранных дел — Чхенкели. Сейм сложил с себя полномочия. Закавказской Республики больше не существует».

В тот же день Халил-бей представил свой последний

ультиматум грузинской, армянской и азербайджанской делегациям — каждой по отдельности.

Об истории создания и распада Сейма подробно рассказал один из участников этих событий — видный грузинский политический деятель Г. И. Урартадзе. Мы приводим его рассказ полностью, чтобы наш читатель имел возможность ознакомиться также и с грузинской трактовкой этого вопроса.

* * *

Однинадцать месяцев терпеливо ждал Кавказ открытия Всероссийского учредительного собрания, через которое он думал удовлетворить свои национальные чаяния. Но теперь, когда большевики разогнали его, наш край совершенно оторвался от Центра, и всякие сошения с ним прекратились.

Как только было получено известие о разгоне Всероссийского учредительного собрания, было созвано экстренное совещание Закавказского комиссариата и представителей всех революционных организаций, которое единогласно постановило пригласить членов Всероссийского учредительного собрания от Кавказа и предложить им создать местную власть, которая разрешила бы все местные вопросы, среди которых самыми важными были вопросы мира и земли.

23 января открылось собрание депутатов от Закавказья, числом 26 человек. Собрание открыло от имени Комиссариата Е. П. Гегечкори. После его краткого вступительного слова, собрание единогласно выбрало председателем Н. С. Чхеидзе, приняв следующее постановление:

«Обсудив политическое положение в связи с разгоном Учредительного собрания, совещание членов Учредительного собрания от Закавказья считает необходимым до созыва вновь Всероссийского учредительного собрания учредить Закавказский Сейм с законодательными функциями для разрешения местных вопросов. Для определения числа членов Сейма уменьшить нормы избирательного закона для отдельных партий в три раза. Созыв Сейма назначить на 23 февраля».²

Перед закрытием совещания председатель Чхеидзе огласил письменное заявление большевиков, где они говорили, что «так как Сейм созывается, чтобы обмануть народ, — они отказываются от участия в работах Сейма».³

На этом совещании с программной речью выступил и член собрания Н. Жордания. Он сказал:

«Члены Всероссийского учредительного собрания от Закавказья силой создавшегося положения вынуждены были собраться, чтобы разрешить наболевшие местные вопросы. Не прекращая борьбы за Всероссийское учредительное собрание, члены Учредительного собрания от Закавказья вынуждены принять на себя раз-

² Документы и материалы, Тифлис, 1919, стр. 200.

³ Там же.

решение местных вопросов, не ожидая полномочий от Центра. Чтобы придать большую авторитетность решениям собрания, необходимо уменьшить нормы избирательного закона с 60 тысяч до 20 тысяч. Тогда состав собрания увеличится до 100 человек. Это собрание должно быть названо Закавказским сеймом, и он должен взять на себя верховную власть до созыва Всероссийского учредительного собрания. Даже после созыва Всероссийского учредительного собрания. Сейм, вероятно, останется, так как Всероссийское учредительное собрание провозгласило Россию федеративной республикой... Создание Сейма не означает упразднения революционных краевых центров. У краевых революционных центров функции иные. Сейм не противопоставляется краевым центрам. Революционные органы уйдут только тогда, когда будет установлен прочный нормальный правопорядок. Исходя из общегосударственных перспектив и из местных нужд, необходимо создать объединяющий все нации Центр. Таковым должен быть Сейм».⁴

23 февраля открылся Закавказский Сейм. Все фракции единогласно предложили пост председателя Н. С. Чхенде. О деятельности Закавказского комиссариата с подробным отчетом выступил Е. Гегечкори, который закончил свой доклад заявлением, что, так как теперь существует Сейм, Закавказский комиссариат, как временное правительство, уходит и передает председателю письменное заявление об отставке всего Комиссариата. Заявление было принято Сеймом, но Сейм просил Комиссариат остаться у власти до создания нового правительства.

На втором заседании Сейма, 1 марта, председатель Закавказского комиссариата Е. П. Гегечкори сделал доклад о ходе переговоров о заключении мира с Турцией.

«Сейчас перед нами стоит вопрос, как спасти если не всю Россию, то по крайней мере ее часть, ибо мы только часть России. Если нам на территории нашего края удастся отвести и парализовать направленный удар, то Закавказский Сейм выполнит свой долг. Позвольте мне остановить ваше внимание на том, что было сделано в этом отношении нами. 17 ноября мы получили от Командующего Турецкой армией письмо с предложением перемирия. Исходя из общей политической обстановки в России, мы предложение приняли. Комиссариат предполагал, что во время перемирия соберется Всероссийское учредительное собрание, которое и выработает условия мира. Соглашение по всем пунктам было достигнуто, и договор о перемирии был подписан 5 декабря, причем установлены демаркационные линии. 15 января было получено новое предложение о заключении мира. Наш Комиссариат, обменявшийся мнениями с представителями Краевого центра, национальных центров и Главнокомандующим, постановил начать предварительные переговоры о мире. Определение же условий мира принадлежит Закавказскому Сейму. Закавказский комиссариат местом встречи назначил Трапезунд, куда скоро выедет наша делегация. Поэтому выработка условий мира — вопрос срочный, медлить нельзя».⁵

Сейм признал вопрос срочным и выбрал специальную комиссию, которой поручил выработать «основные положения» по вопро-

⁴ За два года, Тифlis, 1917, стр. 217—218.

⁵ Там же.

су о мире. От имени этой комиссии, в тот же день, председатель комиссии Н. Рамишвили представил Сейму обширный доклад, который заканчивался так:

«Если, идя на почетный мир с Турцией, мы встретим непреодолимое препятствие с ее стороны, если Турция не пойдет нам навстречу, то все закавказские народности без различия партий и положений найдут в себе достаточно силы, чтобы общими усилиями отстоять интересы Закавказья и общие цели. Во всяком случае закавказские народности, идя на почетный мир с Турцией, сумеют защитить свои собственные интересы». ⁶

«Основные положения» для переговоров были приняты единогласно; они состояли из трех пунктов.

«1. Закавказский сейм при создавшихся условиях считает себя правомочным заключить мир с Турцией.

2. В основание заключенного мирного договора должно лечь восстановление государственных границ России с Турцией, существовавших к моменту объявления войны в 1914 году.

3. Делегация добивается права на самоопределение для Восточной Анатолии, в частности автономии Турецкой Армении в рамках турецкой государственности». ^{6а}

2 марта, согласно постановлению Сейма, председатель Сейма Чхеидзе и председатель Закавказского комиссариата довели до сведения всех свой протест против Брест-Литовского договора, заявив, что Сейм «считает всякий договор, касающийся Закавказья и его границ, заключенный без его ведома, лишенным международного значения и обязательной для себя силы. При этом доводится до общего сведения, что Закавказским Сеймом уже выбрана мирная делегация, которая готова выехать в Трапезунд для окончательного заключения мира с Турцией». ⁷

10 марта Главнокомандующий русскими армиями на Кавказе генерал Лебединский получил радиотелеграмму от Вехиба-паши с требованием «согласно Брест-Литовскому договору, в кратчайший срок выполнить эвакуацию Батума, Карса и Ардагана». ⁸

В тот же день была получена от него же радиотелеграмма с заявлением «о возобновлении наступления».

По поводу этих телеграмм 11 марта было созвано экстренное заседание Сейма, на котором председатель Чхеидзе заявил, что получена телеграмма от Командующего турецкой армией Вехиба-паши, что поэтому сочли необходимым от имени президиума созвать экстренно Сейм, так как этот вопрос является чрезвычайно важным и спешным.

Е. П. Гегечкори (председатель Комиссариата) сказал:

«Наша делегация прибыла в Трапезунд 8 марта вечером. О своем прибытии делегация немедленно... сообщила по телефону в Константинополь. Но ответа из Константинополя до сих пор нет... Председатель нашей делегации дал и вторую телеграмму, где говорилось: «мы ожидаем три дня турецкую делегацию. Полагаете ли,

⁶ Документы и материалы, № 45, Тифлис, 1919.

^{6а} Там же, № 46.

⁷ Там же, № 48.

⁸ Там же, № 49.

что можно ждать, или выехать обратно, если делегация не прибудет и завтра?

Получена была также телеграмма и от генерала Одишиелидзе, что Вехиб-паша передал ему, что турецкая мирная делегация уже выехала в Трапезунд из Константиноополя. Вместе с тем он считал своим долгом сообщить Сейму, что турки усиливают свои позиции, перебрасывая свои части с европейского театра военных действий, что, если Сейму угодно будет, то более подробно об этом будет сделано сообщение Главнокомандующим, который присутствует здесь... Турецкому правительству совершенно ясно, что Закавказье ведет себя как совершенно самостоятельная единица. Турецкое правительство... знает, что с момента октябрьского переворота в Петербурге мы стали совершенно определенно не только в оппозицию к большевистскому правительству, но и заявили, что это правительство мы признавать не станем... Нужно удивляться что турецкое правительство, которое само неоднократно подчеркивало нашу независимость относительно России, сейчас как бы старается связать нас условиями мирного договора, который был заключен в Брест-Литовске. В телеграмме от 10 февраля от того же Вехиб-паша было сказано, что турецкая делегация выезжает для разработки предварительных условий для мирного договора и для признания Закавказского правительства. При таком отношении со стороны Турецкого правительства, которое как бы авансировало нам эту независимость, предложение эвакуировать Карс, Батум и Ардаган нам представляется недостаточно логически сконструированным.

Закавказский комиссариат ставит вопрос перед Сеймом о том, считать ли предложение об эвакуации названных областей фактически перерывом мирных переговоров или это объясняется просто недоразумением. Со своей стороны я думаю, что нами должны быть приняты все меры к тому, чтобы... прекратить ту ужасную бойню, которая в течение четырех лет поглощает массу человеческих жертв и огромные материальные силы. В этом отношении все средства должны быть исчерпаемы. Но вместе с тем... мы должны поставить население в известность относительно того положения, которое мы сейчас переживаем. Наш долг сказать населению, перед какой опасностью оно стоит». ⁹

Генерал Лебединский (главнокомандующий):

«Могу сказать, что отношение турок к нам за последние два дня изменилось. Наши войска оставили огромные запасы вооружения и продовольствия. По предложению турок была образована комиссия, которая должна была приставить охрану, чтобы постепенно увозить все имеющиеся там запасы. По полученным теперь сведениям, выходит, что турки не пускают наших представителей. Кроме того, нам сообщают, что появляются из Европейской России части 42 дивизии. Появилось много фелюг с боевыми запасами». ¹⁰

Н. Жордания:

«Вы все знаете, как мы стремились и стремимся к миру, что вообще демократия не заинтересована в ведении этой братоубийственной войны, и она с самого начала задалась целью эту войну более или менее безболезненно ликвидировать. Но нужно вам ска-

⁹ Стенографический отчет заседания Сейма, Тифлис, стр. 89.

¹⁰ Там же, стр. 93.

зать, что для демократии не всякий мир приемлем. Мы не большевики, чтобы на словах осчастливить народ, а на деле его предать. Мы не толстовцы, чтобы не противиться злу. Нет, когда есть опасность для демократии, будет ли она внутренняя или внешняя, все равно, мы должны бороться за эту демократию. Отрезать от Закавказья те области, которые хотят взять, что значит нанести смертельную рану всему Закавказью в культурном, экономическом и политическом отношениях.

Батум для нас — это то же, что Петроград для России и Смирна для Турции. Это единственный выход в Черное море, и благодаря этому Закавказье получило возможность развиваться в экономическом и культурном отношениях и вообще уподобиться европейским странам. Если возьмете Батум, то Баку останется изолированным, и его промышленность захахнет. Если вы отрежете Батум, то весь край останется без порта, особенно западная Грузия... С другой стороны, у нас есть и политические соображения: мы совершили великую революцию не затем, чтобы из одного рабства попасть в другое.

Мы думаем, что ту свободу, которую мы завоевали, и те реформы, которые мы должны провести в жизнь, должны провести самостоятельно, без чьего-либо давления извне. Если мы подчинимся внешнему влиянию, если нам будут диктовать турецкие властелины, то мы должны будем проститься с революцией и свободой.

Закавказская демократия, которая заинтересована прежде всего в решении аграрного вопроса, не сможет его решить, благодаря турецкому нашествию, а вы знаете, что в Турции аграрный вопрос стоит в иной плоскости, чем у нас. У нас оборона границы есть оборона революции. Когда народ в этом убедится и увидит опасность, он возьмет в свои руки оружие. Мы желаем сохранить старые границы и в пределах этих границ стоим, безусловно, за то, чтобы каждый народ свою судьбу сам определял и свой будущий строй каждый сам себе изготовил. Если же Турция потребует от нас аннексии, то по тому же праву и мы можем потребовать от нее аннексии. Если она может сказать нам, чтобы по религиозным соображениям Аджарская и Карсская области соединились с Турцией, то мы можем сказать, что по тем же соображениям Армения должна присоединиться к нам. Но мы этого не говорим, мы говорим, что народы Турции и Закавказья в своих старых границах должны сами себя определить, и мы думаем, что когда будут у нас восстановлены старые границы без влияния извне, при той свободе, которая у нас существует, каждая народность, каждая область получит у нас полнейшую возможность выявить свою политическую и экономическую волю и стать кузнецом своей судьбы... Значит, оборона границы у нас обозначает оборону не только экономическую и политическую, но и оборону национальных свобод. Но мы, конечно, домогаемся, чтобы Турция заключила с нами почетный мир. Но, если мы умеем мириться, то нужно сказать, что сумеем отстоять свое право на существование и не унизимся до того, чтобы подписать позорный мир и нанести нашей стране смертельный удар».

Шахатуни (Армянская партия) указал:

«Недавно Закавказский Сейм принял платформу демократического мира. Все пункты этой платформы были без оговорок при-

ниты нашей партией. Стремясь к заключению демократического мира и к созданию нормальных отношений между двумя народами, все народности Кавказа, а в том числе и армянский народ, дает свое полное согласие на ведение мирных переговоров. Мы стоим на точке зрения условий, выставленных Закавказским Сеймом для ведения мирных переговоров, и готовы понести новые лишения, новые потери, если это потребуется для осуществления платформы демократического мира».

Фатали-хан-Хойский (Азербайджанская партия Мусават) сказал:

«От имени группы беспартийных и партии Мусават имею честь заявить следующее: об условиях мира Сейм уже имеет свое постановление. Мы имеем также точные сведения о том, что турецкие делегаты уже выехали из Константинополя, даже прибыли в Трапезунд. При таких условиях занять какое-либо угрожающее положение, на наш взгляд, является до некоторой степени международной нетактичностью и может поставить наших делегатов в неловкое положение. Поэтому мы считаем, что сейчас об этом нам говорить не приходится. Что же касается поведения турецкого правительства, то в нем мы усматриваем некоторую логическую последовательность. Турецкое правительство неоднократно рассматривало нас как самостоятельную единицу и оно настойчиво нам навязывало, если можно так выражаться, эту идею. Турецкое правительство предлагало Закавказскому правительству послать своих делегатов на мирную конференцию в Брест-Литовск для ведения самостоятельных переговоров. Закавказское правительство тогда не сочло возможным это сделать. Турецкое правительство неоднократно обращалось к Закавказскому правительству, подчеркивая его независимость. На это мы определенного ответа не давали. Поэтому, когда сейчас турецкое правительство, рассматривая нас как часть Российской республики, и обращаясь к нам как к части Российской республики, предлагает нам выполнить те условия мира, которые заключены Российской Республикой, то в этом нельзя не усмотреть известной логической последовательности. Сейчас переговоры с Турцией переходят в такую фазу, когда этот вопрос будет поставлен в более категорической форме. Поэтому нам казалось бы более целесообразным на ближайшем заседании Сейма еще раз поставить этот вопрос на обсуждение, а нашей мирной делегации предоставить возможность узнать их условия и сообщить нам, и тогда мы обсудим дальнейший наш образ действий».

И. Лордкипанидзе (социалист-революционер):

«По поручению своей фракции я заявляю, что все наши силы, все наши средства, способности и жизни в распоряжении демократии. Сейм должен в первую очередь расклешить речь Н. Н. Жорданя. Сейм должен довести до сведения народов, что на первой очереди стоит вопрос о земельной реформе. Мы имеем право требовать, чтобы вы (обращаясь к фракции Мусават) сказали нашему правительству: организуйте силы и пусть все знают, что, если будет борьба, то мы будем все вместе».

О. Семенов (член партии К. Д.):

«Турки... предлагают нам известные условия мира, но в то же самое время они пополняют свои войска в Трапезунде... Должны ли мы говорить, что согласны на всякие условия? Нет, мы должны

сказать,, как говорил Жордания, что мы не согласимся на всякие условия... и окажем упорное противодействие, которого не встретили они со стороны большевиков».

Е. П. Гегечкори:

«Хан-Хойский называет постановку вопроса, в то время, когда над народами нависает опасность, международной бесактностью. Но было бы величайшим преступлением перед Закавказским краем и народом, если бы я этот вопрос не поставил бы так, как я его понимаю. Член Сейма Хан-Хойский говорил, что Закавказский комиссариат своевременно не согласился на предложение Турции объявить себя самостоятельным правительством, но член правительства Фатали-хан-Хойский забыл, что комиссариат еще не упразднен, забыл, что при той политической конъюнктуре, которая была готова разнести все и вся, он был согласен, что другого выхода быть и не могло. Прежде всего он должен был возвысить свой голос против желания навязать нам Брест-Литовский договор, который был выработан без нас. Мы никому не угрожаем и не такой теперь момент. Мы говорим, что никто не смеет отрицать за нами право, т. е. право умереть с честью, когда это надо, когда над нами заносится меч.

Итак, мирная делегация наша должна работать по тем директивам, которые были ей даны. Мы же, со своей стороны, будем принимать все меры к тому, чтобы обезопасить честь и достоинство всего Закавказского края. Это наша обязанность, и мы должны ее выполнить. Мы говорим, что, если Сейм, находит нужным одобрить то, что мы делаем, то этот путь мы должны и будем продолжать. Если же Правительство не удовлетворяет желания Сейма, то такое Правительство не имеет права существовать ни одной минуты».

Фатали-хан-Хойский:

«Те страстные реплики, которые здесь изволил сейчас подать Гегечкори, едва ли имели основания. Я говорил лишь, что пока не время обсуждать тот случай, когда Турция не согласится принять наших условий. Сейчас политическая конъюнктура такова, что перед нами всталла дилемма — дать на вопрос о независимости категорический ответ». ¹¹

12 марта, после взаимных визитов, начались мирные переговоры в Трапезунде. Закавказская делегация запросила письменно турецкую делегацию, означает ли требование Вехиб-паши об эвакуации Карса, Батума и Ардагана отказ от ведения дальнейших переговоров. Председатель турецкой делегации устно ответил, что о требовании Вехиб-паши ему ничего неизвестно.

14 марта открылась конференция официально. На 3-м заседании председатель турецкой делегации Рауф-бей заявил:

«Закавказский Комиссариат в телеграмме от 23 января сообщал о необходимости согласовать свои действия с поведением и актами других, составляющих территориальное единство Российской республики, автономных правительств; он воздержался от посылки своих представителей на Брестскую конференцию и считает себя не независимым государством, а членом Российской Федеративной Республики. На основании этих соображений Оттоманская делега-

¹¹ Там же, стр. 93- 106.

ция заявление Закавказской делегации о недействительности Брестского договора в части, касающейся Кавказа, считает для себя не- приемлемым.¹²

Закавказская делегация, повторив свой протест против Брестского договора, предложила турецкой делегации условия Закавказского Сейма. Оттоманская делегация протестовала самым энергичным образом против 4 пункта условия (о «самоопределении») и заявила, что для продолжения переговоров необходим отказ от каких бы то ни было прав на Батумский, Ардаганский и Карсский санджаки. После этой декларации был объявлен перерыв до получения дальнейших директив от соответствующих правительств. В тот же день часть Закавказской делегации выехала в Тифлис для доклада Сейму. По прибытии членов делегации было созвано заседание президиума Закавказского сейма, Закавказского правительства и представителей фракций. Заседание выслушало доклады членов мирной делегации, командированных делегацией из Трапезунда для сообщения Сейму и правительству о ходе мирных переговоров и для получения дополнительных директив. Первое слово было предоставлено Р. Качазнуни.

Р. И. Качазнуни (член мирной делегации):

«При обсуждении положения Закавказья турки настоятельно добивались разъяснения, что из себя представляет Закавказье, какая форма правления установлена и какие границы признает Закавказское правительство. Турки считают, что в момент заключения Брест-Литовского договора Закавказье еще не было самостоятельным суверенным государством, что не были выполнены до сего времени условия, которые требуются международным правом, поэтому данная конференция не есть мирная конференция. Так как Оттоманское правительство выразило лишь желание познакомиться с новым положением Закавказья и заключить добрососедские торговые и иные договоры, нисколько не желая вести мирные переговоры, которые уже закончены по отношению к Закавказью в Брест-Литовске, так как тезисы, преподанные Сеймом мирной делегации, не были приняты турецкой делегацией, а требования наши об автономии турецкой Армении турки считают недопустимыми, и так как Турция, считаясь с образованием на ее границе нового государства, предполагает данную конференцию считать предварительными переговорами, мирная делегация и решила командировать нескольких своих членов в Тифлис для доклада Правительству и Сейму о ходе переговоров и для получения дополнительных инструкций».

И. Гайдар (член делегации):

«Прибывшие члены делегации не имеют общей директивы для своих докладов. Прошу для полного освещения положения огласить протокол официальных заседаний конференции».

Предложение было принято, и секретарь прочитал протокол 5-го заседания мирной конференции.

Г. Ласхишвили (член делегации):

«Все попытки Закавказской делегации сдвинуть турок с позиции Брест-Литовского договора были тщетны, но, думаю, все же есть возможность продолжать переговоры... Сейму необходимо устано-

¹² Документы и материалы, № 54, 1919, стр. 138.

вить максимум и минимум, в пределах которых мирная делегация могла свободна действовать, так как дальнейшие переговоры могут продолжаться только при наличии более гибких директив».

Тигранов:

«Какие были разговоры по вопросу о создании и укреплении Закавказского государства? В чем содействие Турции могло бы быть выражено в этом направлении?».

Р. И. Качазнуни (Армения), говорит, что по вопросу об автономии Армении А. И. Чхенкели поднимал несколько раз вопрос, но каждый раз получал чисто формальный ответ, что это дело Турции. Батуми и Карс они хотят иметь, чтобы при изменившихся обстоятельствах можно было бы легче защищать свои права.

И. Гайдар заявляет, что, опираясь на Брест-Литовский договор, Турция и не думает об отказе от Батума, Карса и Ардагана, тем более, что возвращение отторгнутых в прошлые времена областей вызвало энтузиазм народа и армии.

И. Г. Церетели (социал-демократ):

«Позиция Сейма — сохранение целостности и независимости Закавказья. Изменить эту позицию нельзя, так же, как нельзя обрывать мирные переговоры. Нужно только придать эластичность директивам мирной делегации. Нужно изменить положение председателя и предоставить ему более широкие полномочия, чтобы он чувствовал себя полномочным в решении важных вопросов, а остальные члены делегации являлись бы советниками. Лицо, которое ведет переговоры, должно иметь право делать те или иные шаги на свой страх и под свою ответственность».

И. Гайдар соглашается с Церетели и указывает, что иногда необходимо председателю иметь особые права; отсутствие их при истекших переговорах ослабляло наши позиции.

Н. С. Чхеидзе (председатель):

«Из изложенных сообщений видно, что турки хотят перенести вопрос в сторону объявления независимости в границах Брест-Литовского договора и после этого вести дальнейшие переговоры».

Х. Каражян:

«При объявлении независимости Закавказья надо указать территорию. Если таковая будет указана в старых границах, то тогда Закавказская республика сразу же вступает в спор с Турцией за спорные области — Батумскую, Карскую и Ардаганскую. Если объявление независимости последует в границах Брест-Литовского договора, то тогда независимости фактически не будет. Поэтому вопрос о независимости нужно решать во время самих переговоров, путем соглашения с турками и только мирным договором должны быть решены все вопросы о территории и независимости. Закавказье не требует аннексии Армении, но может, заботясь о положении родственного народа, указывать на права самоопределения народов».

О. Семенов (член партии К. Д.):

«Если Турция признает нашу декларацию независимости, а противные державы нет, то на общей мирной конференции Закавказье не будет признано независимым государством, и вот почему нужны гарантии Турции и ее союзников, которые и должны дать на настоящих мирных переговорах исчерпывающие ответы».

А. Кантемир:

«Не имея ни снарядов, ни вооружения, мы войны вести не можем. Предлагаю согласиться с основами Брест-Литовского договора и отдать Турции Батум, Карс и Аргадан. Объявление же независимости должно произойти тогда, когда это укажут внутренние побуждения страны».

Мехтиев от имени мусульманской фракции заявляет, что если не будет объявлена независимость, то его фракция отказывается от поддержки мирных переговоров. Вообще же переговоры должны вести не члены Сейма, а суверенное правительство, через своего министра иностранных дел с чрезвычайными полномочиями.

Наконец, Н. Жордания предлагает следующую резолюцию:

«Выслушав доклад делегатов, объединенное заседание президиума Сейма, стоя на почве решения Сейма по вопросу об условиях мира с Турцией и желая достичь почетного мира, приемлемого для Закавказского правительства и Турции, решает облечь председателя мирной делегации чрезвычайными полномочиями самостоятельно делать в этом направлении необходимые шаги». ¹³

Резолюция была принята единогласно.

Закавказская делегация, основываясь на новых полномочиях, данных ей Сеймом, нашла возможным изменение некоторых пунктов условий мира, даже в территориальном пункте, но турецкая делегация этим не удовлетворилась и настаивала, чтобы отправным пунктом для ведения мирных переговоров был принят Брест-Литовский договор.

Требование турок принять отправным пунктом для ведения мирных переговоров Брест-Литовский договор вызвало долгие споры в делегации Сейма.

Вот некоторые выписки из этих споров.

Р. И. Качазунин:

«Я все больше и больше убеждаюсь, что при настоящих условиях наиболее целесообразным явились бы наши действия в направлении Брест-Литовского договора. Если же Турция фактически и займет Батумскую и Карскую области, то у нас остается еще резерв на будущее время в виде права на самоопределение этих областей».

А. И. Хатисов:

«Я думаю, что настал момент, когда надо нам признать Брест-Литовский договор. Две такие значительные партии, как Дашиакцутюн и Мусават, высказываются за него».

Вопрос был перенесен на второе заседание, на котором А. Чхенели заявил:

«У нас на прошлом заседании все высказались за признание Брест-Литовского договора. Я тоже прихожу к этой мысли, что стать на точку зрения договора необходимо».

Р. И. Качазунин:

«Предлагаю ответить турецкой делегации сегодня же, что мы готовы продолжать наши переговоры, приняв за базу Брест-Литовский договор». ¹⁴

¹³ Там же, стр. 139—146.

¹⁴ Там же, стр. 105—106.

Таким образом, Закавказская делегация была вынуждена согласиться на это и уведомила турецкую делегацию нотой 10 апреля 1918 г., что она «принимает Брест-Литовский договор и готова вести дальнейшие переговоры, основываясь на нем». ¹⁵

8 апреля председатель Закавказского комиссариата послал А. Чхенкели следующую телеграмму:

«Турецкие войска вторглись в пределы Закавказья. Ведение переговоров при подобных действиях, создавая двойственное положение, является совершенно недопустимым и парализующим в полной мере значение мирных переговоров. Прошу сделать заявление Турецкому правительству, что дальнейшее передвижение турецких войск должно быть немедленно приостановлено, в противном случае настанет момент, когда мы вынуждены будем считать, что мирные переговоры не удалось, и довести об этом до сведения населения Закавказья». ¹⁶

На эту телеграмму последовал следующий ответ А. Чхенкели: «Турки наступают с целью вооруженной силой заполучить спорные области, чего они не скрывают. Мои беседы с Рауф-бесем в этом меня убеждают. Мое мнение следующее: отступление от нашего отрицательного отношения к Брест-Литовскому договору невозможно и бесполезно. Сейм должен ребром поставить себе вопрос: может ли он силой оружия отстоять Батум, Ардаган и Карс? Если не может, то какова его максимальная уступка? Время не терпит. Жду ответа с нетерпением. Обсуждение этой телеграммы не должно подлежать преждевременной огласке». ¹⁷

На декларацию Закавказской делегации о признании Брестского договора за основу для продолжения переговоров председатель Оттоманской делегации дал 13 апреля следующий ответ:

«Оттомансское правительство осведомилось о декларации Закавказской делегации от 10 апреля. Однако для возможности привлечения его союзников к переговорам о договоре дружбы, который оно готово обсудить, необходимо прежде всего, чтобы Закавказье декларировало свою независимость». ¹⁸

За день раньше этого ответа, 12 апреля, Батумский комендант получил от начальника турецких войск следующий ультиматум:

«Имею честь довести до Вашего сведения нижеследующие предложения:

1. Батумский санджак с городом Батуми, а также форты, окружающие Батуми со всеми военными припасами должны быть возможно скорее заняты нами.

2. На основании этого предлагаю Вашим войскам до четырех часов после полудня, 13 апреля, покинуть укрепления. Если вы примете это предложение, то войска мои до полного выхода Ваших войск из города не войдут в него и останутся на фронтах. Командующий турецкими войсками Кавказского фронта позволяет Вашим войскам сохранить оружие.

3. Ожидаю ответа на мое дружеское предложение. В случае же непринятия его предупреждаю, что будут сделаны все необхо-

¹⁵ Там же, № 77.

¹⁶ Там же, № 158.

¹⁷ Там же, № 73.

¹⁸ Там же, стр. 6.

димые приготовления для штурма, результатом которого будут разрушение, пролитие крови и плен защитников.

4. Завтра, 13 апреля, до полудня жду Вашего ответа. Начиная с 4 часов пополудни позволяю себе свободу действия». ¹⁹

По получении этого ультиматума было созвано экстренное заседание Закавказского Сейма. Первое слово было предоставлено председателю правительства Е. Гегечкори, который ознакомил подробно членов Сейма в хронологическом порядке, что происходило с мирными переговорами за последнее время. Прочитав ультиматум турецкого командования о сдаче Батума, он добавил:

«Правительство обсуждало создавшееся положение и имеет честь доложить Сейму следующее: по вопросу о войне и мире оно заявило вам, что позорного мира оно не предложит вашему вниманию, и от этой точки зрения правительство, находясь в полном убеждении, что оно соответствует чести и достоинству Закавказья и его интересам, не хочет и не может отступить.

Мы прекрасно понимаем, что наше положение весьма и весьма тяжелое. Правительство думает, что не погас дух свободы закавказской демократии и, если мы слабы, то не так слабы, чтобы можно было сделать нас рабами. Поэтому мы думаем, что признание Брест-Литовского договора означало бы, что Закавказье как независимая республика перестает существовать и становится провинцией Турецкой империи. Я полагаю, что правительство, которое является правомочным представителем закавказской демократии, — это правительство на такой позор пойти не может. Я должен сказать, что правительство приложит все усилия для того, чтобы дать должный отпор этому насильственному домогательству.

Это та основа, та база, на которой стоит и будет стоять правительство до тех пор, пока оно будет пользоваться вашим доверием... К этому нас обязывает наш долг перед революцией, наш долг перед краем, и этот долг мы исполним».

И. Г. Церетели:

«По поручению социал-демократической фракции, именем народных масс, облекших нас доверием, имею честь сделать следующее заявление, турецкий имперализм предъявил закавказской демократии ультиматум признать Брест-Литовский договор. Такого договора мы не знаем. Мы знаем, что в Брест-Литовске был продиктован смертный приговор революционной России, и этого смертного приговора для нашей Родины мы не подпишем. Мы сделали все, что было возможно для мирного разрешения этого спора. Неслыханные жертвы были предложены нами во имя мирного решения этого вопроса, но Турция своим ультиматумом поставила перед нами вопрос жизни и смерти. Она домогается того, чтобы закрыть все пути к развитию, все пути к свету. Она домогается того, чтобы задушить закавказскую демократию. И вот наступает момент, когда оружием мы должны отстоять право свободного развития и существования народов Закавказья. Бывают войны, когда перед народом ставится вопрос о его существовании, о его свободном развитии, о его достоинстве. Тогда народ не может взвешивать сил, а должен бросить все силы, чтобы отстаивать свое существование, свою жизнь, свое достоинство... И вот перед нами стоит вопрос

¹⁹ Там же.

сумеем ли мы защитить в настоящих условиях страну? Мы знаем, что самая сознательная часть закавказской демократии уже стоит там на фронте и что туда тянутся все новые и новые силы. Но враг единственную свою надежду возлагает на наше внутреннее разложение, анархию и дезорганизованность. Если мы сумеем противопоставить ему единый фронт, если демократия сумеет вовремя организовать те силы, которыми мы располагаем, и бросить их на фронт, то мы сможем отстоять страну. В этой борьбе мы должны помнить одно: все внутренние разногласия в среде демократии и народов, населяющих Закавказье, должны отойти на второй план.

От имени социал-демократической фракции я заявляю, что мы поддержим правительство в его борьбе с внешней опасностью всеми силами, которыми располагаем. Партии совершили бы величайшее преступление, если бы обнаружили колебания перед лицом неприятеля, посягающего на существование народов и на их свободу. Мы будем бороться до последней капли крови, и мы сможем одержать верх в том случае, если не будет предательских ударов в тылу. Но как бы ни повернулось дело, мы принимаем эту войну, не нами начатую, а навязанную нам Турцией, и будем бороться до тех пор, пока не отстоим свободу и демократию».

Арутюнян:

«Мы уверены, что Турция не остановится на тех условиях, которые она предъявляет на основании Брест-Литовского договора. Она пойдет и дальше. Она уверена в поддержке известных элементов, населяющих Кавказ. Опираясь на эти элементы, имея впереди себя дезорганизованные части, она думает достичь Баку и разрешить раз и навсегда вопрос, как она его понимает. Нет никаких гарантий к тому, что Турция после принятия нами Брест-Литовского договора остановится и не будет разрушать нашу страну. Сейчас армяне поставлены в такое положение, что для них не может быть никакого сомнения, как они должны относиться к требованиям Турции. Я уполномочен фракцией Дашнакцутюн заявить, что мы и все те массы, которые подали свой голос за нас, даже больше, весь армянский народ, убеждены, что для него нет другого выхода, как взять оружие и идти на фронт защищать свою землю. Я заверяю, что мы все будем поддерживать те мероприятия, которые будут приниматься Закавказским правительством для обороны страны. Если придется нам быть побежденными и если придется умереть, то мы, армяне, умрем с оружием в руках».

И. Лордкипанидзе:

«От имени фракции социалистов-революционеров заявляю, что наша фракция всеми своими силами поддержит правительство в его борьбе против неприятеля».

Рустамбеков (Мусават):

«Для закавказской демократии наступает тот критический час, когда, может быть, решится ее политическое существование. В этот момент важнее всего единодушие и единство всех народов. По вопросу о войне и мире все предложения Закавказского Сейма и правительства принимались единодушно всеми фракциями. Последняя уступка, которая была сделана, также была принята единодушно. Надо надеяться, что и в дальнейшем мы будем единодушны. Наступил момент, когда мирные переговоры не привели к ликвидации этой войны и мы поставлены в необходимость решать этот

вопрос силой оружия. Руководящие партии высказались определенно за необходимость вести эту войну. В этом вопросе положение мусульманской демократии является исключительным: во-первых, ввиду неотбывания ею до сих пор воинской повинности и, во-вторых, вследствие той религиозной связи ее с Турцией, которая не позволяет ей принять активное участие в боевых действиях против Турции. Представителем меньшевиков г. Церетели было указано, что в этой войне мы можем победить только при полном единстве и солидарности. Мы сомневаемся, что можно будет достичь этого единства, если наступят боевые действия. Если мы его достигнем, то это будет большое счастье. Кроме того, наличие анархии служит, по нашему мнению, большим тормозом к успешному ведению войны. Как я заявил раньше, принять активное участие в этой войне мы не можем и потому активная ответственность не падает на нас. Партия Мусават и группа беспартийных считает своим долгом сделать следующее заявление: «Не беря на себя ответственности за продолжение войны с Турцией, и считая ее чреватой тяжкими последствиями для всей закавказской демократии при создавшихся условиях внутренней жизни края, фракции Мусават, группа беспартийных и партия мусульманства в России «Ихтихат» (Единение), имея в виду, что вопрос о продолжении войны разрешен руководящими партиями в положительном смысле, заявляют, что со своей стороны всеми доступными средствами окажут возможное содействие другим народам Закавказья в этой тяжелой задаче и примут все меры к благоприятной ликвидации войны». Мы надеемся, что наша демократия будет солидарна с нами в этой революции. Мы верим, что государственный инстинкт подскажет ей на чьей стороне быть и где ее интересы будут более прочно защищаться».

Джугели (начальник Грузинской народной гвардии):

«Бывают в жизни больших и малых народов такие тяжелые моменты, от исхода которых зависит вся дальнейшая судьба этих народов. Именно такой тягчайший, такой ответственный момент наступил в жизни закавказской демократии. И когда некоторые ораторы в этом вопросе исключают отдельные народности Закавказья, то этих ораторов я совсем не понимаю. Если какие-нибудь народы резко и сильно должны противодействовать вторжению турецких войск в пределы Закавказья, то наиболее сильным, энергичным и активным должен являться этот протест со стороны азербайджанского народа, населяющего земли свободного Закавказья. Когда здесь осмеливаются говорить от имени азербайджанской демократии, когда здесь заявляют о своем нейтралитете, о своем невмешательстве, то мы смело должны сказать, что эти ораторы являются не истинными представителями азербайджанской демократии. И когда эти круги теперь умывают свои руки, хотя знают, что умывают их нашей кровью, то хорошо знают, что этим оказывают активную поддержку турецкому вторжению. Наше положение таково, что о невмешательстве и о нейтралитете не может быть и речи, так как нейтралитет означает поддержку Турции. Нам не следует поддаваться пессимизму. Я знаю, что в конце концов революционный народ выйдет победителем».

Н. Жордания:

«Необходимо приступить к делу, т. е. организовать ту победу,

во имя которой мы сегодня здесь сидим и будем завтра работать. Поэтому я предлагаю принять ряд практических решений. Самый основной — это вопрос о делегации. Надо сказать, что мирные переговоры не удались, значит, мы отзываем делегацию. По этому вопросу я предлагаю следующее:

«Ввиду того, что мирное соглашение о границах Закавказья между Турцией и Закавказьем не достигнуто, закавказской делегации предлагается немедленно выехать обратно в Тифлис».

Это значит, что мы вступаем официально на военную арену. т. е. Закавказье ведет войну с Турцией. Поэтому я думаю, что Сейм должен объявить страну на военном положении.

Необходимо создать боеспособную коллегию, которая будет вести войну и будет облечена чрезвычайными полномочиями по ведению войны. Я думаю, что такими лицами должны быть: председатель правительства, он же военный министр, министр внутренних дел и министр финансов. Из этих лиц создать одну коллегию и ей предоставить чрезвычайные полномочия. Я полагаю, что этой коллегии надо дать право ввести в коллегию тех лиц, которых она признает желательным»²⁰.

Предложение было принято всеми делегатами.

После этого Сейм принимает «Обращение ко всем народам Закавказья»:

«Граждане Закавказья! Пробил час, когда решается судьба нашей общей родины. Вы знаете, какие требования предъявило нам турецкое правительство.

От нас требовали признания Брест-Литовского договора, заключенного без ведома народов Закавказья, договора, которого в настоящее время в России не признает никто, кому дорога свобода и честь родной страны. От нас требовали отдачи нашей лучшей крепости Карса и нашего лучшего порта — Батуми. От нас требовали очищения трех областей — Карской, Ардаганской и Батумской.

Мы сделали все, чтобы мирным путем, путем переговоров, побудить турецкое правительство отказаться от этих притязаний. Стремясь к сохранению мира, мы согласились на великие жертвы и уступки. Но все наши усилия добиться мирного разрешения спора разбились об упорство Турции.

Турция настаивает на своих первоначальных требованиях и во имя этой цели наступают турецкие войска. Остановить их мы можем лишь силою оружия.

Перед нами встал вопрос: продолжать ли переговоры с Турцией, в то время как ее войска идут вглубь нашей страны, или прервать переговоры и оружию доверить защиту свободы Закавказья?

С начала наших мирных переговоров с Турцией мы говорили: народы Кавказа жаждут мира, но не согласятся купить мир ценой рабства и позора. Теперь нам надо выбирать: позорный мир и рабство или война?

В сознании великой нашей ответственности перед родиной и перед грядущими поколениями, мы сделали выбор без колебания: позорного мира мы не подписали. Мирные переговоры с Турцией прерваны, отныне спор решается силою оружия на полях сраже-

²⁰ Там же, стр. 106—184.

ния. И в этот час мы обращаемся к вам, так как от вас, от вашего мужества, от вашей готовности к лишениям и жертвам, зависит будущее ваше и ваших детей.

Граждане! Для того ли вы вместе со всей Россией свергли царизм, чтобы стать порабощенной провинцией Турции?

Крестьяне! Для того ли революция дала вам землю, чтобы завоеватель посадил на эту землю новых помещиков?

Рабочие! Для того ли вы подняли знамя революции, чтобы его втоптала в грязь нога победителя?

Позор и рабство или война — другого выбора нет перед нами. Пусть же перед лицом грозной опасности, надвинувшейся на все народы нашей страны, смолкнут все споры, стихнет вражда и рознь, раздирающая до сих пор наши ряды!

Петля вечного рабства накинута на шею всех народов нашего края. Пусть же наступление врага разобьется о твердую нашу решимость до конца защищать нашу землю, обагренную кровью стольких поколений!

Все к оружию! Все на фронт! Все на защиту свободы и родины!»²¹.

В то же время Закавказский Центральный Комитет социал-демократической партии обратился к демократии России со следующим воззванием:

«Товарищи рабочие, крестьяне и солдаты России! От лица демократии Закавказья, в час смертельной опасности, надвинувшейся на наш край, мы обращаемся к вам.

Турция, основываясь на Брест-Литовском договоре, предъявила нам требование, сводившееся к порабощению Закавказья. Мы не могли согласиться на эти требования, так как согласие на них привело бы к отторжению всего Кавказа от России и было бы предательством революции. Турция решила добиться исполнения своих требований силой оружия и двинула против нас свои полки. Великая опасность грозит Закавказью, и в этот час вы должны прийти к нам на помощь.

Мы дрались вместе с вами на баррикадах. Мы с вами боролись с царизмом, вместе томились в тюрьмах, на каторге, в ссылке. Общая радость была у нас в дни торжества революции, общая скорбь в дни ее поражений, общие надежды светили нам впереди. И теперь наши отряды, преграждающие путь войскам турецким, защищая свободу Закавказья, защищают вместе с тем знамя Российской революции. Наше поражение будет ударом для всей России.

Мы исполним свой долг до конца. Но силы наши могут иссякнуть. Вы богаче нас людьми, оружием, хлебом. Мы ждем поддержки и помощи от вас.

Откликнитесь на наш призыв, рабочие, крестьяне и солдаты России, и сообща мы защитим от врагов наше красное знамя Великой российской революции и свободы!

Социал-демократическая фракция Сейма. Областной Комитет социал-демократической рабочей партии»²².

На это обращение российская демократия уже не смогла отозваться, а оставшиеся в Тифлисе распропагандированные части

²¹ Гелешвили. Красная книга, Тифлис, 1919, стр. 148 - 150.

²² Документы и материалы, Тифлис, 1919, стр. 151 - 152.

Русской армии вместо помощи устраивали митинги, на которых выносили резолюции с требованием:

«Предоставить возможность всем тем, которые не желают добровольно нести службу в войсках Закавказья, свободно выехать на родину, обеспечив их средствами передвижения и продуктами питания»²³.

К несчастью, наши военные силы оказались недостаточными, чтобы сдерживать натиск турецких войск, и 2 апреля турецкое командование могло сообщить своему правительству:

«Батум перешел в наши руки. Неприятель упорно защищал свои крайние форты. 2 апреля вечером мы с большой настойчивостью атаковали южные форты крепости. Некоторые форты оказывали упорное сопротивление. Самый город был занят без сопротивления»²⁴.

Наступил момент, когда надо было найти какой-нибудь выход из заколдованного огненного круга, который все больше и больше суживался.

Еще раньше для продолжения переговоров Турция потребовала выяснения южного положения Закавказья. Она уже не хотела говорить с составной частью России. В связи с этим и возник вопрос о независимости Закавказья. Закавказская демократия ухватилась за эту единственную на своем пути возможность. Для обсуждения этого вопроса 22 апреля был создан Закавказский Сейм, который постановил провозгласить Закавказье независимой демократической федеративной республикой.

«Выслушав доклад мирной делегации, Сейм предлагает правительству возобновить мирные переговоры и принять меры к скорейшему заключению мира. Одновременно Сейм предлагает правительству принять энергичные меры для организации обороны страны»²⁵.

Сейм заслушал и заявление председателя Комисариата Е. Гечкори:

«Ввиду того, что вопрос о мире вызвал среди членов правительства большие разногласия, правительство находит нужным подать в отставку».

Заявление было принято, и составление правительства было поручено А. И. Чхенкeli.

На второй день новый председатель правительства известил все державы о провозглашении независимости Закавказья и предложил турецкому командованию приостановить военные действия, на что оно согласилось.

Постановление Сейма о независимости Закавказья было рассмотрено на заседании Краевого центра советов рабочих и крестьянских депутатов, который единогласно принял следующую резолюцию:

«Краевой центр, обсудив вопрос о независимости Закавказья и приняв во внимание обстоятельства, сопровождающие ход войны и мирных переговоров с Турцией, постановил: «Объявление независимости Закавказья, совершенное правомочным правительством всего

²³ Там же, № 95.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, № 100.

Закавказского населения — Сеймом, признать как исторически необходимый акт и единственный выход из создавшегося военного и политического положения всей страны, поставленной в необходимости отстаивать самостоятельное существование как от надвигающегося империализма с юга, так и все разрушающего анархизма с севера. При этом Краевой центр призывает всю закавказскую демократию путем создания боеспособной армии стать на страже действительной независимости Закавказья и торжества революции»²⁶.

26 апреля правительство, в которое вошли представители всех народов и всех партий, предстало перед Сеймом, на котором председатель кабинета А. Чхенели прочел подробную декларацию, по поводу которой первым высказался представитель партии Мусават М. Ресул-заде.

«Мы всецело заявляем свою готовность оказать содействие правительству в исполнении всех пунктов, изложенных в декларации. Если в декларации не говорится о Северном Кавказе, то нам думается, что здесь руководствуются чисто формальными соображениями, так как до сих пор мы не имеем официально выраженной воли этих народов. Надеемся, что правительство примет в этом направлении надлежащие шаги. Всецело поддерживая декларацию, мы заявляем еще раз с этой трибуны свою готовность поддержать его (правительство)...».

И. Г. Церетели (социал-демократ):

«От имени социал-демократической фракции я заявляю, что политика, намеченная в декларации, найдет полную поддержку в рядах этой фракции. В тяжелых условиях пришлось народам Закавказья провозгласить свою независимость, и решающую роль в этом сыграла одна внешняя сила, толкающая закавказскую демократию на путь объявления независимости. Эта внешняя сила — большевизм, на наших глазах в течение многих месяцев терзающий тело революционной России. Многое преступлений совершено этой властью на глазах у всех и всей закавказской демократии. Мы знаем о тех ударах, которые непосредственно закавказской демократии пришлось испытать от большевиков. Но я не об этих отдельных преступлениях (которые начались с октябрьских событий и повторяются на каждом шагу по сей день) хотел говорить. Есть одно преступление большевиков, которое навсегда оттолкнуло от него закавказскую демократию. Оно заключается в том, что там, в революционной России, большевистской властью нанесен смертельный удар государственному организму нации.. В этот трагический момент, когда совершилось это великое преступление, нам, закавказской демократии, пришлось отгородиться от большевистской власти... Мы, представители социал-демократической фракции, избранные грузинским, армянским, мусульманским и русским закавказским населением, шли на общую работу с революционной Россией... Но ни на один момент не допускали мы такого положения, чтобы для служения России мы должны были перешагнуть через труп народов, избравших нас, и из рядов которых мы вышли... В рядах социал-демократической фракции были разногласия о времени и об условиях, при которых следует объявить независимость, но в одном наша фракция была и осталась единой — при той альтернативе, ко-

²⁶ Там же.

торую поставила нам судьба — убить жизнь своего народа или избрать самостоятельное существование для Закавказья — в этом вопросе не было, нет и не будет разногласия в рядах социал-демократической фракции...

Когда там, в Трапезунде, велись переговоры о заключении мира с Турцией, когда там другая внешняя сила диктовала нам свои условия, и когда нам приходилось, взвешивая свои силы, искать союзников для того, чтобы отвоевать себе достойное и свободное существование, когда мы пытались в борьбе с одной внешней силой опереться на другую силу и когда мы поставили вопрос о помочи народам Закавказья в деле отстаивания своего существования, то эта внешняя сила — большевизм — продиктовала нам свои условия, при которых она могла бы оказать помощь нам в борьбе с Турцией. Эти условия сводились к тому, чтобы мы здесь, в Закавказье, повторили то, что они сделали там, в России, чтобы мы здесь, в Закавказье, сначала разрушили внутреннюю жизнь и внутренние силы демократии, зажгли ту братоубийственную гражданскую войну, которая истребила бы лучшие силы народов Закавказья и превратила их в беззащитную массу, которая сделалась бы впоследствии добычей и жертвой того внешнего завоевателя, который первый пришел бы к этим развалинам. То, что сделали они там, в революционной России, эти шаги диктовались нам здесь, в революционном Закавказье. Когда так стал вопрос перед нами, мы знали, что выбора нет. С таким союзником, который может помочь нам лишь в том случае, если мы занесем руку убийцы над народами, вверившими нам свою судьбу, с таким союзником нам не по пути; мы должны, для того, чтобы спасти себя, отмежеваться от этого союзника. Когда возникал большевизм в России, когда там поднималась смертельная рука над жизнью государства, мы всеми силами, какими располагали, боролись с большевизмом, ибо мы знали, что удар, нанесенный русской нации и русскому государству, есть удар для всей демократии.

Мы боролись там с убийцами государства и убийцами нации, и с тем же самоотвержением будем здесь бороться с убийцами нации. Вот наша позиция, и мы думаем, что правительство должно чрезвычайно серьезно отнести к этому оружию, направленному против нас людьми, потерявшими голову, погубившими демократию в одном месте и пытающихся погубить и здесь. Правительство должно с сугубой осторожностью в этот, в последний решающий час, с особой осторожностью обращать внимание на это страшное оружие, грозящее существованию народов Закавказья, и вместе с тем, граждане, мы не должны забывать, что, с другой стороны, на независимость Закавказья будет вестись атака со стороны наступающего турецкого имперализма. Если правительство, сосредоточив все свое внимание в одну сторону, забудет опасность с другой стороны, то фронт независимого Закавказья будет прорван. Первое страшное поражение демократия понесла в тот момент, когда в Брест-Литовске был подписан мир, отдающий всю российскую демократию под пяту империализма. Это было общее поражение революционной России, и позор, обрушенный большевизмом на Россию, был обращен на все ее части. Мы пытались независимо от большевистской России своими силами отстоять то, что составляло достояние народов Закавказья. Мы пытались с оружием в руках отстоять пре-

делы старого Закавказья, те границы, которые были у нас до войны, и мы должны открыто признать, что при этом столкновении закавказская демократия понесла поражение. Ультиматум о признании Брест-Литовского договора диктовался нам с двух сторон: со стороны большевистской России и со стороны наступающей Турции. И в этот момент, когда мы должны были после поражения признать параграфы Брест-Литовского договора, для нас вопросом жизни и смерти стало отделение от большевистской России, чтобы в оставшихся пределах, как самостоятельная государственная единица, мы противостояли лицом к лицу с теми, с кем ведутся переговоры. Мы знаем, что если исчезнут внутри те силы, на которые до настоящего момента опиралась демократия, если будет разрушено единство народа Закавказья, то мы будем растоптаны.

Поддерживая наше правительство, мы должны напомнить ему, что самым лучшим аргументом нашей независимости явится существование единого фронта демократии, мощных политических организаций, существование военной силы, на которую может опереться демократическое правительство Закавказья и, с помощью которой, оно должно отстоять нашу свободу».

Карчикян (Дашнакцутюн):

«От имени фракции Дашнакцутюн заявляю, что наша фракция будет поддерживать ту политическую программу, которая была здесь изложена в декларации правительства. По главному вопросу об укреплении независимости единой Закавказской республики нам думается, что перед правительством предстоят задачи чрезвычайной трудности. Есть ли в данный момент опасение в объявлении независимости? Нет той уверенности, которую следовало бы проявить в этот торжественный момент. Этот факт отрицать не следует. И вот перед новым правительством стоит вопрос — внушить эту уверенность, дать понять закавказской демократии, что это благо само по себе есть и путь к спасению Закавказья, т. к. если не будет этой уверенности, если будут колебания, то я скажу от имени нашей фракции, что ни одно правительство и никакие силы не могут упрочить эту независимость. Другой чрезвычайно тяжелой задачей, стоящей перед правительством, является заключение мира. В этом отношении задача, стоящая перед правительством, очень тяжела и очень трудна, и ему придется преодолеть ее. По этим главным вопросам наша фракция окажет правительству всякое содействие»²⁷.

23 апреля председатель нового правительства послал Вехиб-паше следующую телеграмму:

«Имею честь довести до Вашего сведения, что Закавказское правительство принимает Брест-Литовский договор и готово немедленно командировать свою делегацию для возобновления переговоров. Местом переговоров желательно выбрать город Батум»²⁸.

28 апреля Вехиб-паша ответил председателю правительства А. Чхенкели, что:

«Правительство Оттоманской империи признало независимость Закавказья и довело это до сведения своих союзников. Оттоманская мирная делегация выедет на днях из Константинополя.

²⁷ Там же, стр. 108.

²⁸ Там же, № 224.

Правительство не возражает местом для мирных переговоров назначить город Батум».

5 мая в Батуме открылось заседание мирной конференции. Но эта вторая встреча с турецкой делегацией проходила в более тяжелых условиях для Закавказья, чем первая. При первых переговорах Батум и Карская крепость были в руках Закавказского комиссариата, в его распоряжении было много военного снаряжения, достаточно провинта и воля всех народов Закавказья единодушно держалась на почве единения и солидарности. Если Закавказская делегация при первой встрече, на первом же заседании заявила, что не признает Брест-Литовского договора, то теперь, при второй встрече, переговоры начались на почве признания этого же самого договора. Но очень скоро в процессе переговоров обнаружилось очень существенное расхождение между сторонами. Закавказская делегация считала Брест-Литовский договор единственной базой для ведения переговоров, а Оттоманская делегация заявила, что она Брест-Литовский договор не считает единственной базой и оставляет за собой право предъявить новые требования.

Во время переговоров совершенно неожиданно прибыла в Батум германская миссия во главе с генералом фон Лоссовым. Ознакомившись с ходом переговоров, фон Лоссов прислал председателю закавказской делегации А. Чхенкели следующее письмо:

«Батумские переговоры не подвигаются вперед. Так как в наших интересах достигнуть, как можно скорее результата, то я имею честь предложить Вам, г. министр, мои добрые услуги в качестве посредника. Я прошу Вас не отказать мне в любезности сообщить об этом официально»²⁹.

В тот же день закавказская делегация в полном составе обсудила предложение фон Лоссова и сообщила ему, что она с «удовлетворением принимает предложение».

Создалось очень тяжелое положение. С одной стороны, турецкие войска, с другой стороны, угроза советских комиссаров и вдобавок — германская миссия со своими интересами — война против Англии. Между интересами этих трех сил лежала малая беззащитная страна, которой приходилось искать выхода из положения путем привлечения одного из них на свою сторону. При создавшемся положении из этих трех сил более доступной было правительство Германии. Германия могла быть заинтересована Закавказьем экономически, но политически она могла быть менее опасной, тем более, что это была тогда не гитлеровская Германия, а императорская, которая считалась с международными структурами. Поэтому ответственные руководители закавказской политики решили с помощью Германии попытаться избежать оккупации всего Закавказья турецкими войсками. Конечно, не было безусловной уверенности в том, что эта надежда оправдается, но люди, ответственные за судьбу своего народа, обязаны были сделать все возможное для его спасения.

Однако практически вмешательство германской миссии еще больше усилило трудности переговоров. Видя безрезультатность своего посредничества, фон Лоссов отказался от своей миссии, о чем уведомил письменно закавказскую делегацию.

²⁹ Там же, № 147.

25 мая германская миссия уехала из Батума в Поти, а Турция предъявила закавказской делегации ultimatum сообщить ей в течение 72-х часов, принимает ли правительство оттоманские предложения или нет.

Ультиматум сейчас же был передан в Тифлис правительству. Турецкий ультиматум создал очень тяжелое положение. Основная задача правительства была покончить с войной и заключить мир. Для этого вновь понадобилась война. В этой последней войне мусульмане не приняли участия. Нелояльные акты имели место и во время мирных переговоров в Батуме, где рядом с официальной делегацией появились и другие «делегации», которые противопоставляли себя официальной делегации и открыто звали турецкие войска оккупировать все Закавказье. Все это создавало невозможные условия для отстаивания независимости Закавказья. Если раньше грузинская демократия с таким рвением защищала и отстаивала единство Закавказья, то теперь она была вынуждена сообщить Сейму, что ему больше ничего не остается, как разойтись.

Для рассмотрения ультиматума 26 мая было созвано экстренное заседание Сейма. Заседание носило прямо траурный характер. После сообщения правительства первое слово было предоставлено И. Г. Церетели. Церетели, который месяц тому назад с таким воодушевлением призывал закавказскую демократию к сохранению единого фронта, оказался вынужденным с той же трибуны, заявить, что такого фронта нет и при данных условиях уже быть не может.

Он сказал:

«Сообщение правительства нарисовало перед нами картину нынешнего положения Закавказья. Оно показало нам, что переговоры в Батуме вступили в такую стадию, когда требуется со стороны народов Закавказья решительный политический шаг.

Это сообщение показало нам, что там, в Батуме, нашло свое отражение истинное положение вещей в среде народов Закавказья.

Социал-демократическая фракция, от лица которой я имею честь выступать, всегда являлась носительницей единства народов Закавказья. Это было идеалом, во имя которого велась вся работа социал-демократической фракции... Мы заявляем теперь, что в этот решающий момент, когда внешний враг... уже вторгся на терриго-рию Закавказья... среди закавказских народов нет единства воли и действия...

Когда мы встали перед таким фактом, социал-демократическая партия официально заявила перед лицом народов Закавказья о настоящем положении и сделать соответствующий вывод. Мы постарались найти ту почву, которая дала бы возможность различным народам Закавказья сплотиться и объединить свои усилия и ограждать совместно общие интересы народов Закавказья. Была попытка на почве независимости Закавказья создать государственное целое, способное объединить все народы Закавказья в борьбе с внешним врагом и с внутренними затруднениями.

События, развившиеся после провозглашения независимости Закавказья, показали нам, однако, что эти надежды, эти ожидания демократии Закавказья не оправдались...

Мы всегда говорили грузинскому народу, что его спасение в единении с другими народами, что единое Закавказье лучшее спасение и грузинского народа, так же, как армянского и мусульмач-

ского. Мы... прилагали все усилия к этому, но в данный момент, когда остальные части населения от него оторвались, мы обязаны здесь перед лицом всех народов Закавказья сказать грузинскому народу: ты в данный момент один, ты предоставлен своим силам, у тебя нет государственной организации, и как ни тяжелы условия твоего существования, как ни тяжела потеря этих союзников, знай, что ты предоставлен своим силам и твое положение ухудшается еще тем, что ты живешь иллюзиями, будто есть единое Закавказье, будто есть единый государственный организм. Но знай, если хочешь отстаивать свои интересы, спаси себя, то ты должен создать свой государственный организм и свое официальное представительство».

Рустамбеков (Мусават):

«Не могу не приветствовать решение грузинского народа жить своей самостоятельной жизнью. Теперь не время критиковать друг друга. Но не должно быть неправильных обвинений, особенно в такой решительный момент».

О. Семенов (член партии К.-Д):

«Провозглашение независимости Грузии — это логическое последствие отделения Закавказья от России. Нельзя осуждать грузинский народ, что он констатирует создавшееся положение. Меня, как представителя кадетской партии, интересует дальнейшая ориентация грузинского народа, так как очевидно, что своими собственными усилиями он не сможет обеспечить независимость новой республики, и, с другой стороны, вопрос о размежевании интересов республики с другими народами Закавказья».

Хачатурян (Дашнакцутюн):

«После стремления сочетать интересы всех народов Закавказья мы стоим перед действительностью, показывающей невозможность этого. Моя партия не может возражать против борьбы кого бы то ни было за спасение своего существования».

Рустамбеков (Мусават), выступая вторично, заявляет, что приведенные факты не свидетельствуют о желании всей мусульманской массы присоединиться к Турции. Он выражает пожелание, чтобы между грузинским народом и азербайджанцами сохранились прежние отношения дружбы.

Мелик-Асланов (независимый социалист) утверждает, что ни о каком заговоре со стороны партии Мусават против Закавказской республики речи нет, и выражает надежду на восстановление единства народов Закавказья.

Березов (социалист-революционер):

«В объявлении независимости Закавказья мы видели обман или самообман. Если борьба за независимость Грузии должна быть делом всей демократии, то какими методами вы думаете обеспечить ее успех? Провозглашение независимости Грузии есть движение по наклонной плоскости и отказ от дальнейшей борьбы. Между тем борьба не прекращается. Единственное спасение завоеваний революции в Закавказье не в провозглашении независимости, а в создании общереволюционного фронта, тем более, что в России назрел или назревает перелом настроения и во главе военных сил стал генерал Брусилов».

Г. Ласхишвили (социал-федералист) заявляет, что его партия всегда смотрела на Сейм как на временное учреждение, и вера в

возможность заключить мир через Сейм разрушена. Приветствует решение грузинского народа и выражает надежду, что Грузия найдет ближайшие пути к объединению всех народов Закавказья.

Гобечия (социал-революционер):

«Надежды на воссоздание общероссийского революционного фронта не оправдались. В результате ударов изнутри и извне разрушен и ближайший к нам центр, фронт закавказской демократии. Государственный союз Закавказья фактически распался. По мере приближения к границам Закавказья турецких войск тяга мусульманства в сторону Турции увеличилась. Мы уверены, что рано или поздно мусульманская демократия поймет всю гибельность для своих же интересов подобной ориентации».

Указав на то, что от генерала Брусилова спасения ждать не приходится, он заканчивает свою речь уверенностью, что с течением времени все народы России придут к объединению в одном свободном союзе.

Магарамов (социалистический блок) в теплых словах приветствует образование грузинской республики, после того, как не удалось образовать единое Закавказье. Надеется, что в будущем грузины и мусульмане будут жить в согласии.

Газава (национал-демократ) указывает на ряд ошибок, допущенных социал-демократами, которые всегда были централистами, и удовлетворен, что сейчас они встали на правильный путь государственного строительства на национальной основе.

И. Г. Церетели:

«Социал-демократическая фракция взяла на себя инициативу поставить этот вопрос здесь, в Сейме. Неся ответственность за эту инициативу, она должна полнее осветить свою точку зрения, чтобы рассеять те недоразумения, которые с этой трибуны посеяли представители других фракций или национальных партий...»

Разрушение единства Закавказья рассматривается нами не только как удар грузинскому народу, а всему делу демократии. Но было бы еще хуже, если бы кого-нибудь держали в заблуждении. Нельзя говорить об единстве Закавказья, когда его нет на самом деле. Раз его нет, то об этом надо сказать, и против этого не должен никто спорить.

Член Сейма Березов обратился с рядом запросов к социал-демократической фракции и, в частности, ко мне. Он спрашивает, какой будет дальний шаг Грузии? Тот же вопрос по существу поставил и Семенов. Он сказал: «Вот независимая Грузия. С этим мы согласны. Но куда она будет склоняться?» Постановка этого вопроса вполне уместна, и я должен ответить Березову прежде всего, что в Грузии дело национальной независимости, дело демократии во всяком случае не должно делаться большевистскими спонсорами. Мы, деятели российской революции, должны помогать этому, вновь образующемуся государству, где у власти стоит демократия, где демократия защищает общее дело, давать советы и передать наш политический опыт.

Мы должны указать еще, что для России, для такого огромного государства, быть может, смертельный не будет этот исход. Но страшный удар нанесен делу русской нации, делу русского государства и делу социализма в России тем, что этим путем пошел мощный государственный колосс, а если этим путем пойдет неокреп-

шая, государственно маленькая Грузия, то от нее останется лишь одно воспоминание. В создавшихся условиях демократия не должна забывать, что в данную минуту на ней лежит долг сохранения нации, и мы совершили бы величайшее преступление, если бы откнули эти обязательства.

Гражданин Гвазава обвинял нас в страшном преступлении, то есть в вечном тяготении к централизму. Была Россия, мы были сторонниками российского центра, разрушилась Россия — осталось Закавказье, мы стояли за этот центр, разрушился этот центр, и мы теперь хватаемся за грузинскую национальность. Да, социал-демократия хваталась за те якоря, которые могли спасти народ. Великое дело грузинского народа, величайшее национальное дело сделала именно грузинская социал-демократия. И это она сделала тем, что возвращала чувство солидарности грузинского народа с другими народами. Это — лучшая наша опора, граждане. Дело грузинского народа мы защищали и будем защищать не так, как нечто противоположное делу других народов, особенно соседних, а как общее дело всех народов. Так понимали мы национальное дело, и такое понимание делает, может быть, этот маленький народ, могущественнее многих колоссов».

После окончания прений Сейм большинством голосов против двух принял следующее постановление:

«Ввиду того, что по вопросу о войне и мире обнаружились коренные расхождения между народами, создавшими Закавказскую независимую республику, и поэтому невозможно выступление одной авторитетной власти, говорящей от имени Закавказья, Сейм констатирует факт распада Закавказья»³⁰.

В тот же день председатель Сейма Чхеидзе довел об этом до сведения иностранных держав.

Новые обстоятельства, возникшие с объявлением Грузией независимости, ставили армян в тяжелое положение. Армянский Национальный Совет заседал днем и ночью, но разногласия среди делегатов были столь существенны, что прийти к единому решению не удавалось. Тогда, как всегда в критические моменты, дашнакская партия руководство нацией взяла в свои руки. В день падения Сейма и объявления независимости Грузии, 26 мая, в Тифлисе состоялось чрезвычайное районное собрание дашнакской партии, которое приняло следующее решение.

«Учитывая, что после роспуска Сейма и провозглашения независимости Грузии армяне оставлены без правительства, на произвол судьбы, собрание решило укрепить состав Национального Совета и

³⁰ Там же.

дать ему полномочия правительства с правом диктатуры во всех областях национальной жизни».

27 мая Азербайджанский Национальный Совет объявил о независимости Азербайджана. 28 мая Армянский Национальный Совет объявил о независимости Армении и послал в Батуми делегацию для заключения мирного договора. В состав делегации входили А. Хатисян, М. Бабаджанян и О. Качазнуни.

29 мая состоялось совместное заседание Западного и Восточного Бюро дашнакской партии, которое назначило О. Качазнуни премьер-министром Армении и выбрало Ереван в качестве столицы Армении. 30 мая в Батуми начались переговоры между армянской и турецкой делегациями, которые завершились 4 июня 1918 года заключением перемирия между Турцией и Армянской Республикой. Это был первый международный документ, подписанный независимой Арменией. Договор состоял из 14 статей. Вторая статья определяла границы между Турцией и Арменией. Здесь оказались результаты блестящих побед, достигнутых под руководством Силикяна, без которых Турция ни в коем случае не признала бы независимость Армении. Более того: отказавшись от своих прежних требований, Турция отдавала Армении Амамлу — Аштарак, увеличивая, таким образом, территорию Армении на 1000 км². Но все равно и новая общая территория страны была ничтожной по сравнению с тем, какой она должна была бы быть по праву — эта маленькая Армения имела 12 000 км² и примерно 1 миллион населения (вместе с беженцами). И при этом на расстоянии всего в 7 километров от ее столицы стояли турецкие пушки, и дула их были направлены на Ереван.

С дрожью в сердце, усталая, разбитая, окровавленная и голодная Армения вступала в новую жизнь. Революционная дашнакская партия становилась правящей партией и должна была не только накормить и защитить народ, но и вести международные дела среди акул дипломатического мира.

Но чтобы закончить изложение предыстории Армянской Республики, нужно еще остановиться на событиях в Баку, которые непосредственно к Армении не относились, но которые значительно повлияли на ее судьбу. В 1917 году в Баку был создан Армянский Национальный Совет — по примеру Национального Совета в Тиф-

ՀԱՄԱՁԱՍՊ

Ամազել

лисе,— в который вошли А. Гюльхандян, Вардан, К. Парунакян (дашнаки), Левон Атарбекян (эсер), Н. Тер-Газарян (социал-демократ) Айк Тер-Микаэлян и С. Тер-Газарян (народники). Председателем был Гюльхандян, заместителем — Атарбекян. Национальные Советы имели также и другие национальности Баку: русские, грузины, мусульмане. Советы эти играли вначале весьма ограниченную роль в управлении своими народами, ибо реальная власть была сосредоточена в руках рабочих советов, где ведущей силой были социал-революционеры.

В январе 1918 года после кровавых цамхорских событий прервалась связь Баку с Тифлисом и Карабахом. Железная дорога Баку — Гандзак находилась в руках турок. По этой дороге армяне уезжать не могли — их выгоняли из вагонов и прямо на месте убивали. По этой причине в Баку накапливались тысячи армянских солдат, возвращавшихся с австро-германского фронта. Они ходили без дела по улицам, не зная, куда деваться от возмущения, когда доходили сведения об армяно-турецких кровавых столкновениях в Карабахе, Гандзаке и других районах. Эта взрывоопасная масса людей могла с легкостью стать жертвой большевистской пропаганды или попасть в руки каких-либо иных сил. И Армянский Национальный Совет взялся за их организацию — с целью создания регулярных воинских частей для отправки в будущем на фронт. Дело это было поручено Амазаспу.

Вначале было решено создать подразделение из 1200 солдат. Однако число добровольцев оказалось гораздо больше, и пришлось создавать армейскую единицу из трех подразделений, общей численностью 3000 человек. Называлась она бригадой Амазаспа. Кроме того, Национальный Совет восстановил 2-й запасной полк, командование которым было поручено полковнику С. Егиазаряну. Усилиями Национального Совета полк получил остатки имущества бывшего 279-го русского полка.

Именно в это время Сталин послал телеграмму Шаумяну, что границы Советской России должны охватить Гандзак и Баку, чтобы задержать продвижение турок. В случае поражения большевики должны были скечь нефтепромыслы и удалиться. В той же телеграмме Ста-

лин писал Шаумяну: «Наша политика в отношении Закавказья заключается в том, чтобы убедить немцев, что грузинские, армянские и азербайджанские вопросы для России являются внутренними вопросами, в решении которых немцы не должны участвовать. Именно поэтому мы не признаем независимость Грузии, которую признали немцы».

15 января Армянский и Мусульманский национальные советы Баку начали переговоры о совместных действиях. Однако стороны имели настолько противоположные взгляды и цели, что переговоры ни к чему не привели. Тогда Армянский Национальный Совет принял за организацию самообороны и призвал под ружье всех мужчин до 45-летнего возраста. Армянам в это время еще ничего не угрожало, напряженными были отношения между Бакинским Рабочим Советом и партией мусаватистов. После создания Закавказского Сейма власть в Баку полностью находилась в руках большевиков, в частности — Шаумяна и Джапаридзе. С этим никак не хотели мириться мусаватисты: они требовали, чтобы власть была отнята у пришельцев и передана руководителям местного происхождения. В свою очередь Рабочий Совет обвинял мусаватистов в буржуазных, контрреволюционных и панисламистских целях.

Бомба новой цепи конфликтов взорвалась 17 марта, и, казалось бы, — по незначительному поводу. 120 вооруженных солдат из «Дикой» турецкой дивизии прибыли в Баку на похороны сына известного азербайджанского миллионера Тагиева. После похорон эта группа на корабле возвращалась в Ленкорань. Рабочий Совет обезоружил их — и тут начались кровавые столкновения. Армянский Национальный Совет оставался при этом на нейтральной позиции. Война же между Бакинским Рабочим Советом и мусаватистами шла не на жизнь, а на смерть. Одна из сторон должна была победить — о перемирии и речи не было. Мусаватисты были не просто союзниками турок — они сами были турками. Победа мусаватистов была бы победой турок, и, естественно, что эта победа была нежелательна для всех армянских партий. Тем не менее дашнакская партия, учитывая опасность турецко-армянских отношений, осталась на нейтральных позициях, точнее — не приняла в войне активного участия. А Национальный Совет, не покладая

рук трудился, чтобы помирить стороны. Однако силы Бакинского Рабочего Совета намного превосходили силы мусаватистов, и без особого труда они окружили последних и готовы были их уничтожить. Тогда по решению дашнакской партии Амазасп отобрал 200 самых опытных и дисциплинированных фидаинов, с которыми должен был вклиниваться между силами Советской власти и мусаватистами. Причем им было приказано не отвечать на возможные выстрелы с турецкой стороны. Это задание было выполнено. Группа Амазаспа заняла позицию между враждующими сторонами и за два дня прекратила военные действия. Постепенно стали выходить из укрытий женщины, старики и дети с белыми платками — знаком мира. Азербайджанцы объявили, что они сдаются Советской власти, и благодарили армян за спасение. Во время этих столкновений от случайной пули погиб Л. Атарбекян, который в качестве посредника сновал от одной стороны к другой.

По поводу мартовских событий Армянский Национальный Совет опубликовал подробный отчет, из которого следует, что благодаря его действиям было спасено 11726 азербайджанцев. Бакинские армяне проявили горячую заботу об азербайджанцах и фактически, спасли всю интеллигенцию нации. И «благодарность» за это получили через шесть месяцев. Вот как это произошло.

Национальный Совет решил собрать все армянские военные подразделения в одну армию и подчинить ее единому руководству. С этим предложением Национальный Совет обратился к Ревкому, но получил отказ: после мартовской победы над мусаватистами большевики настолько вошли во вкус насилия, что решили ликвидировать Армянский Национальный Совет и дашнакскую партию. 8 апреля Ревком объявил — в ответ на запрос о создании армянской армии, — что все национальные армии и Армянский Национальный Совет распускаются. Сначала Национальный Совет отказался подчиниться приказу, но вскоре был вынужден пойти на переговоры с Ревкомом. Переговоры состоялись 14 апреля. Завершились они подписанием следующего соглашения.

«1. 2-й армянский полк расформировывается. Часть его переходит в состав бригады Амазаспа, а а часть — под командование красных бригад Бакинского Совета.

2. Бригада Амазаспа разбивается на две части, каждая из которых входит в состав Красной Армии,— под номерами 16 и 17.

3. Командующим 16 и 17 бригадами назначается Амазасп, а его помощником — Серго Манучарян.

4. Бригады Амазаспа должны готовиться к военным действиям в западном направлении (то есть в направлении Гандзак — Ереван)».

Соглашение было подписано С. Шаумяном, М. Горганином, А. Гюлханданяном, Н. Тер-Газаряном и А. Тер-Оганяном.

Таким образом, армянская армия с 14 апреля перешла под командование большевиков. Численность ее составляла 12 000 бойцов, снабженных 50 пушками. В эту армию входили также боевые группы дашнакской партии и эсеров, находившиеся фактически в распоряжении этих партий и только в исключительных случаях использовавшиеся в боях. Боевая группа дашнакской партии состояла из 6000 отборных бойцов под командованием Г. Балаяна.

25 апреля власть в Баку полностью перешла в руки большевиков. В этот день был образован Совет бакинских депутатов трудящихся под председательством С. Шаумяна, все остальные партии и национальные советы объявлялись от дел отстраненными. Несмотря на это, Армянский Национальный Совет оставался авторитетным органом как для всей армянской общины Баку, так и для воинских соединений.

Однако и турки не сидели сложа руки: Нури-паша в Гандзаке организовал знаменитую «Исламскую армию». Его целью был Баку. В начале июня в Гандзак прибыла также турецкая регулярная армия. Азербайджанцы в самом Баку готовились к нападению, и Ревком решил первым начать наступление. 5 июня его войска пошли в наступление и заняли ряд стратегически важных пунктов. Турецко-азербайджанские войска с тяжелыми потерями отступили. На поле боя осталось несколько сот трупов. 25 июня стало известно, что одна из турецких дивизий движется в сторону Гёгчи, а другая — в направлении Евлаха. Бакинское командование решило стремительным нападением на эти дивизии остановить наступление турецких войск. После тяжелых

боев 27—28 июня турки отступили, а 29 июня перешли в контрнаступление. Три дня продолжались кровавые бои, но на этот раз были вынуждены отступить бакинские войска, забирая с собой армянское население Гёгчи. С этого дня инициатива оставалась за турками. 5 июля из Ирана в Баку прибыл полковник Бичерахов со своим полком и тут же был назначен начальником бакинской обороны. Но турецкие войска продолжали успешно наступать. Скоро выяснилось, что Баку придется сдать: Бичерахов оказался предателем и вскоре со своим полком бежал в Россию.

В этом безвыходном положении Шаумян созвал чрезвычайный съезд местных советов и предложил заключить мир с турками. Предложение это было сделано в противовес другой идеи — обратиться в сложившейся ситуации за помощью к англичанам, которые могли бы войти в Баку через Иран. Шаумян и другие большевики уговаривали не делать этого, ибо приход англичан в Баку означал конец их этапа революции. Однако уговорить делегатов им не удалось, и съезд большинством голосов решил обратиться к Англии за помощью.

Это решение было фактически концом Советской власти в Баку, и большевики не торопились его осуществлять. Они тщательно скрывали, что готовятся к бегству. С 28 по 30 июля все, что было возможно, и все, что представляло какую-то ценность, погружалось на корабли. 30 июля на корабли были посажены солдаты Красной Армии и семьи руководителей. Только после этого было созвано чрезвычайное заседание Бакинского совета, на котором Шаумян выступил с клеветнической речью, заявив пораженным депутатам, что вина за все неудачи Бакинского совета ложится на меньшевиков и дашнакскую партию. Затем он объявил, что Исполнительный совет слагает с себя обязанности и удаляется в Астрахань. Это было настоящим предательством и вызвало поэтому бурю возмущения среди остававшихся. В числе бежавших были, кроме Шаумяна, и другие армянские большевики — С. Маркарян, А. Каринян, Г. Горганин, С. Тер-Габриэлян, А. Ованесян и другие.

После их бегства в Баку была создана новая власть, которая назвала себя диктатурой. Диктатуру эту осуществляли эсеры Велунц и Умански, дашнаки Аракелян и Мелик-Елчян и еще три матроса из Каспийского флота.

Первым решением диктатуры было намерение вернуть большевиков-беглецов и вывезенное ими имущество. Эта операция была успешно выполнена: за беглецами были посланы военные корабли, их догнали и вернули. Тут же они были арестованы.

Однако главной заботой диктатуры был фронт, который с каждым часом все более приближался к городу. Основная тяжесть войны ложилась на армян, и в особенности на дашнакскую партию, которая приложила все свои силы для удержания фронта. 30 июля ночью было созвано заседание бакинского комитета дашнакской партии. Оно обсудило создавшееся положение и признало его безвыходным. Даже Ростом, который никогда не терял самообладания, был теперь в отчаянии. Однако во время заседания вдруг открылась дверь, и в зал вошел эсер Микаэл Тер-Погосян. Он шепотом попросил Ростома выйти по очень важному делу. В соседней комнате Тер-Погосян вручил Ростому радиограмму из Ирана. В ней англичане сообщали, что если в течение двух дней Баку продержится, то 5-тысячное английское войско придет на помощь городу: английская армия уже погружается на корабли. Ростом вернулся в зал заседаний полностью преображенным, он как бы воскрес и тут же принялся отдавать распоряжения. Согласия англичан прибыть в Баку добился представитель Национального Совета С. Ааратян, которого совет для этой цели посыпал в Тегеран.

Дашнакская партия объявила специальный призыв и послала на фронт несколько тысяч солдат. На фронт отправились Мурад и Сепух, которые прибыли в Баку с берегов Волги. Началось упорное, героическое сопротивление. Нужно было удержать врага во что бы то ни стало на два дня.

2 августа турки перешли в яростное наступление, но после пяти часов кровопролитных боев они продвинулись вперед всего на 500 метров. На следующий день по всему фронту гремели пушки, и турки предпринимали одно наступление за другим, но бакинцы защищались с фантастической храбростью. Один за другим падали лучшие армянские воины — Мурад, Арам, Исак. Раненых было очень много.

4 августа в Баку прибыл полковник Стокс с несколькими десятками английских солдат и сообщил, что за

ним следуют 5 000 английских солдат. Эта весть воодушевила защитников Баку, и они продолжали сопротивление еще решительнее. Ростом появлялся то на одной позиции, то на другой, воодушевляя людей. Все члены дашиакской партии были на фронте. Защитники Баку уже выбивались из сил, когда одно из подразделений смело прорвалось в тыл противника, и турецкие войска фактически оказались в окружении. После трех часов упорного боя турки смогли выйти из окружения и отступить, оставив на поле боя тысячи трупов, 16 пулеметов и много боеприпасов. С бакинской стороны было убито 14 офицеров и 415 солдат. Был убит помощник Амазаспа Серго, один из самых смелых и талантливых воинов бакинского сражения.

5 августа в Баку вошли англичане. Однако их приход вызвал сильное недовольство среди мусульманского (а частично — также и среди русского) населения и большевиков. В городе стали появляться плакаты «Долой армян!», «Смерть армянам!», «Да здравствуют Турция и Россия!». Мир в Баку продлился всего лишь три недели. Турки ждали подкрепления и готовились к решительно-му наступлению. Бакинцы также начали перестраиваться и готовились к новой обороне. Общим командующим бакинских войск «Диктатура» назначила генерала Докучяна, начальником штаба — генерала Багратуни. Не удалось, однако, добиться координации и общего руководства с англичанами. Они, под командованием генерала Денстервиля, действовали совершенно отдельно. Они заняли правую часть, так называемый «Грязный Вулкан». Денстервиль с самого начала очень пессимистически смотрел на возможность победы, и все чувствовали, что при первой же серьезной опасности он оставит фронт на произвол судьбы и удалится.

29 августа, получив подкрепление, турки начали наступление против англичан. После ожесточенных боев англичане оставили часть своих позиций. 1 сентября турецкие войска снова пошли в наступление, и генерал Денстервиль сообщил «Диктатуре», что положение тяжелое и нужно начать переговоры с турками о перемирии. «Диктатура» единогласно отказалась англичанину и потребовала, чтобы англичане вернулись на фронт. В противном случае «Диктатура» угрожала открыть артиллерийский огонь по английским кораблям. Англичане

вынуждены были уступить, и битва продолжалась. Противник медленными шагами, но продвигался вперед. 13 сентября около 3000 азербайджанцев вместе с турками напали на Суруханский район и до поздней ночи пытались прорвать оборону. На следующий день турки начали наступление по всему фронту и к утру уже стояли на подступах к городу. Кровавый конец приближался. Англичане оставили свои позиции и готовились к бегству. Они сообщили «Диктатуре», что покидают город и предложили ей поднять белый флаг. «Диктатура» умоляла их остаться еще на три дня, чтобы успеть организовать эвакуацию населения, но генерал Денстервиль сказал, что через два часа они отплывают. И действительно, в 8 часов утра английские корабли отплыли в сторону Ирана. Армяне остались одни. «Диктатура» стала готовить делегацию для переговоров с турками. Но народ уже в панике бросился к кораблям и лодкам. Войско также занимало места на кораблях — с боями оно отступало к пристани. Некоторым подразделениям было приказано не отступать, и они сражались до последнего патрона — и были затем вырезаны по прибытии турок.

Утром 15 сентября корабли с войсками и беженцами отплыли от пристани и направились, кто в Иран, кто в Петровск, кто в Красноводск. Последним на пароход взошел Ростом, душа героической бакинской битвы. Мрачный, поникший, отчаявшийся, смотрел он на Баку, где уже началась резня. Азербайджанцы грабили и убивали всех оставшихся в городе армян. Три дня длилось насилие и погромы, в которых участвовали даже руководители азербайджанцев: все они были достойными учениками Энвера и Таалата. Турецкие войска вошли в город вечером 16 сентября. Начались аресты. Армяне были объявлены вне закона.

А теперь можно вернуться в Армению, которая с 28 мая 1918 года стала независимой республикой. Независимость не вызвала бурных восторгов, торжественных речей и парадов. Напротив, для многих неопределенность, которая была связана с этим новым положением, напоминала трагедию. Независимость была на бумаге, а в реальности была территория в 12 000 км², до предела заполненная голодными и окровавленными беженцами. Этот клочок земли еще предстояло сделать независимой

республикой, с этой Голгофы начиная, еще должен был воскреснуть распятый армянский народ. За это, как всегда, в безнадежной ситуации, взялась дашнакская партия. В Тифлисе, где находились армянские руководители, был полный хаос. После провозглашения независимости Грузии армяно-грузинские отношения напряглись до предела. Опьяненные возможностями собственной независимости и немецкого протектората, грузины с непониманием, доходящим порой до ненависти, смотрели на отношение армян к русским. Армян даже упрекали в том, что они якобы «держатся за полы русских». Со своей стороны многие армяне не могли простить грузинам того, что в труднейшей ситуации они оставили их одних и даже заключили договор с турками, что расценивалось как измена. Начали раздаваться голоса против того, что «в пределах суверенного грузинского государства продолжает оставаться правительство другого государства, место которого — в Ереване». И это высказывалось тогда, когда связь с Ереваном была полностью прервана, а в ущельях Лори и Памбак турецкие войска уничтожали армянские деревни. Неспокойно было и в руководстве Национального Совета. Когда премьер-министром Армении был назначен Качазнуни, руководитель партии народников М. Бабаджанян отказался войти в правительство и развернул активную антидашнакскую кампанию, требуя, чтобы дашнакская партия отстранилась от власти и передала управление страной народникам. Однако дашнакской партии никак нельзя было уходить с политической сцены, ибо кроме нее народ не признал бы никого своим руководителем. После неоднократных безуспешных попыток найти общий язык с народниками Качазнуни образовал первое правительство независимой Армении в следующем составе: Качазнуни — премьер-министр, Хатисян — министр иностранных дел, Арам — министр внутренних дел, Карчян — министр финансов, Ахвердян — министр обороны. Последний был беспартийным, все остальные министры были членами дашнакской партии.

Вскоре представитель Германии сообщил армянскому правительству, что 25 июня в Константинополе состоится мирная конференция с участием Германии, Австро-Венгрии, Болгарии, Турции и закавказских республик, где должны быть разрешены все перешедшие проблемы

между Турцией и Кавказом. На эту конференцию была послана армянская делегация в составе: А. Агаронян, А. Хатисян и М. Бабаджанян — тот самый Бабаджанян, который развернул антидашнакскую кампанию и отказался войти в правительство.

Интересно отметить, что члены Национального Совета не спешили переезжать в Ереван, который, конечно, по сравнению с Тифлисом был тогда деревней. Однако дашнакская партия решительно потребовала переезда в Ереван, и правительство покинуло Тифлис. В Диличане армянская конница торжественно встретила свое правительство. 9 июля правительство прибыло в Ереван.

Мы не станем останавливаться на той рутинной деятельности, которую вела партия, выполняя государственную функцию: создавались знамя, герб, законы, милиция, армия, государственные учреждения, внешние связи, деньги. Все это осуществлялось вопреки постоянным спорам, правительственным кризисам и взаимным обидам. Не будь дашнакской партии, которая в самые критические минуты брала все в свои руки, бесконечные споры в парламенте вконец разорили бы еще не вставшую на ноги республику.

А положение в Армении было воистину катастрофическим: 450 тысяч беженцев жили прямо под открытым небом, 40 тысяч из них на ереванских улицах. Десятки тысяч бездомных бродили по стране в поисках куска хлеба. В октябре 1918 года кончились все запасы продовольствия, и в последующие шесть месяцев от голода и болезней умерло 180 тысяч человек. Турки нашли новый способ уничтожения армян: блокадой. Воевать против армян они уже не собирались, понимая, что армяне погибнут от голода. И голод косил армянский народ, в особенности он свирепствовал в Сурмалу и Александрополе. Это страшное состояние длилось до весны 1919 года, когда на помощь пришла американская мука...

И не успел еще народ прийти в себя, как начались распри о «подлинной демократии», то есть требование избрания коалиционного правительства вместо дашнакского. Устав от дебатов, протестов, критики и жалоб оппозиции, Качазунц попросил отставки. Дашнакская партия согласилась на коалиционное правительство. Но и эта уступка не имела успеха. Социал-демократы потребовали, чтобы им в правительстве было дано два

портфеля, причем обязательно — либо пост министра иностранных дел, либо министра внутренних дел. Эсеры для себя ничего не требовали, но настаивали на том, чтобы пост министра иностранных дел не был отдан народникам, а пост министра внутренних дел — социал-демократам. Общую коалицию создать не удалось, и единственным выходом из положения было сотрудничество дашнакской партии с народниками. Они же потребовали посты министров иностранных дел, финансов, юстиции и образования, а также — чтобы министр обороны был беспартийным. В политической линии правительства народники настаивали на том, чтобы территориальные споры и притязания были отложены до выборов правительства. По всем этим вопросам дашнакская партия уступила, не согласившись лишь отдать пост министра иностранных дел, который оставила за собой.

Наконец новое правительство было образовано. В него вошли: премьер-министр — Качазунц (дашнак), министр иностранных дел — С. Тигранян (дашнак), его помощник — Г. Мелик-Карагэян (народник), министр внутренних дел — Арам (дашнак), министр обороны — А. Ахвердян (беспартийный), министр юстиции — С. Арутюнян (народник), министр образования — М. Атарбекян (народник), министр социального обеспечения — Х. Карчикян (дашнак). С новым правительством народ связывал свои надежды и встретил его восторженно.

Восторги, однако, длились недолго. Не выдержав адских условий, в которых жил Ереван, министры от народной партии начали бежать из Армении. Через две недели после образования правительства от своего министерского поста отказался М. Атарбекян. Еще через неделю выехал из Армении и больше не вернулся министр по вопросам снабжения Л. Гулян. Кроме того, новое правительство постигла большая потеря — был убит, прямо в своем кабинете, Х. Карчикян. В срочном порядке пришлось назначать новых министров.

К этому времени резко изменилось положение на фронтах. Победа союзников уже не вызывала сомнений, и 5 октября Халил-паша в Ереване сообщил правительству Армении, что ему приказано оставить район Лори—Памбак. Правительство Армении в свою очередь приказала Дро, войска которого стояли в Дилижане, занять

позиции, оставляемые турками. Политическая ситуация в мире к этому времени также сильно изменилась: Болгария как побежденная страна выходила из войны, Австро-Венгрия стояла на пороге распада, США вступили в войну и предрешили победу союзников.

17 ноября в Баку вошли английские войска под командованием генерала Томсона. Вскоре должна была начаться мирная конференция, на которую армяне спешили послать делегацию для представления своих требований. Армянский Национальный Совет на серии закрытых заседаний обсудил политическую линию армянской делегации. В частности, подробно был рассмотрен вопрос границ Армении, по которому имелось несколько мнений. Премьер-министр Качазунц был готов претендовать на немногое в этом вопросе, соглашаясь даже не иметь выхода к морю. Народники С. Арутюнян и М. Бабаджанян настаивали на территории Армении «от моря и до моря» — с выходами в Трапезунде и Александрополе. Среди дашнаков также были сторонники идеи «от моря и до моря», но большинство все же ограничивалось требованием выхода к Черному морю. Обсуждался также вопрос мандата, в котором эсеры и социал-демократы первенство отдавали России. Однако Армянский Национальный Совет в этом вопросе отдал первенство США, затем следовала Англия, затем — Франция, и только в последнюю очередь — Россия. На третьем заседании Совета была избрана делегация на конференцию в следующем составе: А. Агаронян (председатель), М. Бабаджанян и А. Оганджанян.

К этому времени турецкие войска стали отступать к границам, определенным Брест-Литовским договором, и армяне занимали оставляемые ими территории. 18 ноября армянская армия вошла в Каракилис и взяла в свои руки управление областью. Ужасная картина открылась глазам армянских солдат: 98 процентов населения было ограблено до последней пуговицы. Турки увезли с собой все — телеги, лопаты, оглобли, постели и даже керосиновые лампы. Трупы валялись прямо на улицах. Солдаты обнаружили 400 трупов у колодца, 500 трупов в ущелье, тысячи — в различных местах. Полотно железной дороги было исковеркано.

22 ноября турки оставили Александрополь, и там было обнаружено то же самое: было увезено все,

что только можно было увезти, и разрушено все, чего нельзя было забрать с собой.

В эти тяжелые для армянской нации дни возник еще и армяно-грузинский конфликт, который отнял много времени и энергии и сыграл определенную роль в судьбе обоих народов. Перед тем как объявить независимость своей республики, Грузия полностью признала право Армении на Ахалкалак и Лори, о чем неоднократно Грузия заявляла публично. Однако после того как турецкие войска оставили Лори, Грузия потребовала, чтобы Лори и Ахалкалак были переданы ей. Церетели это требование обосновывал стратегическими соображениями, а Жордания доказывал, что грузины имеют экономические и исторические права на эти районы. Еще в начале июня 1918 года председатель Грузинского Национального Совета Жордания и премьер-министр Грузии Рамишвили посетили Армянской Национальный Совет и предложили Агароняну, Качазунину и Хатисяну разделить Борчалу по национальному признаку. Об Ахалкалаке в этот момент не было речи, поскольку он был занят турецкими войсками. Однако, когда начались переговоры, Церетели заявил, что в состав Грузии должны войти Ахалкалак, Казах и Борчалу, а также Памбакский район Александровского округа. Церетели объяснил, что включение этих районов в состав Грузии должно быть осуществлено, исходя из интересов грузинского народа, и что по стратегическим соображениям Грузия не может жить без Лори и Памбака. Но, с другой стороны, доказывал Церетели, включение этих территорий в Грузию соответствует также и интересам армянского народа, так как таким образом в Закавказье создастся мощное христианское государство, которое под покровительством Германии защитит также и армян.

Заявление это явилось полной неожиданностью для армянской делегации: оно шло вразрез с предыдущими заявлениями по этому поводу и отличалось совершенно новой, странной логикой. Возмущенный Карчикян заявил, что предложение Церетели означает программу разделения Армении между Азербайджаном и Грузией, и что эта программа не соответствует тем заверениям, которые были даны армянам со стороны Жордания и Рамишвили. На что Церетели предложил еще раз поду-

мать. Время «обдумывания» затянулось. Армения и Грузия обменивались письмами и официальными нотами, но конфликт уладить не удалось.

20 октября командир бронепоезда, стоявшего в Санаине, Гогуадзе получил приказ военного министра — потребовать, чтобы армянские войска немедленно покинули Лори и всю территорию, включая Шагали, сдали грузинам. В тот же день Гогуадзе вручил командиру армянских пограничных войск следующую телеграмму: «На основе приказа военного министра Грузинской республики за номером 672 предлагаю Вам в течение 24 часов сообщить: вашему правительству, что вы должны удалиться с занимаемых вами позиций по ту сторону от станции Шагалу. Ожидаю вашего ответа до 14 часов 22-го октября». Армянское правительство ответило, что на место конфликта выедет военная делегация.

Но уже 22 октября военный министр Георгадзе приказал, чтобы без разрешения грузинского правительства из Армении никого не впускали в Грузию. Грузины явно хотели угрозой применения оружия заставить армян выполнить их условия. Они были уверены, что в случае вооруженного конфликта вмешаются немцы и заставят армян принять грузинские условия. И действительно, пока Георгадзе готовился к войне, военный представитель Германии фон Крес пытался уговорить армянского представителя Джамаляна принять грузинские условия и без кровопролития освободить «грузинские» земли. На вопрос Джамаляна, вмешается ли Германия в конфликт в случае вооруженного столкновения, фон Крес ответил утвердительно, заявив, что Германия, как военный союзник Грузии, обязана защитить ее в тех границах, которые укажет сама Грузия.

Что в этих условиях могли предпринять армяне? Грузинский ультиматум был получен в Ереване 21 октября. Он вызвал всеобщее возмущение. На экстренном заседании правительства было решено не подчиняться требованию военного министра Грузии, а в случае военного нападения оказать сопротивление. Это была война.

23 октября по приказу генерала Цулукидзе бронепоезд Гогуадзе открыл огонь по селу Шних. Начались первые бои армянских и грузинских пограничных войск. Последнюю попытку помирить стороны предпринял английский капитан Грин, который в это время находился в

Каракилисе. Он предложил созвать армяно-грузинское совещание с его посредничеством. Армяне немедленно согласились и тут же составили свою делегацию под председательством М. Арутюняна. Однако грузины отказались от переговоров и потребовали, чтобы армяне ушли из Лори и Ахалкалака. Следует отметить, что в этих районах не проживало ни одного грузина. Поэтому С. Мдивани просил армянское правительство уговорить армян, проживающих в Лори и Ахалкалаке, признать над собой грузинское управление. Все эти условия были для армян совершенно неприемлемыми, и война началась.

13 декабря 1918 года правительство Армении приказало генералу Дро очистить Лори от грузинских войск. В первую же ночь полковник Тер-Никогосян со своим подразделением занял Воронцовку и Привольное. Были взяты в плен 5 грузинских офицеров, 45 солдат, захвачено 3 пушки, 1 пулемет и много лошадей. С армянской стороны был убит заместитель командующего Зарагян и ранены 8 солдат. Полковник Нестеровский занял станцию Сананин, где в руки армян перешло 49 вагонов, 1 паровоз, взято в плен 15 человек. С армянской стороны был ранен один солдат. Упорное сопротивление оказали три грузинских бронепоезда, однако армяне заранее разобрали рельсы, и бронепоездам отступать было некуда. Вскоре был занят Ахпат. Ротмистр Пирамян занял гору Лалвар и взял в плен 15 грузинских солдат. Ночью армянские фидаины взорвали один из бронепоездов, а утром заняли село Михайловку.

Армяне наступали по всему фронту, и грузины были вынуждены оставить Алаверди. Затем армянские войска вошли в Айрум и взяли в плен 12 грузинских офицеров, в том числе — полковника Вачнадзе, и 300 солдат. Приблизительно 200 человек было убито и ранено. С армянской же стороны был убит заместитель командира М. Тер-Ованесян и один солдат. Семь человек было ранено.

17 декабря армяне заняли станцию Ахтала, где в их руки попали два бронепоезда. Грузины сражались упорно и мужественно, оставив на поле боя 60 человек убитыми. Генерал Цулукидзе с разбитой армией поспешно отступил в Садахлу, оставив даже свой собственный ва-

гоп. 18 декабря армянские войска подошли к Садахлу, а полковник Тер-Никогосян занял линию Болнис—Хачен.

Условия войны были тяжелыми: снег, холод, отсутствие пищи и обмундирования. Но настроение армянских солдат было бодрым. Бои были жестокими: часто приходилось идти в штыковой и рукопашный бой. Лились кровь двух братских, христианских народов — на радость туркам и азербайджанцам. Получив подкрепление, грузины ринулись в контрнаступление, но их атака была отбита. До 18 декабря грузинские войска отступали и сосредоточивались в районе Садахлу.

В Грузии была объявлена тотальная мобилизация. 18 декабря в Садахлу прибыл военный министр с тысячью свежих солдат, с конницей, тремя пушками и последним бронепоездом. Полковник Цулукидзе готовился к мощному контраступлению.

Однако Дро окружил Садахлу, а подразделение Тер-Мартиросяна ворвалось в город. Грузины подняли белый флаг. Но вскоре на помощь сдавшемуся городу подоспел грузинский бронепоезд и, открыв убийственный огонь по частям, стоявшим в городе, заставил их сдаться. Многие были убиты, а Тер-Мартиросян с 30 солдатами был взят в плен. Город, однако, оставался окруженным. 20 декабря армяне заняли Шулаверы. 23 декабря подполковник Соланян снова занял Садахлу, взяв в плен 6 офицеров и 126 солдат, при этом в руки армян перешло более чем 100 вагонов военных припасов. С армянской стороны был убит подполковник Александров и 7 солдат.

После этого грузинское командование было сменено. Вместо командующего фронтом Цулукидзе был назначен генерал Мазниев. Успехи армян были понятны: в то время как грузинская армия находилась только в стадии формирования и не имела опыта войны, армянские военные силы уже десятилетиями вели национально-освободительную борьбу, воевали с турками на разных фронтах, имели опытных военачальников и фиданинов.

Однако по мере продвижения в сторону Тифлиса грузинские войска получали, по сравнению с армянскими, свои преимущества: пока военные действия шли на территории Армении — точнее, на территории, где проживали армяне, — им помогали местные жители. В частности, лорийцы все как один встали на защиту своих земель. Но, когда армянские войска вошли на терри-

торию, где проживали грузины, картина стала обратной, да и снабжение армянских войск стало хуже.

Тем временем союзники пытались в Тифлисе найти пути прекращения войны. 25 декабря английский генерал Райкрофт, французский полковник Шардин и Жордания подписали соглашение, которое обязывало стороны немедленно прекратить военные действия. В соглашении было сказано, что на фронт выезжает специальная делегация — для объяснения условий перемирия и осуществления контроля над соблюдением этих условий. При заключении соглашения присутствовал А. Джамалян, который отказался его подписать, протестуя против пункта относительно Ахалкалака. По этой причине в соглашении было отмечено, что подпись армянской стороны отсутствует, поскольку армяне не согласны с включением Ахалкалака в состав Грузии.

Тем не менее было решено, что 31 декабря в 12 часов дня военные действия должны быть прекращены. Грузинские и армянские войска должны были оставаться на своих местах. Понимая, что дальнейшие границы между Грузией и Арменией будут решаться позициями, которые к 12 часам 31 декабря будут занимать войска соответствующих сторон, 28 декабря грузины по всему фронту пошли в наступление. К ним присоединились также азербайджанцы Бурчалу.

Три дня длились кровопролитные бои, но существенных изменений в позициях сторон не произошло. В 12 часов, как было условлено, военные действия были прекращены. По поводу этой, последней, битвы оценки расходятся. Грузины утверждают, что победа была за ними, что если бы не наступил срок перемирия, они двинулись бы вперед и разбили бы армянскую армию. Армяне же полагают, что если бы не срок перемирия, они могли бы успешно завершить окружение грузинской армии, которое уже было начато. Но оставим этот спор военным специалистам. Так или иначе — война была окончена, армии сделали все, что смогли, слово было за политиками.

Перед политиками, однако, стояла нелегкая задача, ибо армяно-грузинские отношения были накалены до взаимной ненависти. Во время войны армяне, проживавшие в Тифлисе, подвергались гонениям, и это было естественно: на поле брани умирали юноши, и их матери

не могли простить этого противнику. Словом, отношения были такими, какими они и бывают между воюющими народами.

На следующий день после прекращения огня в Тифлисе начались переговоры. С грузинской стороны их вели Е. Гегечкори, Н. Рамишвили, Сабахтарашвили и генерал Гегеланов. Длились переговоры очень долго и закончились только 4 марта следующего года. Были восстановлены дипломатические отношения, подписано соглашение о возобновлении работы почты и телеграфа, стороны признали независимость друг друга, но в вопросе границ к соглашению так и не пришли.

Между тем положение в Армении продолжало оставаться тяжелым. Сыпной тиф уносил сотни жизней. 11 высших руководителей Армении, в том числе Арам, умерли в больницах. Но голод уже постепенно отступал — благодаря американской помощи мукой.

Теперь перед правительством стояли две главные задачи: установление границ республики и решение проблемы иммиграции. 26 марта правительство Армении вручило английскому генералу Томсону меморандум с требованием немедленного решения проблемы Карабаха, Карса и Шарура и создания условий для иммиграции армян на родину.

Позиция англичан в вопросе Зангезура — Карабаха и Карса вызывала возмущение армянского правительства. Карс в это время находился в руках турок, которые хотели оставить его себе или — в случае неудачи — создать из районов Карса, Батуми и Ахалциха государство под названием «Юго-западное Закавказье». Англичане то ли были согласны с этой программой, то ли не хотели возвращать России Карс, но они упорно запрещали армянам занять его. Однако после настойчивых требований Армении англичане согласились совместными силами захватить Карс. 12 апреля совместные англо-армянские войска вошли в Карс, и руководителями района были назначены С. Горганян и командир армянских войск генерал Овсепян. Вначале крепость находилась под контролем англичан, затем и она была передана армянам. Начальником крепости был назначен подполковник Матвеев. 2 мая армяне заняли Арпачай и Сарыкамыш, затем — Мерденек, Олти и Казвин. Курды и азербайджанцы встретили их хлебом-солью. 10 мая с боль-

шим торжеством Карс приветствовал премьер-министра Хатисяна, который в своей речи заявил, что до 15 мая армянские войска должны будут занять Алашкерт и Басен. Вскоре без боя был занят Нахичеван. 3 мая документом, подписанным генералами Деви и Дро, Нахичеван объявлялся составной частью Армении. Словом, в течение апреля и мая вся российская часть Армении была занята армянскими войсками, куда сразу же хлынул поток беженцев.

Приток беженцев, в основном западных армян дашнакского толка, поскольку среди них не было ни эсеров, ни народников, ни социал-демократов, повлиял также на общую политическую линию правительства Армении. Чтобы понять, насколько серьезным было влияние беженцев на политику правительства, обратимся к съезду западных армян, который состоялся в Ереване в январе 1919 года. Для проведения этого съезда правительство выделило 35 000 рублей. Представительство делегатов на съезде было следующим:

Ереван:	от 31 700	беженцев	— 8 делегатов
Эчмиадзин:	от 46 000	»	— 3 делегата
Аштарак:	от 12 880	»	— 2 делегата
Цахкадзор:	от 23 750	»	— 5 делегатов
Котайк:	от 17 570	»	— 5 делегатов
Сурмалу:	от 25 700	»	— 4 делегата
Милидзор:	от 10 670	»	— 1 делегат
Александриополь:	от 10 000	»	— 1 делегат
Дилижан:	от 12 000	»	— 2 делегата
Нор-Баянет:	от 27 973	»	— 7 делегатов

13 февраля съезд избрал Исполнительный комитет западных армян, проживающих в Араратской Армении (так они называли Армению, ибо без западной Армении для них эта страна не была Арменией). Более того, именно они через дашнакскую партию заставили правительство Армении принять Декларацию единой, независимой и свободной Армении, которой правительство должно было следовать в своей деятельности.

28 мая, в день годовщины независимости Армении, правительство официально провозгласило свое решение о Единой, Независимой и Свободной Армении. Народники запротестовали. Во-первых, они хотели, чтобы такую декларацию провозгласил парламент; во-вторых, они считали, что разница в экономическом и культурном развитии западных и восточных армян делает невозмож-

ным немедленное создание общего правительства. Они потребовали от правительства отмены этой декларации, а когда получили отказ, вышли из правительства. На самом деле они действовали под давлением Погоса Нубар-паша, который в Париже создал общеармянское управление. Он считал, что провозглашение единой Армении входит в его функции, а не в сферу деятельности правительства страны и, что правительство единой Армении должно было быть создано в Париже, под председательством самого Нубара-паша.

Таким образом, коалиционное правительство развалилось, и на место ушедших народников были назначены дашнаки. На 21, 22 и 23 мая в стране были назначены выборы парламента, куда баллотировались кандидаты в следующем количестве:

Дашнакская партия:	—	120 кандидатов
Народная партия	—	65 кандидатов
Эсеры	—	35 кандидатов
Курды	—	2 кандидата
Айсоры	—	3 кандидата
Азербайджанцы	—	iii одного кандидата

Избиратели отдали свои голоса следующим образом:

Дашнакская партия:	230 272 голоса	— 72 депутата
Эсеры:	13 239 голоса	— 4 депутата
Азербайджанцы:	8 187 голосов	— 3 депутата
Беспартийные		
" крестьяне:	4 224 голоса	— 1 депутат
Курды:	1 305 голосов	— iii одного
Народная партия:	481 голос	— iii одного
Айсоры:	187 голосов	— iii одного

Во внутренней жизни Армении главной заботой правительства было подавление антиправительственных действий мусульман. После ухода турок из Закавказья мусульмане, жившие в Армении, не желали подчиняться армянским властям и создали собственные правительства, так называемые «шуры». Как в Армении, так и в Грузии мусульмане управлялись извне турками и азербайджанцами. Сами турки и азербайджанцы могли подать друг другу руки только через Армению, в частности — через Зангезур, Нахичеван и Карабах. Поэтому они всячески пытались организовать в этих районах восстание мусульман. Для этой цели в Ереван в качестве дипломатического представителя Азербайджана был послан фанатик пантюркизма Хан-Текинский. Подготовка

к восстанию облегчалось тем, что англичане 15 мая покидали Карс, а 30 мая — Нахичеван. Армяне оставались там со своими весьма скромными силами, и общее восстание мусульман могло бы создать весьма кризисную ситуацию.

Так и случилось. После ухода англичан от Олти до Ордумбада вспыхнуло мусульманское восстание. Восставшие имели 4000 бойцов и были связаны с курдами, проживающими на другом берегу Аракса. После нескольких дней кровопролитных боев армянские войска Нахичевана были вынуждены отступить в Зангезур, забирая с собой часть армянского населения. Воодушевленный этими успехами, Текинский телеграфировал 1 августа в Баку: «В Веди и Нахичеване идут бои, армяне бегут, либо уничтожаются. Сообщите, что мне делать. Мусульмане пока не желают занимать Ереван. Но я считаю, что мы должны объявить войну». А через два дня воинственный Текинский телеграфировал в Баку Хан-Хойскому: «Необходимо, чтобы Азербайджан в течение двух недель ссвободил Зангезур от армян и двинул войска к Камарлу: сейчас самое удобное время. После прибытия американского комиссара будет поздно. Если мое предложение будет принято, осуществите его без объявления войны. Очень прошу не терять времени и воспользоваться моментом». Деятельность Текинского на этом, однако, закончилась, он был выдворен из Армении как нежелательное лицо, после чего был назначен помощником министра иностранных дел Азербайджана.

Правительство Армении объявило положение «Отечество в опасности!» и призвало народ к защите Родины. Ситуация была действительно чрезвычайно опасной, поскольку турки начали активизироваться в районе Карса и Эчмиадзина, и на территории Армении уже показались турецкие войска. 30 августа армянские войска в Сарыкамыше перешли в контрнаступление и, разбив турецкие войска, очистили всю территорию от турок до границ 1914 года. Было подавлено также мусульманское восстание в Карсе.

Подавление движения мусульман совпало по времени с прибытием в Армению американского полковника Вильяма Аскела, который Советом Мирной конференции был назначен комиссаром Армении. Он заявил, что захваты территорий то одной, то другой стороной никакого

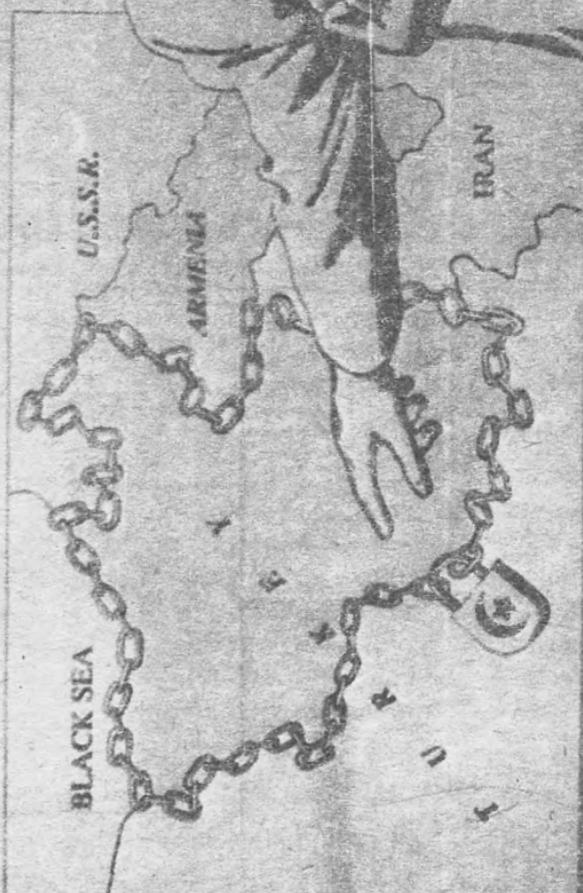
Полк. Аскел

значения не имеют для решения окончательных границ на Мирной конференции, поэтому не стоит сейчас на это тратить силы и кровь народа. «Что касается Нахичеванского района,— сказал он,— то нет сомнений, что он принадлежит армянам». Затем Аскел уехал в Тифлис, а оттуда в Баку — для согласования с правительством Азербайджана проблемы Шарура — Даралагяза — Нахичевана. 29 августа он и Юсуфбеков подписали соглашение, по которому этот район считался нейтральным, то есть спорным. Аскел в этом вопросе встал на сторону азербайджанцев и не выполнил обещаний, данных армянам. Более того, из туманных слов 16-го пункта соглашения следовало, что также Карабах и Зангезур должны были отойти к Азербайджану.

Однако нужно отметить, что в этой нелогичной позиции Аскела виноваты отчасти сами армяне. Этот наивный американец понятия не имел о реально существующем положении, армяне же не нашли возможным обрисовать ему всю картину, информировать его без его просьбы на это. Между тем в Баку и Тифлисе развернулась активная деятельность турецких и азербайджанских дипломатов, которые окружали его всюду, жаловались, осуждали армян, просили, приводили ложные и дутые цифры, и бедный американец не знал, кому верить. Как всегда в таких случаях, верят тому, кто более активен. Например, в официальном меморандуме азербайджанского правительства было сказано, что до прихода турок в Армению армяне разорили 300 азербайджанских деревень, убив всех их жителей, а после провозглашения независимости Армении по распоряжению правительства было уничтожено 50 азербайджанских деревень. Такие небылицы, конечно, потрясали американского полковника, который не знал даже ни о 1,5 миллиона армян, убитых в Турции, ни о зверских погромах в Баку, ни об истории народов, живущих в Закавказье. И армяне ему эту историю рассказать не удосужились. Когда же они оценили всю сложность возникшей из-за этого ситуации, то в середине октября в Тифлис поехали А. Хатисян и Р. Тер-Минасян. Они встретились с Аскелом и объяснили ему истинное положение дел. Аскел заявил недействительным соглашение с Юсуфбековым в отношении Карабаха и Зангезура. На это азербайджанское правительство отказалось признать отмену со-

"CES TERRITOIRES APPARTIENNENT A L'ARMENIE"
DECLARA LE PRESIDENT WILSON DES E.U.
DURANT LE TRAITE DE SEVRES

U.S. PRESIDENT WILSON SAID AT THE TREATY OF
SEVRES "THESE LANDS BELONG TO ARMENIA"

Президент США Вудро Вильсон и карта Армении

глашения. Вопрос принадлежности Нахичевана продолжал оставаться спорным, и управление им было передано американской администрации.

Но, конечно, правы были те, кто утверждал, что Мирная конференция при решении границ каждой из стран будет руководствоваться не нынешним положением дел, а совсем другими, чисто политическими, соображениями. И армянская делегация на Мирную конференцию везла свои требования, вовсе не исходя из существующего положения. Требования эти выглядели следующим образом.

1. Признание независимого армянского государства, которое должно состоять из Ванского, Битлисского, Диарбекирского, Харбердского, Себастийского, Каринского и Трапезундского вилайетов. Из четырех киликийских санджаков: Марса, Сиса, Берескета и Адана, включая Александрету. Кавказское армянское государство, включая Карс, Нахичевань, Зангезур, Карабах.

2. Армянское государство должно находиться либо под протекторатом США, либо Лиги Наций.

3. Одной из великих держав должен быть отдан мандат минимум на 20 лет.

4. Компенсация убытков, нанесенных армянскому народу в годы геноцида, погромов и вынужденной эмиграции.

5. Мандатное государство должно обязать турок освободить армянские территории, разоружить население, наказать авторов геноцида.

Армянская делегация прилагала много усилий для того, чтобы заинтересовать армянским вопросом американцев. Да и сами американцы, в частности, президент Вильсон, проявляли интерес к армянам и готовность принять мандат на Армению. По крайней мере, вопрос стоял так, что если США возьмут какой-либо мандат, то Армения будет в этом первой.

Как же обстояли дела реально?

10 декабря 1918 года сенатор Лодж вносит в сенат Соединенных Штатов Америки резолюцию, «согласно которой будущая независимая Армения должна включать Турецкую Армению (в составе шести вилайетов и Киликии), Русскую Армению и северную часть персидского Азербайджана (Персидская Армения); карта будущей Армении проводит северо-восточную границу ее

по реке Куре, приблизительно от Елисаветполя до впадения в Каспийское море. Армения омывается тремя морями: Черным, Средиземным и Каспийским»³¹.

Комиссия Вильсона констатирует: «Армянин, лишенный оружия со временем избиений и высылок, — храбрый солдат армий России, Франции, и Америки в течение всех войн, теперь остается обезоруженным в стране, где все, кроме него, вооружены»³². Отсюда следует вывод, что Америка должна взять на себя обязанности по содержанию такого огромного государства. Жители этого будущего большого государства — Армении, благодаря деятельности Комитета оказания помощи Ближнему Востоку, в распоряжении которого были сотни миллионов рублей, вотированные конгрессом, конечно, были вполне расположены к спасительнице-Америке. «Все симпатии,— пишет Гарбарт,— на стороне Америки. И все народы — дикие и оборванные курды, изящные грузины, подозрительные татары, даровитые армяне, важные турки — все питают эти чувства по отношению к Америке». «Великая Армения» должна будет управляться по мандату одной из великих держав в течение 10 лет.

Гарбарт стоял, конечно, на точке зрения колониальной державы и достаточно изучал политическое настроение жителей, которое он рисует следующим образом: грузины находятся под сильным влиянием большевиков, их знамя революционно-красного цвета; армяне находятся в добрых отношениях с Деникиным; закавказские республики друг другу не доверяют; Армения лежит наполовину в развалинах и голодает. Русская Армения склонилась бы на сторону России, если бы эта страна была уже восстановлена; Грузия не приняла бы сторону России; Азербайджан связан двойными узами с Турцией и не питает никакого доверия к христианам. Поэтому единственным возможным средством разрешения армянского вопроса, по мнению Вильсона, было следующее: «Армянский вопрос не может быть решен иначе, как путем единого мандата полномочной державы, права которой должны быть распространены на Кон-

³¹ Авалов. Независимость Грузии, стр. 157.

³² Доклад военной американской миссии в Армении, составленный генерал-майором Джеймсом Г. Гарбартом, перв. Л. Н. Лутцау (рукопись).

станинополь, Анатолию, Турецкую Армению и Закавказье. Миссия выражает также пожелание и от имени американцев, играющих на Ближнем Востоке значительную роль. Они единодушно заявляют, что вопрос об Армении, Анатолии, Закавказье и Константинополе должен быть принят в соображение, как вопрос о едином целом»³³.

Идеи Вильсона, говорившего в XIV пункте его известного послания к конгрессу о международной гарантии, о «политической независимости и территориальной неприкосновенности великих и малых государств»³⁴, заключалась в том, чтобы на Ближнем Востоке организовать новую Америку. В этом и заключалась цель американской демократии, которая вступила в бой на континенте Европы. Армения была, как и раньше, предлогом и средством проникновения.

Английская политика на Востоке не нравилась американцам; они осуждали традиционную колониальную политику английской дипломатии. Поэтому американская миссия для спасения армян, исходя из традиционной политики Англии, отвергает мысль о мандате Англии на Армению и вместе с тем, считая, что другие державы не в состоянии взять на себя миссию уполномоченной державы, заключает, что «Америка является единственной надеждой армян. Некоторые из народов Ближнего Востока опасаются, что Англия по примеру ее политики в отношении других многочисленных подвластных ей мусульман, подчинит интересы армян интересам турок. С другой стороны, внушают опасения империалистические инстинкты Англии и ее тенденция обосновываться навсегда там, где она только водружает свое национальное знамя. Что же касается других стран, имеющих шансы быть уполномоченной державой, то Америка занимает в этом отношении первое место не только в отношении народов Ближнего Востока, но также и для великих держав. Могущество Америки непоколебимо, ее политика беспристрастна, ее намерения вне всяких подозрений, и поэтому она будет избрана в качестве уполномоченной державы, как в силу высказан-

³³ Доклад Гарварта.

³⁴ Вудро Вильсон. Принципы демократии. Берлин, 1924, стр. 24.

ных раньше, так и в силу других практических соображений; ведь на ней сосредоточиваются горячие надежды всех народов. Она окончательно прекратила бы убийства армян и других христиан (турками). «Американская интервенция была бы для нашего народа полезной. Америка может снабжать деньгами... для свободного материального развития. Сооружение железных дорог принесет крупную поддержку капиталу,— продолжает Гарбарт,— получатся громадные торговые выгоды не только в странах, подпадающих под полномочия, но и в России, Румынии и т. д.»³⁵, т. е. в странах всего Востока, Восточной Европы и Балкан.

Естественно, что Англия быстро поняла цель Америки и приняла соответствующие меры. Вильсоновская программа закрепления Америки на Востоке не осуществилась, и Америка ушла из сферы европейских дел этого времени.

Если Америка отстаивала новое территориально-государственное образование в виде национального государства армян — «Великой Армении», намереваясь взять на себя мандат управления этим государством, то Англия придерживалась в это время цели сохранить территориальную целостность прежней царской России и Персии и обеспечить Турции суверенитет в Малой Азии, включая туда же и Турецкую Армению. Эти оба государства в их преследовании собственных экономических интересов, не желая в этом вопросе уступать друг другу, завязали ожесточенную борьбу, в которой разрешение русской проблемы было вместе с тем и разрешением проблемы победы этих государств. Ставкой в их игре была Россия. Америка хотела демократизировать Россию на основе права наций на самоопределение, чтобы разбить ее могучую силу, как противника, и завладеть Закавказьем. Именно в этих целях Вильсон и заявлял: «Русские представители искренни и подразумевали то, что говорили», они «настаивали вполне справедливо и мудро, верные духу современной демократии. Почему нам не ответить на этот вызов и не ответить с максимальной прямотой?»³⁶.

У русских большевиков определено выработалась программа по принципам — «без аннексий и контрибу-

³⁵ Доклад Гарбарта.

³⁶ Вудро Вильсон. Указ. соч., стр. 19, 20.

ций, на основе права нации на самоопределение, «на которых они согласны заключить мир, но и со столь же определенной программой конкретного применения этих принципов» в жизни. «Поверят ли нам,— продолжает Вильсон (в 1918 году).— теперешние вожди русского народа (т. е. большевики — Э. О.) или нет, нашим искренним желанием и надеждой является то, чтобы каким-нибудь образом мы оказались в состоянии помочь русскому народу добиться осуществления его заветной мечты о свободе, мире и порядке»³⁷.

В то же время англичане думали совершенно иначе, как об этом свидетельствует декларация английского генерала Томсона в конце декабря 1918 года: «Союзные державы, равно как и новое российское правительство в Уфе, с которым они действуют сообща, не признают никаких независимых образований, которые образовались в России, и не будут к ним относиться как к таким. Задачи их деятельности следующие: 1) восстановление от имени русской власти прежнего наместничества на Кавказе в качестве административного кадра для облегчения восстановления политической и экономической жизни края; народности сами впоследствии урегулируют свои взаимоотношения, когда это окажется возможным; 2) освобождение Кавказа от германских войск и большевиков, с которыми союзники продолжают быть в состоянии войны; 3) военное английское командование оккупирует край в целях поддержания в нем порядка, но (оно) отнюдь не имеет намерения вмешиваться во внутренние дела; местные войска подчиняются английскому командованию и рассматриваются как русские войска; 4) восстановление экономических отношений между портами Персии и другими портами, не занятymi большевиками, установление с Персией товарообмена продуктов нефтяной промышленности в обмен на рис, изюм и древесный уголь под контролем военных властей в целях избежания спекуляции и понижения цен на продукты потребления; 5) свободное продвижение отдельных воинских чинов и воинских союзных частей по железным дорогам; 6) армянские войска будут возвращены обратно на родину (в Армению) с оружием»³⁸.

³⁷ Вудро Вильсон. Указ. соч., стр. 21.

³⁸ Шафири. Очерки грузинские жиронды, стр. 100, 101.

Если Вильсон хотел получить власть в Закавказье через мандат на Армению, то англичане еще в ноябре 1918 года устами генерала Томсона довели до сведения населения Кавказа, что «целью посылки союзных войск на Кавказ является водворение общественной безопасности на этой российской территории, расположенной между Черным и Каспийским морями»³⁹. Также и французское правительство, как об этом заявлял Пишон в 1919 году, «не признало этих (закавказских — Э. О.) республик. Положение на Кавказе довольно смутно и неустойчиво. Существование закавказских республик представляется в настоящее время шатким»⁴⁰.

Эти факты указывают на то, что английская и французская дипломатия отстаивали неприкосновенность целости бывшей царской России, руководствуясь, помимо других соображений, целью помешать овладению Закавказьем американской демократией, из опасения, чтобы американская демократия не стала соперницей Англии и Франции на Востоке. Естественно, что Англия, поддержанная другими державами Антанты, отказалась Америке в мандате на Армению, то есть воспрепятствовала ее стремлению к территориям между Каспийским, Черным и Средиземным морями, а Америка со своей стороны отказалась взять мандат на голодающую и разоренную Армению, ибо она не имела в этом альтруистических целей.

Хотя Армянская Республика и существовала как государство в обстановке соперничества империалистических великанов Европы и Америки и соперничества национальных интересов Закавказья, по определению установленных своих границ она не имела. Размежевание закавказских республик было вопросом более трудным, чем это предполагали представители национальных республик. В этом вопросе они не могли прийти к какому-либо решению. Если великим державам было легко в этом вопросе договориться, то для закавказских республик соглашение в этом направлении представляло много затруднений. Все это привело

³⁹ Авалов. Указ. соч., стр. 205.

⁴⁰ Там же, стр. 235.

к тому, что английская дипломатия послала своего представителя в качестве арбитра для разрешения спорных вопросов между национальными республиками Закавказья.

Английский представитель Ванситарт, явившийся для улаживания споров, естественно, преследовал соблюдение интересов Англии на Востоке, а не интересов национальных республик Закавказья. Его попытка (в апреле 1920 года) размежевания границ национальных республик Закавказья не дала положительных результатов. Арбитр был вынужден сделать делегации национальных республик следующее заявление: «Я прилагал все старания к тому, чтобы между вами состоялось соглашение, чтобы об этом своевременно можно было доложить Верховному совету. Мои дружеские советы не имели успеха, и мне пришлось, умыв руки, отойти в сторону. В настоящее время, как это мне ни тягостно, я вынужден заявить от имени лорда Керзона, дружбу которого к вашим странам вы знаете и который так содействовал в январе 1920 года вашему признанию *«de facto»*, что соглашение относительно предоставления в полную собственность Армении железной дороги через Батумскую область с ответвлениями к западу должно быть, по его убеждению, подписано, и что если это не будет сделано ныне же, то за последствия будете отвечать вы сами. Я взываю в данном случае к грузинской делегации». «То, что я сам высказываю, — продолжал Ванситарт, — является взглядом британского правительства, но я думаю, что на его точку зрения встанет и Верховный совет. Теперь я вас покидаю, а остальное зависит от вас самих».

Сущность вопроса заключалась в том, чтобы Армянская Республика имела право построить железную дорогу, «соединяющую армянскую рельсовую сеть с Батумом», «с ответвлениями к западу», т. е. соединенную с Трапезундом, на правах собственности как на территории, так и на железную дорогу, и чтобы Лазистан был «автономной единицею, под суверенитетом Армении».⁴¹

Азербайджанская делегация в своем меморандуме, представленном Парижской конференции в 1919 году,

⁴¹ Авалэв. Указ. соч., стр. 257—275, 277.

«включала в пределы Азербайджана все мусульманские провинции Закавказья, не исключая Батумской области; конечно, заявляя эти требования, Азербайджан думал не только о себе»⁴², но и о могуществе и суверенитете Турции — в отношении Армении и Батумской области.

Грузины отстаивали свои права на Лазистанский санджак, на Батум и этнографически населенные армянами Лори и Ахалкалак. На конференции в Сан-Ремо⁴³ (апрель 1920 года) с очевидностью выяснилось, что национальные республики Закавказья стоят не на точке зрения национального самоопределения, а что они не возражают против аннексий чужих территорий; было также очевидным, что великие державы, и в особенности Англия, имели собственные интересы и руководствовались своими политико-экономическими соображениями в своих действиях на Востоке, а сами национальные республики их мало интересовали.

Армянская делегация возлагала большие надежды на великие державы, так как для «выяснения границ будущей Армении была организована при конференции особая комиссия в составе представителей держав: Англии, Франции, Италии и Японии. В числе предметов изучения этой комиссии был важный вопрос об обеспечении Армении выхода к Черному морю».⁴⁴

Армянская республика была признана в дипломатических сферах Антанты и получила приглашение на мирную конференцию в Севре. Севрский договор, подписанный 10 августа 1920 года, в разделе IV («Армения», статьи 88—93), имеет прямое отношение к Армении и Турции. Помимо этих статей, касаются прав и обязательств Армении статьи 241—244, 335—346, 350—352 этого договора.

Представитель Армянской демократической республики Агаронян, подписавший Севрский договор, предупреждал, между прочим, свое правительство о необходимости внушить товарищам (дашнакцаканам) и «руководителям газет», чтобы они не давали поводов

⁴² Там же, стр. 262.

⁴³ Там же, стр. 255—279.

⁴⁴ Авалов. Указ. соч., стр. 254.

представителям держав, находящимся в Армении, писать своим правительствам, что «дашнакцаканы являются большевиками, ибо ничто так не вредит во мнении держав, как название «большевик» и крайность революционного направления. Это необходимо для признания Армении и заключения Севрского договора».

Сущность Севрского договора в части, касающейся Армении, заключалась в следующем:

Турция доводит до всеобщего сведения, что по примеру того, как это сделали великие державы, она признает Армению свободным суверенным государством (ст. 88).

Турция и Армения, так же, как и великие державы Согласия, имеющие к этому трактату отношение, изъявляют намерение передать на разрешение Соединенных Штатов вопрос о выяснении границ между Турцией и Арменией в вилайетах Эрзерума, Трапезунда, Вана и Битлиса и принять заключение Соединенных Штатов Америки по указанному вопросу, так же как и все предложения, которые они правомочны сделать относительно выхода Армении к морю и демилитаризации территории Оттоманской империи, прилегающей к этим границам (ст. 89). В том случае, если определение границ, во исполнение ст. 89, установит передачу Армении всей или части территории упомянутых вилайетов, Турция обязуется с этого же момента заявить о своем отказе от всех прав и преимуществ, связанных с указанными территориями. Положение настоящего трактата, относящееся к территориям, отделенным от Турции, будет относиться и к ним.

Размер и род денежных возмещений, которые должна будет взять на себя Армения, или же если она изберет иные возможности для удовлетворения требований держав, будут определены в статьях 241—244.

Последующие соглашения урегулируют все вопросы, могущие возникнуть и этим трактатом не определенные (ст. 90).

Если часть территории, намеченной в ст. 89, уже передана Армении, то будет организована комиссия по проведению границ в течение 3 месяцев с момента, указанного в упомянутом пункте, в целях проведения в жизнь разрешения вопроса о границах между Арме-

нией и Турцией и установления этих последних в смысле, намеченном в указанной статье (ст. 91).

Границы Армении с Азербайджаном и Грузией будут определены по взаимному соглашению этих государств. Если в каком-либо случае заинтересованные державы не смогут, исполняя ст. 89, прийти к соглашению относительно их границ, то эти последние будут определены правительствами великих держав Согласия, которым принадлежит на это право (ст. 92).

Армения принимает, соглашаясь тем самым и на дополнения к договору с великими державами Согласия, те предложения, которые эти державы сочтут необходимым сделать для того, чтобы поддержать интересы населения Армении в той его части, которая в Армении представляет из себя меньшинство по расе, языку и религии.

Армения принимает также и те оговорки, которые великие державы Согласия сочтут необходимым внести в договор для того, чтобы обеспечить свободу транзита и справедливые условия для торговли других наций (ст. 93).

Здесь имеются две статьи — 89 и 92, — заслуживающие особенного внимания. Ст. 89 предоставляет Соединенным Штатам право разрешать вопросы размежевания между Турцией и Арменией, и для этих последних заключение Соединенных Штатов является обязательным. Очевидно, великие державы согласия имели намерение вручить мандат на Армению Соединенным Штатам. Однако раньше мы видели, что Соединенные Штаты добивались мандата не на развалины голодающей этнографической Армении, а на Армению, омываемую Черным, Каспийским и Средиземным морями; поэтому, будучи вполне последовательными и верными самим себе, они отказались и от роли арбитра между Арменией и Турцией и от мандата на Армению.

Ст. 92 является доказательством того, что закавказские республики, как это и было указано выше⁴⁵, и ранее не могли прийти к соглашению относительно территориальных разграничений и не сумели собственными средствами и силами определить свои границы. Однако Севрский договор снова поставил вопрос о взаимном соглашении закавказских республик. В раз-

⁴⁵ На конференции в Сан-Ремо.

решении этого вопроса противоречия армянских, грузинских и азербайджанских националистов оказались сильнее интересов великих держав и послужили препятствием к определению границ закавказских республик; поэтому великие державы сохранили за собой право окончательно разрешить вопрос размежевания в случае отсутствия согласия между национальными республиками.

Вопрос о Трапезунде и Батуме разрешался Севрским договором не согласно пожеланиям Грузии, Азербайджана и Армении, а под углом зрения осуществления целей великих держав, смотревших на Батум, как на базу реализации своих экономических интересов в Закавказье. Согласно ст. 335 и по прямому смыслу статей 349—352 Севрского договора, Батум и Трапезунд «объявляются портами международного значения вместе со свободными зонами при них», и поэтому в правовом отношении Трапезунд и Батум являлись свободными портами международного характера, по существу же и фактически хозяевами положения должны были быть великие державы.

Армении, Грузии и Азербайджану разрешался свободный доступ к Черному морю через Батумский порт (ст. 351) на условиях, предусмотренных в ст. 349, говорившей, что «этим странам разрешается свобода транзита на территориях и портах» Батума и Трапезунда. Армения разрешается (ст. 352) «свободный доступ к Черному морю через Трапезундский порт. Это право будет осуществляться на условиях, предусмотренных в ст. 349». В трапезундском порту Армения «будет дано в аренду на вечные времена, если не будет установлено Лигой Наций срока, пространство, которое будет подчинено общему правилу свободных зон, предусмотренному статьями 341—344 (т. е. в отношении постройки магазинов и складов соответственно экономическим потребностям), и взимается статистическая пошлина (ст. 341) не свыше 0,001 (ad valorem)» (ст. 342). Но по смыслу статей 338 и 343 могут взиматься и «таможенные и другие сборы» государством, под суверенитетом которого «находится порт». Отсюда приходится заключить, что Трапезунд в действительности далеко не являлся свободным портом.

В силу ст. 422 Армения имела право требовать от Турции — а последняя была обязана выдать, — «предметы религиозного, археологического, исторического и художественного значения, вывезенные ею после 1 августа 1914 года» с территорий, отошедших от Турции к Армении. Согласно ст. 424, Турция обязывалась немедленно передать Армении все архивы, документы и прочее, «относящиеся к уступленным ею территориям». В силу ст. 425 «Турция должна была допускать Армению», к которой «перешли части ее территории» к обозрению архивов и документов, касающихся управления вакуфами, установленными на этих территориях... или граждан этих территорий».

Нужно сказать, что 1920 год для Армянской Республики начался в благоприятных условиях: внутри страны и на ее границах было относительно спокойно и уже никто более не сомневался в том, что эта страна имеет будущее. И действительно, тот, кто видел Армению год назад, не узнавал ее, так изменилась жизнь страны и внешне, и внутренне.

4 января в Ереване открылся первый съезд армянских городов, в котором приняли участие представители Еревана, Александрополя, Карса, Нор-Баязета, Аштарака и Камарлу. На съезде были приняты программы развития армянских городов. А еще через неделю Армения получила международное признание. По этому поводу в Ереване были организованы торжества и военный парад. Еще через неделю в Армению приехал генерал Деникин. 31 января в Александрополе, который считался второй столицей Армении, торжественно открылся Армянский университет. В Ереване состоялся съезд врачей, открылись школы, печатались деньги. Словом, государственная и общественная жизнь входили в нормальное русло. Чтобы читатель имел представление об уровне жизни в Армении в это время, приведем некоторые цифры. Так, премьер-министр и председатель парламента получали по 8150 рублей в месяц, наименьшая же зарплата составляла 2000 рублей. Цены товары были таковы:

Фунт хлеба	27 рублей
Фунт мяса	70 - 140 рублей
Пуд муки	1400 рублей
Пуд пшеницы, ячменя или риса	1300 рублей

Пуд фасоли	—	1800 рублей
Пуд лука	—	12 рублей
Пуд капусты	—	8 рублей
Мужские ботинки	—	3000 рублей
Фунт мыла	—	50 рублей

Но не суждено было народу Армении тут же деятельно устраивать новую жизнь в условиях независимости. В ночь на 28 апреля при содействии турецких властей, с согласия азербайджанского парламента, без единого выстрела большевики вошли в Баку и Азербайджан объявили советским. На следующий день после переворота из Баку правительству Армении был послан следующий ультиматум: «Рабоче-крестьянское правительство Советского Азербайджана, в лице революционного комитета, требует: во-первых, освободить Карабах и Зангезур от ваших войск, во-вторых, отступить к вашим границам и, в-третьих, прекратить межнациональную резню. В противном случае революционный комитет Азербайджанской Социалистической Республики будет считать себя в состоянии войны с Армянской Республикой. Для ответа на наш ультиматум вам дается три дня. Поверенный в делах министерства иностранных дел Азербайджанской Советской Республики Гусейнов».

Следует иметь в виду, что в национальных противоречиях Закавказья в это время становится все более ощутимым новый политический фактор, действие которого и на этот раз обрушивается на армянскую нацию. Фактор этот — армянские большевики. Он имел свою историю развития, и мы должны сказать об этом несколько слов.

Когда в Грузии, Азербайджане, на Северном Кавказе и в других местах армянские большевики подвергались преследованиям, правительство Армении позволило им жить и работать в Армении. С. Касян, А. Мравян, С. Ханоян, Д. Шахвердян, М. Саакян, Е. Ерзникян, Авис Нуриджанян и другие спасли свою жизнь только благодаря человечности и политической терпимости правительства Армении. Они занимали на родине даже различные государственные и общественные посты. Принимая их в Армении, правительство поставило перед ними одно условие: они не должны были заниматься антигосударственной деятельностью. И все

Армянские коммунисты торжественно обещали выполнить это условие. Они действительно держали свое слово, пока Россия находилась в кризисном состоянии. Но когда Красная Армия стала приближаться к Кавказу, армянские большевики начали активно распространять листовки и вести пропаганду в армии. Более того, перетянув на свою сторону беспартийного члена парламента Арташеса Мелконяна, они через него стали издавать газету «Крестьянский голос», которая восхваляла советскую власть и ругала существующее армянское правительство. Впоследствии А. Мравян писал, что в 1919—20 годах в Армении действовали тайные кружки, распространялась литература и проводились партийные собрания. Он пишет, что Гукас Гукасян, Арменак Будагян и Агаси Ханджян в Ереване вели очень активную коммунистическую деятельность. Безусловно, это сильно преувеличено: задним числом большевики выставляли себя героями, но в 1919—20 годах для их деятельности в Армении не было никакой почвы. Как показали последующие события, армянские большевики не имели, да и не могли иметь среди народа какого-либо авторитета. Пережившему геноцид, перенесшему столько страданий, армянскому народу было вовсе не до «пролетарского интернационализма» на большевистский лад и не до «прибавочной стоимости», ему хотелось лишь уменьшить прибавочную кровь, которой постоянно требовал от него ход исторических событий. А идеи социальной справедливости в достаточной степени содержались в идеях дашнакской партии, принятых народом в борьбе за независимость, и в каких-то иных идеях он не нуждался.

Поэтому, когда большевики начали свою «деятельность» с лозунгами и листовками, правительство не придало этому, как некой мыслиной волне, серьезного значения. Несмотря на то, что многие считали большевистскую деятельность опасной, правительство, как пишет С. Врацян, медлило с решительными действиями. И далее читаем у этого автора¹⁶: «Мы как социалистическая партия психологически не были готовы к злесту наших вчерашних товарищей. Еще вчера мы

¹⁶ С. Врацян. Республика Армения. Париж, 1928.

Симон Врацян

осуждали грузинских меньшевиков за жестокое обращение с большевиками, как же можно было то же самое сделать у нас?»

Но сделать пришлось. Под давлением членов дашнакской партии и беспартийных в конце января министерство внутренних дел арестовало несколько коммунистов в Ереване и Дилижане. Большевики это восприняли как начало массовых репрессий и, воспользовавшись похоронами социал-демократа Аршака Зограбяна, устроили во время похорон шумную демонстрацию, чтобы показать свою силу. Однако это не удалось, поскольку силы этой тогда не было, но она начинала появляться — как следствие того, что большевики в России заключили союз с турками, и не с кем-нибудь, а с младотурками, которые были идеальными авторами геноцида армян. Выступая в парламенте, А. Джамалиян заявил следующее: «Союз между большевиками и младотурками, к сожалению,— правда. Последствия этого союза — то, что судьба нашего народа ставится на карту. Один из видных большевиков сообщил мне в Тифлисе, что 27 ноября в Баку младотурки и большевики заключили соглашение о том, что турецкие войска через Армению должны зайти в тыл Деникину. Тот же человек сказал мне, что большевики, конечно, постараются предотвратить резню армян, но, может быть, что это им и не удастся».

Поэтому нужно было выяснить, связаны ли армянские большевики с этим договором и обязаны ли они как большевики выполнять указания, идущие «из центра». Армянские большевики отрицали свои связи не только с младотурками, но даже и с кемалистами, о чем писали все газеты. В те дни они еще стеснялись сотрудничества с турками и писали в своих газетах и листовках, что это провокации дашнаков, что никакого сотрудничества с турками нет.

Однако правительство и дашнакская партия были очень встревожены совместными действиями большевиков с кемалистами. Была очевидной опасность этого факта — уже из-за одного географического положения Армении это сотрудничество не могло не затронуть ее интересов.

В начале января бюро дашнакской партии отправило в Тифлис А. Джамалиана, Р. Тер-Минасяна и

Рубен Тер-Минасян

С. Врачяна с заданием связаться с закавказским большевистским Бюро и выяснить подробности сложившейся ситуации и возможные последствия. Делегация выехала в Тифлис, взяв с собой копию соглашения большевиков и кемалистов. В Тифлисе они встретились с общим секретарем Кавказского бюро большевиков Назарбетяном, которому было задано два вопроса: правда ли, что между большевиками и кемалистами заключено тайное соглашение о сотрудничестве? И второй вопрос: правда ли, что это соглашение направлено также против армян? Назарбетян не отрицал, что такое соглашение существует, но произнес длинную речь о том, что коммунистическая революция защищает все угнетенные народы и, следовательно, не может не защищать также армянский народ.

Представители дашнакской партии поняли со всей очевидностью: если кемалистско-большевистское сотрудничество потребует Армению в качестве жертвы восточной политике большевиков, то эта жертва будет принесена.

Во время беседы с Назарбетяном армянская делегация напомнила, что в свое время некоторые дашнаки сотрудничали со Степаном Шаумяном, а Ленин издал декрет о независимости Западной Армении. Так, может быть, интересы армянского народа требуют, чтобы большевики и дашнакская партия нашли какие-то основы для взаимопонимания? «Какое взаимопонимание? — с издевкой сказал Назарбетян. — Нужно ускорить установление Советской власти на Кавказе».

Правительство Армении не имело права медлить. Разведка докладывала, что против Армении готовится заговор, участниками которого являются обосновавшиеся в Армении большевики. Начались аресты. Все сколько-нибудь значительные большевики сначала были арестованы, а затем высланы из страны. Среди них был Авис Нурджанян, которому удалось бежать и который во последствии стал самым фанатичным руководителем антиправительственного движения.

После арестов, допросов и обысков выяснилось, что армянские большевики готовились к общему восстанию и для этой цели получали большие деньги из-за границы. Стало ясным также, что они должны были опереться на недовольство азербайджанского и русского насе-

лении, используя при этом те трудности с продовольствием, которые испытывало все население Армении, так как американская мука была испорчена во время транспортировки, и в стране создались тяжелые экономические условия. В течение очень долгого времени армянские коммунисты стеснялись признаться, что в тяжелые дни 1919—20 годов они пытались с помощью восстания ликвидировать независимость Армении. Они утверждали, что в те годы они были лояльными к правительству и помогали строительству независимой Армении. С течением времени, однако, наглея по-коммунистически все более и «производя переоценку ценностей», они стали выдавать за геройство свое гнусное намерение отнять у народа его законное правительство — правительство, которое было, наконец, создано ценою моря крови, спустя шесть веков после падения Киликийского царства. Такого не было ни у грузин, ни тем более у азербайджанцев, которые ставили свои национальные интересы превыше всего: на этой почве у них сотрудничали меньшевики с большевиками, кемалисты с младотурками, мусаватисты с коммунистами. Армяне же, как всегда, оказывались «католиками больше, чем Папа Римский», — ради сомнительных (уже тогда!) идеалов коммунизма они готовы были пожертвовать своей Родиной и будущим своего народа. Как коммунистам это, конечно, приносило им честь, но они возводили свое предательство в истину, превращая понятие самого Зла в понятие Добра. И это было, пожалуй, самым ужасным, ибо выбирать путь борьбы со Злом сравнительно легко: этим армянский народ был занят на протяжении веков, — а вот опыта борьбы с ложным Добром у него быть не могло.

Между тем события развивались, как по плану. Окрыленные бакинским переворотом, армянские большевики готовили то же самое в Армении. Советизация Азербайджана совпала с днем Первого мая, который армянские трудящиеся собирались торжественно отпраздновать. Большевики решили воспользоваться этим, чтобы инспирировать всеобщее восстание: в советской армянской литературе эта жалкая демонстрация так и называется — «майское восстание», словно она была действительно восстанием и сыграла решающую роль

в советизации Армении. Что же произошло на самом деле?

1 Мая, День солидарности трудящихся, в Ереване праздновали очень торжественно. Весь город был в цветах, красных флагах и коврах. С раннего утра улицы были переполнены народом. Улица Абояна была занята демонстрантами от профсоюза, имевшего различные течения. Над колоннами были видны портреты Христофора, Ростома, Заваряна. А одна, небольшая, группа демонстрантов несла портреты Ленина и Шаумяна. На площади был военный парад, после которого выступали руководители республики, представитель Грузии Рамишвили и другие гости.

Главной темой дня был ультиматум, полученный из Баку, о том, что в течение трех дней Армения должна была покинуть Карабах и Зангезур. По этому поводу на митинге было принято решение, в котором армянские трудящиеся выражали свое возмущение тем фактом, что, эксплуатируя имя азербайджанских трудящихся, новые власти в Азербайджане продолжают политику своих предшественников. Трудящиеся Армении требовали у Азербайджана немедленно прекратить наступление на Карабах и Зангезур, а от своего правительства участники митинга требовали защиты этих армянских районов. И вот во время этих речей то здесь, то там раздавались антиправительственные выкрики большевиков, на которые, естественно, никто и не обращал внимания. Этими-то выкриками, не сделавшими даже большого шума, и ограничилось «майское восстание в Ереване».

В провинции события развернулись иначе, и их, с известной натяжкой, видимо, можно было бы назвать восстанием,— но не народным, а организованным сверху. Александрополь был центром деятельности большевиков. В конце апреля там были собраны их основные силы. Первого мая во время демонстрации группа заговорщиков ворвалась в клуб дашнакской партии, сорвала со стен портреты Христофора и Заваряна и начала топтать их ногами. Дашнаки, чтобы избежать кровопролития, удалились, не оказав сопротивления. Площадь осталась за большевиками. Центром заговора был бронепоезд «Полководец Вардан».

Когда весть об этих безобразиях дошла до Еревана, военный министр приказал, чтобы начальник бронепоезда Мусаэлян вместе с бронепоездом отбыл на Камарлинский фронт. Мусаэлян не только не выполнил приказа, оголив тем самым фронт, который бронепоезд должен был защищать от турок, но поднял над бронепоездом в Александрополе большевистское знамя и создал военный ревком. В него вошли: Мусаэлян — председатель и военный комиссар, Авис Нуриджанян — комиссар иностранных дел, Арташес Мелконян — комиссар внутренних дел. Затем Мусаэлян отправил во все концы Армении телеграммы, объявляя, что в Армении установлена Советская власть.

Неармянское население республики признало ревком, поскольку он заявлял, что Красная Армия стоит на подступах к Армении, что из России идут вагоны с продовольствием. Ревком утверждал также, что скоро «народ будет спасен от ига дашнакской партии». Эти призывы были обращены также и к армии, и часть солдат перешла на сторону ревкома. Несмотря на то, что все это напоминало детскую игру, тем не менее в условиях, когда турецкие войска двигались на Нахичевань, а азербайджанцы готовились к захвату Зангезура и Карабаха, большевистской шумихой могли воспользоваться враги Армении, которым внутренняя неустойчивость республики была очень на руку.

5 мая было созвано чрезвычайное заседание парламента, которое приняло отставку правительства Хатисяна и назначило новое правительство в лице Бюро дашнакской партии, что означало на деле диктатуру партии. Новое правительство нашло нужным объявить «Отечество в опасности». Мусаэляну оно направило телеграмму с требованием прекратить беспорядки и с обещанием простить заговорщиков. В ответ Мусаэлян прислал неслыханной наглости телеграмму, в которой было сказано, что те, кто выдает себя за правительство Армении, на самом деле являются группой бандитов и убийц и что законным правительством Армении является его комитет, который призвала вся страна. Он требовал от правительства сдачи власти, угрожая в противном случае наказать членов правительства по законам революционного времени.

Таким образом, теперь уже правительство было вынуждено действовать «по законам революционного времени». Этих действий требовала вся страна: народники, социал-демократы, Католикос всех армян, профсоюзы, демократы, простые люди требовали немедленного наказания изменников, которые в самую трудную для Армении минуту так вероломно предали ее. Правительство послало против заговорщиков войска, и после короткого боя, в котором шесть большевиков получили ранения, в том числе и помощник Мусаэляна Евангелян, большевики бежали. Через некоторое время комиссар злополучного «Военно-революционного комитета» А. Мелконян связался по телефону с помощником министра внутренних дел С. Торосяном, и между ними произошел следующий разговор¹⁷:

«А. Мелконян: Я, доктор Артамес Мелконян, предлагаю прекратить военные действия, с тем чтобы стороны могли в мирных условиях прийти к соглашению по нескольким очень важным вопросам.

С. Торосян: Мы считаем вас не стороной, а группой бандитов, которые, изменив армянскому народу, сеют смуту. Мы знаем, что не с вами александрапольская армия. С вами, с группой авантюристов, мы поступим так, как поступают со смутьянами. Мы уже знаем, что вас разбили, и вы, попав в идиотское положение, просите мира. Вы, господин Мелконян, как член парламента — двойной изменник, и заслуженное наказание вы получите. Для вас есть одно спасение: сдаться правительству Армянской Республики и просять у нее милосердия.

А. Мелконян: Я говорю как посредник между вами и Александрополем, где установлена Советская власть и на чьей стороне войска Карса и Сарыкамыша. Крестьяне включились в гражданскую войну, и я не в силах остановить кровопролитие. Для нахождения общего языка и во избежание кровопролития необходимо приостановить военные действия и с обеих сторон приложить усилия для нахождения выхода.

С. Торосян: Из Карса и Сарыкамыша пами получены телеграммы о том, что стоящие там войска полностью подчиняются правительству Армении и будут под-

¹⁷ С. Врачян. Армянская республика, стр. 365.

мянский народ не пойдет за авантюристами. Что же касается вашей лжи о крестьянах, якобы вступивших чиняться и впредь, поскольку мудрый и опытный ар-в гражданскую войну, то должен сказать вам, что армянский крестьянин пустыми вещами не занимается. С нашей стороны вас никто не уполномочивал быть посредником, поскольку с авантюристами мы не ведем переговоров и в таких посредниках, как вы, мы не нуждаемся. Наших настоящих представителей вы скоро увидете в Александрополе. Если льется армянская кровь, мы знаем, по чьей вине она льется».

После провала переговоров Мелконяна заговорщики послали своих представителей к командиру правительенных войск и просили его прекратить наступление, а им разрешить поехать в Ереван. Запросив правительство, командир ответил, что ему приказано вопрос решить на месте, т. е. продолжать наступление и очистить Александрополь от бандитов. Но проблема может быть решена без пролития крови, если до 6 часов утра 14 мая заговорщики сдаутся властям и в сохранности садут бронепоезд. Ночью 13 мая восставшие оставили бронепоезд и бежали, — кто к туркам, а кто попрятался в городе.

14 мая войска без боя вошли в город и были восторженно встречены населением. На бронепоезде взвился трехцветный флаг. Все военные подразделения присоединились к правительенным войскам. Единственным убитым был генерал Хачатрян, перешедший на сторону большевиков. Его на улице убили фидаины. В тот же день были арестованы Мусаэлян, Мелконян и другие. Авис Нуриджанян снова сумел скрыться.

В Карсе усмирение смутьянов произошло совсем легко: 10 мая член парламента Никол Агбалян выступил перед народом и армией с пламенной речью об общей ситуации, в которой находится Армения в результате сотрудничества большевиков с кемалистами. Речь произвела огромное впечатление на присутствующих, и на следующий день народ и войско окружили автогараж, где засели заговорщики, и потребовали от них сдачи властям. Но большевикам удалось бежать и найти укрытие в крепости Александра Второго. Оттуда они начали палить из пушек по городу. Эту бесмысленную стрельбу по мирному населению можно

объяснить лишь преступными наклонностями заговорщиков, а не их политическими убеждениями. На это сбозленный народ двинулся с песней «Наша Родина» (гимном независимой Армении) к крепости. Большевики встретили их артиллерийским и ружейным огнем. Но народ пошел на штурм. Несколько десятков большевиков оказали яростное сопротивление, а когда крепость была взята, выяснилось, что ночью на грузовике большевики бежали в сторону Александрополя. За них немедленно была послана погоня; и их обнаружили у мельницы села Ардина. Произошел жаркий бой, в котором 10 большевиков были убиты, 7 взято в плен, а остальным удалось бежать. Были арестованы также члены русского, турецкого и греческого национальных советов, которые приняли решение сотрудничать с большевиками.

Потерпевшие поражение заговорщики бежали в Баку, откуда телеграфировали в Москву, 11-й армии и в различные инстанции, утверждая, что в Армении начались погромы коммунистов и что уже убиты тысячи из них. Одновременно с помощью азербайджанских властей в Казахе они организовали вооруженные группы из молокан, армян и азербайджанцев, которые под красными флагами двинулись на Иджеван. Но и их постигла участь предыдущих «восстаний»: большевики никак не могли понять, что Армения — особая страна, что ее измученному народу не до марксистских лозунгов.

Когда большевистские волнения были окончательно подавлены, политические партии Армении выпустили следующее совместное заявление:

«Внутренние и внешние противники нашей родины, объединившись, готовят чудовищные программы против независимости и свободы Армении. Армянский народ, чьей овеществленной волей к самоопределению является ее независимая государственность, должен бдительно охранять такой дорогой ценой доставшуюся свободу. Пусть героическая армянская армия даст святую клятву — достойно встретить врагов независимости, под какой бы личиной они ни выступали. А ты, армянский народ, собравшись в единый кулак, должен не жалеть сил для оказания содействия нашей ар-

мии и правительству, стоящим на защите независимости Армении.

Да здравствует свободная, независимая и единая Армения!

Да здравствует Демократическая республика Армения!»

Это обращение подписали правительство, социал-демократическая партия, народная партия, демократическая партия и ряд общественных организаций.

Так закончилось бесславное «майское восстание», которое ничего, кроме новых потерь, не принесло армянскому народу. И как читатель увидит далее, советизация Армении произошла без этих заговорщиков — на основе не восстания, а политических расчетов. Здесь, конечно, может возникнуть вопрос: а не лучше ли было бы для Армении, если бы советизация в ней произошла в те майские дни, когда Карс, Игдыр, Сарыкамыш, Карабах и Нахичеван были в руках армян? Не было бы это предпосылкой того, что советская Армения сегодня включала бы в себя все эти территории, — если бы дашнакская партия вовремя уступила власть большевикам?

Ответ на этот вопрос требует очень детального историко-политического анализа, что невозможно в пределах тематики настоящей книги. Однако два соображения, представляющиеся нам основными и могущими в какой-то мере ответить на этот сложный вопрос, мы здесь приводим.

1. За тем и приехали в Тифлис члены Бюро дашнакской партии, чтобы договориться с большевиками о дальнейших совместных шагах, чтобы избежать излишнего кровопролития и страданий народа. Как мы видели, большевики говорить с ними не пожелали, расчитывая, что Советскую власть можно будет установить в Армении, не принимая во внимание силу дашнакской партии. Если во время так называемого «майского восстания» была совершена роковая политическая ошибка, то она была совершена именно большевиками, ибо с помощью дашнакской партии, а не вопреки ей, в Армении можно было бы установить власть, которая могла бы и сотрудничать с советской Россией, и называться советской, поскольку сама дашнак-

ская партия была и остается партией по своим идеалам социалистической.

2. Советская власть не смогла и не захотела бы защитить Армению в тех ее границах, которые она имела в мае 1920 года. Доказательством этому является тот факт, что когда 7 месяцев спустя дашнакская партия, уже по своей инициативе, добровольно сдала власть в Армении большевикам, они не смогли или не захотели сохранить Армению в тех границах, в которых ее получили. Подробнее об этом будет сказано ниже.

В июне 1920 года в Армении очень активизировались азербайджанцы и другие мусульмане, которые открыто получали оружие и другую помощь из Турции и готовились к восстанию. В Веди и Зангидасар были направлены для инструктажа турецкие военные специалисты. Эти районы фактически не признавали правительство Армении и получали распоряжения из Турции.

18 июня правительство Армении направило Зангидасару ультиматум: признать армянское правительство, разоружиться и изгнать из района турецких и азербайджанских консультантов. Не получив ответа, правительство приказало войскам, стоявшим в Вагаршапате, занять Зангидасар. В течение нескольких дней весь район был занят армянскими войсками. Как выяснилось после вторжения армянских войск в Зангидасар, в этом районе укрепилось 4000 солдат из местного населения и 600—800 турецких аскяров. Во время боев был убит сын О. Качазунци. Район был полностью очищен от мусульманских вооруженных сил и окончательно вошел в состав Армении. Вскоре к Армении были присоединены и другие армянские районы, в которых мусульманское население было настроено против армянского правительства.

Таким образом, летом 1920 года границы Армянской Республики простирались от Карабаха (включительно) до Олти. В эти дни известный армянский поэт Ованес Туманян писал: «Наше поколение — это то поколение, которое еще вчера мечтало о свободной Армении. Об этом мечтали армяне России, Турции, Ирана и различных далеких стран. О свободной Армении мечтали все слои армянского народа, без различия

возраста и пола. Чего бы только ни отдал каждый армянин, лишь бы собственными глазами увидеть свободную Армению. И вдруг... Уже осуществилась наша вчерашия мечта. Свободна Армения, она — самостоятельное государство, признанное всем миром. И она со своим трехцветным флагом стоит в ряду с другими государствами».

Поправлялось и финансовое положение Армении, которая получала щедрые подарки богатых армян со всех концов мира. Приведем здесь лишь несколько примеров. Египетский промышленник Алекопян принял армянское гражданство и все имущество — несколько миллионов долларов — завещал Армении. Известный банкир А. Мелик-Агарян подарил Армении дом в Тифлисе, стоимостью в 1 миллион долларов. Бакинский банкир Аршак Гукасян подарили Армении 8 миллионов рублей. Ставропольский банкир Попов (армянин) подарили 25 миллионов рублей. Г. Гульбенкян обещал построить в Армении ряд крупных зданий. В США дашнакская партия собрала полмиллиона долларов. И это было только началом. В последующие годы ожидалось намного больше пожертвований. Однако политическая ситуация не сулила армянам ничего хорошего, и последующие годы принесли армянскому народу новые страдания.

Как мы видели, непосредственно после бескровной советизации Азербайджана его Ревком потребовал у Армении немедленно покинуть Карабах и Зангезур. Ответа на это требование не последовало, и 1 мая правительству Армении был направлен новый ультиматум, на этот раз — командованием 11-й армии. В нем было сказано:

«На границе Армении и нашего союзника Советского Азербайджана продолжаются военные действия. Рабоче-крестьянское правительство России считает своим священным долгом всеми силами прийти на помощь Азербайджану. Советское правительство от имени всех трудящихся просит нас о том, чтобы в Азербайджане была окончательно установлена рабоче-крестьянская власть. Спровоцированные Англией, дашнакской партией и мусаватистами столкновения на национальной почве выгодны лишь врагам угнетенных народов и

эксплуататорам трудящихся классов Армении и Азербайджана. Все пограничные споры между Арменией и Азербайджаном могут быть решены лишь волей трудящихся этих стран. Советский Азербайджан не может быть защитником какого-либо шовинистического, националистического или захватнического дела. В Азербайджане уже не может существовать межнациональная ненависть. Именем Российской Социалистической Федеративной Республики предлагаю правительству Армении немедленно прекратить военные действия в Советском Азербайджане и вывести армянские войска за пределы границ. Это должно быть сделано за 24 часа после получения настоящей программы. Невыполнение этого требования будет расценено как объявление войны Советской России. Наше предложение будет осуществлено силой Красной Армии, а ответственность за последствия ляжет на правительство Армении.

Орджоникидзе, Киров,
Механошин, Левандовский».

Было ясно, что советский Азербайджан продолжает политику мусаватистов, а советская Россия всячески помогает ему в этом. Армении ничего не оставалось, как писать жалобы в различные инстанции. И полетели телеграммы Ленину, Чicherину, Орджоникидзе и «всем, всем, всем».

А в это время в направлении Карабаха двигалось большое количество войск из Азербайджана и России. 21 мая, войска подошли вплотную к Карабаху, к Дро пришли представители Орджоникидзе — С. Тер-Гавриэлян, Кайдалов и Пернани, которые заявили, что Советская власть решила занять Карабах до реки Айкяр. Дро ответил, что он всего лишь военный и пришельцы по этому поводу должны обращаться к правительству Армении. Однако пришельцы настаивали и угрожали, и Дро вынужден был отступить. 26 мая он со своим войском удалился в Зангезур.

Правительство Армении решительно протестовало, но и на сей раз ответа не получило. Не помогли и протесты, направленные в Баку, где армянский консул М. Арутюнян вместе со всеми своими сотрудниками был

арестован, а здание дипломатического представительства Армении было разграблено.

В деле сотрудничества большевиков и кемалистов большую роль сыграл Съезд народов Востока, который состоялся в Баку. Туда прибыли видные представители панисламистского и пантюрокистского движений — Энвер, Халил-паша, Кючюк Талисит, Бехаэддин-паша и другие. Именно на этой конференции было принято лицемерное решение о том, что для советизации Армении турки должны двинуться на Армению и занять ее до Сарыкамыша. Неизвестно, верили ли большевики этим бредням, но сотрудничать с кемалистами начали очень активно, и Баку превратился в центр деятельности кемалистов.

20 июля из Москвы в Баку вернулся Халил-паша и был встречен советскими властями с большими почестями. Он немедленно приступил к организации исламской армии. Советская власть помогала Халил-паше, оплачивала содержание армии и снабжала ее оружием. Начальником штаба этой армии был один из офицеров генерального штаба Красной Армии. Из всех концов России, из Крыма, Казани, Уфы, Туркестана и других регионов молодые люди группами направлялись в Азербайджан, где вступали в мусульманскую армию. Само понятие «мусульманская армия» было противоположно атеистическим основам Советской власти, но такова была «логика» упрямства большевиков, не желавших видеть, с каким далеко нацеленным огнем они начали играть. Под командование Халил-паша были отданы также турецкие военнопленные, возвращавшиеся из Сибири. С этой армией Халил-паша должен был через Карабах и Запгезур пройти в Турцию.

В то время как азербайджанские коммунисты, мусаватисты, кемалисты и младотурки совместно готовились к уничтожению Армении, армянские большевики тоже развернули активную борьбу против Армении: их пропаганда представляла страну как антисоветский центр, где у власти находятся палачи, которые развернули белый террор, и ежедневно там якобы убивают десятки большевиков. При этом они называли вымышленные факты и цифры, а затем, опираясь на них, делали свои «выводы». Так, газета «Коммунист», орган азербайджанских советов, 20 мая 1920 года писала:

«Когда в Армении рабочий класс и крестьянство 12 мая свергли дашнакское правительство, 3000 маузеристов под руководством продажных деникинских генералов ударили в спину защитникам красного Александрополя и убили 2000 беззащитных рабочих и крестьян. Этой ценой они восстановили свою контрреволюционную власть. Система дашнакского террора ужасна. Каждого коммуниста убивают на месте. Судьба многих наших товарищей неизвестна, но это не ослабило волю армянского пролетариата, и он готов к новому восстанию. Армения ждет советских войск, и когда эта русская армия вступит в Армению, ни один воин, в том числе и дашиак, не осмелятся стрелять в них».

Та же газета «Коммунист», обращаясь к правительству Армении, писала: «Центральному комитету Азербайджанской коммунистической партии и Красной Армии известно, что ваше правительство душит рабоче-крестьянское движение. Из всех контрреволюционных правительств Закавказья никто не проявил к своим рабочим и крестьянам такой жестокости, как ваше правительство. Опираясь на главного палача, руководителя маузеристов Сепуха и деникинских офицеров, вы объявили своих рабочих и крестьян вне закона. Массовые расстрелы в Александрополе, Карсе, Сарыкамыше и других местах, массовые аресты рабочих и крестьян и их руководителей, пытки в тюрьмах — все это возмущает совесть азербайджанского пролетариата и Красной Армии. Население бежит от своего правительства и находит убежище в Советском Азербайджане. Нам известно, что в Карсе вы расстреляли 300 человек. Предлагаем прекратить аресты и расстрелы наших товарищей и освободить всех арестованных. На это вам дается два дня. Если наше предложение не будет выполнено, мы будем считать, что вы решили продолжать свою политику.

Нанешвили, Микоян, Костанян, Авис».

Под влиянием этих вымыслов 4 июня Чичерин телеграфировал в Ереван: «Согласно достоверным сведениям, в Карсе и в других районах Армении арестованы сотни коммунистов. Правительство Армении до-

пускает самосуд и тайно расстреливает коммунистов. В частности расстрелян тов. Микоян (имелся в виду Анастас Микоян — Э. О.). Советское правительство с большим возмущением узнало о произволе, которыйчинится в отношении деятелей коммунистического движения».

Так возникали слухи о тысячах арестованных и расстрелянных, тогда как за всю историю большевистского движения в Армении было арестовано 234 человека, из которых 120 были оправданы и освобождены и всего трое расстреляны. Что же касается Микояна, то он никогда в Армении даже и не бывал. Эта недостойная позиция армянских большевиков, подтасовывание фактов, серьезно помешала переговорам между Арменией и советской Россией, которые уже были начаты и которые могли быть весьма успешными.

Еще 4 мая премьер-министр Армении А. Оганджанян послал Чicherину следующую телеграмму: «2-й Всероссийский съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов объявил право Армении на самоопределение, а председатель Совета народных комиссаров Ленин 13 декабря 1918 года провозгласил декрет об Армении. Ссылаясь на эти документы, правительство независимой, единой и демократической Армении предлагает правительству социалистической России начать переговоры о заключении договора между двумя республиками на основе признания независимости Армении и права армян на самоопределение».

17 мая Чicherин ответил: «Советское правительство сообщает свое согласие на заключение договора с правительством Армении, с целью создания дружественных связей между двумя народами. Советское правительство ждет вашей делегации». Когда делегация в составе Л. Шанта (председатель), Тертеряна и Зарифяна прибыла в Москву, они были поражены той атмосферой, которая была создана вокруг Армении посредством статей в газетах «Правда», «Известия» и других. Эту атмосферу создали армянские большевики, большинство которых никогда не было в Армении, а также действовавшие под маской коммунистов азербайджанцы, такие как Халил-паша и другие.

Но переговоры начались и протекали вначале успешно. Советская сторона приняла все условия армян-

ских предложений, и 10 июня Шант сообщил в Ереван, что русско-армянский договор составлен и будет подписан через два дня.

Но через 20 дней, 1 июля, Шант сообщил в Ереван: «Подписание договора упирается в единственную трудность, связанную с азербайджанской границей. Из Баку всячески стараются помешать заключению договора. Советское правительство признает справедливость наших требований и не хочет удовлетворить требования Азербайджана и армянских большевиков. Тем не менее последние упорно настаивают на своем и с помощью откровенной лжи влияют на ход переговоров, которые из-за этого затягиваются. Азербайджанское правительство хочет воспользоваться авторитетом России и фактом присутствия на Кавказе русских войск для осуществления программы мусаватистов по захвату Карабаха и Зангезура и земель, которые бесспорно принадлежат Армении. Россия желает взять на себя роль судьи в армяно-азербайджанском споре. Московское правительство готово быть посредником также между Мустафой Кемалем и Арменией по вопросу Западной Армении».

И так называемым «азербайджанским коммунистам» вместе с армянскими коммунистами удалось оказать воздействие на Москву, с тем чтобы подписание договора было отложено. А дальше события развернулись совсем трагично. Армянские и азербайджанские коммунисты Баку послали в Москву делегацию, которая потребовала у советского правительства отказаться от заключения договора с дашнакской Арменией. С другой стороны, азербайджанский Ревком с помощью 11-й армии занял Горис и постепенно стал продвигаться к Даралагязу. А один из конных полков занял Нахичевань.

1 августа Дро перешел в контрнаступление и отвоевал обратно весь Зангезур. Большевики в панике бежали, громя по пути мирное население. В этих боях погибли В. Хорени, А. Миранян, Сако и многие другие. Получив подкрепление, большевики снова вернулись, и снова заняли Горис. Затем они продвинулись к Кафанду и после трех недель жарких боев заняли город. Армянские войска удалились из Зангезура, и только Гарегин Нждэ с группой воинов остался в горах. Та-

ким образом. Карабах и Зангезур перешли в руки Советской власти, а боевые действия перекинулись на Нахичеванский фронт.

1 июля Чicherин телеграфировал в Ереван, что предполагает перенести переговоры в Ереван, для чего из Москвы в Ереван направляется товарищ Легран. Оганджянян ответил, что он не возражает против переговоров в Ереване, однако переговоры могут начаться лишь после прибытия делегации Шанта. 20 июня Легран в сопровождении Халил-паши прибыл в Баку и совещался с коммунистами Азербайджана. Затем он поехал в Тифлис, где с армянскими представителями А. Джамаляном и А. Бабаляном начал переговоры о прекращении огня в Зангезуре, Нахичеване и Карабахе. 10 августа было подписано соглашение о прекращении огня между советской Россией и Арменией. Согласно договору, войска советской России должны были занять Карабах, Зангезур и Нахичевань, но этим не решалась принадлежность этих районов. Она должна была решиться по договору, заключенному между Арменией и советской Россией.

14 сентября вернулась делегация Шанта, но только 11 октября в Ереван прибыл Легран со своей делегацией. Она состояла из 47 человек, в ее составе были Саак Тер-Габриэян, Ашот Оганесян и другие. Армянское правительство встретило Леграна и его делегацию с большими почестями. На следующий день начались переговоры между Леграном и Шантом.

Легран предъявил следующие требования:

1. Отказаться от Севрского договора.
2. Разрешить советским войскам пройти через Армению для соединения с частями Мустафы Кемаля.
3. Пограничные споры с соседями решать при посредничестве советской России.

Армянская делегация категорически отказалась признать первый пункт, а по остальным пунктам дала свое согласие и составила проект договора, по которому Советская Россия признавала независимость Армении и ее неприкосновенность в решении внутренних вопросов. В состав Армении должен был войти Зангезур, а вопрос Нахичевана и Карабаха должен был решаться впоследствии. Советская Россия должна была немедленно оказать содействие в прекращении вой-

ны между Арменией и Турцией. На границе, существовавшей в 1914 году, должна была быть создана нейтральная зона, а армяно-турецкая граница должна была быть определена при посредничестве советской России. Армения разрешала прохождение советских войск через свою территорию с условием, что 30 процентов вооружения, которое будет переправляться через нее, должны остаться ей — как средство самозащиты. Армения признавала посредническую роль советской России в деле определения границ с соседями. Советская Россия должна была выплатить Армении 2,5 миллиона золотыми рублями и вернуть армянское церковное имущество, находившееся в Москве. Был еще и ряд пунктов, касавшихся беженцев, железных дорог и другого.

Легран принял эти условия и выехал в Баку, чтобы получить окончательное согласие Москвы, а затем вернуться в Ереван и подписать договор. Поехал — и больше не вернулся. Проект договора так и остался проектом...

Между тем Турция снова готовилась к окончательной ликвидации Армении. Командующий 15 турецкой армии Кязим Карабекир 7 сентября прибыл в Анкару по вызову Кемаля. На следующий день под председательством Мустафы Кемаля был созван высший военный совет, на котором генерал Кязим Карабекир сделал обзор обстановки на Кавказе и предложил начать общее наступление на Армению, поскольку она является единственной территорией, удобной для Турции в отношении соединения с большевиками территориально. Военный совет спросил у Карабекира, достаточно ли у него войск для захвата Армении и уверен ли он в том, что ему удастся одержать победу над армянским войском. Карабекир ответил, что он уверен в победе, ибо имеет 4 дивизии, и, кроме того, ему будут помогать местные мусульмане.

Для Мустафы Кемаля оставался, однако, неясным еще один вопрос: как будет вести себя Грузия при нападении Турции на Армению. По этому поводу Кемаль сделал запрос в Баку, где в это время находилась турецкая делегация для участия в Съезде народов Востока. Член делегации Юсуф Кемаль-бей в срочном порядке поехал в Тифлис, а когда оттуда вернулся, по-

дал в Анкарку лаконичную телеграмму: «Дорога открыта».

23 сентября турецкие войска начали — без объявления войны — наступление на Армению. В тот же день, оправдывая свое бандитское нападение, правительство Турции опубликовало следующее заявление: «Агентство печати Анатолии считает своим долгом информировать мировое общественное мнение о тех боях, которые начались на Кавказе между нашими войсками и дашнакскими вооруженными группировками. Со дня основания правительства Армении существует решение уничтожить, либо выселить, турок, которые составляют 50 процентов населения Армянской Республики. Следуя этой политике, правительство заселяет беженцами те районы, где раньше проживали турки, и тем самым расширяет пределы своего национального государства. Пользуясь тем, что мусульманское население Армении было беззащитным, дашнаки в течение двух лет продолжали свою разрушительную работу. Печальная статистика показывает, что до конца 1919 года в Армении сожжены 199 турецких селений, а их население, общей численностью 135 000 человек, в основном уничтожено. И только незначительной части удалось бежать в Баку, где им было предоставлено пособие в размере 260 миллионов рублей.

Дашнаки не ограничились этой резней и, ворвавшись в Азербайджан, сожгли 50 деревень в Карабахе и уничтожили все их население. Эта преступная политика проводилась и в других районах Армении. Защищая наших братьев по ту сторону границы, которых преследуют и уничтожают, наш священный долг. Турецкий народ не имеет захватнических целей ни по отношению к армянскому, ни по отношению к какому-либо другому народу. Поэтому ответственность за пролитую кровь ложится исключительно на плечи армян и их империалистических защитников, которые преследуют цель разложения турецкой нации».

Объяснение это при всей его лживости было столь нелепым, что ему не поверили даже сами турки. Для всех было ясным, что Турция намерена посредством оружия и в союзе с советской Россией ликвидировать действие Севрского договора.

Правительство Армении обратилось к народу с призывом, который заканчивался так: «... Граждане! Перед нами турецкие войска. Нам остается либо умереть, либо победить. Мы должны победить. Как бы ни были тяжелы условия, оставьте ваши личные дела, и все отдайте фронту. Не должно быть в Армении ни одного дезертира. Ни один молодой человек не должен оставаться дома. Все для армии!

Крестьянин, рабочий, интеллигент, служащий, ремесленник, студент, женщины — все должны служить нашей армии, ибо только совместными усилиями можно разгромить отвратительную тиранию турецких пашей, и только тогда Армения станет свободной от турецкого мракобесия.

Поднимись, народ!

Да здравствует Единая и Свободная Армения!»

Правительственный призыв возымел должное действие: народ полностью поддержал правительство. Проходили бурные митинги на улицах, шла запись добровольцев, распространялись листовки с призывами «Все на фронт», писались статьи и прокламации. Словом, весь народ, все партии — кроме большевиков — были с правительством. Эсеры также выступали с призывом «Все на фронт, все для фронта, в борьбе обретем мы право свое!». В Тифлисе у армянского представительства собралось на митинг 10 000 армян. Они приняли решение всем отправиться на фронт. Солидарность среди всех слоев населения была абсолютной. В различных странах перед дипломатическими представительствами советской России проходили демонстрации протesta. Социалисты всех направлений выступали с пламенными речами о недопустимости сотрудничества социалистов с ханами и беками. «Россия — не защитник, а могильщик пролетариата», — говорил на митинге в Тифлисе редактор газеты «Трудящийся» Г. Газазян.

Многотысячный митинг протesta возле представительства советской России в Тифлисе вынудил одного из его сотрудников, Старка, выйти к народу с объяснениями. Окруженный своими сослуживцами, он вел один на один диалог с участниками митинга, сумевшими весьма точно, и даже пророчески (несмотря на начал эмоций людей), определить природу власти, побе-

дившей в России и сотрудничавшей с турками. Поэтому приводим запись этого диалога довольно подробно, как это дано в книге участника событий тех дней С. Врацяна.⁴⁸ «СТАРК: Вы, видимо, хотите знать о нашем отношении к событиям на границе Армении?

— Знаем, — прервали его из толпы, — ответьте, что вы собираетесь делать.

СТАРК: Я отвечу. Рабоче-крестьянская республика России с первого дня своего существования решила признать право наций на самоопределение, вплоть до отделения и независимости.

ТОЛПА: Это только слова. Что на самом деле?

СТАРК: Мы признали это право не только на словах, но и на деле.

ТОЛПА: Лжете, приведите факты!

СТАРК: Пожалуйста факты: мы признали независимость Эстонии, Литвы, Финляндии, Польши.

ТОЛПА: Признали — когда вам поломали зубы!

СТАРК: Признали независимость Грузии. Признали, признаем и будем признавать независимость Армении, поскольку этого желает трудящийся народ Армении.

ТОЛПА: Не признаете! Энвер обидится! Ваш союзник Мустафа-паша тоже, как вы, «хочет» признать. А Карабах, Зангезур, и Казах — что вы о них скажете? Не болтай, а верни наш Карабах!

СТАРК: Наша политика была политикой мира!..

ТОЛПА: (смех, свист, возгласы «Врешь!»)

СТАРК: На многих фронтах пролилась кровь не по нашей вине...

ТОЛПА: ... по вашей! По вашей! Придет время — и вы ответите русскому народу за эту кровь!

СТАРК: Эта кровь пролилась по вине Антанты...

ТОЛПА: Врешь! По вине большевиков! Бандиты!..

СТАРК: На Востоке мы защищаем угнетенные народы от Антанты, для нас дороги интересы армянских трудящихся...

ТОЛПА: Лжешь! Не оскорбляй этот народ!

СТАРК: ... дороги интересы также иранских, индийских и турецких трудящихся.

ТОЛПА: Неправда! Вам дороги лишь интересы энверов, беков и господ!

⁴⁸ С. Врацян. Республика Армения, Париж, 1928.

СТАРК: Однако дашнакская партия взяла сторону империализма и превращает Армению в орудие Антанты.
ТОЛПА: Врете! Дашнакская партия и есть армянские трудящиеся!

СТАРК: Армянский народ должен избрать один из двух выходов: либо он с нами, либо он продолжает свою старую политику. Два месяца назад мы предложили свое посредничество между Арменией и Турцией.

ТОЛПА: Ваше посредничество обернулось событиями в Зангезуре, Карабахе, Казахе и Нахичеване.

СТАРК: Армения до сих пор не ответила, а Турция согласна на наше посредничество...

ТОЛПА: Убирайся! (многократный свист).

СТАРК: Вот мой ответ!»

Под громкий свист и угрозы Старк буквально убежал от разъяренной толпы.

Нужно сказать, что в грузинских политических кругах весть о войне вызвала сильнейшее возмущение. Исключение составляли лишь крайне экстремисты, которые надеялись в ходе войны решить вопрос принадлежности Лори и Ахалкалака. Газета «Этроба» в номере 2279 писала: «То, что Кемаль-паша ненавидит Армению, ни для кого не является секретом. Но мы не могли предположить, что коммунисты окажутся настолько подлыми, что протянут руку этому людоеду. Подружившись с Кемалем, русский империализм полностью себя разоблачил. Чем можно оправдать нападение Кемаля? Только его зверскими намерениями. Чем он руководствуется? Только ненавистью к Армении».

А газета национал-демократов «Сакартвело» писала: «Мы должны поднять свой голос в защиту права армян на самооборону, ибо если Кемаль осуществит свой замысел, то Грузия окажется окруженной кемалистско-большевистскими войсками. Общая опасность требует от Армении и Грузии напряжения усилий, чтобы отстоять свободу, приобретенную ценой крови наших лучших сынов. Для достойного отпора врагу мы должны заключить военный союз. Вопрос заключения такого союза должен стать темой текущей политики».

Газета социал-демократов Грузии «Сахалко Сакмен» выражала то же самое мнение: «Несчастье Армении — это наше грузинское несчастье. Кулак наси-

лия поднят для удара не только по Армении, но и по Грузии. Направленный против Армении штык угрожает также свободе Грузии».

И только большевистская газета «Коммунист» с ликованием писала (номер от 25 октября): «Остается только радоваться, что дашнакская Армения находится в положении бодливой коровы, которой бог рог не дает.

Излишне также говорить, как восторгалась по поводу наступления Турции на измученную Армению бакинская газета «Коммунист», азербайджанская часть которой восхваляла Кемаля, а армянская — советскую Россию.

Что же касается союзников, то многократные обращения Армении к ним за помощью остались без ответа, если не считать моральной поддержки и еще полученного от Англии военного обмундирования на сумму в 1 миллион золотых рублей.

В таких условиях началась война. Армения осталась совершенно одна, в полном смысле этого слова, и совсем не была готова к этой войне. К тому же Азербайджан начал блокаду, и Армении неоткуда было получать нефть. Большевики же разлагали армию своими антиправительственными лозунгами, а часть солдат была отпущена домой на уборку урожая.

С 20 октября турки начали штурм на Сурмалинском фронте. Военные наблюдатели полагали, что турецкая армия, в считанные дни захватив Армению, закончит войну. Но уже на Сурмалинском фронте туркам пришлось встретить упорное сопротивление армянских войск. Жаркий бой длился весь день, а к вечеру армяне отступили к Араксу. Однако на следующий день они снова пошли в контратаку и снова отвоевали свои позиции. Бои за Сурмалу длились три дня. Половина армянских солдат и офицеров была убита, но армяне не сдали города.

Гораздо неудачнее сложились бои за Карс. Генерал Силикян решил напасть на турецкие войска, не дожидаясь их атаки, но эта операция не удалась. Сначала турки оказали яростное сопротивление, а затем пошли в контратаку, да еще с использованием самолетов, появившихся тогда. Упорные бои на всех фронтах убедили турецкое командование, что идея захвата всей Армении просто бред, и после падения Карса — что

стоило туркам огромных потерь, — Кязим Карабекир предложил мир на следующих условиях:

1. Александрополь должен быть очищен от армянских войск, но и турецкие войска занимать его не станут. Управление городом будет передано населению.

2. Учитывая важность Александрополя для железнодорожной связи Тифлис — Ереван, турецким войскам не должно быть запрещено осуществление контроля над железной дорогой.

3. Во время прекращения огня ни на одном фронте не должно быть нападений на турецкие войска и обстрелов его.

Правительство Армении согласилось с этими условиями, и 7 ноября приступило к их осуществлению. Однако 8 ноября Кязим Карабекир от имени своего правительства потребовал уже более жестких условий прекращения огня. Он требовал, чтобы армяне сдали туркам 2000 маузеров, 20 пушек, 40 пулеметов, 4000 мулов, 1000 ящиков боеприпасов, 6000 снарядов, 2 паровоза, 50 вагонов. Кроме того, он требовал, чтобы армянские войска отошли за линию, которую они с боями удерживали за собой.

Правительство Армении эти условия не приняло — и снова слово осталось за оружием. 11 ноября возобновились боевые действия, которые, однако, продлились недолго. Армянские войска после упорных боев в Джансуре и Азине потерпели поражение. 22 ноября Армения сдала Турции все, что та требовала.

Одновременно правительство Армении обратилось к Москве с просьбой о посредничестве. Чичерин дал положительный ответ и назначил Буду Мдивани посредником на армяно-турецких переговорах. За три дня до этого, 18 ноября, армянское правительство послало в Тифлис Хатисяна, чтобы тот выяснил настроения союзников. Союзникам нечего было сказать. Лишь представитель Англии Стокс ответил на запрос Хатисяна. Он сказал, что армянам ничего не остается больше, как выбор из двух зол меньшего: мира с советской Россией.

23 ноября в Александрополь отправилась армянская делегация во главе с А. Хатисяном. Через день туда приехал Мдивани, который вместе с Леграном прибыл

в Армению для встречи с членами армянского правительства. Турки отказались признать посредничество Мдивани, и тот в Александрополе занялся антидашнакскими митингами и речами.

Перед началом переговоров армяне вынуждены были объявить, что отказываются от условий Севрского договора. Армянская делегация требовала всю российскую Армению, Van, часть Битлисского вилайета, Муш, Баязет и выход к морю с пристанью в Ризе. Турки, естественно, не согласились, и после нескольких дней бесполезных переговоров, 2 декабря, Кязим Карабекир представил в виде ультиматума условия договора из 15 пунктов, согласно которым Армения имела право содержать войско лишь в количестве 1500 солдат; беженцы из турецкой Армении могли вернуться на родину в течение одного года, исключая тех, кто с оружием воевал против Турции; Карс и Сурмалу считались спорными территориями до проведения там референдума; Нахичеван и Карабах временно получали самоуправление и находились под мандатом Турции — до окончательного решения их статуса. Турция обязывалась освободить армянские территории, когда армянская армия будет расформирована. Сами же границы Армении определялись так: от южной части Ахалкалакского района на юг до Баш-Шарагяла и Арпачая, по течению Арпачая до места слияния с Араксом, по течению Аракса до станции Аракс, а оттуда до села Чайкенд.

Когда шли в Александрополе эти переговоры, в Армении произошла смена правительства. А. Оганджян подал в отставку и С. Врацян образовал новое правительство, в котором Дро Каанаян был назначен министром обороны. Не успело это правительство в труднейших условиях начать свою деятельность, как на его пути, 29 ноября, снова помехой встали большевики: с помощью азербайджанцев они вошли в Иджеван, объявив, что тем самым они установили в Армении Советскую власть (и с тех пор с той же бессовестностью этот день и празднуют!), а 30 ноября Легран, в виде ультиматума правительству Армении, потребовал советизации страны. И тут, действительно, выбиря из двух зол меньшее, по решению дашнакской фракции парламента правительство Армении вынуж-

дено было подписать следующее соглашение с правительством советской России.

«СОГЛАШЕНИЕ»
**МЕЖДУ ПОЛНОМОЧНЫМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ РСФСР
И ПРАВИТЕЛЬСТВОМ АРМЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Полномочный представитель РСФСР тов. Легран, с одной стороны, и тов. Дро и Тертерян — с другой от имени правительства Советской России и Армянской Республики 2 декабря заключили следующее соглашение.

1) Армения объявляется независимой социалистической республикой.

2) До созыва съезда Советов Армении образуется Временный военно-революционный комитет, к которому переходит вся полнота власти в Армении.

3) Российское советское правительство признает бесспорно входящими в состав территории Армении: Эриванскую губернию со всеми входящими в ее состав уездами, часть Карской области, обеспечивающую ее в военном отношении обладанием железнодорожной линии ст. Джаджур — ст. Аракс. Зангезурский уезд Елизаветпольской губернии, часть Казахского уезда той же губернии, в пределах соглашения от 10 августа, и те части Тифлисской губернии, которые находились в обладании Армении до 28 октября 1920 г.

4) Командный состав армянской армии не подвергается никакой ответственности за действия, совершенные в рядах армии до провозглашения советской власти в Армении.

5) Члены партии Дашиакцутюн и других социалистических партий Армении не будут подвергнуты никаким репрессиям за принадлежность к партии.

6) В состав Военно-революционного комитета входят пять членов по назначению коммунистической партии и от групп левых дашнаков два члена по соглашению с партией коммунистов.

7) Российское советское правительство принимает меры к немедленному сосредоточению военных сил, необходимых для защиты независимости Социалистической Советской Республики Армении.

8) По подписании настоящего соглашения правительство республики Армении устраивается от власти; власть временно до прибытия Ревкома переходит к военному командованию, во главе которого становится т. Дро, комиссаром РСФСР при военном командовании Армении назначается т. Силин»⁴⁹.

С 3 декабря Армения стала советской. Армянские большевики приходили от этого соглашения в бешенство: как же без них и без кровавой революции можно устанавливать Советскую власть? Они открыто протесто-

⁴⁹ Г. Поречин. Советские республики в их взаимоотношениях.

вали Леграну, заявляя, что договор от 2 декабря недействителен, что советская власть в Армении была установлена уже 29 ноября (когда несколько десятков азербайджанцев и армянских большевиков вошли в Иджеван и стали разбрасывать листовки).

6 декабря в Ереван прибыл Ревком и тут же объявил недействительным соглашение, заключенное Леграном. И вот тогда и началась настоящая советизация Армении.

Дашнакская партия была объявлена вне закона. Газета «Коммунист» опубликовала передовицу, в которой в частности, было сказано: «Необходимо физически уничтожить дашнаков». «Мы должны разжечь в деревне гражданскую войну,— писала эта газета.— Деревню нужно разбить на кулаков и нищих и поставить их друг против друга в кровавой войне. Без этой войны в Армении не может быть упрочена Советская власть». В начале января эта газета в двух статьях: «С нами или против нас» и «Проблема единой и независимой Армении» набросилась на западных армян, которые никак не хотели забыть о своей родине. Газета писала, что и речи не может быть о требовании территории у «революционной и демократической» Турции. «Хватит жить надеждами и обещаниями, данными империалистами»,— писали большевики, обращаясь к западным армянам.

Армянская армия была расформирована. 1500 офицеров, в том числе генералы Назарбекян, Ахвердян, Силикян, зимой были отправлены пешком в Сибирь. Сослали также Дро с его офицерами. Тюрьмы были переполнены арестованными. А. Оганджанян, А. Саакян, О. Каразнуни, Л. Шант, Н. Агбалян, А. Чилингарян, Б. Шиханян и многие другие были взяты заложниками.

В ночь на 17 февраля были зверски уничтожены более 50 человек, в том числе Амазасп, полковник Горганян, Серго, Македон, Григор и другие. Тerror был так жесток, что население Александраполя не увидело различия между ушедшими турками и начавшими править большевиками. Вот как описывает ужасы, пережитые в эти дни в ереванской тюрьме, Каро Сасуни.

«С наступлением темноты начиналась адская деятельность. Вооруженные револьверами люди, со свечой в руке, открывали с мягким скрипом дверь одной из камер, и один из них читал по списку: «Амазасп, Сеник Оганджанян, Аршак Мелконян».

И так далее. Им приказывали выйти с вещами. А через несколько минут под окнами раздавались удары топора и крики: «Помогите! Ради Бога, помогите! Во имя человечности, помогите!..» Но эти вопли постепенно стихали под ударами топора. А мы в своих камерах, прижавшись друг к другу, с ужасом ждали своей очереди. Были среди нас те, кто не терял своего революционного самообладания и мужества, но большинство, слыша стоны и вопли своих товарищей, переживали нервное потрясение. А люди с зажженными свечами со скрипом открывали уже следующие двери и так же спокойно читали другие фамилии. Когда выводили Амазаспа, он обратился к своим окаменевшим сокамерникам и спокойно сказал: «Товарищи, я больше не увижу вас. Я иду умирать за нашу нацию и наши идеи».

В тюрьме действовала бригада кровопийцы Ависа. В одной из камер заключенные решили забаррикадировать двери и не впускать убийц. Но по приказу Ависа из окон стали стрелять из пулеметов и стреляли до тех пор, пока в камере не осталось ни одного живого. Подойдя к окну, весь окровавленный Сеник Оганджанян крикнул: «Да здравствует Армянская революционная федерация!».

И вот в эту самую ночь, 18 февраля, началось всенародное восстание, которое было подготовлено Комитетом Спасения Родины. Председателем комитета был последний премьер-министр Армении Симон Врацян. Мы не станем здесь описывать те бои, которые вели народные ополчения против большевиков и Красной Армии. Достаточно сказать, что восстание началось в ночь на 18 февраля, а уже утром власть в Армении была в руках Комитета Спасения Родины.

Красная Армия и большевики с позором бежали. Это не оставляло никакого сомнения в том, что дашнаки добровольно отдали власть большевикам, руководствуясь гуманными и политическими соображениями; когда же они поняли, что большевики и не собирались выполнять условий заключенного соглашения, дашнаки смогли с легкостью получить власть обратно, ибо за ними была поддержка народа. Народ горячо приветствовал их возвращение к власти.

В ереванской тюрьме

18 февраля, через два с половиной месяца, после добровольной советизации Армении, Комитет Спасения Родины обратился к народу:

«Граждане, большевистская власть в Армении ликвидирована. До того, как будет создано правительство, вся власть находится в руках Комитета Спасения Родины. Все граждане должны соблюдать порядок. Все приказы, изданные Комитетом Спасения Родины, должны неукоснительно выполняться».

В Ереване был объявлен комендантский час. Весть о перевороте была сообщена в Европу, Москву, Тегеран, Анкару. А в Тифлис была дана следующая телеграмма:

«Армянские трудящиеся, не выдержав тяжелого бремени и бандитских действий коммунистов, 18 февраля все как один поднялись на восстание и в героических схватках положили конец большевистскому угнетению, восстановив родную им власть. До создания нового правительства власть в стране берет в свои руки Комитет Защиты Родины. Сообщая об этом вам и грузинскому народу, армянский народ надеется, что Грузия не подвергнется тем испытаниям, которые выпали на долю армянского народа. Комитет спасения Родины временным поверенным в делах назначает господина Тиграна Бегзадяна и просит сообщить ему о его назначении, с тем чтобы он в срочном порядке приступил к своим обязанностям.

Председатель Комитета Спасения Родины
С. Врацян».

Ответ был получен только через три дня. Как выяснилось, правительство Грузии не поверило этой телеграмме, думая, что это «совместная провокация Касьяна — Врацяна», которые, сговорившись, решили спровоцировать Грузию.

Хронология дальнейших событий такова.

Утром 18 февраля были освобождены из тюрьмы оставшиеся в живых заключенные. Весь день народ ликовал. Ереван был в трехцветных флагах, люди спонтанно организовывали шествия по городу, напоминавшие парад. Музыка, флаги, цветы — все это говори-

ло о высоком авторитете дашнакской партии. Народ любил ее и в своем полном доверии к ее целям был готов выполнять задачи, которые она определяла как главные. Из всех районов республики поступали поздравительные телеграммы — народ всюду праздновал свое освобождение. Правительство же немедленно приступило к организации армии для самообороны.

Большевики из Армении бежали в Шарур-Нахичеван, к туркам, откуда военный комиссар Авис Нуриджанян подал в Москву и Баку следующую телеграмму: «Группа маузеристов под руководством палача Врацяна заняла радиостанцию гор. Еревана и передает в эфир небылицы о том, что будто бы в Армении совершен переворот и что восстановлена старая власть. Они пожалеют о своей затее, ибо захлебнутся в собственной крови».

19—20 февраля были в Армении полностью организационными. 19 февраля вышел в свет 36-й номер газеты «Свободная Армения», органа Комитета Спасения Родины. 20 февраля был основан Военно-революционный суд, который подверг национализации все имущество, оставленное большевиками. Затем была составлена комиссия для возврата награбленного большевиками имущества его прежним хозяевам. Была создана комиссия под председательством Качазнуни, которая должна была выдать пособия семьям жертв большевизма. Этой комиссии было выделено сначала 10, а затем — 50 миллионов рублей. Состоялось чрезвычайное заседание Ереванского, городского совета, и мэром города была избрана Аршалуйс Аствацатурян. В тот же день началось восстание в Нор-Баязете.

21 февраля работали уже все общегосударственные и городские учреждения. В этот день хоронили убитых во время восстания большевиков. Присутствовал весь город, но речей никто не произносил. Открылись государственные столовые. Вышел указ о помиловании тех, кто воевал на стороне большевиков,— при условии, что они сложат оружие и признают Комитет Спасения Родины. Возобновил свою деятельность ереванский университет.

21 февраля был получен ответ правительства Грузии, где было сказано:

«Горячо поздравляем по поводу освобождения вашей страны от тяжелого ига. Мы с радостью уз-

нали, что армянский народ не участвует в борьбе большевиков против нас и что вы твердо решили отстоять независимость вашей страны. Правительство Грузии предлагает вам немедленно объединиться вместе с нами и ударить с тыла по большевикам. Грузинский народ встал на защиту своей родины и вот уже второй день успешно отбивает все атаки большевиков. Франция окончательно приняла нашу сторону, и ее военный флот бомбит большевистские силы. Мусульмане враждебно настроены к большевикам и вместе с нами подняли восстание. Началась всеобщая борьба кавказских народов за освобождение от московского гнета. Просим немедленно принять меры для восстановления сознания обманутого большевиками армянского крестьянина. Постоянно держите нас в курсе событий.

За министра иностранных дел
Сабахтарашвили».

На эту телеграмму Комитет Спасения Родины ответил, что армяне никак не участвуют в войне большевиков против Грузии, что армяне сами воюют против большевиков за свою свободу и что организация общего фронта была бы полезной для обеих стран. Однако сообщение о том, что Франция «окончательно приняла нашу сторону», в Ереване было воспринято с недоверием, да и сама телеграмма, как пишет С. Врацян, напоминала скорее листовку, чем правительственную депешу.

22 февраля была основана Чрезвычайная комиссия для борьбы с государственными преступниками, контрреволюционерами и расхитителями. Из денежного обращения были изъяты армянские чеки, и в употребление были введены деньги, отпечатанные за границей, из расчета: 1 новый рубль за 100 чеков.

В тот же день Комитет Спасения Родины обратился к азербайджанскому населению Армении с призывом покончить со взаимной враждебностью. «Какова бы ни была политическая ситуация в мире,—сказано было в обращении,—нашим двум народам суждено жить бок о бок. Давайте с сегодняшнего дня забудем прошлые ошибки и взаимные обиды и протянем друг другу руку

братства, чтобы совместно принять участие в государственной и общественной жизни Армении».

22 февраля стало известно, что, убегая из Камарлинского района, большевики учинили зверства и насилие, ограбили население, убили 60 человек и увезли с собой молодежь района.

23 февраля продолжалось общее воодушевление, и народ с поразительной солидарностью продолжал антибольшевистскую борьбу: в этот день была образована группа добровольцев из 60 человек, представителей народной партии, которая отправилась на фронт и впоследствии приняла активное участие в героических битвах с большевиками.

24 февраля на всей территории Армении был объявлен сбор пожертвований в пользу Комитета Спасения Родины.

Бежавшие из Армении большевики постарались разжечь на весь мир истерию, что якобы дашнаки убивают в тюрьмах большевиков. И вот 25 февраля по предложению председателя Комитета Спасения Родины С. Врацяна представители иностранных государств посетили тюрьму в Ереване. Среди инспектирующих были: консул Ирана Асатулла-хан, американец доктор Ачер и торговый представитель Италии. Они встретились и беседовали с заключенными-большевиками. После этого посещения иностранная делегация сообщила Комитету Спасения Родины, что тюремные условия они нашли удовлетворительными.

26—27 февраля большевики со стороны Шарура начали общее наступление. Их бронепоезд 27 февраля прорвался к Еревану и стоял на расстоянии двух-трех километров от городской станции. Город превратился в крепость. По зову Комитета Спасения Родины на ноги встал весь народ. Женщины, идя от дома к дому, собирали добровольцев. На фронт ушли все, включая официальных лиц, редакторов газет. Это была памятная для Еревана ночь...

28 февраля рано утром начался бой. Весь день гремели пушки и пулеметы. Вражеские снаряды падали на город в районе кладбища и американского интерната. После интенсивного обстрела большевики рванулись на город, но были отбиты. Еще одна атака — и снова она отбита. Ереван превратился в стальную крепость. Все

попытки большевиков прорваться вперед разбиваются о бетонную стену героизма защитников города. В этих боях погибли многие патриоты, уроженцы самых разных мест Армении. Вот имена некоторых из них: Манук (Хнус), Мигрдат Мирзаханян (Ван), Маркар Галешханян (Ван), Саркис Брутян (Возм.), Агаси Гзартмян (Ван), Овсеп Чауш (Ван), Ваган Петросян (Ван), Аветик Оганесян (Ван), полковник Минас Минасян и Минас Погосян (Гохт), Айрапет Бабаян (Ереван), Абел Хачатуриян (Ахалцха), Мигран Абаджян (Алашкерт), офицер Мигран Азарапетян (Ахалцха), Левон Шалгян (Ван), Айк Карапетян (Ван).

В этот день, 28 февраля, армянские вооруженные бригады начинают заходить в тыл противника.

1 марта в городе царит жуткая тишина. Затаив дыхание, город ожидает очередной канонады. Но проходят часы, и все та же тишина: оказывается, боясь окружения, враг ночью бежал! Народ в неописуемом восторге. По улицам шагают новые отряды добровольцев, отправляющиеся на фронт. Армянские войска преследуют противника, он отступает. Но, отступая,— успевает убивать крестьян, громить и грабить армянские деревни.

Специальная комиссия по этому поводу отправилась в Камарлу и стала свидетелем чудовищной картины: большевики убили около 100 крестьян, некоторых — топорами. Трупы были брошены в колодцы и в винные карасы. Скот, хлеб и все продовольствие были увезены, оставшиеся в живых умирали от голода.

2 марта продолжалось преследование большевиков, они отступали к Шаруру, где их ожидала помощь Абаса Кули-бека.

3 марта в мечети Геой состоялся митинг дружбы армян и мусульман, на который прибыл принятый с особыми почестями Симон Врацян. Мусульмане рассказали о своих проблемах и поклялись быть верными армянскому государству и вместе с армянами воевать против большевизма.

7 марта на фронт отправилась добровольческая бригада езидов (курды особого религиозного вероисповедания — Э. О.) под руководством Джангира и Юсуфбека.

10 марта начала выходить военная газета «Размик», которая организовала День раненого солдата и собрала

для раненых 16 743 350 рублей, хлеб, рис, картофель и другие продукты. Голодный народ с горячей щедростью отдавал раненым солдатам последнее.

В тот же день Комитет Спасения Родины направил Чичерину следующую телеграмму:

«Россия не может не признать волю армянского народа жить свободно, без опеки чужих штыков. Трудящиеся Армении верят, что вместо отправки штыков и бомб Советская Россия могла бы более цивилизованными средствами решать все спорные вопросы и создать дружественные отношения между Великой Республикой и маленькой, но имеющей огромную волю к свободе, Арменией».

12 марта, имея в виду турецко-английские переговоры в Лондоне и турецко-большевистские переговоры в Москве, Комитет Спасения Родины отправил Чичерину следующую телеграмму:

«Комитет Спасения Родины в свое время сообщил Вам, что в результате всеобщего восстания свергнуто советское правительство в Армении. С 18 февраля вся власть в стране перешла в руки представителей подлинной демократии. Между тем представитель министерства иностранных дел бывшего правительства Бегзадян продолжает на переговорах в Москве выступать от имени Армянской Республики. Считаем необходимым еще раз обратить Ваше внимание на тот факт, что с 18 февраля все полномочия представителей бывшего правительства недействительны и Бегзадян не может говорить от имени Армении. Настоящим правительство Армении заявляет, что для него не будут действительны все соглашения и договоры, которые будут подписаны Бегзадяном, и все те обязательства, которые будут им даны.

С. Врацян».

13 марта С. Врацян побывал в Эчмиадзине, Ошакане и Аштараке, где провел смотр войск и переговоры с местными властями.

15 марта в Ереване, Вагаршапате и Аштараке был объявлен призыв в армию молодых людей от 20 до 32 лет. И в этот же день большевики Шарура пошли в новое наступление. По решению дашиакской фракции

Союза студентов вся дашнакская молодежь встала под ружье.

16 марта начались военные действия, и на фронт отправились многочисленные группы, в том числе и представители интеллигенции. Улицы Еревана опустели. Начались яростные бои. Большевикам снова удалось захватить Камарлу, и снова они появились под Ереваном. На этот раз они наступали со стороны Агбаша, Ахты и Арагата.

Правительственные войска оставляют Ахту и отступают к Сухому Фонтану. Комитет Спасения Родины публикует обращение ко всем народам Армении и призывает всех совместно бороться против большевиков.

18 марта начинает выходить в свет газета на азербайджанском языке «Азат Эрменистан». В этот же день основано Управление печати и пропаганды, руководителем которого назначен Чилингарян (Р. Дарбинян).

19 марта, после пятидневных боев, армяне предприняли контрнаступление на Камарлинском направлении и вернули Ахбаш. Разбитый враг начал отступать.

20 марта армянские войска взяли штурмом Камарлу, и большевики отступили в Шираглу, под защиту своих бронепоездов. Всюду, где побывали большевики, народ был в буквальном смысле ограблен. В тот же день С. Врацян, О. Карапетян и А. Оганджянян посетили Камарлу и осмотрели позиции армянских войск. Вечером в Ереван прибыл поэт Ованес Туманян, и Комитет Спасения Родины направил Орджоникидзе следующую телеграмму:

«Сегодня в Ереван прибыл поэт Ованес Туманян, из сообщений которого стало ясным, что Вы совершенно неправильно представляете происходящее в Армении. Переворот в Армении не есть дело безответственных лиц, а в буквальном смысле — дело всего народа, который воюет за свое существование. Знайте, что только по трупам армянских рабочих и крестьян можно дойти до Еревана. Туманяну дается полное право и возможность изучить ситуацию и доложить о ней Вам».

22 марта в Сурмалу было создано отделение Комитета спасения Родины под руководством известного профессора Ер. Франгяна. Начала издаваться газета на русском языке «Свободная Армения».

23 марта были назначены помощниками министра снабжения видные граждане азербайджанского происхождения, и азербайджанцам, проживавшим в Эчмиадзинском районе, было выделено 5 миллионов рублей для закупки семян. Крестьянам-азербайджанцам Раздана для тех же целей было выделено 15 миллионов рублей.

24 марта, ознакомившись с обстановкой, встретившись с руководителями и народом и проконсультировавшись с представителями различных партий, Ованес Туманян направил Орджоникидзе следующую телеграмму:

«Вот уже 5 дней, как я нахожусь в Ереване. Познакомившись с обстановкой на месте, я убедился, что наши представления о событиях в Армении не соответствуют действительности. Движение началось среди крестьянства и распространилось до Еревана, потянув за собой интеллигенцию. Создалась следующая ситуация: с оружием в руках друг против друга поднялись, с одной стороны, рабочие, крестьяне и служащие Армении, с другой — коммунистические группы, и льется кровь безо всякого на то основания. На фронте товарищи коммунисты говорили, что за все время революции Красная Армия не вела более бессмысленной войны, чем та, которую она ведет сейчас. Поэтому настоятельно прошу Вас — сделайте все от Вас зависящее, чтобы, как можно скорее, прекратить эту никому не нужную войну.

Считаю необходимым сообщить, что после переворота в Армении не расстрелян ни один коммунист и ни один военнопленный. Если потребуются дополнительные сведения, прошу вызвать меня к радио, и я дам Вам нужные сведения».

Эта телеграмма была послана в Тифлис, где находился Орджоникидзе. Ответа на нее не последовало. Напротив, Орджоникидзе направил Комитету Спасения Родины ультиматум о немедленной капитуляции, и в тот же день Красная Армия пошла в наступление на всех фронтах: итак, предстояла война против огромной России, вступать в которую маленькая и измученная страна Армения, естественно, уже не могла.

2 апреля Комитет Спасения Родины с многотысячной толпой солдат, офицеров, интеллигенции, рабочих и слу-

жащих отступил в Зангезур. Ереван погрузился в национальный траур.

С падением Еревана борьба за независимость переместилась в Зангезур, поэтому необходимо несколько подробнее остановиться на событиях, развернувшихся в этом крае. В конце 1919 года по требованию крестьян Зангезура весь этот район вошел в состав Армянской Республики, и тем самым был положен конец поползновениям азербайджанцев на Зангезур, который включал в себя: Кафан, Сисиан, собственно Зангезур и Аревик-Генвази. Здесь происходили ожесточенные схватки между армянами и азербайджанцами, в результате которых в Зангезуре не осталось ни одного азербайджанца: все они переселились либо в Нахичеван, либо в армянские села Азербайджана, которые были оставлены армянами. Зангезур всегда считал себя частью Армении и неоднократно эту свою принадлежность подтверждал на своих съездах и в официальных решениях.

Когда Андраник со своим войском ушел из Зангезура, англичане попытались присоединить Зангезур к Азербайджану, однако успеха не имели. Тогда правительство Азербайджана решило с помощью войска Нури-паши силой захватить Зангезур и несколько раз атаковало этот горный район, однако все атаки были отбиты зангезурцами, и Нури-паша отступил. Героическая оборона зангезурцев — одна из блестящих страниц национально-освободительной борьбы армянского народа, которая должна была завершиться присоединением к Армении Карабаха. Но произошла советизация Азербайджана, и события приняли иной оборот. Азербайджанский Ревком потребовал капитуляции Зангезура и Карабаха, но военных действий не начинал, он хотел достичь своей цели быстрым путем. Было, однако, ясно, что путем ультимативных требований он ничего не достигнет, и военные действия ожидались обеими сторонами. Армянское войско в Карабахе было малочисленным, и вряд ли ему удалось бы выдержать натиск азербайджанцев, на стороне которых стояла Красная Армия. Армянские войска поэтому из Карабаха ушли, и он был занят большевиками. Народ не сопротивлялся, поскольку для него мусаватистское правительство Азербайджана уже не существовало, а в Карабах шли русские. Население сложило оружие и с распростертыми объятиями встретило

пришедших. Войдя в Карабах, большевики послали своих агитаторов в села Зангезура и начали кампанию невоенного захвата Зангезура, затрачивая на это огромные средства.

Однако в отношении зангезурцев такая кампания не могла оказаться эффективной. Тогда, 29 июня, в одно из сел Зангезура, Тех, была направлена делегация из 15 большевиков, которая потребовала, чтобы Зангезур признал советскую власть. Зангезурцы отказались. Увидев «антисоветские настроения» зангезурцев и боясь расправы, делегация ночью бежала из Зангезура.

Через несколько дней Красная Армия (ее 11-я армия) двинулась на Нахичеван, чтобы вступить в контакт с войсками Кемаля Ататюрка. Она решила упредить вступление в Нахичеван армянских войск, которые могли сорвать ее планы. Ночью 5 июня Красная Армия вторгается в Зангезур, арестовывает нескольких армянских офицеров и устраивает погром в селе Корнидзор. Немногочисленное армянское войско после коротких боев отступает в Даралагяз. 5 июля большевики заняли Горис, Сисиан и послали в Нахичеван 252-й полк с конницей. Азербайджанская часть населения Нахичевана поддержала большевиков, ибо они отторгли Нахичеван от Армении.

Заняв Зангезур и Сисиан, 8 июля большевики направили в Кафан одно подразделение, однако в селе Хотан они встретили яростное сопротивление крестьян и отступили, забрав в плен уважаемого всеми политического деятеля Смбата Мелик-Степаняна. В Зангезуре и Сисиане большевики устанавливают присущий им террор, и тюрьмы заполняются местными политическими деятелями.

Конечно, эта власть, основанная на лжи и насилии, не могла долго существовать в Зангезуре. Крестьяне очень скоро поняли, что они обмануты, что пришедшая власть — никакие не русские и что большевики — это особый разряд людей, которые, независимо от национальности, прибегают к насилию всюду, куда они приходят. Молодежь из всех деревень ушла в горы и нашла убежище в Даралагязе. Она-то и начала восстание против большевиков.

Восстание началось одновременно в Сисиане и Кафани. В Кафани находился Гарегин Нждэ со своими со-

ратниками, а сисианским восстанием руководил офицер из села Хотан Погос Тер-Давтян. 12 октября Тер-Давтян с 200 молодыми людьми прибыл в Сисиан. К нему присоединились все крестьяне и армянские воины. Восставшие в тот же день арестовали часть большевиков, а другая часть бежала. 14 октября весь Сисиан был освобожден от большевиков. Молниеносной победой завершилось также восстание в Кафане, где немногим из большевиков удалось бежать, основная масса их была взята в плен. 19 октября Кафан был свободен от большевиков. Командир 28-й дивизии Нестеренко 14 октября следующим образом докладывал обстановку:

«Почти весь Зангезур объят восстанием. Восставшие армяне заняли Ангехакот — Каракилис, весь Кафандский район и Охчи, а также Мегри. Связь со 2-м и 252-м полками прервана. Малочисленные войска в Кафане окружены и об их судьбе ничего не известно. 251-й полк ведет бои с противником на Инчабельских высотах».

Командование Красной Армии решило потопить в крови восстание в Кафане и Сисиане. В Зангезур срочно направляется подкрепление под командованием легендарного героя гражданской войны Курочкина — 1400 всадников. В Горис посланы также 1200 турецких солдат, которые через Зангезур якобы направляются на помощь Мустафе Кемалю.

Таким образом, у Зангезура сосредоточилась огромная армия, состоявшая из 83-й и 84-й бригад, конницы Курочкина, турецких солдат и смешанных сил коммунистов. Эта армия имела пушки, пулеметы, огромное количество патронов, съестные припасы, отнятые у населения, и транспортные средства. Кроме того, они взяли много заложников в Горисе и близлежащих деревнях. Наличие этих заложников делало практически невозможным нападение на большевистские войска с тыла. Если к этому прибавить, что командование Красной Армии издало приказ о безжалостном истреблении деревень, то станет очевидным, что опасность над Зангезуром нависла страшная. Вот что содержалось в этом приказе:

«Быть безжалостными, не щадить никого, деревни сравнять с землей, не щадить ни взрослых, ни детей, в плен не брать».

15 октября начались военные действия против Сисиана и Кафана. И снова случилось чудо: Весь народ — как один человек — поднялся на борьбу. Дрались и дети, и женщины, и старики. Дрались лопатами, вилами, камнями. Ими руководили любимые народные вожди Г. Нждэ и П. Тер-Давтян. Суровая зима, темные ночи, глубокие рвы и ущелья — все это помогало местным жителям и приводило в ужас пришельцев. К чести многих русских солдат нужно сказать, что они отказывались стрелять в народ, вооруженный вилами. С ними большевики жестоко расправлялись прямо на месте. В тюрьме Гориса были расстреляны 20 красноармейцев за отказ воевать против народа, 70 человек были убиты в ущелье Карагшлага.

Бои продолжались неделями. Большевики, и в особенности турецкие солдаты, действовали с невероятной жестокостью. 17 ноября, заняв в результате изменения села Арцваник, турки ограбили всю деревню и вырезали всех ее жителей — от грудных детей до 100-летних стариков. Однако эти варвары были вскоре окружены армянскими войсками и разбиты наголову. 500 человек было взято в плен, а те, кому удалось бежать, либо затерялись в снегах и горах либо были убиты армянским населением.

20—21 октября двигавшиеся на Сисиан большевистские войска дошли до села Ангехакот и предъявили ультиматум сисианцам. Вооруженный народ под руководством Тер-Давтина на этот ультиматум ответил атакой, в результате советские войска отступили. После жарких боев восставшие заняли Яйджи и через Татев соединились с кафанцами. Большевики поспешили направить против сисианцев турецкие войска, которые по пути разоряли и грабили армянские деревни. Однако 5 ноября, воспользовавшись туманом, у села Уг армяне напали на турецкие войска, и после яростных схваток турки отступили с большими потерями в Яйджи, но там всю свою месть они обрушили на беззащитное население. Ограбив село, они его сожгли.

В боях под Угом погиб от ранения в голову народный герой Погос Тер-Давтян. Бои продолжаются, и к восставшим присоединяются все новые и новые районы Зангезура. Восстал Алидзор, против которого 1 ноября были брошены русские, азербайджанские и армянские си-

лы большевиков. На помощь Алидзору приходят татевцы, и после трех дней тяжелых боев большевики, полностью разбитые, отступают.

20 ноября восстание поднял Горис. И здесь большевики в панике бежали. 21 ноября весь Зангезур был очищен от большевиков. Население немедленно избрало временный крестьянский совет в составе 7 человек, который до 25 декабря представлял собой высшее руководство Зангезура.

Проиграв на поле боя, большевики пытались призывами и уговорами заставить зангезурцев снова принять советскую власть. Командование Красной Армии посыпало Нждэ многочисленные письма по этому поводу, но зангезурцы не сдавались. Нужно иметь в виду, что национально-освободительная война зангезурцев развернулась в тот момент, когда были исключены все благоприятные совпадения обстоятельств: освободившись от большевиков, Зангезур в то же время был отрезан от Армении, она же в это время, после поражения на турецком фронте, не имела другого выхода, как принять вынужденную советизацию. Зангезур оказался оторванным от всего мира. Советская же Россия все свое внимание сосредоточила на Востоке, и для нее советизация Закавказья была решенным вопросом. Как мог крошечный Зангезур сопротивляться этому без Армении, имея таких врагов, как Турция, Россия и Азербайджан...

И тем не менее самоотверженное стремление зангезурцев к свободе было столь упорно, их воодушевленная уверенность в своих силах была столь тверда, что они заявили о своем полном неприятии советской власти и намерении собственными силами решать свою судьбу. 25 декабря 1920 года в Татевском монастыре состоялся Всезангезурский съезд, на котором присутствовали 100 делегатов, избранных от всех деревень Зангезура, 15 делегатов от районных советов и Гарегин Нждэ. Председательствовал на съезде местный деятель Г. Тер-Минасян. Съезд принял следующую повестку дня:

1. Отчет о событиях в Армении и отношение съезда к этим событиям.
2. Отчеты представителей всех районов.
3. Форма правления автономным Сюником.
4. Организация власти.

5. Решение вопроса о местонахождении правительства.
6. Внешняя политика.
7. Самооборона.
8. Снабжение.
9. Зарплата государственных служащих.
10. Национализация крупной собственности.
11. Текущие вопросы.

Съезд этот, таким образом, можно считать учредительным собранием. Он принял следующие основные решения.

«По приглашению группы предавших нацию подонков, без учета воли и желания населения, в Зангезур вошли советские войска, которые за 5 месяцев своего правления разорили трудящихся и крестьян Зангезура. Советское командование с самых первых шагов по отношению к крестьянству повело политику разорения, перед которой меркнут деяния Тимура и восточных варваров. Среди бедных и разоренных армянских крестьян оно искало буржуазию, и свою борьбу против капиталистов оно направило на беспомощную бедноту и женщин. Оно отняло у нас последний кусок хлеба, отобрало у несчастного крестьянина единственного вола, единственную корову, лошадь или осла, отобрало все корма, оставив крестьянина голым и лишенным всего. Советское командование, забыв о своих человеколюбивых дутых лозунгах, разорило, сравняло с землей наши села и взамен занятых территорий не дало народу ничего. Оно оказалось неспособным дать Зангезуру даже литр керосина, хотя обещало снабжать нас продуктами, мануфактурой и нефтью.

После всего этого мы убедились, что армия этих голодных людей пришла к нам только с целью грабежа, присвоения чужого имущества и уничтожения нас самих. Советское правительство создало на нашей земле присущие ей кровавые бани, где истребляла нашу молодежь, не щадя заслуженных деятелей литературы, таких, как Хорени, Шириян и проведший в тюрьме годы Сако. Без следствия и предъявления обвинений десятки представителей нашей крестьянской молодежи были обез-

главлены и выброшены в ямы. А в довершение своей антиармянской политики в нашу провинцию были введены турецкие солдаты, которые называют себя «богами армян».

Советское правительство, забыв о вековой ненависти турок к армянам, направило турецких солдат в армянские деревни. Советское правительство для осуществления своей грабительской политики бросило в тюрьмы и там уничтожило сотни людей.

Трудящиеся Зангезура, не выдержав эти варварства, решили выдворить из своей страны войска Советской России и скрывающихся под этой маской азербайджанских наймитов. С 10 октября этого года зангезурцы подняли флаг восстания и к 21 ноября выгнали за пределы своих границ те незваные войска, которые за 5 месяцев довели страну до полного разорения.

Советская Россия и Азербайджан не остановились на этом, а пожелали обезглавить и окончательно уничтожить армянский народ, для чего пригласили в нашу страну турецкие орды под руководством Кемаля, которые под стенами Александрополя заставили Армению принять так называемый советский режим, выдержать который армянский народ уже не в состоянии.

Учитывая вышеизложенное и то, что Зангезур вот уже три года живет и будет продолжать жить своей собственной жизнью, Всезангезурский съезд решил:

Объявить Зангезур временной автономной областью с республиканским режимом, который будет независимым до тех пор, пока не появится возможность воссоединиться со своей родной Арменией. Границы автономного Сюника определяются бывшими границами Зангезура. Форма правления автономного Сюника определяется из следующих принципов:

- а) высшим законодательным органом Сюника является парламент;
- б) члены парламента избираются населением страны в следующем порядке: община, состоящая из ста домов, дает одного представителя, от 100 до 200 домов — двух представителей, свыше 200 домов — трех представителей;

Гарегин Нждэ

- в) парламент избирает правительство из 9 человек сроком на 6 месяцев. До следующего заседания парламента страной управляет правительство;
- г) Сюник разделяется на следующие районы: Зангезур, Татевское ущелье, Кафан, Ущелье Дарбаса и Сисиан».

Тайным голосованием в правительство автономного Сюника были избраны следующие лица: Г. Тер-Минасян, Н. Горунц, И. Мелик-Парсаданян, Г. Григорян, Е. Арутюнян, М. Тер-Мкртчян, Т. Мелик-Гусейнян и С. Машурян. Все вопросы, связанные с обороной страны, должны были решать Гарегин Нждэ.

Таким образом, Зангезур начал свою абсолютно независимую жизнь. Вся полнота власти в стране фактически принадлежала Гарегину Нждэ, талант и способности руководителя которого оставляли в тени правительство.

Но потерпевшие поражение и с позором бежавшие из Зангезура большевики Зангезур не оставляли в покое. Они не осмеливались вернуться туда с мечом, но с помощью различных листовок, посредников, прокламаций, уговоров и обещаний пытались невоенным путем завладеть Зангезуром. Однако зангезурцы уже сказали свое слово и не принимали никаких предложений.

И вот именно в этот независимый Сюник и прибыли после поражения Февральского восстания армянские войска и руководители. Совместными усилиями армяне несколько месяцев продолжали сопротивление, но вынуждены были затем отступить в Иран. Так закончилось всенародное армянское восстание против советской власти.

Историки и политические деятели советской Армении назвали это всенародное восстание «февральской авантюрией». Но кто же виновен в том, что через 80 дней после добровольной сдачи власти большевикам пришлось отбирать ее силой? Кто виноват в том, что в это грозное время пошатнулась вера армян в Россию? На эти вопросы ответил сам вождь мирового пролетариата. В одном из своих писем Мясникяну Ленин писал: «По всей видимости, в Армении мы немного переборщили».

Насколько переборщили, показали последующие события. Когда, наконец, 3 апреля Красная Армия, полу-

чив подкрепление, ворвалась в Ереван, город был абсолютно пуст: половина населения бежала в Иран, а те, кто не успел бежать, притянулись в домах, ожидая расправы. В историческом музее Еревана и в школьных учебниках можно встретить картину, на которой художник изобразил вступление Красной Армии в Ереван. Таково же ее название. Народ встречает эту армию цветами. Внизу стоит многозначащая дата: «2-го декабря», то есть день, когда власть была добровольно сдана большевикам. А вот для 3 апреля, когда эта армия, изгнанная из Армении, вернулась в качестве завоевателя, ни у одного из художников вдохновения не нашлось. Вступивший с Красной Армией в Ереван комиссар Касьян, докладывая Москве обстановку, объективно писал: «Если дашнаки завтра вернутся в Ереван, этот мертвый город и его полуживое население с восторгом встретят их». На это сообщение Мясникян ответил: «Для нас, большевиков, это большая пощечина». Эту пощечину армянского народа большевики, конечно, не проглотили. Но об этом — потом.

Чтобы завершить главу о независимости, здесь следует ответить всем тем так называемым историкам и публицистам, которые на протяжении семи десятилетий обливали грязью дашнакскую партию и кроили историю по своему усмотрению. После объявления Горбачевым политики гласности и необходимости заполнения «белых пятен» истории в армянской общественной мысли по существу ничего не изменилось. В политике гласности многие задающие тон деятели и публицисты пошли по совершенно неправильному пути: они стали пересматривать не оценки фактов истории, а сами факты и ценности стали доставать из сокровищниц все той же дашнакской партии — где они бережно хранились — и стали выдавать их за собственные ценности. «Трехцветный флаг, идея независимости, Сардарабадская битва — все это незаконно было предано забвению, а теперь мы их восстанавливаем», — говорят наши вчерашние оппоненты. Но где же та партия, которая создала эти ценности, боролась за них, хранила их и воспитывала молодежь на этих ценностях? Об этой партии ничего не говорится или, в лучшем случае, говорится вскользь, при этом

стараются приписать ей кучу ошибок и промахов, из-под глыбы которых и не увидеть саму партию. А зарубежные антидашнакские партии в своих обвинениях совершенно забывают о порядочности, утверждая, что всегда признавали трехцветный флаг независимой Армении, но только дашнаки наглым образом присвоили себе это знамя.

Поэтому, если мы действительно хотим заполнить «белые пятна» нашей истории, или — точнее — отказаться от лжи в истории, то мы обязаны сегодня ответить на все те нелепые обвинения, которые выдвинуты против дашнакской партии в сталинские и застойные годы. Против дашнакской партии, как правило, выдвигались следующие обвинения.

1. Руководители Армянской Республики отклонили предложение советской России о дружбе и предпочли следовать империалистической политике Запада. Они оказались также от посредничества советской России в армяно-турецких переговорах.

2. Дашнакская партия подписала Александропольский унизительный договор, хотя могла бы и не подписывать его. Между тем она поступила так, поскольку хотела вновь утвердиться в Армении и вместо советской России предпочла турецких убийц.

3. Добровольная сдача дашнаками власти в Армении в декабря 1920 года большевикам была лишь игрой для выигрыша времени, чтобы затем с помощью турок вновь захватить власть.

4. Февральское восстание не было всенародным восстанием, а переворотом дашнаков, которые мечтали вернуть себе утерянные правительственные кресла.

5. Если бы не вспыхнуло Февральское восстание, сегодня одна из главных частей Западной Армении была бы в составе советской Армении.

Мысль о том, что советская Россия протянула руку помощи Армении, а дашнаки отказались принять эту помощь, высказывается, в частности, в книге Агаси Есаяна «Армянский вопрос и международная дипломатия», а также в книге Сарифека Карапетяна «Армяно-турецкая война 1920 года и Советская Россия».

Это так называемое «предложение о помощи» было сделано Леграном в октябре 1920 года, когда между Арменией и Турцией уже целый месяц шла война. Предло-

жение это не только не было отвергнуто Арменией, но оно было зафиксировано в договоре, заключенном между Арменией и полномочным представителем Леграном. Как наш читатель уже видел, по условиям этого соглашения советская Россия должна была заставить Турцию отойти к границам 1914 года, Армения должна была разрешить советской России через свою территорию посыпать Турции оружие и военное снаряжение. Как мы видели, соглашение об этом было заключено, но Легран с ним исчез в Баку, где должен был получить утверждение Москвы, но вернулся в Армению он уже в конце ноября — для предъявления ультиматума и заключения второго договора, который был также не выполнен. Как можно после этого утверждать, что советской Россией была предложена помочь, но дашнаками она была отвергнута? Дашнаки сами просили об этой помощи и подписали соглашение об этом.

Такая же ложь — утверждение о том, что дашнаки отказались от посредничества советской России в армяно-турецких переговорах. Как мы видели, в посредничестве Мдивани отказали не армяне, а турки.

Но самым серьезным обвинением, которое трубят все трубы советской пропаганды, является утверждение, что дашнакская партия якобы имела ориентацию западного империалистического толка. Но давайте еще раз посмотрим, в какое время начала свою жизнь независимая Армения. Как мы видели, это было 28 мая 1918 года и начала она свое существование на территории в 11 000 квадратных километров. Какова была общая политическая обстановка в это время? Правительство советской России в марте 1918 года заключило позорный Брест-Литовский договор с Германией, по которому Карс, Ардаган и Батуми переходили к Турции. На Кавказе не было русской армии, и единственными, кто воевал против турок, были армяне, которые с боями отступили к Сардарабаду, где затем одержали в решающей битве победу, после чего была провозглашена независимость Армении. В эти дни, когда советская Россия сама была охвачена гражданской войной, когда Врангель и Деникин воевали против нового правительства, когда сама Россия была вынуждена подписать грабительский Брест-Литовский договор, какое правительство и какая партия могли закрывать глаза на политическую

реальность и вести просоветскую политику, оторвавшись от жизни и интересов своего народа? Это было бы такой же авантюрой, какой занимались, кстати сказать, безуспешно, армянские большевики.

Неверно и то, что в эти дни руководители Армении вели прозападную политику. Запад еще не ходил в победителях, и его армии были очень далеко от Кавказа. Ни Турция, ни Германия не были побеждены. Сколько бы союзники ни заявляли громогласно, что Армения является их маленькой союзницей, как показали последующие события, это была лишь политическая болтовня, а реальность была в том, что эта маленькая, голодная и окровавленная Армения была совершенно одна и ее независимость была признана лишь Турцией, Грузией и Азербайджаном. И реальная политика могла опереться только на эту реальную ситуацию. Так и произошло. Делегация Аветиса Агароняна в июне 1918 года поехала не в Париж и не в Москву,— она поехала в Константинополь.

Но уже через несколько месяцев, в ноябре 1918 года, все изменилось. Германия и Турция были побеждены. В октябре был заключен Мудросский договор. Англичане вступили в Баку, и по их требованию турки освободили Карс и Ардаган. Армянская армия занимала территории, которые по Брест-Литовскому договору были отданы Турции, и площадь Армении тем самым достигла в это время 64 000 квадратных километров. Западные страны сначала «де-факто», а затем «де-юре» признали Армянскую Республику. За Версальской конференцией последовала Севрская конференция, на которой президент США Вильсон определил границы Армении. Можно ли себе представить, что в этой ситуации уважающее себя и свой народ правительство могло остаться в стане, где был побежденный враг, турки, и его защитник — советская Россия? Если бы оно так поступило, его надо было бы заклеймить позорной кличкой «предатель». Это правительство предало бы интересы своего народа, если бы не присутствовало в Париже и Севре и не подписало бы Севрского договора. Как могло правительство Армении вместо Севра поехать в Москву, когда Россия отсутствовала как на Кавказе, так и на всех международных конференциях победителей? Могло ли правительство Армении из стана победителей, к которому

Левон Шант

ее по праву причисляли, по доброй воле перейти в стан побежденных, как это сделала советская Россия? Вот если бы после того, как Россия вернулась на Кавказ и стала там играть решающую политическую роль, дашнакская партия и правительство Армении продолжали бы не признавать ее и стали бы орудием в руках Запада, тогда можно было бы обвинить партию в политической близорукости. Но ведь этого не было. Мы видели, как по просьбе все того же армянского правительства делегация Шанта отправилась в Москву на переговоры, и видели, чем все это закончилось. Когда в мае 1920 года Шант отправлялся в Москву, еще не был подписан Севрский договор и турки еще не начали наступление на Армению. Произошла лишь советизация Азербайджана, возвращение России на Кавказ и сотрудничество Ленина с Кемалем Ататюрком. И в связи с новой обстановкой Шант был послан в Москву. Однако, как мы видели, под давлением советского Азербайджана и армянских большевиков соглашение не было заключено. Кого же тут винить? Во всяком случае — не дашнакскую партию. Ведь все эти материалы — постановления, протоколы заседаний, проекты договоров, письма и телеграммы имеются в архивах Армении. Там же имеются материалы партийных и правительственных заседаний Армянской Республики. Почему бы на основе этих материалов не заполнить белые пятна нашей истории, с тем чтобы каждый армянин мог действительно узнать, что в самые критические часы нашей новейшей истории дашнакская партия сделала для родины все, что можно было в тех тяжелых условиях, и сделала больше, чем кто-либо другой.

Однако самым серьезным, пожалуй, и самым вопиющим обвинением в адрес дашнакской партии является легенда о ее якобы протурецкой ориентации. Нужно совсем потерять совесть, чтобы партию, рожденную для защиты армянского народа от турок, на протяжении всей истории своего существования боровшуюся с турками, обвинить в турецкой ориентации только на том основании, что 2 декабря 1920 года в Александрополе был заключен договор с Турцией. Это обвинение можно встретить на каждом шагу, во всех советских публикациях, поскольку это очень удобный и легкий способ со-

здать у армянской молодежи антидашнакские настроения.

Но давайте снова вернемся в Александрополь, где Хатисян ведет переговоры с Кязимом Карабекиром. Как мы видели, 30 ноября 1920 года Карабекир предъявил ультиматум о заключении с ним договора на очень тяжелых условиях. В случае отказа он грозил возобновить военные действия. За день до этого правительству Армении был предъявлен ультиматум со стороны Леграна. 30 ноября, после коротких переговоров Дро с Леграном, правительство Армении решило заключить договор с Леграном о советизации Армении. Иначе говоря, 30 ноября, когда Карабекир предъявил свой ультиматум, вопрос о судьбе Армении был решен в пользу советизации. Когда же ночью 2 декабря договор был подписан, Армения уже была советской. Перед подписанием договора Хатисян связался с Дро и спросил его: «Нужно ли подписывать договор с тяжелыми условиями Карабекира?» На что Дро ответил: «Поступайте, как вы сами найдете нужным. Я говорю от имени товарища Силина и от своего имени». На нормальном языке это означало: «Армения уже принадлежит Советам и что бы вы ни подписали, не имеет никакого юридического значения. Сделайте по своему усмотрению так, чтобы задержать наступление турецких войск». И ночью Хатисян подписал этот фиктивный договор. Если бы этот договор не был подписан, ничто не могло бы удержать Карабекира от захвата Эчмиадзина и Еревана. Тогда ни в Армении, ни в ближайших районах русских войск не было, а армянские войска были уже разбиты, потому и просили они перемирия, потому и предлагали им тяжелые условия.

И еще. Если бы этот договор не был подписан, войска Карабекира начали бы погромы, и до того, как в Армению вошли советские войска, Армения осталась бы без армян,— как осталась без армян Западная Армения.

Во всем, что было нагорожено советской историографией вокруг этого договора, есть один очень комичный парадокс: доказывается, что советская власть в Армении установлена «в результате народного восстания 29 ноября», и упорно, со всей торжественностью советские власти и армянские историки отмечают эту дату. (Вот еще одно «белое пятно»!). Но если это так, то значит:

когда Хатисян подписывал договор с Карабекиром, Армения уже три дня как была советской, и уже прошло три дня с тех пор, как «восставшие свергли ненавистное дашнакское правительство», чьим именем Хатисян подписывал договор. И значит, Кязим Карабекир был просто идиотом, если подписал договор с несуществующим правительством.

Если можно было избежать подписания Александропольского договора, как утверждает советская историография, то почему советское правительство Армении не отказалось немедленно от его признания, придя к власти? Если советская Россия собиралась оказать поддержку Армении, неужели она не сделала этого только потому, что был заключен Александропольский договор? Если бы Александропольский договор не был заключен, смогла бы советская Россия оказать помощь Армении? Было ли сделано такое предложение со стороны советского представителя Леграна, который отлично знал, что Хатисян находится в Александрополе и собирается заключить договор?

Ответы на все эти вопросы — отрицательные. Советская Россия не имела на Кавказе ни физических, ни политических сил для противостояния Турции. Наоборот, для советской России кемалистская Турция была союзником, который поднимал на революцию Восток. Она желала бы настроить побежденную Турцию на войну против Англии и Франции. Если же рассматривать в более детальном плане, советская Россия с помощью Турции настолько ослабила Армению, что вынудила ее на советизацию. Именно с помощью Турции, а не народного восстания, она одержала победу над дашнакской партией и правительством Армении.

Армянские историки так усиленно критикуют заключение Александропольского договора. Но почему они молчат о Карском договоре, который был заключен в октябре 1921 года и, по которому за счет Армении, Турции были сделаны самые большие уступки? Ведь если есть в новейшей истории Армении самая позорная страница дипломатии, то это Карский договор, когда на костях Армении советская Россия и Турция создавали свое «братство». И что, особенно, важно заметить — братства-то и не намечалось, просто Кемаль Ататюрк водил за нос советских руководителей и при первом же

удобном случае нырнул в противоположный лагерь, забрав с собой Армению от Карса^{до} Киликии.

Что же касается того обвинения, что власть в Армении была передана большевикам лишь для того, чтобы выиграть время, а затем снова ее захватить, то оно не выдерживает никакой критики. Ну кто же сдает временно врагу свою армию на разоружение, отказывается от правительственные посты, отправляет своих деятелей в тюрьмы, чтобы потом снова восстать? Последующие события показали, что восставшие с легкостью вернули себе обратно власть в стране в условиях, когда все высшее офицерство было в ссылке, а многие из лучших революционеров были расстреляны и зарублены в тюрьмах.

Так почему же нужно было сдавать власть в более благоприятных условиях? Можно было бы на анализе этих вопросов остановиться более подробно, но думаем, что эпоха гласности когда-нибудь дойдет и до Армении, и мы обо всем этом узнаем из первоисточников.

Поскольку именно в этот судьбоносный период произошли события, связанные с дальнейшей историей Нахичевана и Карабаха, мы остановимся на этой проблеме подробнее. В нашем с читателем распоряжении оказался очень интересный для анализа материал: 19 апреля 1990 года газета «Коммунист» (Ереван) опубликовала статью доктора исторических наук Ерванда Саркисяна «Правда о договоре». Ее мы и предоставим вниманию читателя. А затем он имеет возможность ознакомиться с политическим отчетом Кавбюро ЦК РКП на I-м закавказском съезде коммунистических организаций по этому вопросу, который делал С. Орджоникидзе. Но сначала — слово Е. Саркисяну.

ПРАВДА О ДОГОВОРЕННОСТИ

Агрессивные планы кемалистского правительства в отношении Республики Армения выявились еще весной и летом 1920 г., особенно во время советско-турецких и турецко-армянских переговоров в Москве. Турецкая делегация руководствовалась Брест-Литовским и Батумским договорами, которые не имели юридической основы, так как первый из них был аннулирован правительством РСФСР еще 20 сентября 1918 г., а второй не был ратифицирован ни меджлисом Османской империи, ни парламентом Армянской республики. Но анкарское правительство пыталось во что бы то ни стало узаконить свои территориальные притязания.

Советская делегация, возглавляемая Чичерином, требовала на переговорах 1920 г., во-первых, создания в пределах Ванского и Битлисского вилайетов армянского очага, чтобы уцелевшие после геноцида армяне могли вернуться к себе на родину, а во-вторых, настаивала, чтобы земли с преобладающим мусульманским населением перешли к Турции, а земли, где до 1914 г. жило армянское большинство, перешли к Армении.

Переговоры завершились безрезультатно.

Тогда кемалистское правительство решило достичь своей цели силой оружия. Заметим, что применить силу оно было готово еще в мае 1920 г.

Стремясь осуществить свои экспансионистские планы, кемалисты намеревались первым долгом захватить всю Армению, чтобы, как говорил Мустафа Кемаль, «присоединить к Турции и Азербайджан».

Перед нашествием кемалистских войск их командующий Кязим Карабекир-паша заявил: «В ближайшие дни я должен известить о том, что Армения стерта с карты мира».

Турецкое командование решило нанести основной удар со стороны Сарыкамыша. 28 сентября 1920 г. турки вторглись в пределы Армянской республики, 29 сентября заняли Сарыкамыш и Кагzman, 30 октября — Карс, 7 ноября — Александрополь, 12 ноября — Агин и двумя направлениями развивали наступление на Ереван.

Свою агрессию турки осуществляли под лозунгом борьбы с Антантой, а войну с Арменией — «союзницей Анттанты» — изображали борьбой с империализмом. Турецкое командование заявило, что их войска борются против агентов Анттанты — дашнаков — «за освобождение армянского народа от дашнакского ига». Повсюду распускались слухи, будто кемалисты такие же революционеры, как и большевики.

Наивные попадались на эту удочку. Успеху кемалистской агитации способствовали и армянские коммунисты во главе с Ревковом, которые любой ценой стремились подорвать авторитет дашнаков. Процитируем телеграмму миссии РСФСР в Грузии, направленную Чичерину: «Армянские солдаты, в большинстве сочувствующие Советской власти, сдавались поэтому кемалистам. Несмотря на свою сравнительную многочисленность, хорошее английское оружие, армянская армия оказала очень слабое сопротивление. Были случаи отказа сражаться целых полков в районе Карса, Игдира и сдавались кемалистам». (Публикуется впервые).

В сентябре и октябре армянское правительство неоднократно обращалось к союзным странам с просьбой о военной и материальной помощи. И каждый раз европейские державы отказывались помочь.

Между тем зверства кемалистских войск ничем не отличались от зверств младотурецких палачей. Это была старая политика турок — политика геноцида. «По неполным данным, потери Армении в результате турецкого нашествия составили (только в оккупированных районах) до 198 тыс. человек, вывезено и уничтожено турками имущество на сумму около 18 млн. рублей золотом». (Советская Историческая Энциклопедия).

О том, что кемалисты заранее запланировали геноцид в Восточной Армении, рассчитывая покончить с ней, говорит совершен-

но секретное обращение министра иностранных дел Турции Ахмеда Мухтара-паши от 8 ноября 1920 г. к командующему Восточным фронтом Кязыму Карабекибу: «Армения находится на весьма обширной мусульманской территории, поэтому необходимо ликвидировать ее как политически, так и фактически. Нужно учесть, что общая политическая ситуация и наша мощь благоприятствуют осуществлению этого замысла».

Ставшие лишь недавно доступными архивные материалы подтверждают, сколь неблаговидна роль, которую сыграл в армянском вопросе Сталин, к каким последствиям привели его дезориентирующие телеграммы и письма. Так, 5 ноября 1920 г., когда турки уже заняли Сарыкамыш и Карс и вплотную подошли к Александрополю, Сталин телеграфировал из Баку Ленину: «Сообщаю для ориентировки... 2. Положение в Турции не ясно, ибо оно может стать опасным, если состоится соглашение Кемаля с Антантой, ибо нейтрализация Кемаля облегчит поход Антанты на Баку, поэтому без тщательной разведки и выяснения положения в Турции нельзя подписать договор с Арменией, отдающий Армении, т. е. Антанте, важнейший стратегический район с мусульманским населением и втягивающий нас в конфликт с Турцией. С договором с Арменией пока надо тянуть, делать вид, что желаем выгодного для Армении мира, а потом видно будет». (Публикуется впервые).

Намерения Сталина ясны: он хотел, чтобы турки заняли как можно больше армянских земель, прежде чем будет заключен договор между РСФСР и Арменией.

Между тем турецкие войска заняли всю Карскую область, Александрополь, Сурмалинский уезд и участок железной дороги Александрополь — Караклис, отрезав единственный путь, связывавший Армению с внешним миром.

7 ноября 1920 г. Сталин телеграфировал из Баку Ленину и Чичерину: «Карс действительно занят, Александрополь, наверное, будет занят, причем турки будто бы не пойдут дальше линии, известной Москве. Думаю, сведения эти запоздальные, ибо турки уже перешли линию, кроме того, турки хотят и преследуют свои собственные цели, т. е., видимо, хотят заставить Армению отказаться от Севского договора и поставить Антанту перед фактом в связи с предполагаемыми переговорами кемалистов в Константинополе». (Публикуется впервые).

После долгих поисков нам удалось установить, что еще до наступления турецких войск на Армению между анкарским правительством и правительством Советской России существовала договоренность — не переходить при наступлении линию за Сарыкамышем. Об этом свидетельствует, в частности, заведующий политическим отделом министерства иностранных дел Турции Хикмет. «Мы,— пишет он в своей информации,— силой событий принуждены были повести наступление на Армению, не имея возможности обсудить это движение с Советской Россией. Согласно нашему совместному с Советской Россией решению, мы в случае наступления должны были не двигаться дальше Сарыкамыша». (Публикуется впервые.— Е. С.).

Что такая договоренность существовала, подтверждает и ответ В. И. Ленина на просьбу армянского правительства оказать военную помощь против турецких оккупантов. Ленин ответил выра-

жениями всяческой симпатии к Армении и заявил, что «Россия готова послать войска для поддержания порядка и безопасности».

Благодаря военным успехам турки надеялись навязать Армении такие условия «мирса», которые могли бы положить конец существованию Восточной Армении. Вот отрывок из уже цитированного совершенно секретного обращения А. Мухтара-паши к К. Карабекиру: «Мы не должны заключать обычный мирный договор, убрав из Армении наши силы. Задушив армян, одновременно мы должны стараться не обострять отношения с Европой, союзницей которой является Армения, и так добиваться нашей цели. Теперь мы должны стремиться окончательно покончить с армией армян, забрать у армян оружие и раздать мусульманам, лишить армян права создать новую армию, завладеть железными дорогами и установить непосредственную прямую связь с азербайджанскими турками и их правительством. Вот в основном те пункты, которые должны лежать в основе мирного договора».

Руководствуясь указаниями министра иностранных дел, Карабекир-паша навязал разоренной Армении кабальный Александропольский договор, который, заметим, был подписан дашиаками 2 декабря 1920 г., т. е. уже после того, как они передали 29 ноября власть большевикам. Иначе говоря, этот договор был с первого дня неправомочен. Скорее всего, подписывая его, дашиаки на это и рассчитывали.

Александровский договор передавал Турции почти всю территорию Армении за исключением района Еревана и озера Севан. От самостоятельной Армении оставалась только тень. Турецкие захватчики долгое время цеплялись за букву Александропольского договора, лишенного элементарных юридических основ и не признанного ни Советской Арменией, ни РСФСР, т. к. он был заключен правительством, уже сложившим с себя полномочия.

Успешное продвижение Красной Армии к Кавказу и разгром Врангеля рушили пантюркистские планы анкарских правителей. Это отрезвляющее подействовало на них, и они решили возобновить московские переговоры, прерванные в августе 1920 г.

До начала московской конференции Сталин 12 февраля 1921 г. предупредил Ленина о том, чтобы Чicherин не поднимал армянский вопрос, как он это сделал на первой конференции, окончившейся провалом: «т. Ленин! Я вчера только узнал, что Чicherин действительно послал когда-то туркам дурацкое (и провокационное) требование об очищении Вана, Муша и Битлиса (турецкие провинции с громадным преобладанием турок⁵⁰ в пользу Армении).

Это армянское империалистическое требование не может быть нашим требованием. Нужно запретить Чicherину посылку нот туркам под диктовку националистически настроенных армян».

Турецкую делегацию, разумеется, устраивала позиция Сталина. «Мне сообщили,— пишет первый посол Турции в Москве Али Фуад Джебесой,— что в московской конференции активное участие примет товарищ Сталин». Далее, говоря о своей встрече со Сталиным,

⁵⁰ Сталин знал, что коренное армянское население в этих вилайетах было полностью уничтожено или изгнано в 1915—1916 гг.

Джебесой пишет, что на ней «ни слова не говорилось о передаче Турцией части своей территории Армении».

Антиармянскую позицию Сталина недвусмысленно выразила газета «Жизнь национальностей» — официальный орган возглавлявшегося Сталиным Наркомнаца, где 4 марта 1921 г. была опубликована пространная передовица «Армения и Турция на предстоящей конференции». Под ней стояла подпись А. Скачко, того самого Скачко, которого Орджоникидзе называл «адвокатом турецкого империализма».

Ограничимся несколькими выдержками, которые наиболее выпукло характеризуют этот армяноненавистнический опус.

«Необходимо, чтобы, участвующие в конференции государства сделали бы друг другу такие уступки, которые устранили бы все поводы к взаимному недовольству и недоверию... Тогда как для ангорского правительства, преследующего государственно-национальные интересы, чрезвычайно важно сохранение, а может быть, и увеличение турецкой территории, для социалистических государств ни территория, ни национальное единство не играют никакой роли... Все эти соображения относятся главным образом к Армении, ибо ни Россия, ни Азербайджан не имеют спорных вопросов с Турцией. Главным вопросом конференции является вопрос армянский, т. е. устранение всех недоразумений и установление дружеских отношений между Турцией и Арменией... Армении безусловно придется руководствоваться ленинским принципом о величайших национальных пожертвованиях. Ей придется отказаться не только от империалистических дашиакских замыслов о великой Армении, но, возможно, даже и от более скромного желания объединения тех земель, которые всегда назывались армянскими... И если бы даже в современной Армении беженцы из Битлиса и Вана терпели немоверные лишения, если бы оставшиеся в Турции армяне сейчас продолжали преследоваться и угнетаться правительством, все равно Армении до поры до времени ничего не остается, как примириться с этим и принести в жертву интересам мировой революции и бывшие территории, и оставшиеся там группы своего народа. Армении придется отказаться не только от территорий, на которые она претендовала, но даже и от тех, которые уже входили в состав независимой Армении. Карсская и Ардаганская области отнюдь не должны являться яблоком раздора между Арменией и Турцией, ибо надо принять во внимание, что захват этих областей армянским правительством был акт чисто империалистический...». Надо ли удивляться, что переговоры прошли в духе инструкций, содержащихся в этой уникальной по своему бесстыдству статье?

Прежде чем ехать в Москву, турецкая делегация, возглавляемая министром иностранных дел Юсупом Кемаль-беем, прибыла в Баку, где имела встречи с руководителями Советского Азербайджана. На этих встречах обсуждалось, как на предстоящей советско-турецкой конференции претворить в жизнь захватнические планы Турции и Азербайджана по отношению к Армении. Об этом свидетельствует письмо Н. Нариманова В. И. Ленину от 19 февраля 1921 г.: «Самый щепетильный для них (турок — Е. С.) вопрос — это армянский: в этом вопросе они проявили максимум энергии, чтобы его решить в свою пользу». И дальше: «Армянский вопрос есть вопрос жизни и смерти. Если в этом вопросе мы уступим, масса не

пойдет за нами. Между тем решение этого вопроса в нашу пользу делает нас сильными». Нариманов озабоченно подчеркивает: «Если Москва из-за армянского вопроса оттолкнет англичан, они, отчаявшись, могут броситься в объятия Англии. Что может тогда быть?.. Я должен предупредить Вас: тов. Чичерин путает восточный вопрос, он слишком увлекается армянским вопросом и не учитывает всего, что может (быть), если разрыв с англичанами будет именно из-за армянского вопроса. Я категорически заявляю... если хотим Азербайджан удержать за собой, мы должны с англичанами заключить крепкий союз во что бы то ни стало. Я подчеркиваю: этот союз даст нам весь мусульманский Восток».

Перед началом московской конференции Нариманов снова предупреждает Ленина о том, что «Армянский вопрос в переговорах с турецкой делегацией не должен играть роли».

Лишь выработав в Баку определенную программу, турецкая делегация выехала в Москву. Конференция открылась 26 февраля 1921 г. Воспользовавшись тем, что в результате Февральского переворота Советская власть в Ереване временно пала, турки категорически отказались вести переговоры с делегацией Советской Армении. Они снова выступили с требованием исходить в территориальных вопросах из Брест-Литовского и Александропольского договоров. Со своей стороны глава делегации РСФСР Г. В. Чичерин вновь потребовал справедливо решить армянский вопрос, в частности, возвратить хотя бы малую часть Западной Армении, а также захваченные кемалистами Карс и Ардаган. Это, однако, не нашло поддержки у Сталина.

Не случайно, турецкие дипломаты, принимавшие участие в переговорах, а вслед за ними и турецкие историки в один голос поют дифирамбы Сталину и порицают Чичерина. Так, А. Ф. Джебесой пишет: «Направленное нам официальное извещение об участии в московской конференции Сталина, который был вторым после Ленина лицом и, который с согласия Ленина, сосредоточил в своих руках всю власть в стране, было ничем иным, как стремлением изменить не имевшую успеха политику советского комиссара Чичерина, которую он проводил в отношении Турции». «Из встреч с Чичерином и Карабахом,— продолжает автор,— мы поняли, что подобным путем мы не добьемся определенных результатов. Чтобы не тратить зря времени, мы попросили комиссара по делам национальностей товарища Иосифа Джугашвили — Сталина принять нас».

Вспоминая о своей беседе со Сталиным, бывший посол Турции приводит его слова: «Вопрос об Армении вы решили сами. Если еще осталось что-то нерешенное, это тоже решайте сами, но поставьте нас в известность об окончательном сроке». «После этого твердого, ценного и удовлетворяющего нас заявления товарища Сталина мы попрощались с ним». Все это говорит о том, что успех турецкой делегации на московской конференции был предрешен. Недаром турки ни в чем не шли на уступки и добились больших территориальных приобретений.

Вот как характеризовали члены турецкой делегации роль Сталина (в телеграмме К. Карабекиру): «Сталин лично ярый враг армян... Подписание договора осуществилось благодаря Сталину». (Публикуется впервые).

Согласно грабительскому договору «О дружбе и братстве», подписанному 16 марта 1921 г., к Турции отошли не только Карсская область, но и Сурмалинский уезд, который не был занят турецкими войсками. Что касается Западной Армении, то вопрос о ней даже не поднимался. Кстати, турецкие историки не скрывают своего удовлетворения. «По договору от 16 марта,— пишет Быйыклы-оглу,— Ардаган, Карс и Артвин без референдума переходили к Турции, вместо Батума мы получили Сурмалинский уезд (с городом Арапат — национальным символом армянского народа.— Е. С.) и под протекторатом Азербайджана создавалась Нахичеванская автономная республика... при условии, что Азербайджан не уступит сего протектората третьему государству (т. е. законному владельцу Нахичевани — Армении). Более того, по Московскому договору «Россия обязуется предпринять в отношении закавказских республик шаги, необходимые для обязательного признания этими республиками в договорах, которые будут заключены ими с Турцией, статьей настоящего договора, непосредственно их касающихся».

В отличие от Азербайджана, который, естественно, приветствовал подобные условия, Армению они принуждали к отказу от жизненно важных прав и интересов.

Как уже говорилось, армянскую делегацию, по настоянию турок, на конференцию не допустили, хотя здесь решались территориальные вопросы, касающиеся исключительно Армении. Это было вопиющим нарушением суверенных прав республики, которую не связывали с Советской Россией никакие договорные обязательства. Следовательно, РСФСР не имела юридических прав распоряжаться ее территорией и определять ее государственные границы.

О решениях конференции армянская делегация узнала постфактум. Ее руководитель А. Бекзадян в своем заявлении Чicherину обвинил российскую делегацию в незаконной передаче Турции Карса, Ардагана, Артвина и Сурмалинского уезда.

В своем ответе Чicherин раскрыл закулисную сторону переговоров, вмешательство в них верхних эшелонов власти — Политбюро и ЦК, которое и предрешило ход и итоги конференции. «Тов. Бекзадян,— пишет Чicherин,— представляет дело так, будто бы переговоры начались с первого заседания нашей политической комиссии. Он странным образом совершенно обходит то, что заседания политической комиссии начались почти через две недели после начала действительных переговоров между нами и турками. Как раз наиболее интенсивный период переговоров происходил вовсе не на заседании комиссии, а путем отчасти закулисных переговоров при содействии влиятельных товарищей. Политическая комиссия открылась только тогда, когда основные вопросы были решены». (Публикуется впервые). «Договорная граница,— пишет далее Чicherин,— вовсе не является поэтому ничем не оправданным подарком Турции, а есть результат самой ожесточенной долгой борьбы. Ему (Бекзадяну — Е. С.) не может быть не известно, что каждый шаг переговоров сопровождался постановлением ЦК. Договорная линия была установлена после ожесточенных дебатов, причем шаг за шагом происходили взаимные уступки, и уступки с нашей стороны принимались Центральным Комитетом. Не было ни одного важного вопроса, по которому Центральный Комитет не вынес бы решения.

Это-то не было известно армянской делегации...». (Публикуется впервые).

Таким был первый ход в той политической игре, которую вели Советское правительство вокруг армянского вопроса. Поразительно, что сами армяне к этой игре не подпускались. В итоге противозаконных махинаций обескровленная Армения лишилась еще 30 тысяч квадратных километров исконных земель (Карсская и Нахичеванская области, Сурмалинский уезд). Следующий ход был сделан в июле 1921 г.— у Армении отняли Арцах. И снова никто не поинтересовался мнением народа. Последствия этого мы ощущаем до сих пор.

Ерванд САРКИСЯН,
доктор исторических наук.
профессор

ЗАСЕДАНИЕ ВТОРОЕ.

19 февраля, утром.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ КАВБЮРО ЦК РКП. (Доклад тов. Орджоникидзе).

Товарищи, представляемый отчет Кавбюро ЦК РКП охватывает период август — февраль месяцы. На августовском партийном Краевом Совещании нами был сделан политический и организационный отчет, и я полагаю, что к этому периоду возвращаться сейчас мы не станем. Августовское партийное совещание, заслушав отчет Кавбюро, наметило следующие задачи.

В области внешней политики совещание указало на необходимость продолжать политику дружбы и братства с соседними ближневосточными государствами — Турцией и Персией. Указывалось на необходимость впредь поддерживать всякое национальное освободительное движение в этих странах.

В области внутренней политики, отмечая достигнутые успехи — установление национального мира, и указывая на существование внутри партии некоторого националистического уклона, совещание поставило вопрос о дальнейшем упрочении национальной солидарности в республиках Закавказья и беспощадной борьбе с националистическим уклоном внутри партии. Совещание далее указало на то, что для упрочения межнациональной солидарности масс, населяющих эти республики, а также для развития экономической мощи Закавказья необходимо тесное экономическое объединение. Без тесного экономического объединения совещание не представляло себе возможности дальнейшего развития Закавказских Советских республик. Отмечая страшную продовольственную нужду и зная великолепно, что местными ресурсами с этой нуждой нам не справиться, партийное совещание поставило перед партией задачу изыскать продовольственные средства для обеспечения ими, во что бы то ни стало, главных отраслей нашей промышленности — нефтяную, железнодорожную и, конечно, армию, без которой существование Советского Закавказья немыслимо. Для этого решено было развить

торговлю на внешнем рынке через Обвнешторг и предложено было всем республикам дать свои валютные фонды Обвнешторгу. А в дальнейшем предлагалось приступить немедленно к орошению земель Закавказья и в первую очередь к орошению Муганской степи.

Дальше, товарищи, ставился вопрос об объединенных органах Закавказских республик — об Обвнешторге и о железной дороге. Указывалось на то, что некоторые отдельные группы, речь шла, конечно, не о партийных группах, ведут саботаж по отношению к объединенным органам. Совещание со своей стороны призвало партию всемерно оказать свою поддержку этим объединенным органам, а также вести широкую агитацию среди беспартийных масс. Отмечая наше стратегическое положение, имея в виду, что мы стоим перед врагами, указывалось на необходимость сохранения мощной Красной Армии, а также формирования национальных частей.

Разрешение всех этих задач связано было с существованием здесь мощной и сильной коммунистической партии. Поэтому указывая на то, что у нас есть некоторое стремление расширить партию за счет ее качества, совещание постановило очистить партию от иностранных элементов и спасть ее организационно и идеально, чтобы партия действительно стояла на высоте своего положения.

Совещание также отметило, что край у нас, безусловно, крестьянский, и что правильный подход к этому крестьянству абсолютно необходим, что без разрешения этого вопроса мы рискуем иметь массу нежелательных явлений.

Вот, товарищи, те задачи, которые были поставлены августовским Краевым совещанием перед Кавбюро. В дальнейшем мой доклад и будет касаться того, в какой степени это нам удалось выполнить.

В области внешней политики мы можем сказать, что задача, поставленная Краевым партийным совещанием целиком и полностью выполнена нами. В особенности это можно сказать по отношению к Турции. Политику дружбы, политику широкой поддержки кемалистской Турции мы все время проводили. Эта политика была зафиксирована Карским договором осенью прошлого года. Карская конференция происходила в момент наивысшей победы греческой армии. Кемалистская Турция в это время переживала довольно тяжелый момент. Конечно, вам всем известно, сколько разговоров было относительно границ между Турцией и Закавказскими республиками. Будь другое правительство в Закавказье, а не советское, оно, безусловно, постаралось бы воспользоваться этим положением, но мы, конечно, ничего подобного не могли сделать. Постановлением от 3-го сентября Кавбюро дало своей Карской делегации следующий наказ: широко демонстрировать солидарность Закавказских республик с кемалистской Турцией, всемерно поддерживать это правительство в борьбе с Антантой. И наша делегация этот наказ выполнила. Карская конференция закончилась договором дружбы и братства между Закавказскими Советскими республиками и Анатолийской Турцией. В связи с заключением договора между Турцией и Францией были всевозможные толки о том, что будто бы у кемалистской Турции есть кое-какие агрессивные намерения по отношению к нам. Поездка товарища Фрунзе в Ангору и его пребывание там, его доклады у нас — все это абсолютно исчерпывает

этот вопрос, и в настоящее время у нас с Турцией самые лучшие отношения.

В настоящее время происходит экономическая конференция, и надо полагать, что и она закончится также с успехом в смысле упрочения нашей дружественной связи с Турцией. Что касается Персии, то за этот период произошли в Персии сильные изменения. Вы знаете, что Персия до сих пор не представляет из себя единого целого государства. Она раздроблена на отдельные части и в отдельных уголках ее мы все время видим ряд восстаний. Были восстания в Гилянском районе. Власть там была захвачена революционной группой и держалась целый год. Были восстания в районе Хорозана.

Недавно в Тавризе было жандармское восстание. Таким образом, страна находится в вулканическом состоянии. И нам, находясь по соседству с Персией, имея с шахским правительством мирный договор, надо было определить свое отношение к этим революционным выступлениям. Ясно, что при данных политических условиях мы поддерживать активно персидских революционеров не могли,— мировое положение требует от нас отказа от вооруженной поддержки персидских революционеров. Мировое положение требовало от нас, чтобы мы вывели свои войска из Персии. Там были азербайджанские части, которые мы должны были вывести, чтобы лишить возможности английских провокаторов кричать о том, что будто Советская власть по отношению к Персии продолжает старую царистскую политику. Наша политика сводится к полному невмешательству во внутренние дела Персии. РСФСР имеет мирный договор с Персией. Закавказские республики сейчас тоже ведут переговоры с Персией. Что же касается до наших противников в Персии, то они нашей политикой вынуждены были вывести свои войска из Персии, но теперь они пробуют войти иным путем, пытаясь экономически забрать Персию в свои руки.

Мы все время имели связь с коммунистическими организациями Персии. Там было несколько коммунистических партий и после долгой канители препирательств, удалось, наконец, ликвидировать ту междуусобицу, которая там царила. В настоящее время в Персии имеется одна коммунистическая партия, которая начинает по-немножку работать, которая стала на правильный путь организации рабочих, какие там имеются в Тегеране. Даже больше, в Персии 2 месяца тому назад вышел первый номер коммунистической газеты, на которой красуется лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Что касается положения коммунистической партии в кемалистской Турции, то там после гибели т. Субхи организованная партия перестала существовать. В Анатолийской Турции есть только отдельные коммунисты.

Переходя ко второму вопросу, к нашей внутренней жизни — относительно упрочения действительного национального мира и интернациональной солидарности между Закавказскими республиками, перед нами стал вопрос не только восстановления национального мира между республиками Закавказья, но и внутри этих самих республик.

Мы имеем в Закавказье незначительное количество населения. Точных статистических данных не имеется. Грузия и Азербайджан

насчитывают около 5.000.000. Армения от одного до полутора миллиона: так, что в общем, будет не более 6,5 миллиона. Между тем, в каждой республике имеется очень много национальностей и эти национальности не составляют в каждой из республик очень значительное меньшинство. При этом надо отметить, что эти отдельные национальности внутри самих республик в период господства меньшевиков, дашнаков и мусаватистов вели между собой отчаянную борьбу. Если, например, вы возьмете Грузию, то увидите, что там происходили невероятные столкновения в период меньшевистского правительства. Вы увидите разгром южной Осетии, разгром Абхазии и Аджарии, увидите войну с мусульманами в Ахалкалакском и Ахалцихском районах и настоящую войну между Арменией и Грузией. То же самое и в Азербайджане: происходила беспрерывная война между мусульманами и армянами, выживание русского населения Шемахинского и Геокчайского уездов. Такая же резня была и в Армении. Эта национальная ненависть и кровавая распрая между отдельными закавказскими народностями как раз имела место в период господства здесь меньшевиков, дашнаков и мусаватистов.

Если вы возьмете отношения между Азербайджаном и Карабахским районом или Зангезурским, то здесь все время шла ужасная жестокая война. Перед самым приходом в Азербайджан был разгромлен город Шуша. Армянская часть этого города была совершенно стерта с лица земли, и мы видели, как в колодце плавали трупы брошенных туда женщин. Грудный детей также не щадили. Вот каковы были отношения народностей внутри самих республик. Если принять во внимание, какой процент составляли эти национальности в отдельных республиках, то, тогда для вас станет ясным, как жестока и кровава была эта борьба. У нас нет статистических данных нынешнего периода, но имеются статистические данные 1917 г. Эти данные не дают точной картины соотношения населения Закавказья, как во всем Закавказье, так и в отдельных республиках, но общую картину, безусловно, дают. По переписи 1917 г. на территории Грузии насчитывается населения 2.402.230. Из них грузин — 1.615.216 — 67,2%, армян — 279.975 — 11,6%, русских — 116.775 — 4,8%, осетин — 95.587 — 3,9%, татар — 85.149 — 3,6%, абхазцев — 40.393 — 1,8%, остальных (немецев, греков и других) 169.145 — 7,1%. В восточной Грузии грузины составляют 44,6%, армяне — 21,5%, русские — 8,5%, осетины — 7,9%, татары — 10,5%, остальные народности — 7,0%. В Тифлисе жителей было в 1917 г. — 246.910. Из них грузин — 25%, армян — 33% и т. д. Эти цифры сейчас претерпели кое-какие изменения за этот период, но общая картина остается ясной. Она такова, что в Грузии, которую можно считать более национальной, чем другие республики, вы увидите, что Грузия не представляет действительно компактную страну, населяемую грузинами, а тут имеется масса других национальностей, и эти национальности представляют довольно внушительную цифру. Во время меньшевиков здесь шла истребительная война между национальностями.

В Азербайджане расчет статистики дела обстоит еще хуже. Там нет данных даже 1917 г. Приходится пользоваться данными еще более устарелыми.

Но если даже теперь окажется, что в этих цифрах произошло большие изменения, то это будет блестящее подтверждение тех ис-

требительных войн, которые были там. Если окажется, что армян теперь гораздо меньше, чем было, то это объясняется тем, что их вырезано порядочное количество; если окажется, что мусульман стало меньше в Зангезуре или Карабахе, то это объясняется тем, что они или были вынуждены уйти или там погребены. В Баку и Бакинской губернии тюрок — 58%, персов — 15%, русских — 9,4%, горцев — 7,6%, армян — 6,3%. В Елисаветпольской губернии тюрок — 60,8%, армян — 33,4%, кавказских горцев — 2,6%. В Армении у нас не имеется даже приблизительных данных. Если взять старые цифры, то они ничего не дадут, потому что часть Армении отошла к Турции, часть армянского населения разбежалась. Но картина пестроты национальностей в Армении такая же, как и в других республиках. Теперь вам, товарищи, станет понятным, какое тяжелое наследство мы получили. Но Советская власть разрешила этот тяжелый вопрос. Например, Грузия этот вопрос разрешила так: Абхазии, несмотря на то, что в общей массе населения абхазцы представляют меньшинство, решено было ни в коем случае не навязывать форму взаимоотношения с Грузией, а предоставить абхазцам возможность самим определить свою судьбу.

Для того, чтобы они залечили свои раны, для того, чтобы они изжили ненависть к Грузии, которая ими олицетворялась в лице меньшевиков, им была предоставлена независимость. Но скоро сами трудящиеся массы Абхазии заявили о своем желании заключить братский и тесный союз с Советской Грузией.

Что касается Аджарии, то этой части Батумской области, которая населена мусульманами-грузинами, предоставлена широчайшая автономия; Аджария, которую ничем не сумели меньшевики перетянуть на свою сторону. Аджария, которая все время смотрела на Ангору, эта Аджария сейчас спаяна с рабочими и крестьянами Грузии. Там никаких восстаний против Советской Грузии нет, а если было там восстание недавно, то это было революционное восстание против ханов и беков своих. Аджария, эта почти феодальная Аджария, выгоняет из своей среды беков и начинает управлять сама своей судьбой. В настоящее время мы имеем Аджаристанский Меджлис и Исполнительный Комитет Аджарской автономной республики и никаких решительно прений между грузинами и аджарцами мы не имеем. Что касается южной Осетии, то это самое большое место. Осетия, имеющая довольно сильную интеллигенцию у себя, которая активно с оружием в руках несколько раз выступала против меньшевиков, которая была разгромлена и разорена и насильно выгнана на Северный Кавказ, население Осетии даже тогда, когда здесь была восстановлена Советская власть, и тогда относилась к грузинам, как к своим врагам, не умея отличить грузина-меньшевика от большевика. Теперь же, когда Осетии представлена автономия, то никаких трений с Грузинской Советской республикой у нее нет; а, напротив, солидарность трудящихся масс Осетии и Грузии была продемонстрирована не раз. Что касается мусульманского района Ахалциха, то там был учрежден особый комитет, особый орган по мусульманским делам. И там нет никаких трений.

Таким образом, не без некоторой гордости можно сказать за кавказским коммунистам, что столь запутанный национальный вопрос, который был в Грузии, разрешен и разрешен успешно. Ко-

нечно, маленькие трения неизбежны, но кто может изжить за полгода, год или даже 2 года те ужасы, которые были здесь. Вопрос разрешен и поставлен на правильную ногу. То же самое в Азербайджане. Через два месяца Азербайджан будет праздновать вторую годовщину советской власти — и пусть мне укажут хоть на одно столкновение мусульман с армянами на почве национальных столкновений. Правда, в Азербайджане мы долго возились с вопросом карабахским, но в конце-концов решили предоставить карабахскому населению — армянам Нагорного Карабаха — автономию, в пределах Азербайджанской Советской республики. Проведение практически этой автономии было поручено ЦКАКП. Я говорил с тов. Кировым, почему еще этого не было сделано, и он указал, что армяне и мусульмане сходятся на том, что нет надобности в этой автономии. Я не знаю, так ли это или иначе, но, во всяком случае, этот вопрос разрешен таким образом, что дается возможность населению самому этот вопрос разрешить.

Факт остается фактом, никаких столкновений, никаких трений там нет, и это показывает, что то разрешение национального вопроса, которое было взято нами с самого начала правильно. Ни на одной окраине не разрешался вопрос национальный так успешно, как у нас. Мы шельмует очень часто и справедливо некоторых наших товарищ, в которых замечается национальный уклон, лупить надо, но можно сказать, что наши районы, наши окраины в смысле установления мира, не могут быть приравнены ни к одной окраине России,— ни к Башкирии, ни к Туркестану, ни к Киргизии. В южной части Карабаха у нас находится автономная область Нахичевань, где раньше шло безбожное истребление населением друг друга, но сейчас там можно считать, что в полной мере установлен мир. Дело доходит до того, что армяне и нахичеванцы делятся всем, что у них есть, даже очень часто они выделяют друг другу все, что у них есть из их скучного фонда. Так, например, было выделено 20.000 золотом, чтобы там могли купить семена и посеять свои поля. Всячески стараются поддерживать. То же самое делает со своей стороны и Нахичевань. Так, например, они недавно предоставили Армении целые соляные копи, чтобы те пользовались ими. В этом отношении мы можем сказать, что внутри самих республик дело обстоит довольно недурно. Но, конечно, нельзя махнуть рукой и сказать, что все сделано. Еще много придется сделать, но основное дело сделано.

Далее, товарищи, вопрос об экономическом объединении Закавказских республик. Это было разрешено еще на 1-м Краевом партийном совещании, но практически это не осуществлено до сих пор. Кавбюро 14 августа постановило: «Объединить хозяйственные и некоторые другие усилия Закавказских комиссариатов».

Но этому решению не суждено было быть порванным практически в жизнь, ибо оно встретило довольно сильную оппозицию со стороны некоторых товарищ в Грузии и в Азербайджане. Причем в Азербайджане это недовольство и эта оппозиция не вылились в открытый протест против постановления Кавбюро, а имелось глухое недовольство внутри верхушек азербайджанской организации, а в Грузии группа очень солидная, группа ответственных товарищ, опротестовала это решение перед ЦК РКП.

ЦК РКП счел протест товарищем неосновательным, стал на сторону постановления Кавбюро и протест был оставлен без последствий. Тем не менее, все-таки, товарищи, нам не удалось выполнить свое решение. Мы постановили, ЦК нас поддержал, но через месяц мы сами были принуждены сделать обходное отступление. Некоторые товарищи скажут: «нерешительность». Насчет нерешительности не будем говорить. Если нужно будет,— поговорим в другое время, а пока скажем, почему это нам не удалось. У нас, товарищи, перед этим было несколько объединенных органов: железная дорога, Обвнешторг. Вот эти наши объединенные органы повисли в воздухе, остались без хозяина. Возьмем, например, железную дорогу. Как только мы объединили железную дорогу, мало того, что нас атаковали и была сильная оппозиция во всех республиках, очень солидная, серьезная, сильная оппозиция, мало этого, отношение к этим объединенным органам стало как к органам чужим. Здесь будет доклад о транспорте, и товарищи железнодорожники скажут вам, как сильно заботились о них, но все-таки заботились. Забота была в высшей степени небольшая и то, главным образом, по отношению к тому клочку линии, который приходился на территории той или иной республики. Шпалы нужны по всей республике, а каждая республика думает о том, как бы шпалы были у нее, а об остальных не думает. Каждая республика считает, что с тем клочком объединенной железной дороги, который имеется на ее территории, она может распоряжаться, как хочет. Еще теперь получается такой, прямо комичный, факт, когда один товарищ на азербайджанской дороге издает приказ, отменяющий все распоряжения управления железных дорог.

Голос с места: («Это ЦК сделал!»).

Если даже ЦК считает, что по такому вопросу не надо стоять на месте, а просто можно — смахнуть и больше ничего, то это еще хуже. То же самое, если вы покопаетесь, то найдете и в распоряжениях Грузинского Ревкома и, наверное, Грузинского ЦК. В Армении меньше таких разговоров было. Вообще, в Армении у нас в этом отношении дела обстоят лучше.

Если говорить о Внешторге, то этот Внешторг был травим невероятно. Нечего говорить о невыполнении постановлений партийного совещания о передаче валютных товаров Обвнешторгу. Каждая республика предпочитала какому угодно спекулянту сдавать валютные товары, заключать какие угодно выгодные сделки, но не передавать Обвнешторгу. Нам скажут, что это слабость Кавбюро. Как же вы не сумели это сделать? Всякий партийный орган, какой бы он ни был, он только тогда сумеет проводить в жизнь свои решения, если партийные органы это подхватывают и проводят. Мало этого. Недостаточно подхватывать, надо самим проникнуться сознанием необходимости проводить в жизнь. А вот этого сознания очень и очень часто недоставало, я не говорю о рядовых членах партии, которые шли впереди своих вождей, но очень часто его не доставало у наших руководителей во всех трех республиках. Очевидно, конечно, что и мы были грешны. Об Обвнешторге здесь будет доклад. Я говорю сейчас только в той мере, в какой хочется указать товарищам, что объединение только экономических хозяйственных органов не приводит к тому желательному результату, который необходим, без известного политического шага, соответст-

вующего этому объединению, без политического объединения. Как же управление железных дорог может проводить то или иное решение, если у него за спиной не стоит политический орган, который это проводит? А эти органы являются органами трех республик. Эти три республики имеют свои правительства и с ним считаются постольку, поскольку каждому органу в этот момент выгодно. Это является не столько слабостью нашей, или тех товарищей, которые считают это нашей слабостью, а это является объективным положением. Очевидно, для того, чтобы это объединение экономических органов было сильнее, нужно, чтобы у них был один хозяин политический, который бы поддерживал и проводил в жизнь решения экономического органа.

Дальше, товарищи, вопрос об экономическом возрождении Закавказских республик. Разве оно мыслимо при такой раздробленности? Разве оно даст что-нибудь, когда мы все силы в России объединяем, объединяя буквально все, что есть, и то не могли вылезти из этого положения отдельные республики: Армения, Грузия, Азербайджан? Нам приходилось много говорить об этом не потому, что товарищи считали ненужным это объединение, а считали это объединение преждевременным. Мы против независимости, против самостоятельности Закавказских республик не только ни разу не выступали, но всемерно поддерживали эту независимость. Разница была в том, что отдельные товарищи считали, что эту независимость надо в иной форме сохранить. Мы же полагали, что эту независимость можно сохранить при объединении всех усилий всех Советских республик.

Ряд конференций, которые провели с Турцией и Персией, требовали совместного выступления всех Закавказских республик. Сейчас у меня имеется радио, где говорится, что константинопольская газета «Дашгатама» указывает на то, что вопрос о федерации Закавказских республик почти нужно считать решенным. И вы думаете, что она возражает против этого? Нет. Только считает, что надо поскорее выполнить постановление от 10 июня 21 года, которое требует создания федерации бывших белогвардейских закавказских правительств. Вероятно, они решили эту федерацию создать в Париже. Оказывается, что они в Каннах у союзников уже просили помочь, для восстановления своей власти в Закавказье. Значит, и белогвардейцы понимают необходимость федерации Закавказья.

Вопрос о Федерации выдвинут самой жизнью. Крах отдельных правителей здесь, в Закавказье, указывает на необходимость этой федерации. И вот, исходя из этих соображений и многих других, 2-го ноября 1921 г. на пленуме Кавбюро в Баку, с участием ответственных работников Азербайджана, Бакинской организации, Грузии и Армении, было решено создать федерацию Закавказских республик. (Егоров с места: «Баку вдохновил»). Я, товарищ Егоров, не только никогда не отказывался от того, что Баку нас вдохновляло, но мы полагаем, что бакинский пролетариат всегда должен вдохновлять коммунистические партии Закавказья и всегда должен быть одним из вождей не только Закавказского пролетариата, но и российского пролетариата. Это мое убеждение.

Постановление от 2-го ноября гласит: «Кавбюро, исходя из того, что обособленное существование Закавказских республик обесценивает их перед лицом капиталистических стран, что тесный по-

литический и экономический союз послужит прочной гарантией от всяких покушений на них со стороны контрреволюции и укрепит советскую власть на рубеже Ближнего Востока, а также усилит и укрепит хозяйственно-экономическую мощь этих республик и заложит крепкий фундамент братской солидарности трудящихся масс Закавказья — постановило создать федерацию Закавказских республик, объединив военную, хозяйственную, финансовую и иностранную политику, создав объединенный орган — Союзный Совет. Федерация отнюдь не означает уничтожения самостоятельности существующих республик, федерация усиливает мощь этих республик. Она объединяет все силы и средства этих республик, для укрепления мощи и силы и средств республик как отдельных, так и всей федерации».

Эта идея была брошена в широкие партийные и беспартийные массы и встретила там довольно большое сочувствие. Бакинский полетариат на второй же день после вынесения этого решения без малейшего колебания подхватил этот лозунг и сделал его своим лозунгом и перенес его в широкие массы Закавказья. И я должен сказать, что не осталось здесь ни одного уголка, где бы этот вопрос не обсуждался населением, где бы последнее не выявило своего отношения к этому вопросу. Так и должно было бы быть, и этого нужно было ожидать. Крестьянские массы Закавказья, о рабочих я не буду говорить, инстинктивно чувствуют, что их сила только в объединении всех крестьян Закавказья. Вчера у меня был старик, который никогда не занимался политикой, он мне говорит: «Не понимаю, почему вы не объединяете все эти республики, тогда будет лучше». Это говорит человек, который абсолютно ничего в политике не понимает, но он понимает, что будет гораздо лучше, раз мы будем иметь объединенные Советские республики.

И надо сказать, что это была одна из лучших или, вернее, единственная широкая политическая кампания, которая была проведена нами по всему Закавказью. Но я считаю неудобным скрыть, что если в широких партийных и беспартийных массах мы встретили сильное сочувствие, то среди некоторых партийных кругов мы встретили порядочный отпор. Одни товарищи исходили из несвоевременности, другие из того, что лучше было бы провести это не как постановление Кавбюро, а чтобы инициатива шла снизу, от Центральных Комитетов. В этом вопросе крайние противоположности были солидарны. Например, в Грузии группа товарищей адресовалась в Политбюро ЦК РКП с указанием, что это принятное решение Кавбюро будет сопряжено с колоссальными затруднениями и колоссальными скандалами. С другой стороны, люди, считающие себя архиинтернационалистами, как тов. Мирза Довуд Гусейнов и Ахундов, тоже адресовались в Политбюро, и вот что они писали: «По полученным нами сведениям, на Кавказе выдвигается вопрос о федерировании Советских республик. Вопрос этот настолько серьезен, что своей скоропостижностью может в корне подорвать наш авторитет в глазах масс». Необходимо отметить, что противники экономического объединения упорствовали на своем, ссылаясь на якобы сильное стремление местных беспартийных рабочих и крестьян к фактической самостоятельности и независимости. Кавбюро не разделяло нашего мнения в смысле обвинения этих товарищ в националистическом уклоне, усматривая их выступление отражением

мнения масс, следовательно, признало необходимость считаться с существованием самостоятельного духа в массах. Каким же образом оно говорит о федерировании, когда первые шаги в этом направлении (экономическое объединение) самим же Кавбюро в сентябре этого года отменены, когда объединение профсоюзов не встречает должного отклика, когда объединение партийных организаций, по тем или иным причинам, отменяется. Стремление к сознательному форсированию событий для провала политики представителей $3\frac{1}{2}$ Интернационала, как нас Закавказские самостоятели величают. Несомненно, что федерация Закавказских республик и дальше официальное (смотрите, как глубокомысленная мысль!) федерирование с РСФСР наша задача, но тут больше всего надо придерживаться тактики умеренности и осторожности, ибо провала федерирования не должно быть.

Вот, как видите, совершенно две противоположные крайности сошлись по такому вопросу и говорят «даже официальное федерирование с РСФСР». Говорят это Наркоминдел АССР. Это, мол, является нашей задачей, тогда как это официальное федерирование Азербайджана с Россией уже подписано Шахтахтинским еще полтора года тому назад. Оказывается, что Наркоминдел Азербайджана даже этого не знает. Нам говорят, что мы нерешительны. А вот вам решительность товарищей, которые считают себя представителями $3\frac{1}{2}$ Интернационала, подписывают такие бумаги и посыпают их в ЦК РКП. На последнем совещании, которое было у нас по поводу федерации, где эта последняя была окончательно закреплена нами, были созданы комиссии для разработки плана объединения. Этот план объединения имеется. Мы вчера назначили комиссии, и эти комиссии вам сделают доклад по этому вопросу. Я останавливаюсь на нем не буду.

Если в Грузии проявилось некоторое колебание в этом вопросе, или, если товарищи, находящиеся в то время в Москве (Гусейнов и Ахундов), проявили колебание, то широкая партийная масса ни малейшего колебания в этом вопросе не имела. Тут надо определенно сказать, что когда товарищи Ахундов и Гусейнов приехали в Баку и жаловалось.—«Как же так: мы сказали там то-то и то-то, а бакинский пролетариат — другое». Но тут нечему удивляться. Чтобы быть политическим руководителем бакинского пролетариата надо, кроме того, чтобы думать об оппозиции Кавбюро, надо еще думать о том, что делать. А эти товарищи, просто из своей беспринципной оппозиции, ляпнули вот эту чепуху, которую я прошел сейчас.

На съездах партии в Грузии, в Азербайджане и Армении вопрос этот встретил не только сочувствие, но полное одобрение всех принятых нами шагов. Съезды потребовали немедленного практического проведения его в жизнь. Съезд советов Армении с огромным энтузиазмом единогласно одобрил наше решение. Съезд Грузии, который будет 25-го февраля, мы также глубоко убеждены, без малейшего колебания присоединится к тому решению, которое было нами принято, и через несколько недель, недельки через две, а самое большее дней 20, мы сможем приступить и не только приступить, но уже осуществить федерацию Закавказских республик практически и этим самым положить грань между раздробленностью Закавказских республик. (Аплодисменты. Голоса: браво).

В области продовольственной мы, конечно, товарищи, великолепно знали, что нашими ресурсами закавказскими не обойдемся. Я должен сказать, не в обиду будь сказано нашим Наркомпродам всех трех республик, что они свое существование ничем не оправдали, решительно ничем. Если возьмете, например, поступление продналога в Грузии, то получите очень малую цифру. К сожалению, не забрал цифр, но в них фигурируют такие поступления, как два с половиной фунта меда. В общем, это ерунда. Если вспомнить знаменитый чанаг в Азербайджане, то тоже ничего не вышло. Как ни странно, но в этом отношении Армения сделала больше. Если не ошибаюсь, она собрала продналога около 150.000 пудов. 150.000 пудов продналога собрала голодная Армения. Ни черта в этом отношении не сделали ни чанаг, ни грузинский двух с половиной фунтовый мед. (Полуян с места: чанаг дал 100 пудов). Товарищ Полуян при двух с половиной миллионном Азербайджане и достаточном количестве хлеба, и 150.000 пудов в голодной Армении. Очевидно, товарищ Полуян является ярым защитником чанага. Ну, бог с тобой. (Смех). (Голоса: надо же сотрудникам Наркомпрода кормиться).

Нам, безусловно, вопрос в отношении продовольственной политики внутри наших республик нужно всерьез пересмотреть. В этом отношении хромаем невероятно.

Откуда получать хлеб? Мы принуждены были обратиться опять к России, где голодает Поволжье, иначе мы не могли бы обеспечить ни Нефтеком, ни железные дороги, ни армию. Нам удалось добиться от Наркомпара РСФСР включить три Закавказские республики в свой государственный план, и было решено Азербайджану, Грузии, Нефтекому, железнодорожникам отпускать ежемесячно по 55.000 пудов хлеба и Армении 25.000 пудов. Нечего говорить о том, что прокормление армии целиком берет на себя РСФСР. Во исполнение этого постановления, нам было ассигновано и отпущено из Украины около полутора миллионов пудов хлеба. Туда был командирован уполномоченный Кавбюро, товарищ Букреев, который вывез хлеб. Дальше, российский НКВ из своих заграничных закупок направил хлеб на Батум для Закавказья.

Довольно внушительное количество хлеба удалось закупить нашему Внешторгу. Таким образом, мы имеем следующее: из Украины получили 1.300.000 пудов; из закупленного Сбвнешторгом получили 2.266.000 пудов хлеба. Всего, в общей сложности, голодная Россия сумела пока уделить Закавказским республикам более 3½ миллиона пудов хлеба. Мы надеемся, товарищи, из того же источника получить еще хлеб.

Кавбюро постановило обязать местные центральные комитеты республик точно следить за тем, чтобы ни один из Наркомпродов более предназначенных ему 50.000 пудов по этим республикам и 25.000 в Армении не тратил, иначе съедят этот хлеб сейчас, когда летом ничего нельзя будет доставать, будет отчаянный голод. К сожалению, я должен отметить, что ни Азербайджанский Наркомпрод, ни Армянский этого не выполняют. Если через 3—4 месяца настанет жестокий голод, то будут целиком отвечать они.

В связи с продовольствием стоял вопрос относительно орошения Муганской степи. Краевое совещание на этот вопрос обратило серьезное внимание и поставило этот вопрос более широко перед

Советом Труда и Обороны в Москве и добилось следующего. Совет Труда и Обороны ассигновал на орошение Муганской степи 800.000 рублей золотом, ассигновал несколько сот тысяч аршин мануфактуры, леса и других материалов. Надо отметить, что еще без поддержки со стороны Совета Труда и Обороны Москвы этот вопрос двинули с мертвоточки сами товарищи азербайджанцы. Сейчас работы по орошению Муганской степи, конечно, не в блестящем положении, мы кое-что прозевали, взялись не так, как нужно было, запоздали немного, но работа идет.

Нам грозит стихийное бедствие — саранча, о которой сейчас говорят. Ею усеяны целые десятки тысяч десятин земли; если эту саранчу погубить в этом году, то есть надежда, что в Муганской степи 70 тысяч десятин земли будет засеяно. Товарищи азербайджанцы считают, что вопрос Муганский является не только азербайджанским вопросом, но вопросом всего Закавказья, поскольку муганский хлеб будет обеспечивать всех трудящихся Закавказья, и предложили в лице Нариманова, создать единую комиссию из трех республик, которая руководила бы работой Мугани. Эта комиссия будет создана — и я надеюсь, что этот вопрос не сойдет с порядка дня, покамест мы его не осуществим, не проведем в жизнь, а тогда в очень большой степени вопрос снабжения хлебом Закавказья решается.

Переходя к нефтяной промышленности, нужно сообщить, что нам было дано задание оказать всемерное содействие нефтяной промышленности, снабдить рабочих проводовольствием и, вообще, всем необходимым. Вы знаете, что в нефтяной промышленности мы имеем сейчас увеличение добычи: с $11\frac{1}{2}$ миллиона добыча дошла до $15\frac{1}{2}$ миллионов пудов. Конечно, этим успехом на бакинском нефтяном фронте мы обязаны прежде всего и раньше всего бакинскому пролетариату, который доказал всему миру, что несмотря на то, что он получает недостаточное количество хлеба, совершенно не получая мяса, очень плохо едет и обут, этот рабочий сумел не только поддержать, но и поднять добычу нефти.

Это имело колossalное политическое значение, ибо был момент, когда у нас разваливалась нефтяная промышленность, добыча ее катастрофически падала и тогда пришлось заговорить, что мы своими силами ничего не сделаем, что мы не в состоянии спасти нашу нефтяную промышленность, и что надо позвать варягов, надо сдать ее в аренду, что единственное спасение в концессиях. Но самоотверженный бакинский пролетариат доказал, что он сам может справиться с трудной задачей. Также надо отдать справедливость энергии тов. Серебровского, который умеет доставать все, что ему нужно со всех концов, вытаскивать со всех дыр, не считаясь ни с чем, чтобы поддержать нефтяную промышленность. Мы, конечно, многое не могли сделать. Мы могли только помочь тов. Серебровскому тем, что, во-первых, выхлопотали для него у Совета Труда и Обороны некоторое количество золота и серебра, затем предоставили ему возможность воспользоваться константинопольским рынком, выступать там и приобретать технические материалы, обмундирование и обувь для рабочих.

Что касается хлебного снабжения, я уже о нем говорил. Особенного кризиса не ощущается, может быть, мы его переживем, но

говорить заранее и загадывать вперед не стоит; как-нибудь спрашиваться.

Что касается железной дороги, то по этому вопросу пришлось вести войну с 3-мя республиками, и надо сказать, что если бы эти все республики сознали необходимость объединения железных дорог и бросили бы навсегда мысль даже об установлении линейных управлений, отдельных начальников железной дороги, то при наличии нефтяного топлива, при наличии большого количества паровозов и вагонов, мы могли бы занять чуть ли ни первое место по состоянию железных дорог во всей Советской Федерации. Сейчас как будто бы наблюдается перелом, но борьба была большая. В продовольственном отношении дело железнодорожников обстоит ничего, также было ассигновано определенное количество золота для покупки 20—15 тысяч комплектов обмундирования для них.

Что касается снабжения дороги шпалами, то тут дело обстоит очень плохо, потому что каждая из республик старается дать шпалы только на «свой» клочок.

Относительно вопроса о взаимоотношении крестьянства и пролетариата нужно сказать, что этот вопрос не является общезакавказским вопросом, а в большей части, вопросом азербайджанским. Только в Азербайджане на этой почве или были разногласия, или, по крайней мере, некоторые товарищи пытались указать на то, что есть разногласия. Я здесь не буду повторять, что основу нашей власти составляет союз крестьянства с пролетариатом. Без этого союза мы не выдержим ни одного дня. И когда, товарищи, этот союз начал немножко трещать, об этом нам живо напомнили грохотом пушек в Кронштадте и восстанием Тамбовской губернии. Если взять закавказскую действительность, то тут на 6 с лишком миллионов населения пролетариата мы имеем 86.619. В Баку имеется рабочих 46.999, без водного транспорта. А если из этих 46.999 взять промышленных рабочих, то это число, по крайней мере на 30% надо уменьшить. Если вы возьмете Грузию, то на 2½ миллиона населения получится не больше 31—32 тысяч рабочих. Это данные Совпрофа, а они целиком согласны с тем, что промышленных рабочих в Грузии не больше 10.000. В Армении рабочих 3765. Эти цифры даны Совпрофом и Кавбюро ВЦСПС. Членов профсоюзов во всех трех республиках имеется 232,841. Это мало. Что наш край крестьянский, об этом нечего говорить. Он крестьянский целиком. И ничего тут не поделаешь. Поэтому правильное разрешение взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством особенно становится здесь необходимым.

Этот вопрос вызвал много довольно болезненных разговоров в Азербайджане.

Это имеет свои объективные объяснения. Бакинский пролетариат совершенно оторван от земли. Бакинский пролетариат по чистоте своего классового сознания совершенно разнится даже от пролетариата российского. Если пролетариат российский еще связан с землей и крестьянская душонка у него имеется, то у бакинского пролетариата в этом отношении психология совершенно свободная. Если вообще российскому пролетариату не совсем приятно, когда ему приходится отходить немного назад, когда, выражаясь словами тов. Ленина, надо произвести смычку и возобновить союз, который был заключен в октябрьские дни, то нечего говорить, что бакинский

пролетариат еще меньше хотел бы этого ждать. Теперь, в связи с проведением новой экономической политики как-будто эти трения изживаются, если не изжиты. Я сказал, что у товарищей грузин и армян этого вопроса не было. Не было не потому, что они вели более мудрую политику, чем азербайджанские товарищи, а просто потому, что здесь не было ни отрыва, ни разрыва, ни отхода, ни расхода: просто, не было того пролетариата, который имеется в Азербайджане. Мы часто говорим товарищам бакинцам, что бакинскому пролетариату, безусловному вождю революции Закавказья, являющемуся одним из крупных очагов революционного движения и опорой советской власти во всей федерации, бакинскому пролетариату в силу многих условий, придется подходить к этому вопросу в высшей степени осторожно и, во что бы то ни стало, нужно, произвести эту смычку с азербайджанским крестьянством, без которого невозможно установить советскую власть в Азербайджане.

Что касается обороны Закавказских Советских республик, то тут мы можем заявить, что, несмотря на трудные условия жизни красноармейцев, несмотря порою на большие препятствия, несмотря на безобразные жилищные условия, несмотря на то, что Красная Армия, находится все же среди других национальностей и хотя бойцы по духу, по борьбе родные братья закавказских трудящихся масс, но все-таки по национальности они не грузины, не турки, не армяне, а русские; если принять во внимание, что идет работа со стороны меньшевиков, дашнаков и мусаватистов, то ясно станет, что обстановка, в которой приходится находиться Красной Армии, довольно тяжелая. Но несмотря на все это и несмотря на то, что Закавказские республики охватывало в довольно сильной степени демобилизационное настроение, когда говорили о том, что задачи войны отходят назад, несмотря на все это, мы можем заявить, что наша Красная Армия боеспособна. И если кто осмелится сунуться сюда, то мы ему морду наколотим. (Аплодисменты). Единство командования, единство формирования достигнуто полностью.

В смысле заботы о Красной Армии, надо сказать, что в одной республике проявляют больше заботливости, в другой меньше. В смысле заботливости о Красной Армии перешеголяли всех азербайджанцы. Там была создана комиссия по улучшению положения Красной Армии, было отпущено 25 миллиардов. Кое-что сделано и в Арmenии и Грузии. Пасынком нашу Красную Армию ни одна из республик не считает. Но, может быть, материальные ресурсы их меньше, и благодаря этому не сумели столько сделать. Я помню, когда летом плохо было у нас с продовольствием, и грузинские товарищи и армянские товарищи, уделили целиком свой паек, который они должны были получить из закупаемого за границей хлеба, то мы в состоянии были давать нашим красноармейцам по пол-фунта хлеба. Но я думаю, если бы наши товарищи освободились немногого от демобилизационного настроения и вспомнили бы, что военные задачи не только не закончены, но они висят над нами, в особенности здесь над Закавказскими республиками, то тогда нам можно было бы сделать очень многое. Во что бы то ни стало, но надо создать тот свет и маленький свет в казарме, без которого наши красноармейцы не могут жить. Надо, чтобы наши красноармейцы были облаканы в этих краях, чтобы эти наши красноармейцы чувствовали, что они среди своих родных отцов, матерей,

братьев и сестер, чтобы мы заменили им то, что они принуждены оставить и пойти сюда защищать советские республики. Я надеюсь, что съезд единогласно подчеркнет, что все советские республики обязаны заботиться о Красной Армии в первую очередь.

Но и сейчас в этом отношении дело обстоит не так, чтобы ничего не делалось. Закавказские республики сумели уделить только одному Упроду 30 миллиардов рублей, я не знаю цифр, которые были ассигнованы на ремонт казарм и т. д. Например, имеются сведения, что только в одной Грузии дано 8 миллиардов 636.000 рублей для ремонта казарм. Но эта цифра пустяки,— в Армении дано еще столько же. Что касается Азербайджана, то он дал 40 миллиардов. Что касается национального формирования, то тут больший успех в этом отношении мы имеем в Армении, меньший — в Азербайджане и Грузии. Армянские части приняли участие в гражданской войне, они были дашнаков и в этом отношении они являются подготовленными.

Что касается некоторых отдельных частей, то тут мы можем сказать, что у нас имеется несколько курсов: Восточная Бригада Курсантов, Московские курсы, Азербайджанские командные курсы, которые, по свидетельству начальника Гувуза тов. Петровского, являются образцовыми не только для Закавказья, но и всей Федерации. Курсы Грузии и Армении пока в зачаточном состоянии; в состоянии формирования. Я бы сказал, что в этом отношении мы имеем большой успех. Если Азербайджан и Грузия хотят иметь действительную национальную армию, то они должны обратить sufficient внимание и бросить туда побольше коммунистов, ибо как Грузия, так и Азербайджан обладают большими интеллигентными партийными силами, которых в Армении нет и которые ей нужны. Если мы хотим иметь армию сильную, то надо бросить туда лучшие силы.

Переходя к последнему пункту доклада о состоянии нашей партии, я должен сказать следующее, что в данный момент мы имеем оформленные партийные организации во всех трех Закавказских республиках, начиная от низших и кончая высшими. Вы знаете, что до последнего времени мы в Армении и Грузии имели назначенные ЦК. Теперь ЦК выбраны на только что закончившихся партийных съездах Грузии и Армении.

Что касается состояния внутри партий, то надо сказать, что разногласия были довольно серьезные. В Армении в этом отношении дела обстоят лучше, если не считать некоторых отдельных недоразумений. В Азербайджане же были довольно серьезные разногласия и в свое время об этом приходилось очень много говорить и принимать кое-какие меры.

9-я бакинская конференция и 4-й съезд Азербайджана считаются переходным моментом в партийном строительстве. Я думаю, что после 4-го съезда будут изжиты эти разногласия. Что эти разногласия были, об этом разрешите говорить словами докладчика на бакинской конференции тов. Мирзояна, который говорил следующее: «Я думаю, что здесь, как и на предстоящем партийном съезде, нужно сказать, что у нас внутри партии существовали разногласия, подчас большие разногласия, которые доходили до того, что иногда на заседания ЦК приходили с готовым мнением, и чувствовалось, что нет того единства, которое необходимо коммунисти-

ческой партии. Существовала фракция, которая часто приходила в ЦК с готовым мнением. Еще больше того. У нас дело доходило до того, что часто мы, интернациональная по духу своему и составу партия, разъединялись на две части; часто по национальному признаку созывались собрания членов партии». Дальше товарищ Мирзоян говорил: «Основным вопросом разногласий был, главным образом, вопрос о роли нашей партии, об отношении рабочего класса к крестьянам, вообще, вопрос о новой экономической политике и т. д. и т. д.».

Вы видите, товарищи, что тут перечисляются почти все вопросы нашей повседневной жизни и по всем этим вопросам были разногласия.

Я привел эти примеры, чтобы здесь устами официального представителя бакинской организации на IX конференции показать, что разногласия были и эти разногласия привели к тому, что в азербайджанской партии сорганизовались фракции. Товарищ Мирзоян говорил в своем докладе, что была одна фракция, причем он говорит, что фракция была не наша, а наимановская, а если спросить т. Нариманова, то он говорит, что фракция «была их, а не наша». Если говорят, что существует одна фракция, то существует и другая. Кто знает фракционную борьбу, тот великолепно должен знать это. Но об этом мы сейчас здесь говорим не для того, чтобы иметь какие-либо суждения по этому вопросу. Тт. Мирзоян и Нариманов в этом же докладе указывают на то, что эти разногласия сейчас изживаются или почти изжиты. Будем очень рады и будем всемером приветствовать, что если в АКП никогда не повторятся разговоры о существовании какой бы то ни было фракции.

Что касается грузинской партии, то и здесь были разногласия. Эти разногласия вращались здесь вокруг вопросов (голоса с мест: национального уклона) национального уклона, так подсказывают мне, вращались вокруг того, как надо понимать независимость, как надо проводить те или иные решения. Но ни один из товарищей не выступал принципиально против федерации, хотя в то же самое время указывалось, что федерация преждевременна и т. д.

4-й съезд Азербайджанской Коммунистической партии, если прошел образцово в смысле организованности, то это благодаря тому, что они имели предыдущих три съезда, на которых изрядно дрались. Что касается Грузии, то тут за все время существования коммунистической партии товарищи впервые собрались на съезд и по многим вопросам надо было договариваться. Надо отметить одно очень отрадное явление, именно: из съезда партия, безусловно, вышла более организованной, чем она пришла на съезд. По самому боевому вопросу, интересующему нас, по вопросу о националистическом уклоне в партии голосованием большинства против 27-ми, при 9-ти воздержавшихся, было констатировано, что этот уклон есть. А этим партия дала определенный пароль по всей линии — стоять строго на интернациональных рельсах. В Армении партийный съезд прошел спокойно, разногласий не было.

Переходя к составу нашей партии, получаем следующую картину. В Грузии имеется членов партии вместе с кандидатами более 15.000. В Азербайджане действительных членов партии имеется 6.681, кандидатов 5.000. В Армении действительных членов партии

2.509, кандидатов 5.000. В Армии имеется членов партии и кандидатов около 8.000.

Если посмотреть на социальный состав этих партий, то получается следующая картина: рабочих Азербайджанской коммунистической партии — 4%, крестьян — 44%, остальных — 15%. В бакинской организации рабочих — 62½%.

В Грузии мы имеем в партии крестьян — 11.388, рабочих — 2.906.

В армянской Компартии рабочих — 21%, крестьян — 57%.

Подробные сведения об этом даст тов. Назаретян в своем организационном отчете.

Товарищи, конечно, в работе Кавбюро были недочеты и некоторые задачи он не разрешил, но надо надеяться, что тот высший партийный орган, который будет вами выбран на этом съезде легче управится с теми задачами, которые станут перед ним, и проведет их в жизнь.

Перед ними станет вопрос об увеличении боеспособности Красной Армении, об успешном формировании национальных армий, об улучшении положения этой Красной Армии, станет вопрос о том, чтобы окончательно изжить те трения и разногласия, которые были в нашей партии. Мы себе сейчас не можем позволить такую роскошь, как фракционная борьба, ибо мы переживаем сейчас момент, который в жизни советской Федерации является гораздо более грозным моментом, чем мы переживали, когда дрались с Юденичем, Колчаком, Деникиным, Врангелем и др.

Сейчас перед нами стоит вопрос об осуществлении федерации, ибо без спаянности сил не может быть крепкой и мощной Советской власти.

Заканчивая свой доклад, я целиком готов принять все удары, которые будут направлены по отношению к Кавбюро. Критика должна быть, ибо это даст возможность будущему Краевому Комитету учесть все дефекты и использовать весь опыт. И на 2-ом закавказском съезде мы уже не будем иметь тех недочетов, которые здесь могут вызвать вашу критику. (Аплодисменты).

Сдано в набор 25.12.90. Подписано в печать 11.06.91. Формат 84 x 108 1/32. Объем 12, 0 п. л.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 25 000. Заказ 485. Цена 2 р. 50 к.

Издательство „Феникс“

ИП „Чертановская типография“ МГПО
113545, Москва, Варшавское шоссе, 129а